

Российская академия наук
Институт славяноведения

В

Ы

П

У

С

К

Проблемы славяноведения

П

в трудах молодых ученых

Е

Р

В

Ы

Й

Москва
2003

Российская академия наук
Институт славяноведения

Проблемы славяноведения

в трудах молодых ученых
Выпуск первый

Москва
2003

В сборнике представлены статьи молодых ученых (научных сотрудников и аспирантов) Института славяноведения РАН, в которых нашли отражение основные направления современного славяноведения как комплексной научной дисциплины и одной из важнейших отраслей гуманитарного научного знания.

Наиболее представительным является раздел по истории славянских народов с конца XVII в. до наших дней, посвященный проблемам политической истории, истории международных отношений. Статьи по литературоведению затрагивают проблемы становления и развития современных славянских литератур в контексте общеевропейского литературного процесса XX в. Работы в области языкознания и этнолингвистики освещают вопросы изучения языков зарубежных славянских народов, проблемы взаимодействия языка и культуры как внутри славянского сообщества, так и с народами – соседями славян.

Редколлегия:

*доктор исторических наук С.И. Данченко,
кандидат исторических наук Б.В. Носов (отв. редактор),
кандидат филологических наук А.А. Плотникова*

От редколлегии

Предлагаемым вниманию читателей сборником Институт славяноведения РАН открывает новое серийное издание, задачей которого является публикация трудов молодых ученых-славистов. Коллектив института надеется, что молодое поколение российских ученых внесет достойную лепту в научный поиск, продолжит славные традиции российской науки и своих старших коллег.

Сообщество славянских народов – одна из важнейших этносоциальных общностей. В течение минувшего тысячелетия славяне внесли значительный вклад в развитие европейской и мировой цивилизации. Без систематического и целенаправленного изучения истории и культуры славянских народов невозможно познание закономерностей мирового развития. На современном этапе славистические исследования представляются особенно актуальными, поскольку все без исключения славянские народы на исходе XX в. оказались вовлечены в процесс глубинной социально-политической трансформации, последствия которой, безусловно, оказывают наиболее существенное влияние на ход общемирового развития.

Славяноведение – фундаментальное и комплексное направление науки имеет чрезвычайное значение для России как крупнейшей славянской страны, одного из лидеров сообщества славянских народов, игравшего историческую роль интегрирующего начала славянского мира. Славяноведение в нашей стране наиболее развитая составная часть мировой славистики, традиционно занимающее особое место в отечественной науке как комплексная научная дисциплина, объединяющая изучение истории, языка, литературы и культуры славянских народов.

Разумеется, статьи сборника не могут в полной мере осветить круг проблем и тем, составляющих современное славяноведение в нашей стране, даже в той его части, которая стала предметом внимания молодых ученых. Последним охотно предоставляют свои страницы такие специализированные издания, как журнал «Славяноведение», «Славянский альманах» и многие другие периодические и тематические издания. И все же мы берем на себя смелость полагать, что новый сборник займет достойное место среди научных изданий. Помещенные в нем статьи отражают исследования по трем основным направлениям современного славяноведения как комплекс-

ной научной дисциплины, что соответствует трем разделам сборника: «История», «Литературоведение», «Языкознание и этнолингвистика».

Наиболее представительным является раздел по истории славянских народов, что отражает одну из характерных черт славяноведения в России, в отличие от славистики других стран, где преобладают филологические дисциплины. Это не случайно, поскольку обусловлено общностью исторических судеб русского и других славянских народов. Помещенные в сборнике статьи посвящены новой и новейшей истории славянских народов от конца XVII в. до наших дней, разнообразным проблемам политической истории, истории международных отношений. Особое место в них занимает проблема исторических связей славянских народов с Россией. Статьи затрагивают проблематику Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, а также воздействие протекающих в славянском мире процессов и их восприятие в Америке. Особое внимание уделили авторы вопросам истории славянских народов на Балканах, что объясняется значением этого региона в судьбе славянства в XX в. и на современном этапе. Статьи по литературоведению посвящены существенным вопросам, имеющим немаловажное значение для становления и развития современных славянских литератур в контексте общеевропейского литературного процесса XX в. Особо хотелось бы выделить работы в области языкознания и этнолингвистики. Хотя доля их в сборнике и невелика, все же они занимают в нем, как представляется, одно из центральных мест, поскольку отечественное славяноведение, несомненно, нуждается в новом импульсе для изучения истории и современного состояния языков зарубежных славянских народов. Успешно развивается сегодня этнолингвистика, представляя собой одно из важнейших синтетических направлений исследования в области языка и культуры. Российские специалисты в этой области завоевали высочайший авторитет и международное признание. Тем более приятно отметить, что традиции школы Н.И. Толстого осваиваются молодыми учеными и их исследования распространяются уже на сферы, где славянские языки и культура взаимодействуют с языками и культурой других, исторически близких славянским народам.

Думается, что, выбирая темы своих исследований, работая над первыми статьями, начинающие свой путь в науке молодые ученые-славяноведы смогут убедиться, сколь многогранно избранное ими направление исследований, ощутить удовлетворение от самого процесса научного поиска, познать радость первых открытий. Мы также надеемся, что их первые научные публикации найдут внимательных читателей, доброжелательных критиков и встретят заслуженный отклик научной общественности.

ИСТОРИЯ

Российские публикации источников по истории русско-польских отношений последней четверти XVII в.

Становление источниковедения как самостоятельной дисциплины стало одним из решающих условий формирования современной исторической науки. Научная обработка и публикации источников приобретают особое значение, поскольку не только делают их более доступными для исследователя и способствуют сохранению их для последующих поколений, но также открывают широкие дополнительные возможности для углубленного монографического изучения отдельных проблем.

Во второй половине XIX в. в России развернулась продолжающаяся и по сей день работа по изучению и публикации источников по русской истории как отечественного, так и иностранного происхождения. Причем, наряду с изданием широко известных историкам нарративных источников («Полное собрание русских летописей»), вводится в оборот многочисленный актовый материал, в основном по истории России XV–XVII вв. из фондов Московского архива Министерства юстиции, Московского архива Министерства иностранных дел, губернских и монастырских архивов и т. д. Были предприняты многотомные публикации документов, содержавшие различные сведения по истории Московского государства в XV–XVII вв. Это такие издания, как «Акты исторические» и «Дополнения к актам историческим», «Акты, относящиеся к истории Западной России», «Архив Юго-Западной России», «Памятники дипломатических сношений», «Собрание Государственных грамот и договоров» и др.¹

В данной статье будут рассмотрены научные публикации источников, проливающие свет на русско-польские отношения 1682–1687 гг., т. е. в период переговоров о заключении Вечного мира 1686 г. Мы не включаем в круг описываемых изданий материалы законодательства, помещенные в «Полном собрании законов Российской империи», и ряд журнальных публикаций. Цель исследования проанализировать опубли-

ликованные источники для выяснения круга освещаемых ими проблем, степени полноты и достоверности содержащихся в них сведений, выявления отраженных в них политических тенденций.

Все опубликованные материалы по истории русско-польских отношений можно условно разделить на две большие группы. К первой относятся документы, касающиеся внутренней политики Московского государства, которые подразделяются на: а) официальные правительственные грамоты о заключении Вечного мира, объявлении наград и благодарностей служилым людям, наказы воеводам, переписку царского правительства с донскими казаками и др.; б) переписку московского правительства с гетманом Украины по вопросам русско-польских отношений, которая непосредственно связана с внешней политикой.

Вторая группа представляет собой публикацию более многочисленного комплекса документов по русско-польским отношениям, хранящихся в фондах Посольского приказа. К ним относятся: а) документы посольств: памяти, наказы, статейные списки, отписки послов о ходе посольства, отпуски к послам царских грамот; б) документы переговоров: записи «розговоров» между боярами и посольскими делегациями, грамоты, подаваемые послами в ходе переговоров; в) грамоты (точнее их переводы) участников антиосманской коалиции: польского короля, императора, папы и венецианского правительства и ответные к ним грамоты царского правительства; г) переписка высших должностных лиц указанных государств, в частности письма русского «канцлера» В.В. Голицына, литовского канцлера М. Огинского и воеводы познанского К. Гжимултовского, императорского резидента в Варшаве барона Я. Жировского, секретаря императора Я. Курца и др.

Некоторые документы, извлеченные непосредственно из «Польских дел» Московского государственного архива Министерства иностранных дел помещены в «Дополнениях к актам историческим». Они касаются обменов гонцами в 1683–1684 гг. и пограничного съезда русских и польских послов в конце 1683 – начале 1684 г.

Приехавший в конце 1683 г. гонец Ян Окраса привез королевскую грамоту о победе под Веной. В ответных грамотах королю российской стороной было выражено недоумение по поводу того, что Окраса, сказав на приеме, что помимо грамоты имеет еще «дело», на «разговоре» лишь подтвердил написанное в послании Яна III Собеского, а именно просьбу послать к персидскому шаху «любительную» грамоту. В других грамотах, адресованных польскому королю, Москва настаивала на присылке межевых судей на границу, подчеркивая, что московские су-

дья давно уже «в готовности пребывают» (грамота от 30 октября 1684 г.). В этих грамотах выражалось также недовольство нарушением поляками посольских договоров, когда от имени короля калмыцкие тайши и донские казаки приглашались на военную службу, а калмыки – даже на «вечное кочевье» на правую сторону Днепра².

«Дополнения...» содержат материалы русско-польских переговоров в Мигновичах-Кадине конца 1683 – начала 1684 г., а также переписку по этому вопросу украинского гетмана И. Самойловича с московским правительством. В письме царям Ивану и Петру из Батурина от 27 декабря 1683 г. Самойлович сообщал, что не успевает послать своих представителей на комиссию «для краткости времени», и выдвигал свои требования к польской стороне. Гетман настаивал на переносе границы от Киева и на расширении окружающей город территории до реки Краин, включая городки Василков и Белгородку с прилежащими селами и хуторами, а также Межигорский монастырь. Он также требовал присоединения к Левобережью сел, расположенных по левой стороне реки Сож. 20 января Самойлович прислал в Москву подкинутый в Переяславский полк польский «прелестный лист», отправленный в свою очередь российским послом «на обличение неправды польских комиссаров».

Настояния гетмана не были оставлены в Москве без внимания, и 22 января 1684 г. ему была послана грамота с сообщением, что главе русской делегации Я.Н. Одоевскому велено «домогаться» высказанных им требований и «стоять накрепко». Самойловичу были также отправлены списки бывших четырех «разговоров» с обещанием и впредь держать его в курсе событий³.

В ответ на выдвинутые обвинения польские комиссары 8 февраля подали пространную грамоту, содержащую встречные претензии. Москве ставилось в вину невозвращение в срок Киева, причем подчеркивалось, что Киев имеет определяющее значение в отношениях с Украиной, так как казаки «больше склоняются к тому», кому он принадлежит. Польские послы опровергали выдвинутые русскими претензии и доказывали, что Киев отдан вместе со всей Украиной казакам, а не туркам, что те «как христиане не будут долго ига бусурманского носить», но к «дедичному» своему королю, т. е. к Яну III, возвратятся. Тут же польские послы добавляли, что Киев – это вовсе не Украина, а Киевское воеводство. Они отвергали какие-либо требования российской стороны о возмещении средств, затраченных на его оборону и укрепление.

Российским послом напоминали о невыдаче пленных (крестьян и евреев), насильно вывезенных из Литвы и Польши, а также о невозвращении

церковной утвари, судебных городских и трибунальных книг, других ценностей. Польские комиссары объявляли неправомерным требование русских послов исключить из королевского титула названия земель, отошедших к России по Андрусовскому перемирию, ссылаясь на временность их нахождения в составе Российского государства. России ставилось в вину несоблюдение статей о свободной торговле между двумя странами, о совместной борьбе со своевольными казаками Правобережья.

Грамота польских послов была полна антитурецкого пафоса, в ней всячески подчеркивалась ведущая роль Речи Посполитой в деле борьбы с неверными, а о польском короле говорилось как о «генералиссимусе всех христианских сил». Война же России с Портой в 1677–1678 гг., по утверждению польских послов, велась якобы исключительно ради подчинения Правобережной Украины, тогда как польской борьбе с османами российская сторона всегда только мешала: не выполняла соглашений о военной помощи, запрещала нанимать на военную службу левобережных казаков из городовых полков и Запорожской Сечи. Вновь поднятый русской стороной вопрос о «прописках» в царском титуле польские послы посчитали малозначачим и не являющимся «бесчестием». На обвинения в издании в Речи Посполитой книг, позорящих царей и Московское государство, они отвечали, что «кто ж повествописцам и похвалоиздателям может то запретить»⁴.

Приехавшие к польской делегации 10 февраля переводчик Семен Лаврецкий и подьячий Никита Алексеев передали предложение Я.Н. Одоевского ввиду неудачных переговоров написать образцовое разъезжее письмо, т. е. объявить о перерыве в переговорах. Однако польские комиссары стали настаивать на их продолжении, упрекая российскую сторону в нежелании идти на компромисс, предлагали послать грамоту Яну III с изложением требований российской стороны. В крайнем случае поляки хотели получить гарантии того, что Москва будет «держатъ перемирие до урочных лет» и не начнет войны⁵. Обосновывая свою позицию, российская делегация предъявила польским комиссарам грамоту, содержащую неправильное написание царского имени, однако те стали возражать, что ошибочная подпись, им предъявленная, написана по стертому месту, и королевская подпись на той грамоте отсутствует⁶.

Опубликованные документы о заключительной фазе переговоров в Мигновичах-Кадине свидетельствуют об ужесточении позиции русской стороны, использовавшей ситуацию, когда силы Речи Посполитой были отвлечены на борьбу с Портой. Вместе с тем линия поведения российской делегации основывалась и на предложениях И. Самойловича, а зна-

чит, выражала интересы Украины. Это предопределило нежелание Я.Н. Одоевского идти на компромисс с польскими комиссарами, которые были заинтересованы в антиосманском союзе сильнее, чем российская сторона в заключении Вечного мира. Лояльность Украины была для Москвы дороже. Грамота, присланная польской стороной в русский посольский стан в Мигновичах имела скорее декларативный характер. В ней не содержалось каких-либо серьезных угроз, в то время как сами польские послы были, видимо, весьма обеспокоены заявлениями И.И. Чаадаева, сделанными им в ходе посольства 1683 г., в которых он обвинял польскую сторону в «разорвании» перемирия и угрожал войной⁷. Желая сохранить престиж шляхетской республики и одновременно добиться желаемого союза, польские послы пытались маневрировать, однако позиция российской делегации полностью лишала их этой возможности.

Беспокойство польской стороны возможным вторжением московских войск на Правобережье подогревалось слухами, ходящими по обе стороны Днепра. В пересланном И. Самойловичем в Москву письме из Белой Церкви от 16 апреля 1684 г. сообщалось о появлении там некоего Б. Скаржинского, выдающего себя за ротмистра, служившего у украинского гетмана и якобы слышавшего о его намерении после спада воды в Днестре вторгнуться во главе казацких и московских полков на правый берег, заручившись к тому же союзом с турками и татарами. Здесь же Самойлович сообщал царям, что никакой Скаржинский у него не служил. Подобные свидетельства, конечно же, не имели ничего общего с действительными намерениями московского правительства и украинских верхов, тем не менее они дают представление о существовавших у польской стороны опасениях⁸.

После окончания комиссии в Мигновичах-Кадине возобновились нерешенные пограничные споры. Уже в июне 1684 г. к королю был направлен подьячий Савва Сандырев с грамотой, содержащей жалобы на «заезды» (нарушение границы) со стороны польских подданных, в частности князя Константина Шуйского – хорунжия брестского в земли, принадлежащие к Киеву, – Треполье, Стайки, Белгородок, о захвате там поляками лесов и «сеножатей», а также о присвоении братом львовского епископа И. Шумлянского «маетностей» Киевской соборной церкви и Печерского монастыря.

Русское правительство напоминало, что земли в радиусе 10 миль (по р. Случь) относились к Киеву еще со времен Б. Хмельницкого и с тех пор Речи Посполитой не принадлежали, и требовало приказать коменданту Белой Церкви пресекать все подобные нарушения постановлений Андрусовского перемирия. Память Сандыреву содержит, среди проче-

го, и задание узнать, что «о прошлой комиссии поляки говорят», а также собрать информацию о намерениях польского правительства в отношении России. В особенности в Москве хотели бы знать: будет ли направлено в Россию польское посольство и с какой целью; как складывается война с турками и каковы военные планы польского короля. Заинтересованность в информации о польском посольстве указывала, что в Москве всерьез рассчитывали на продолжение переговоров.

1 августа Сандырев прибыл в Варшаву, а 24-го был принят Яном III в военном лагере под Жванцем. По сообщениям Сандырева, как в коронной, так и в литовской армиях были сильны настроения в пользу прекращения войны и заключения мира с Портой; габсбургские войска несмотря на то, что Собеский не оказал императору обещанной помощи, действуют в Венгрии довольно успешно. Интересно, что с приездом Сандырева в Варшаву стали распространяться слухи, распускаемые, вероятно, не без участия польского правительства, что тот прислан с полномочиями заключить с Речью Посполитой договор об антиосманском союзе. Прибыв под Жванец, Сандырев обнаружил там немало казаков как из Сечи, так и из левобережных полков, причем Собеский выразил гонцу неудовольствие, что русская сторона не отпускает казаков к нему на службу.

В ответной грамоте, посланной с Сандыревым, король, в свою очередь, напомнил Москве о временном нахождении Киева в составе России, а следовательно, о беспочвенности изложенных претензий по поводу заездов в окружающие его земли. В то же время, выражая надежду на ближайшее заключение военного союза, он обещал покарать виновных в «заездах» и грабежах, если таковые отыщутся. Однако, как показывают источники, нарушители границы, будь то с русской или польской стороны, как правило, не находились. Материалы посольства С. Сандырева еще раз свидетельствуют, что в отношениях двух стран для России главным являлось урегулирование территориальных противоречий и окончательное закрепление за собой Левобережья и Киева, а для Польши – заключение военного союза.

Тем не менее, несмотря на явное нежелание Москвы идти на какие-либо территориальные уступки, в Польше не отказывались от планов заключить антиосманский союз с Россией. В письме, отправленном В.В. Голицыну 28 декабря 1684 г. из Вильны, великий канцлер литовский Марциан Огинский выражал надежду, дабы «комиссия о союзе вошла в завершение»⁹.

Непосредственно международным отношениям посвящены «Памятники дипломатических сношений» (ПДС). Документы, отражающие

собственно русско-польские отношения рассматриваемого периода, в состав этого издания не вошли (ПДС, помещенные в «Сборнике РИО», содержат только документы по русско-польским отношениям за период 1487–1615 гг.). Однако принимая во внимание, что отношения Московского государства с Речью Посполитой в 1680-е годы развивались в том числе и в рамках отношений государств Священной лиги (членом которой Польско-Литовская республика стала с 1684 г., а Россия – де-факто с 1686 г.), представляют интерес документы, охватывающие отношения Московского государства с империей Габсбургов, Папским двором и Венецией¹⁰. Последняя, наряду с Габсбургами, была участником заключенного 5 марта 1684 г. договора о создании Священной лиги, а римский папа Иннокентий XI оказывал участникам антитурецкой коалиции финансовую и идеологическую поддержку¹¹.

В «Памятниках дипломатических сношений» опубликованы источники (наказы-памяти послам, доклады, записи переговоров, статейные списки, дипломатическая переписка), отражающие отношения России с участниками антиосманской коалиции. Наиболее важны для изучения рассматриваемой проблемы публикации источников по русско-австрийским отношениям.

В соответствии с распоряжением русского правительства об отправлении послов в окрестные страны с сообщением о смерти царя Федора Алексеевича¹² подьячий Н. Венюков был направлен одновременно к цесарю и польскому королю¹³. Этим же маршрутом в 1685–1686 гг. проследовали подьячий Нефимонов, а вслед за ним и посольство Б.П. Шереметева¹⁴. Такое объединение посольских миссий, хотя и косвенно, но достаточно убедительно, указывало на взаимосвязь политики России по отношению к Австрии и Речи Посполитой.

После победы под Веной в 1683 г. Габсбурги предприняли ряд дипломатических шагов для вовлечения России в Священную лигу. В Москву было направлено посольство, чтобы добиться вступления России в войну с Османской империей и Крымским ханством и по возможности способствовать заключению Вечного мира между Россией и Речью Посполитой. Императорский гонец Г.Я. Гевель, прибывший в Москву 28 января 1684 г., сообщил о направленном императором Леопольдом I в российскую столицу полномочном посольстве М. Блюмберга и Я. Жировского. Известил гонец и о готовности императорских послов задержаться на русско-польской границе для выполнения посреднической миссии в проходивших там русско-польских переговорах, которые, правда, ко времени прибытия австрийцев уже завершились. В дальней-

шем посредничество цесаря было отклонено, так как между Россией и Речью Посполитой была достигнута новая договоренность о «комиссии без посредников».

Не рассматривая подробно ход посольства, ограничимся наиболее значимыми событиями, нашедшими отражение в помещенных в публикации источниках. На первом «разговоре» с боярами и дьяками Посольского приказа во главе с В.В. Голицыным послы сообщили, что им известно о неудаче русско-польских переговоров¹⁵, и заверили, что они, тем не менее, не оставляют надежды на присоединение Москвы к Священной лиге¹⁶. В ответ В.В. Голицын, показывая важность для России участия в коалиции, в которую входил также и польский король Ян III Собеский, потребовал у послов «объявления» тех полномочий, которые они имеют от Речи Посполитой. Послы сказали, что «полной мочи становить вечной мир» они не имеют, однако при свидании с королем польским получили его устное обещание одобрить заключенный ими союз «и за свою сторону». Под конец разговора послы подали грамоту, которая подтверждала их полномочия на заключение антиосманского союза от имени цесаря и польского короля¹⁷. 20 мая Блумберг и Жировский подали в Посольский приказ письмо, в котором они, в частности, обращали внимание на «крепость» перемирия России с Речью Посполитой. Таким образом, уже первые шаги послов свидетельствовали, что их задачей было вовлечь Россию в союз против Турции без заключения мира с Речью Посполитой, что, несомненно, соответствовало и планам польского короля.

Во время второго съезда русская делегация четко сформулировала свое отношение к вступлению в Священную лигу: сначала заключение Вечного мира и только потом – антиосманский союз. При этом русские дипломаты ссылались на отсутствие гарантий, что по истечении перемирия (срок которого заканчивался через 9 лет) Польша не начнет с Россией войну (после того, как «государя рати свои утрудят» в войне с турками). Австрийские послы в свою очередь напомнили о выдвигавшемся ранее Москвой предложении заключить с Речью Посполитой договор и на условиях перемирия. Голицын ответил на это, что в тот момент Ян III «того не восхотел», а сейчас, когда существует австро-польский союз, Габсбургам надо бы всеми силами склонять короля к Вечному миру. Все последующие попытки послов добиться хоть каких-нибудь уступок наталкивались на отказ российской стороны вступать в международную коалицию, членом которой была Речь Посполитая, до урегулирования с ней территориальных противоречий¹⁸.

Говоря о неудаче русско-польских переговоров, проходивших перед приездом послов австрийского императора, бояре всю вину за нее сваливали на польскую сторону, которой предлагали «самой нетрудной» способ заключения мира¹⁹.

На третьем «разговоре» русская делегация объявила послам условия, на которых возможно заключение Вечного мира: переход в вечное владение России принадлежавших ей по Андрусовскому перемирию 1667 г. территорий, включая Киев и Запорожье. Голицын даже выразил согласие на заключение союза, выдвинув заведомо неприемлемое условие: послы дадут письмо «именем Цесарского Величества на себя и заклад, чтоб Король Польской все трудности оставя» заключил Вечный мир. Единственное, что могли пообещать в этой ситуации Блюмберг и Жировский, это всячески «радеть» заключению договора²⁰.

На четвертом «разговоре» были определены контуры возможных русско-польских переговоров. Когда австрийская сторона предложила послать для заключения мира русское посольство в Варшаву, Голицын напомнил о сложности ведения переговоров в Варшаве ввиду того, что «от сенаторей за вольными их часы становить (Вечный мир. — К.К.) не мочно и самодержавства такого, какого Великие Государи... имеют, Король Польский не имеет», и выдвинул предложение приезда для этого польского посольства в Москву, куда также приглашались и послы цесаря²¹. В июне, так и не добившись от русской стороны согласия на вступление в антиосманскую коалицию, австрийское посольство покинуло Москву.

Таким образом российская сторона, заняв твердую позицию, ставила Габсбургов перед необходимостью оказания дипломатического давления на Речь Посполитую в деле заключения Вечного мира. Отказывая послам в непосредственном участии в русско-польских переговорах, Москва, тем не менее, добивалась более выгодной для нее опосредованной поддержки своей политики в отношении Речи Посполитой.

Эта политика дала свои результаты. В цесарской грамоте, поданной в Посольский приказ польским гонцом Яном Зембоцким 2 августа 1685 г., Леопольд I обнадежил русское правительство, сообщив, что Речь Посполитая «склоняется» к Вечному миру²². Об этом же свидетельствовало письмо из Вены Я.И. Курца (спустя некоторое время он приехал в Москву гонцом) голландскому резиденту в Москве И. Келлеру, поданное последним в Посольский приказ²³.

ПДС также содержат материалы визита гонца подьячего К. Нефинова и русского посольства во главе с П.Б. Шереметевым в Речь По-

сполитую и Австрию. Посольство должно было передать Яну III подтвердительную грамоту царей на Вечный мир, взамен заручившись его присягой. В наказе Нефимонову среди прочих подлежащих «проведыванию» вопросов был и такой: «И ради ль Немцы и Поляки и Литва нынешнему учиненному Вечному миру или не ради?». Подьячий должен был объявить польскому королю о прибытии в скором времени русского посольства для размена ратификационными грамотами²⁴.

Заключение Вечного мира не сняло всех русско-польских противоречий. Посольству, выехавшему в Речь Посполитую, было поручено, помимо получения присяги от короля, добиться перехода «стоявших пустыми» правобережных городов (Трехтемиров, Канев, Черкасы, Чигирин, Ржищев и др.) во владение царя. Решение этого вопроса на переговорах в Москве было отложено на будущее за неимением у польских послов «полной мочи» уступать эти города в царскую власть, что было зафиксировано 7-й статьей договора. Причем вопрос этот царские послы должны были поднять только после принесения королем присяги. При отказе польской стороны признать эти земли за царями, послам разрешалось пойти на уступку – дать обещание не заселять этих территорий, а при упорстве польской стороны предложить отложить этот вопрос «до иного лучшего способного времени»²⁵.

На случай обвинений с польской стороны в несоблюдении статей о военном союзе, в том, что татары «от войны не удержаны» и «войска в Запороги не посланы», послам было велено отвечать, что стольник и генерал Григорий Косагов послан с «ратными людьми в Запороги» еще до заключения Вечного мира «для промыслы над Крымскими татарами на обыкных их переправах»: в «ближние» от Крыма города посланы войска во главе с князем Г.А. Козловским, а также отправлены грамоты к донским казакам с указом «чинить промыслы над Крымом». Здесь же послы должны были напомнить, что в договоре не идет речи о том, чтобы полностью пресечь татарские набеги на территорию Речи Посполитой. Как видно, статьи о союзе по-разному трактовались сторонами, что практически сразу после заключения Вечного мира создавало почву для недоверия и взаимных обвинений²⁶.

Послам было наказано «остеречь накрепко», чтобы из королевского титула были выброшены названия отошедших к России территорий, и грамот с таким титулом от короля не принимать; договориться о межевых съездах для окончательного урегулирования границ; «проведывать», не ведут ли поляки сепаратных переговоров с османами и Крымом. Послы должны были принять участие в переговорах союзных держав с Ос-

манской империей, если в ходе посольства они будут к ним приглашены, и при этом следить, чтобы договор был заключен с учетом претензий России к Крымскому ханству, согласно 12-й статье Вечного мира²⁷. Особенно поручено было настаивать на подтверждении «при иных» 9-й статьи договора и внесении ее в сеймовые конституции. Послы при проезде через польские земли должны были всем православным о той статье «объявлять» и раздавать «списки». Содержавшимся в ней положениям о покровительстве православным русское правительство придавало особое значение в своих дальнейших отношениях с Речью Посполитой²⁸. Уже после отъезда послов в царском указе, присланном к ним по почте, было выдвинуто еще одно требование к Яну III: запорожских казаков, находившихся у него на службе, чьи дома и семьи находятся в «Царского Величества малороссийских городах», «уволить» и «не задерживать»²⁹.

Русские послы прибыли во Львов 26 сентября 1685 г., однако их встреча с королем всячески затягивалась. Русская сторона стала выражать недовольство, объявив полякам, что откладывание церемонии принесения королем присяги может сорвать поход московских войск на Крым будущим летом, так как указ о сборе «ратных людей» будет издан царями только после подтверждения Яном III Вечного мира. Сторонники Вечного мира среди сенаторов, в том числе и канцлер литовский М. Огинский, заверили послов, что король непременно «учинит присягу», а Огинский даже говорил подьячему Нефимонову, что если король откажется ратифицировать договор, то княжество Литовское и он, канцлер, отделятся от Короны и «поддадутся Царскому Величеству без всякого размышления»³⁰.

Тем временем тот же Огинский в переписке с послами и В.В. Голицыным жаловался на несоблюдение Вечного мира. По его словам, несмотря на заключенный договор, татарские загоны были беспрепятственно пропущены в земли Речи Посполитой, гетман Самойлович не только мир с Крымом не разорвал, а вел «пересылки» и торговлю, а его сын, полковник Стародубского полка Яков, не желал передавать полякам уступленные по договору села по р. Сож³¹. Хотя в ответ из Москвы слали успокаивающие письма с известиями, что хан был от войны «удержан», села посожские уже отданы, а царские войска готовятся в поход (был послан даже список с грамоты русского посольства во Францию, из которой следовало, что Людовик XIV не будет «чинить помешку» в войне с турками)³², польская сторона, тем не менее, отговаривалась то отсутствием нужных печатей, то необходимостью дать королю отдых после военных трудов и оттягивала прием посольства Б.П. Шереметева³³.

В конце концов послы предъявили ультиматум: если король не придет во Львов до 24 ноября, они уедут, «не совершив дела». Ян III прибыл в столицу княжества Русского 23 ноября. Вопрос о подтверждении Вечного мира, обсуждавшийся на раде сената 24–29 ноября, вызвал большие разногласия. Часть сенаторов вместе с королем высказалась против подтверждения договора, однако другая группировка, во главе с Кшиштофом Гжимултовским – воеводой познаньским, Марцианом Огинским, Станиславом Яном Яблоновским – гетманом великим коронным, Анджеем Потоцким – гетманом польным коронным, каштеляном краковским и др., настояла на подтверждении договора. Через два дня, 2 декабря, русское посольство было принято «со всею честью», однако на первом «ответе» 4 декабря сенаторы потребовали, чтобы послы прежде «объявили о делах». Послы, в соответствии с наказом, отказались, и стороны «во многих спорах разъехались». 7 декабря к послам приехал регент канцелярии коронной Павел Щука, с которым была достигнута договоренность о проведении переговоров по спорным вопросам после принесения королём присяги. 10 декабря король подтвердил Вечный мир³⁴. Однако на последовавших затем переговорах окончательного соглашения достигнуто не было³⁵. Королевская грамота, направленная с послами к царю, вновь содержала упреки русскому правительству в саботаже статей о союзе: «...чють только перо на договорах засохло а уже толико великие договоров нарушения, безправия, безчестия ... чиняться»³⁶. Тем не менее послы добились отказа короля от упоминания в титулах земель, отошедших к России³⁷. 27 января 1686 г. русское посольство покинуло Львов и направилось в Австрию.

Во взаимоотношениях России и Речи Посполитой значительную роль играл украинский вопрос. Весьма значительный корпус опубликованных источников, отражающих украинско-русско-польские отношения 80-х годов XVII в., помещен в таких многотомных публикациях, как «Акты Западной России...», «Архив Юго-Западной России...», «Источники малороссийской истории»³⁸ и др. «Акты Западной России...» содержат гетманские универсалы, официальную переписку И. Самойловича с представителями казацкой старшины, а также универсалы польского короля Яна Собеского к казачеству Левобережья.

Раздел по Днепру украинских земель, установленный Андрусовским перемирием 1667 г., обуславливал активную политику гетмана И. Самойловича по присоединению Правобережья. Украинский гетман, таким образом, не был заинтересован ни в Вечном мире, ни в антиосманском союзе России и Речи Посполитой. Имея в виду свои далеко идущие

цели, он постоянно напоминал в своих универсалах о «лядских шкодах» украинскому народу³⁹ и о судьбе казаков, перешедших на службу к гетману Куницкому, войско которого было разбито татарами недалеко от р. Прут⁴⁰. Чтобы воспрепятствовать переходу казаков на польскую службу, гетман усиливал охрану границы с Правобережьем. По его приказу имущество убежавших казаков подлежало конфискации: полковникам же предписывалось представить гетману списки бежавших, которых при поимке ждала смертная казнь⁴¹.

На долгое время весьма острым политическим вопросом была проблема заселения польско-украинского пограничья. В связи с этим слухи о намерении Валашского господаря заселить Правобережье, сохранявшееся незаселенным по Андрусовскому перемирию 1667 г., всячески опровергались гетманским правительством⁴². Особое беспокойство гетмана вызвали попытки польского правительства втянуть казачество в начавшуюся войну с Османской империей и Крымом, о чем свидетельствовал универсал Яна III к запорожскому казачеству от 20 июня 1684 г.⁴³

О противоречиях, возникавших между гетманом и Запорожьем по вопросу взаимоотношений с Речью Посполитой, свидетельствуют и некоторые документы «Дополнений к актам историческим...». В своем письме из Глухова от 20 июня 1684 г. Самойлович жаловался, что кошевой атаман войска запорожского «ляцким духом надут» и выступает за переход в подданство к польскому королю не только Запорожья, но и всей Малороссии, а потому всячески очерняет гетмана перед царским правительством, постоянно «ссылается с поляками» и рассылает их «прелестные листы» по городovým полкам, к калмыкам и донским казакам⁴⁴.

Существующие нарративные источники по истории Малороссии XVII в. в основном дублируют информацию, содержащуюся в опубликованных документах, конкретизируя ее лишь в некоторых деталях. Летопись С. Величко подробно сообщает о борьбе И. Самойловича с переходом казаков на Правобережье. При этом Запорожская Сечь, находившаяся, согласно Андрусовскому перемирию, в совместном управлении России и Речи Посполитой, игнорировала универсалы гетмана, лишь ставя его в известность о совершенных запорожскими казаками походах по призыву Яна Собеского (запорожские казаки под предводительством полковников С. Палея, Искры, Самуся участвовали в битве под Веной в 1683 г.⁴⁵; летом 1686 г. запорожцы сообщили гетману о направленном в помощь Яну III отряде в 2700 чел. «не видячи з стороны Российской службы военной»), что дестабилизировало обстановку и в городových полках⁴⁶.

Отношения И. Самойловича с московским правительством, касающиеся русско-польских отношений, отражены также в публикации «Источники Малороссийской истории». В помещенном там письме царям от 20 июля 1682 г. гетман сообщал о проходивших в Речи Посполитой поветовых сеймиках и будущем сейме в Гродно, о посылке по его приказу «людей в те польские стороны провеживать о ведомостях». По мнению гетмана, поскольку сейм собирается в Литве, «надобно б на их (поляков. — К.К.) намерения и обороты прилежное иметь око»⁴⁷.

В указанной публикации мы встречаем источники, подтверждающие, что Самойлович выступал против участия казаков в войне на стороне турок и татар, к чему его пытался склонить посол Крымского хана Казык-ага⁴⁸. Активную поддержку оказывал гетман и стремлению Москвы подчинить Киевскую митрополию московскому патриарху, предупреждая константинопольского патриарха, чтобы тот «не давал веры» обращениям православных епископов Речи Посполитой с просьбой о «патриаршеской грамоте»⁴⁹.

В преддверии переговоров о Вечном мире, в январе 1686 г., И. Самойлович прислал в Москву своего сына Григория и войскового есаула (будущего гетмана) И.С. Мазепу с предложениями по заключению мира и союза с поляками. Свои соображения гетман изложил в присланной с ними «Инструкции» для предстоящих переговоров. В ней Самойлович писал о принятом на бывшем сейме в Варшаве решении послать в Россию полномочное посольство для заключения мира и союза в войне с османами. Польским послам, согласно сведениям украинского гетмана, поручалось добиваться поставленной задачи даже путем окончательной уступки занятых Москвой по перемирию 1667 г. территорий, в том числе и Киева. Сведения, сообщенные гетманом, должны были укрепить решимость русской делегации отстаивать сохранение завоеванного, показывая в то же время и нежелание гетмана отдавать «в польскую сторону» какую-либо часть находящейся под властью царей Украины.

Не возражая против заключения договора в целом, И. Самойлович, тем не менее, выдвигал ряд необходимых, по его мнению, для этого условий, напоминал о вероломстве поляков, частом несоблюдении ими заключаемых договоров. Гетман выступил против объединения союзных войск и посылки казацких либо царских отрядов в распоряжение полководцев Речи Посполитой.

Говоря о необходимости войны против Крымского ханства, он предупреждал о трудностях такой кампании, особенно если в ходе ее поляки пойдут на сепаратные переговоры с Портой⁵⁰. Оптимальным выхо-

дом, считал И. Самойлович, было бы «с поляками мир вечный учинивши, отговориться от посылания им вспомогательных войск и от беренья (направления. – К.К.) своих сил на Крым, а дати тылко на затыги войск грошовое по желанию их вспоможение»⁵¹, т. е. ограничиться субсидиями на ведение военных действий. Настаивал гетман также на приведении Запорожья только под власть царей и на непринуждении к унии православных Речи Посполитой⁵². Соглашаясь с необходимостью Вечного мира, он, тем не менее, не считал нужным идти на уступки, говоря, что поляки «поступают то, чего в руках своих не макуть и что без нынешних договоров сторона Их Царского величества держит крепко, и при Божией помощи держати и впредь может»⁵³.

Документы «Источников малороссийской истории...» дополняют документы, опубликованные в новейшем сборнике «Україна в Центрально-Східній Європе»⁵⁴. Все они касаются консультаций Московского правительства с гетманом И. Самойловичем по поводу намечавшихся в 1686 г. переговоров о Вечном мире. Статейный список окольничего Л. Неплюева, посланного с этой целью в Батурин, содержит описание его поездки и переговоров с гетманом. В предложении царей гетману идет речь о возможных вариантах военного союза («случение сил» или ведение военной кампании порознь, или же «грошовые выплаты» вместо посылки войск). Неплюев указал Самойловичу на возможные неблагоприятные последствия в случае срыва переговоров о мире и просил того изложить свои соображения в специальных «Статьях»⁵⁵. Инструкция, составленная, как предполагает украинский исследователь В. Станиславский, еще до приезда Неплюева, была привезена в Москву 28 января; «Статьи» дополняли и конкретизировали ее содержание⁵⁶. Вместе со «Статьями» И. Самойлович отправил письмо к царям, где общал о своих переговорах с Неплюевым⁵⁷.

В «Статьях» Самойлович выступает последовательным сторонником сохранения мира с Османской империей, ссылаясь на пример «наихристианейшего» французского короля. По мнению гетмана, нестабильное внутреннее положение Речи Посполитой делает ее ненадежным союзником. Он указывал на оборонительный характер войны со стороны «Священной лиги», напоминал о добровольном вхождении Украины в подданство царей и поэтому полагал, что «пристойно и в деньгах полякам отказать». Тут же гетман предлагал вообще отложить заключение договора, а коль скоро это приведет к новой войне, то за ее исход не стоило бы опасаться, что доказывал опыт неудачной для Речи Посполитой войны 1654–1667 гг., хотя тогда полякам помогали и татары, и полки «изменника» Тетери⁵⁸.

Позднее, 8 и 16 февраля 1686 г., в подтверждение своего мнения, И. Самойлович прислал в Посольский приказ расспросные речи «торгового греченина» Юрия Раджея и бежавшего из турецкой неволи Андрея Калистратова. Раджей сообщал о ходивших якобы в Речи Посполитой слухах о намерении короля заключить мир с османами, а после заключения Вечного мира – усилить гонения на православных подданных Речи Посполитой с целью принятия ими унии. Он также сообщал о направленном во Францию польском посольстве, которое должно побудить Версаль вступить в войну с Османской империей, что позволило бы польскому посольству на переговорах в Москве занять более жесткую позицию. Однако даже в случае заключения Вечного мира, сообщал купец, поляки уже сейчас готовы его нарушить, а папа обещал «разрешить» их от присяги, данной «схизматикам»⁵⁹. А. Калистратов рассказал, что будучи на приеме у Яна III, он якобы слышал разговор короля с итальянским посланником о том, что по заключении Вечного мира и вступления Московского государства в войну с Турцией Речь Посполитая тотчас заключит с Османской империей сепаратный мир, «обратив войну на царство Московское»; об этом же будто бы говорил Калистратову и униатский епископ львовский И. Шумлянский⁶⁰. Эти, хотя и сомнительные, сведения, надеялся гетман, должны были в очередной раз насторожить Москву, всегда относившуюся с недоверием к своим европейским соседям, а к Речи Посполитой в особенности.

Документы, содержащиеся в «Архиве Южной и Западной России...», касаются таких аспектов, как политика польского правительства в отношении православной церкви Правобережья, а также отношение к договорам с Россией шляхты этих областей. Опубликованные в «Архиве...» универсалы Яна Собеского и униатского епископа И. Шумлянского показывают, что правительство Речи Посполитой, заботясь о сохранении восточных областей в составе республики, пыталось вывести Правобережье из-под религиозного влияния России, укрепляя там власть униатских епископов. С этой же целью уже после заключения Вечного мира продолжалась политика экспансии на восток шляхетского землевладения. Об этом свидетельствовали меры по передаче шляхте принадлежавших монастырям Левобережья церковных имений, в которых отменялась юрисдикция прежних владельцев⁶¹.

Позиция шляхты Киевщины и Черниговщины в отношении переговоров о Вечном мире нашла отражение в инструкциях послам этих воеводств на сейм 1683 г. Киевская шляхта наказала послам добиваться, чтобы «комиссия с царем Московским (видимо, речь идет о намечавшейся комиссии

в Мигновичах-Кадине. – К.К.) ... была вовремя отправлена и доведена до результата». Послу Киевского воеводства поручено было требовать выдачи бежавших за Днепр крестьян или, по крайней мере, разрешения вольного выезда крестьянам в Речь Посполитую, а также возвращения оставшихся в Киеве судебных земских и городских книг⁶². В инструкциях послам Черниговского и Брацлавского воеводств говорилось об озабоченности шляхты распределением денег, полученных от России в качестве компенсации за перешедшие к ней по Вечному миру земли⁶³. Тем не менее в целом шляхта выразила поддержку заключению мира с Россией и явно опасалась возможности новой разорительной войны.

Влияние внутривосточного положения России на русско-польские отношения показывают документы, содержащиеся в «Собрании государственных грамот и договоров», «Дополнениях к актам историческим» и других публикациях. Политическая нестабильность в Московском государстве, обусловленная стрельческими выступлениями и борьбой боярских группировок за власть в 1682 г., вызвала у московского правительства опасения, что Речь Посполитая может использовать эту ситуацию для ревизии условий соглашения о перемирии. В наказе черниговскому воеводе, околыничему Ивану Пушкину, было предписано с особым вниманием расспрашивать всех, приезжающих из Речи Посполитой. Правительство всерьез было обеспокоено слухами о возможном объединении турецко-татарских и литовско-польских войск с целью отвоевания у царей Левобережной Украины. Во избежание провоза на Левобережье «прелестных писем» было наказано накрепко смотреть, чтобы «никакой человек не проехал ... не прокрался ни каким обычаем»⁶⁴.

Недовольство московского правительства практикой приглашений на военную службу в Польшу и Литву подданных царя калмыков и жителей Дона отражают «расспросные речи» донских казаков, грамоты царей к казакам и их ответные послания. В октябре 1664 г. в посланной на Дон царской грамоте казакам выговаривалось за их сношения с запорожцами и получение от них посланий Яна III, за их набеги на Азов, чем «чиниться помешка» войне татар с поляками. Приехавшему в ноябре в Москву атаману войска донского П. Никифорову было заявлено, что властям известно о посылке казаками отряда в 40 человек к Яну III и пересылке его грамот к калмыцким тайшам. Казацкая делегация отвергла все эти обвинения, говоря, что грамот они калмыкам не посылали, на помощь к полякам не собирались, лишь 7 человек поехало в Киев молиться⁶⁵, о чем казаки писали царю в грамотах и ранее⁶⁶. За две недели до приезда казацкой делегации с Дона было прислано письмо Яна

Собеского, адресованное калмыкам, в котором он благодарил тайшей за присылку вспомогательного отряда, с призывом прислать войска и на следующую кампанию⁶⁷.

Интересные подробности столкновения двух группировок политической элиты Московского государства сообщаются в таком нарративном источнике, как «Гистория о царе Петре Алексеевиче» князя Ф.А. Куракина. По его свидетельству, накануне переговоров о Вечном мире 1686 г. против его заключения выступила боярская группировка, в которую входили князь Петр Прозоровский, Федор Петрович Салтыков и др. И те «несогласия» продолжались шесть месяцев, сообщает Куракин⁶⁸.

Договор о Вечном мире (Трактат Гжимултовского) был заключен в Кремле 21 апреля (1 мая) 1686 г., а уже спустя пять дней, 26 апреля, в Москве были объявлены «отчинные и денежные награды» разных чинов людям, отличившимся в войне с Польшей (1654–1667 гг.)⁶⁹. 29 июня было объявлено «особое царское благоволение и отчинные награды» участникам переговоров боярам Б.П. Шереметеву, И.В. Бутурлину, думным дьякам Е.И. Украинцеву и П.Б. Возницыну и др. Особых милостей удостоился В.В. Голицын, отмечались «великие трудности и многие споры», преодоленные Голицыным «сотоварищи» в ходе переговоров. Объявлялось, что старые споры и обиды между двумя государствами подлежали забвению «в вечные времена», особо обращалось внимание на закрепленное в договоре обязательство Речи Посполитой не притеснять проживающих в ней православных и не принуждать их к унии, а также принятие православным духовенством благословения и рукоположения от Киевского митрополита. Провозглашалось, что заключенным договором «царскому имени учинено многое повышение, а ... православной нашей вере от римского утеснения свобода и умножение», сам договор именовался «прибыльным и хвальным»⁷⁰. Все это свидетельствует о важности, которую придавало Вечному миру правительство царевны Софьи Алексеевны, рассчитывая путем внешнеполитических успехов укрепить свое положение в стране⁷¹.

Таким образом, опубликованные документы освещают более или менее полно такие аспекты проблемы, как австрийское посредничество, влияние политики И. Самойловича на заключение Вечного мира, связь внутриполитической обстановки в России с русско-польскими отношениями.

Русское правительство, желая заключить Вечный мир, в тоже время опасалось поступиться интересами Украины (даже посажские села были отданы после долгих колебаний), при этом Москва удачно воспользовалась желанием Габсбургов видеть ее в рядах антиосманской коали-

ции. В России, как и в Речи Посполитой, не желали войны, и слухи о ее возможности вызывали опасения, особенно в периоды внутренней нестабильности. Вечный мир не устранил существовавших русско-польских противоречий, что показывают материалы посольства Б. П. Шереметева. Тем не менее он явился неким рубежом в отношениях двух стран, так как, подводя итог многолетнему противостоянию, открывал перспективы сотрудничества во внешней политике. Договор о Вечном мире в течение XVIII в. оставался одним из важнейших международно-правовых актов, регулировавших российско-польские отношения. Вместе с тем Россия для вмешательства во внутренние дела шляхетской республики использовала договор, опираясь на его 9-ю статью, которая хотя и не декларировала права подобного вмешательства, почти сразу стала использоваться именно в таком качестве.

Рассмотренные публикации касаются собственно русско-польских отношений достаточно фрагментарно, затрагивая часто косвенные аспекты проблемы. Несомненно, что для полного и всестороннего изучения необходимо привлечение значительного комплекса архивных документов, охватывающих один из важнейших этапов отношений России и Речи Посполитой.

Примечания

¹ Например: акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Вильно, 1865–1914. Т. 1–38; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841–1842. Т. 1–5 (Далее – АИ); Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук. СПб., 1890–1904. Т. 1–3; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846–1853. Т. 1–5 (Далее – АЗР); Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1863–1892. Т. 1–15; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1–4 (Далее – ААЭ); Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов... Ч. 1–8. Киев, 1859–1911 (Далее – АЮЗР); Дополнения к актам историческим... СПб., 1846–1872. Т. 1–12 (Далее – ДАИ); Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851–1871. Т. 1–10; СПб, 1882–1912 (Далее – ПДС); Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813–1864. Ч. 1–5 (Далее – СГГД); Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1872–1927. Т. 1–39; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867–1916. Т. 1–148 (в составе Сборника также выходили «Памятники дипломатических сношений» (т. 35, 38, 41, 53, 59, 71, 95), охватывавшие XV – начало XVII вв.).

² ДАИ. Т. 10. С. 451–453.

³ Там же. Т. 11. С. 14–22.

- ⁴ Там же. С. 41–48.
- ⁵ Там же. С. 48–50.
- ⁶ Там же. С. 51.
- ⁷ Там же. С. 49.
- ⁸ Там же. С. 88.
- ⁹ Там же. С. 241.
- ¹⁰ ПДС. Т. 6, 7, 10.
- ¹¹ Подробнее см.: Османская империя и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 295–300.
- ¹² ПДС. Т. 6. Стб. 20.
- ¹³ Там же. Стб. 24–28.
- ¹⁴ Там же. Стб. 1001–1047.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Perdenia J. Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII–XVIII w.* Wrocław, 1963.
- ¹⁶ ПДС. Т. 6. Стб. 524.
- ¹⁷ Там же. Стб. 530–536.
- ¹⁸ Однажды австрийские послы, не выдержав упорства русских, даже сказали, что «Цесарь желает союза с царем, а до поляков Цесарскому Величеству и дела нет» (Там же. Стб. 615).
- ¹⁹ Там же. Стб. 552–570.
- ²⁰ Там же. Стб. 594–616.
- ²¹ Там же. Стб. 625.
- ²² Там же. Стб. 969.
- ²³ Там же. Стб. 973.
- ²⁴ Там же. Стб. 1010–1037.
- ²⁵ Там же. Стб. 1201–1212.
- ²⁶ Там же. Стб. 1219–1220.
- ²⁷ Там же. Стб. 1197, 1212–1213, 1222–1223.
- ²⁸ Там же. Стб. 1227–1229.
- ²⁹ Там же. Стб. 1311–1312.
- ³⁰ Там же. Стб. 1402–1403.
- ³¹ М. Огинский – В.В. Голицыну. Получено в Москве 14. 10. 1686 г. // Там же. Стб. 1433–1436; М. Огинский – послам. От 7. 11. 1686 г. // Там же. Стб. 1478.
- ³² Там же. Стб. 1455–1457; В.В. Голицын – М. Огинскому. От 6. 11. 1686 г. // Там же. Стб. 1447.
- ³³ Там же. Стб. 1404–1405, 1478–1480.
- ³⁴ Там же. Стб. 1487–1493.
- ³⁵ Там же. Стб. 1499–1500.
- ³⁶ Там же. Стб. 1564–1565.
- ³⁷ Там же. Стб. 1589.
- ³⁸ Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышом-Каменским и изданные О. Бодянским. М., 1859–1858. Ч. 1–2.
- ³⁹ АЗР. Т. 5. С. 166–168, 172–173, 179–180, 182–184, 185.
- ⁴⁰ Там же. С. 174–175, 177.
- ⁴¹ Там же. С. 166–168.
- ⁴² Там же. С. 167.

- ⁴³ Там же. С. 178–179.
- ⁴⁴ ДАИ. Т. 11. С. 164.
- ⁴⁵ Это вызвало обвинение со стороны Порты в адрес России о нарушении Бахчисарайского мира 1681 г. и ответные меры, выразившиеся в действиях Валашского господара по заселению Правобережья и вербовке казаков для участия в войне на стороне турок и татар.
- ⁴⁶ Другая малороссийская летопись Г. Грабянки освещает рассматриваемый период обзорно (Киев, 1854. С. 232–234).
- ⁴⁷ Источники малороссийской истории... С. 281.
- ⁴⁸ Там же. С. 282–283.
- ⁴⁹ Там же. С. 285–288.
- ⁵⁰ Там же. С. 289–296.
- ⁵¹ Там же. С. 293.
- ⁵² Там же. С. 294.
- ⁵³ Там же. С. 293.
- ⁵⁴ Документы опубликованы в приложении к статье: *Станіславський В.* Статті гетьмана Самойловича щодо «вічного миру» // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Киев, 2001.
- ⁵⁵ *Україна в Центрально-Східній Європі*... С. 357–359.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 364–365.
- ⁵⁸ Там же. С. 366–381.
- ⁵⁹ Там же. С. 381–382.
- ⁶⁰ Там же. С. 383–385.
- ⁶¹ АЮЗР. Ч. 1. Т. 4. С. 63–66, 73, 75, 80; Ч. 1. Т. 10. С. 747–749, 750–752.
- ⁶² Там же. Ч. 2. Т. 2. С. 429.
- ⁶³ Там же. С. 467–479, 482–487.
- ⁶⁴ ДАИ. Т. 10. С. 137–138.
- ⁶⁵ Там же. С. 256–257.
- ⁶⁶ Там же. С. 287–289.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 51–52. Заключение Вечного мира обзорно описано также в «Записках о Московии» де ла Невилля (М., 1996. С. 137–138).
- ⁶⁹ СГГД. С. 505–509.
- ⁷⁰ Там же. С. 519–525.
- ⁷¹ Манифест о заключении Вечного мира был зачитан «московского чину всяким людям» на постельном крыльце. Специальным указом в связи с этим были пожалованы денежные и «отчинные» (перевод части поместья в вотчину) награды. Торговым людям «за помощь, которую они во время войны в денежных заборех на ратных людей и в полковых подъемах учинили», предоставлялись льготы в уплате пошлин и денежные оклады. Патриарх отслужил 3 мая в Москве благодарственный молебен. В города воеводам были разосланы указы объявить манифест у приказной избы и отслужить в церквах благодарственные молебны. См., например, царскую грамоту в Белгород okolничему и воеводе князю Волконскому от 10 июня 1686 г. (Акты археографической комиссии. СПб., 1836. Т. 4. С. 429–433).

Положение сербских женщин в 1860-е годы (по свидетельству П.А. Ровинского)

Известный русский исследователь балканских народов Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916 гг.) в конце 1860 – начале 1870-х годов посвятил целый ряд работ изучению образа жизни и менталитета сербов. В 1868 г. в течение нескольких месяцев он путешествовал по Сербскому княжеству, а после возвращения на родину опубликовал несколько статей в журнале «Вестник Европы». Исследования Ровинского и сегодня не потеряли научного значения, поскольку они способствуют пониманию многих социально-политических процессов, протекавших в Сербии как в указанный период, так и в дальнейшем. Сербская исследовательница Латинки Перович причину этого объясняет способностью Ровинского глубоко проникать в материальный и духовный мир сербского народа, особенности его менталитета¹.

С точки зрения теории модернизации, Сербия в рассматриваемый период представляла собой государство с абсолютным преобладанием ценностей традиционного характера, традиционным было и сербское общество². Данный тип социума характеризуется особой невосприимчивостью ко всякого рода новациям и культурному влиянию извне, под чем подразумевается влияние европейской цивилизации. Иными словами, такое общество является закрытым, опирающимся на собственные традиции, претерпевающим минимальные изменения в течение длительного времени³. Причем характерные черты закрытого общества выступают как на уровне социума в целом, так и его первоэлемента – семьи, в распределении функций ее членов, где доминирующая роль была отведена мужчине.

В настоящей статье мы остановимся на положении сербских женщин, поскольку данный критерий является одним из важнейших признаков принадлежности общества к тому или иному типу. На основе трудов П.А. Ровинского, содержащих ценный материал по социальной истории Сербии второй половины XIX в., будут рассмотрены роль жен-

щины, ее представления о своем месте в семье и обществе, правовой статус, уровень образования и профессиональная деятельность.

В путевых записках П.А. Ровинский привел наблюдения, позволившие автору указать на такие черты сербского общества, которые характеризуют и сегодняшние представления о социуме традиционного типа. Он писал, что основными причинами, задерживавшими развитие «гражданственности» Сербии в третьей четверти XIX в., являлись «внешние обстоятельства», а именно: «неоконченность политической роли, неустановленность территориальных и политических отношений»⁴. Именно эти причины, по его мнению, вынуждали сербское население вести замкнутый образ жизни в условиях постоянной боевой готовности. Поскольку Сербия на протяжении нескольких столетий находилась под властью Османской империи, то для того, чтобы выжить, сербское население должно было как можно меньше контактировать с завоевателями. Поэтому основной и наиболее удобной формой существования общества к середине XIX в. в Сербии оставалась задруга, или большая патриархальная семья. Ровинский характеризовал ее как «форму народной жизни», которой присущи две важные роли – экономическая и оборонительная⁵. Наличие в задруге многих мужчин обеспечивало семье должное ведение хозяйства, а также позволяло оказать сопротивление в случае нападения турок, что в свою очередь обусловило военизированность жизни сербского села. Хотя со времени Первого Сербского восстания (1804–1813 гг.), положившего начало борьбе за национальную независимость и подорвавшего на сербских землях «основы турецкой феодально-ленной и административной системы»⁶, прошло более полувека, жизнь сербской сельской семьи мало изменилась. Сербия оставалась, согласно оценке Ровинского, «полувоенным лагерем», а в сербском обществе по-прежнему поддерживалось «воинственное настроение» вследствие «тяжелой обязанности Сербии быть вечно на карауле, охранять свои границы»⁷.

В рассматриваемый период жизнь сербской женщины в основном протекала в семье. В XIX в. у сербов существовало две формы семьи – большая и малая⁸. Первая – задруга⁹, вторая – «инокосная»¹⁰, как ее называли сами сербы, состояла только из одной семейной пары с детьми.

Задруга представляла собой «размножившееся семейство, разросшееся в целый род», где функции главы выполнял старейшина, чаще всего самый старший мужчина в семье¹¹. Основой задруги являлся совместный крестьянский труд.

В сельской сербской семье XIX в. не существовало различия между семейной и экономической жизнью, так же как и между работой и сво-

бодным времяпрепровождением¹². Особенностью жизни в задруге было четкое распределение обязанностей между ее членами, подчинение женщин мужчинам, младших членов задруги старшим, а также общее владение имуществом.

Хотя в семейной общине были объединены люди разного возраста, определяющим фактором ее хозяйственного состояния являлось количество взрослых мужчин¹³. Количество же взрослых женщин в силу характера разделения труда между полами не представляло большого значения, что и определило социальный и правовой статус женщин в задруге. Каждый взрослый мужчина являлся членом общины, тогда как женщины таковыми не признавались¹⁴. Поэтому они не имели права на имущество семьи. «Все совершеннолетние мужчины считаются владельцами общего имущества. Женщины же и дети моложе 15-ти лет, — писал Ровинский, — только пользуются [общим имуществом] из-за тех мужчин, с которыми они связаны родством»¹⁵.

Вместе с тем многие исследователи отмечали, что основным принципом семейной жизни в задруге являлось равноправие как в распределении трудовых обязанностей (в том числе и среди женщин), так и во владении имуществом¹⁶. Обычно женщины по очереди занимались приготовлением еды, прислуживанием за столом, уборкой жилища, присмотром за детьми, изготовлением домашнего сукна, а также работали в поле¹⁷. Распределением текущих работ среди женщин занималась выбираемая на неделю хозяйка («редуша»)¹⁸, а в целом ими ведала старшая женщина в роде, обычно «домачица»¹⁹ — жена хозяина. Труд женской половины семьи был направлен на обеспечение условий, необходимых для жизни и работы мужской половины задруги. По наблюдениям Ровинского, в сербской семье невозможно встретить женщин, которые не были бы заняты работой. Так, например, согласно неписаному правилу задруги, женщина в первый год замужества освобождалась от каких-либо работ. Однако правило действовало лишь номинально. Молодая жена стремилась как можно скорее принять участие в работе, поскольку только так она могла заслужить хотя бы минимальное расположение со стороны родственников мужа²⁰. В «Воспоминаниях из путешествия по Сербии» Ровинский отмечал, что нередко женщинам приходилось работать гораздо больше мужчин²¹, и характеризовал отношение к ним в задруге как «принижение до степени работницы»²².

Говоря о месте женщины в семье, Ровинский писал: «С первого же раза чувствуется, что здесь живет только мужчина, а женщина только работает и терпит». Угнетенное положение женщины, указывал он далее, выработало в ней «необыкновенную молчаливость» и холодность в

присутствии посторонних людей и наделило «душевными муками и терзаниями, оканчивающимися общим притуплением всех ее чувств»²³.

Ситуация усугублялась еще и тем, что женщина была лишена возможности принимать решения, касающиеся собственной судьбы. Срождения ее жизнь контролировалась мужчиной: отцом, мужем, позже сыном²⁴. Девушку выдавали замуж, не считаясь с ее мнением²⁵. Большинство браков строилось не на взаимных чувствах супругов, а было обусловлено стремлением родителей невесты освободиться от нахлебницы, а жениха – получить приданое²⁶.

Зависимость женщины от мужчины существовала не только в задруге, но и в малой семье, в отношениях между мужем и женой²⁷. В сельской местности главными чертами женского поведения в браке считались скромность и покорность. Предписанной нормой отношений между супругами были внешняя сдержанность и отчужденность²⁸. По свидетельству многих авторов, жена не должна была называть мужа по имени. В разговоре же о муже она могла именовать его только – «он»²⁹.

Наблюдая жизнь сербской семьи, Ровинский пришел к выводу об отношении мужа и его родных к пришедшей в дом молодой жене, как к чужому человеку³⁰. Возможно, подобный факт свидетельствует о приоритете кровных связей внутри семьи. Жена же в этом случае лишь некая принадлежность мужа, в некотором роде его вещь. Для остальных родственников она оставалась представительницей чужого рода и не воспринималась ими как член семьи.

Главной функцией женщины в браке было рождение детей. В крестьянской среде от этого зависело пополнение хозяйства работниками и в целом жизнеспособность общины. Наиболее желанными детьми были мальчики³¹. Только в них видели продолжателей рода, хранителей семейного культа («славы»)³². Рождение девочек в патриархальных представлениях задруги не составляло цель брака. Более того, всякое упоминание о дочерях считалось постыдным³³.

Представление о кровном родстве как необходимом условии родственной и человеческой близости формировало эмоциональную среду взаимоотношений в сербских семьях, которая имела для женщин особое значение вследствие ограниченности для нее круга общения семейными рамками, униженного положения женщины в доме. Кровнородственная и душевная близость объединялись и воплощались для женщин в первую очередь в отношениях матери и сына, брата и сестры. Только в подобных родственных связях женщина могла ощутить по отношению к себе уважение и любовь. Исследуя народные песни, Ровинский отмечал, что в серб-

кой семье любовь сестры к брату проявляется сильнее любви жены к мужу. Что касается отношения матери к своему ребенку, то для нее это был единственный подлинно родной человек в доме мужа³⁴. В отношениях с остальными родственниками женщина могла завоевать их расположение только угодливостью, терпением и молчанием. Эти качества стали наиболее характерными чертами поведения сербских женщин, что не раз отмечалось не только Ровинским, но и многими другими наблюдателями³⁵.

Освещенный обычаями и традицией статус женщины в семье был юридически оформлен в гражданском праве Сербии. Согласно одной из статей принятого в 1844 г. Гражданского законника, «жена обязана слушаться своего мужа, исполнять его приказания, следовать за ним и жить с ним, где он заблагорассудит; помогать по мере сил своих в хозяйстве, в приобретении и, в особенности, в сохранении имущества, смотреть за порядком и чистотой в доме, заботиться в особенности о детях, содержать и сохранять их в чистоте и благонравии»³⁶. Таким образом, в Сербии не только по обычаю, но и законодательно было установлено главенствующее положение мужчины в браке³⁷.

Положение женщины в семье решающим образом определяло ее статус в обществе в целом. Обычаям и традициям здесь также принадлежала немаловажная роль. В основе сербского общества был заложен приоритет мужских ценностей над женскими. Поэтому и вне семьи взаимоотношения сербов строились на безоговорочном признании превосходства мужчин над женщинами, что находило выражение в некоторых ритуалах, выглядевших как подчеркнутые знаки уважения ко всем мужчинам со стороны женщин. Таков был обычай при встрече целовать руку мужчине, в том числе и незнакомому, независимо от возраста. «Видел я, – писал Ровинский, – как замужние женщины подходили к руке мальчика лет 16-ти, и он спокойно сидел, принимая эти знаки почтения от женщин, которые были, конечно, почтеннее его»³⁸. Или во время церковной службы женщины должны были стоять позади всех мужчин. Иногда, о чем свидетельствовали и другие современники, обычай даже запрещал им входить в церковь³⁹.

По мнению Ровинского, отражением отношения к женщине в обществе стал сербский фольклор. Согласно запечатленным в нем народным представлениям, жена «не любит и не жалеет своего мужа». Поэтому «все дурное приписывается жене: она беспрестанно изменяет мужу, предает его туркам и рада, когда он попадет к ним в плен или в какое-нибудь несчастье»⁴⁰.

Сербское общество усматривало в женщинах корень всякого зла, и не только в семье, но и в государстве в целом. Их кознями объяснялись участвовавшие во второй половине XIX в. разделы задруг, в результате

чего некогда общее имущество дробилось между выделившимися из задури малыми семьями. Им даже вменялось в вину падение средневекового сербского государства на Косовом поле.

Однако в записках Ровинского можно встретить свидетельства и иного отношения к женщине. Например, в статье «Сербская Морава» автор привел разговор с сербом, который с гордостью говорил о местных девушках. Тот искренне убеждал своего иностранного собеседника, что такие красавицы могут жить только в Сербии⁴¹. Еще одним доказательством достойного отношения к женщине служила традиция побратимства, существующая в Сербии и в наши дни⁴². Одной из его форм было побратимство между мужчиной и женщиной, не связанными между собой ни кровными, ни супружескими узами. Оно сильно отличалась от брачного союза или отношений с родственниками внутри задури. Можно сказать, что этот союз строился на искренности, взаимоуважении, взаимовыручке и, что весьма существенно, заключался по добровольному согласию⁴³. Таким образом, побратимство – единственная допускаемая обычаем возможность для девушки свободного проявления своих чувств.

До свадьбы женщины обладали большей самостоятельностью и могли вести себя в обществе более активно. Они могли принимать участие в общественных работах в общине (например, летних полевых работах или в совместном сборе урожая) и последующем совместном отдыхе⁴⁴.

Установленное вековыми традициями и закрепленное в нормах обычного права социальное положение женщин Сербии обусловило многие характерные черты их внутреннего мира, особенности осознания собственного места в семье и обществе. Большинство представительниц женского пола полностью подчинялось принятым правилам, которые в их сознании трансформировались в представление об исконной «женской доле» и «долге женщины» в обществе⁴⁵.

Понятно, что в крестьянской среде тяжелый физический труд был нормой жизни как для мужчин, так и для женщин. Однако, подчиняясь общественному мнению, женщины считали, что их обязанность – быть в работе выносливее мужчин. Ровинский в очерке «Сербская Морава» описывает ситуацию, когда на уборке кукурузы молодой крестьянин засыпает от усталости, а девушка продолжает работать за двоих, не думая об отдыхе. На вопрос, не хочется ли ей тоже отдохнуть и уснуть, она отвечает: «Что ты! Мы девки!», подразумевая, что девушка выносливее мужчины и не должна уставать⁴⁶. Этот эпизод отражает принятие женщинами сложившегося отношения к ним в обществе как нормы. Сербский историк П. Маркович отмечал, что отсутствие неудовлетворенности собственным общественным по-

ложением среди простых членов социума – характерная черта традиционного общества, что в нем обычно распространено понятие «рока» или «судьбы», на которую роптать не принято⁴⁷. Этим, в частности, объясняется, почему сербские женщины не проявляли видимого недовольства своим положением, как и отсутствие с их стороны социального протеста.

Однако это не означало, что женщины совершенно безропотно мирились с угнетением и унижением их человеческого достоинства. Протест против давления несправедливого общественного уклада чаще возникал на почве поправки личных чувств женщины, ее интимных переживаний. Будучи скрыты от посторонних глаз и относительно нечасто встречаясь в повседневной жизни, такие ситуации, тем не менее, в силу своего общественного значения, оказались запечатлены в культуре, в фольклорной традиции. Так в очерке «Воспоминания из путешествия по Сербии» Ровинский упоминает Девичью скалу, где по легенде покончила с жизнью девушка, не пожелавшая выходить замуж за нелюбимого человека⁴⁸. Мужское общественное мнение оценивало подобные поступки не иначе как проявление глупости. Поэтому протест некоторых женщин выражался более понятным мужскому сообществу способом. В сербском фольклоре сохранились иные предания о женщинах, не желавших мириться с семейным гнетом и поступавших по-мужски – например, уходивших в разбойники. Косвенным отражением борьбы женщин за свое достоинство и общественного признания их права на это стали народные песни о героизме женщин в борьбе за родину, которые относились не только к древней истории Сербии, но и к событиям начала XIX в.⁴⁹

В большинстве случаев поведение женщины не выходило за рамки, установленные обычаем и продиктованные общественной моралью. Так, с точки зрения общественного мнения, предназначением и целью каждой девушки должно стать замужество. Об этом писал и Ровинский, высказывая недоумение по поводу способа заключения брака. Нередко девушка не была даже знакома с будущим мужем и не имела выбора, поскольку не общалась, кроме родственников, с другими мужчинами⁵⁰. Согласно сложившемуся в Сербии мнению, идеальной невестой считалась та, которая выросла в затворничестве и полном неведении самых обыденных вещей: «не видя ни солнца, ни месяца, не зная, как хлеб растет»⁵¹. К этому свидетельству русского путешественника стоит отнести критически. Во-первых, этому противоречат другие наблюдения автора. Во-вторых, в народной среде, где женщины были заняты на работе, участвовали в жизни общины и, несомненно, знали, «как растет хлеб», затворничество было практически неосуществимо. Поэтому приведенное

рассуждение могло характеризовать положение женщины преимущественно в высших слоях общества.

Однако в целом оно справедливо применительно к сложившимся стереотипам общественного сознания. Затворнический образ жизни девушки должен был означать, что в последующей семейной жизни ее «неведение» и наивность станут залогом покорности мужу. По наблюдениям Ровинского, этот неверный принцип не избавлял сербские семьи от внутренних проблем. Приводя примеры воспитания в подобном духе, он писал, что девушка «выходит всегда точно на показ», что характерной демонстрацией должной девичьей скромности был потупленный взор, о котором в Сербии было сложено немало песен, что даже такую строгость нравов девушки ухитрялись использовать в своих целях и проявлять навыки кокетства. Например, изредка «вскинуть глазами и, как огнем, опалить», что, несомненно, производило должное впечатление на мужской пол⁵².

Рассматривая положение женщин в качестве одного из критериев модернизации Сербии, нельзя не обратить внимания на сферу образования, поскольку его уровень является важнейшим показателем развития общества. В исследуемый период в Сербии проблема народного образования была очень актуальна, что вполне осознавалось правящими кругами. По данным Ровинского, государство тратило на развитие образования всего втрое меньше, чем на военное министерство⁵³. Однако многие меры правительства, направленные на распространение начального образования, не встречали поддержки в народе⁵⁴, особенно крестьянства. Собственное обучение рассматривалось крестьянином скорее как досуг или развлечение, чем жизненная необходимость.

Соответственно еще меньше смысла крестьянское общество Сербии видело в образовании женщин⁵⁵. Поскольку основная масса населения страны проживала в задругах, жизнь в которых основывалась на постоянном физическом труде каждого их члена, включая женщин и детей, сам образ жизни сербского населения являлся одним из препятствий для распространения образования среди женщин.

Система женского образования в Сербии развивалась в городах, где был выше культурный уровень, в большей степени востребовано женское образование и ощущалось влияние европейской эмансипации женщин. Однако достаточно частым явлением здесь были семьи, в которых муж получил хорошее образование за границей, а жена, в лучшем случае, окончила начальную школу⁵⁶.

К началу 1870-х годов система женского образования в Сербии была представлена начальными женскими школами, рядом частных панси-

онов, а также Высшей женской школой, дававшей высшее образование⁵⁷. Однако число образованных женщин в стране было невелико⁵⁸.

Наиболее существенные перемены в положении сербской женщины происходили в городе с развитием процесса урбанизации. В рассматриваемый период Сербия представляла собой аграрную страну, не менее 87 % населения которой составляло крестьянство⁵⁹. При этом существовавшие города имели, скорее, административное, чем промышленное значение. Незначительное воздействие на характер и стиль городской жизни оказывало иностранное влияние, например, Австро-Венгрии, что в первую очередь ощущалось в Белграде.

Наблюдая общественную жизнь в столице Сербии, Ровинский отмечал в основном негативные последствия «европеизации». Говоря о жизни женщины в городе, он подчеркивал, что она ограничена сугубо семейными рамками. По его словам, несмотря на некоторое воздействие европейской цивилизации, суть взаимоотношений в сербской семье оставалась такой же, как и в селе⁶⁰. Основным занятием женщин даже в богатых семьях была работа по дому, в первую очередь, приготовление еды. Ровинский отмечал некоторое изменение в осознании столичной женщиной собственных прав. Так, он писал о разводе супругов, указывая, что в городах его инициаторами чаще становятся женщины⁶¹. Следствием влияния «новых нравов» стало постепенное изживание таких традиций, как обычая целовать при встрече руку мужчине, что совершенно игнорируется городскими девушками⁶². Однако в целом исследователь определял существовавшие в сербской семье отношения как деспотию мужчины, отмечая, правда, значительную «эмансипированность» жительниц столицы⁶³.

Наблюдая жизнь сербского народа, П.А. Ровинский пришел к выводу о негативных последствиях сложившегося в социальной сфере отношения к женщинам. Это мнение разделяли и другие исследователи, справедливо отмечавшие исключительную степень угнетения сербских женщин по сравнению с другими странами Европы⁶⁴. Ровинский был убежден, что крайне тяжелое положение женщин приносило вред не только им самим, но и всему сербскому обществу⁶⁵.

Приведенный исследователем богатый материал ценных объективных наблюдений позволяет на основе анализа социального статуса сербской женщины как одного из существенных критериев модернизации оценить степень модернизации сербского общества, охарактеризовать его в рассматриваемый период как общество традиционное. Уровень общественной модернизации в Сербии в 1860-е годы был крайне низок, несмотря на значительное политическое развитие страны, что состав-

ляло один из главных феноменов развития сербского государства в последней четверти XIX в.

Примечания

- ¹ Perović L. Drugi o nama // Ljudi, događaji i knjige. Beograd, 2000. P. 163.
- ² Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича: Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 20–21.
- ³ Поппер К. Закрытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 91.
- ⁴ Ровинский П.А. Сербская Моравы // Вестник Европы. СПб., 1876. № 4. С. 557.
- ⁵ Там же. С. 544–545.
- ⁶ Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 110–111.
- ⁷ Ровинский П.А. Сербская Моравы... С. 557–558.
- ⁸ Вулетич А. Породица у Србији средином 19 века. Београд, 2002. С. 34.
- ⁹ Обе формы сербской семьи еще в начале XIX в. описал В. Караджич. Он же ввел для обозначения первой термин «задруга». См.: Карађић В. Српски рјечник иступачен њемачким и латинским рјечима. Београд, 1835. С. 181.
- ¹⁰ Овсяный Н.Р. Сербия и сербы. СПб., 1898.
- ¹¹ Ровинский П.А. Сербская Моравы... С. 168, 544; Попов Р.С. О сербах. Чтение для народа. СПб., 1877. С. 18.
- ¹² Вулетич А. Оп. cit. С. 63.
- ¹³ Овсяный Н.Р. Указ. соч. С. 168.
- ¹⁴ Draškić M., Popović-Obrađović O. Pravni položaj žene prema Srpskom Građanskom Zakoniku (1844–1946) // Srbija u modernizacijskim procesima 19 i 20 veka. Beograd, 1998. С. 22.
- ¹⁵ Ровинский П.А. Сербская Моравы... С. 546; Овсяный Н.Р. Указ. соч. С. 168.
- ¹⁶ Ровинский П.А. Сербская Моравы... С. 549; Водовозова Е.Н. Болгары–сербы–черногорцы // Как люди на белом свете живут. 2-е изд. СПб., 1902. С. 77; Пименова Э. Сербия. Пг., 1916. С. 36–37.
- ¹⁷ Цвијић Ј. Балканско полуострво и југословенске земље. Београд, 1931. Књ. 2. С. 20; Попов Р.С. Указ. соч. С. 19.
- ¹⁸ От сербского слова «ред» – порядок. См.: Ровинский П.А. Указ. соч. С. 549; Каниц Ф. Сербия: Земля и становништво од римског доба до краја XIX века. Београд, 1985. Књ. 1. С. 377.
- ¹⁹ «Домаћин» по-сербски означает «глава семьи», «хозяин дома». См.: Ровинский П.А. Сербская Моравы... С. 549.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Вестник Европы. СПб., 1875. № 11–12. С. 24–25. О непомерном труде женщины в крестьянской семье писала и Э. Пименова, сравнивая физическую нагрузку женщин с работой вьючного животного. См.: Пименова Э. Указ. соч. С. 41.
- ²² Ровинский П.А. Сербская Моравы... С. 557.
- ²³ Там же. С. 550.
- ²⁴ Пименова Э. Указ. соч. С. 40.
- ²⁵ Там же; Ровинский П.А. Сербская Моравы... С. 540.
- ²⁶ Ровинский П.А. Белград, его устройство и общественная жизнь // Вестник Европы. СПб., 1870. № 5. С. 135.
- ²⁷ Вулетич А. Оп. cit. С. 78.

- ²⁸ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 549.
- ²⁹ Овсяный Н.Р. Указ. соч. С. 168; Пименова Э. Указ. соч. С. 41; Вулетих А. Ор. cit. С. 80.
- ³⁰ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 550.
- ³¹ Вулетих А. Ор. cit. С. 79.
- ³² «Слава» по-сербски означает праздник в честь святого – покровителя семьи. См.: Попов Р.С. Указ. соч. С. 26; Пименова Э. Указ. соч. С. 43–44.
- ³³ Ђорђевић Т. Наш народни живот. Београд, 1928. Књ. 2. С. 13; Попов Р.С. Указ. соч. С. 24.
- ³⁴ Попов Р.С. Указ. соч. С. 25; Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 550.
- ³⁵ Овсяный Н.Р. Указ. соч. С. 168–169; Ђорђевић Т. Ор. cit. С. 15–26.
- ³⁶ Гражданское и торговое уложения княжества Сербии 1844 и 1860 гг. СПб., 1887. С. 31.
- ³⁷ Пименова Э. Указ. соч. С. 41.
- ³⁸ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 524–525.
- ³⁹ Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия по Сербии... С. 717; Овсяный Н.Р. Указ. соч., Пименова Э. Указ. соч. С. 40.
- ⁴⁰ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 551–552.
- ⁴¹ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 539; Водовозова Е.Н. Указ. соч. С. 128; Попов Р.С. Указ. соч. С. 24–25.
- ⁴² См.: Толстая С.М. Братство по Богу в славянской народной традиции // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 44–52.
- ⁴³ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 541.
- ⁴⁴ Там же. С. 538.
- ⁴⁵ См.: Пименова Э. Указ. соч. С. 42.
- ⁴⁶ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 540.
- ⁴⁷ Marković P. Beograd i Evropa 1918–1941. Beograd, 1992. С. 20.
- ⁴⁸ Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия по Сербии... С. 708.
- ⁴⁹ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 555–556.
- ⁵⁰ Ровинский П.А. Белград... С. 144; см. также: Попов Р.С. Указ. соч. С. 25; Пименова Э. Указ. соч. С. 40.
- ⁵¹ Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия по Сербии... С. 722; Он же. Белград... С. 144.
- ⁵² Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия по Сербии... С. 721–722.
- ⁵³ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 524.
- ⁵⁴ См.: Водовозова Е.Н. Указ. соч.; Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 522; Цвијих Ј. Ор. cit. С. 43.
- ⁵⁵ Ђорђевић Т. Ор. cit. С. 26; Ровинский П.А. Белград... С. 173.
- ⁵⁶ Ровинский П.А. Белград... С. 113.
- ⁵⁷ Там же. С. 142.
- ⁵⁸ По данным Н.Р. Овсяного, в 1890 учебном году в Сербии действовало 746 учебных заведений, в которых обучались 55 365 учеников и 9 915 учениц. Таким образом, девочек, получавших, как правило, начальное образование, было в 5 раз меньше, чем мальчиков. См.: Овсяный Н.Р. Указ. соч. С. 155.
- ⁵⁹ Ђорђевић Д. Српско друштво 1903–1914 // Марксистичка мисао. 1985. Бр. 4. С. 126.
- ⁶⁰ Ровинский П.А. Белград... С. 134, 143; Вулетих А. Ор. cit. С. 143.
- ⁶¹ Ровинский П.А. Белград... С. 143.
- ⁶² Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 525.
- ⁶³ Ровинский П.А. Белград... С. 143.
- ⁶⁴ Попов Р.С. Указ. соч. С. 24; Пименова Э. Указ. соч. С. 40.
- ⁶⁵ Ровинский П.А. Сербская Морава... С. 555.

Проблема объединения Черногории и Сербии накануне Первой мировой войны

Объединение Черногории и Сербии – один из самых важных вопросов в истории создания югославянского государства. С начала XX в. эти страны стремились к сближению. Однако после создания Югославии политические результаты объединения встретили противоречивые оценки в черногорском обществе, разделившемся на его сторонников и противников. И в дальнейшем многие разногласия имели в основе отношение к объединению с Сербией. В более позднее время эти разногласия внесли свою лепту в нарастание тенденций национализма, шовинизма и местного сепаратизма, с одной стороны, и национального нигилизма, с другой. Современные дискуссии, развернувшиеся по поводу объединения в 1918 г. Черногории и Сербии, свидетельствуют, что многие аспекты этого события и по сей день остаются спорными.

Одним из самых острых вопросов является сама идея сербо-черногорского союза, которая, как отзвук прежних политических страстей, и поныне подвергается острой критике. В данной статье мы хотели бы рассмотреть историю сербско-черногорского сближения и обусловившие его социально-экономические факторы, представить инициативы черногорских правящих кругов и ответные шаги сербского правительства, выяснить причины неудачи сербско-черногорской унии. Источниками исследования послужили личные письма черногорского князя Николы и сербского короля Петра, а также донесения российских посланников в Цетинье и Белграде.

Идея сербско-черногорского объединения появилась в начале XIX в., когда сербский народ в ходе национально-освободительного восстания 1804–1813 гг. еще только приступил к созданию государства, ставшего качественно новым образованием, а не продолжением традиции средневековой сербской государственности. В 1833 г. Сербия получила международно-правовое признание своей автономии в составе Османской империи. Длительная и героическая борьба Сербии и Черногории за осво-

бождение от власти турок в последующие десятилетия завершилась обретением ими независимости, закрепленной на Берлинском конгрессе 1878 г. Оба княжества значительно увеличили свои территории: к Сербии присоединялись 4 округа площадью 11 тыс. км², к Черногории – ряд плодородных земель с городами Подгорица, Никшич, Ульцин и др.¹

Политика сербских властей в вопросе об объединении с Черногорией нашла свое отражение в «Начертании» И. Гарашанина 1844 г. Основываясь на идеях А. Чарторыского и Ф. Заха, он сформулировал национально-политическую программу, непосредственными целями которой было присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины, Старой Сербии (Косова и Метохии) и Черногории и обеспечение выхода к морю через Северную Албанию и Черногорию. Замыслы И. Гарашанина так и остались проектами, поскольку в сербском обществе того периода не было силы, способной претворить их в жизнь². В Черногории также развивалась идея единства с Сербией, но она скорее являлась продолжением романтических настроений, восходивших к традициям народного эпоса. На протяжении XIX в. в черногорском обществе укрепилось сознание необходимости установления более тесных контактов с Сербией.

Однако в начале XX в. в черногорских правящих кругах обозначилась новая тенденция, трактовавшая идею объединения с Сербией как стремление последней к расширению своего влияния на Черногорию³. После аннексии Боснии и Герцеговины, когда на место прежнего векового неприятеля славянских народов на Балканах – Турции пришла могущественная Австро-венгерская империя, вынашивавшая далеко идущие планы относительно Сербии и Черногории, среди политического руководства Черногории, депутатов Народной скупщины и широких слоев населения возобладало стремление к единению с социально-экономически и культурно более развитой Сербией, обладавшей к тому же более значительным военным потенциалом⁴. Однако процесс сербо-черногорского объединения и первый шаг к нему – заключение военной, финансовой и дипломатической унии весной 1914 г. – осложнялись династическим антагонизмом, стремлением черногорского двора любой ценой сохранить независимость Черногории, даже перед лицом неизбежной экспансии со стороны Австро-Венгрии и Италии, а также территориальными спорами.

Инициатива заключения сербо-черногорского союза принадлежала Черногории. Там с 1907 г. существовали три основные политические партии: Народная партия, Истинная народная партия и Независимая партия (более употребительными их названиями были: «клубаши», «праваша» и оппозиция). Сразу после Первой балканской войны, в ап-

реле 1913 г., клубаша и независимцы составили коалиционное правительство во главе с Янкой Вукотичем, которое предложило Сербии реальный план унии с Черногорией. В качестве посла в Белград был назначен Лазарь Миюшкович, бывший председатель черногорского правительства, уполномоченный предпринять усилия по сближению Черногории и Сербии. Первым его шагом стала телеграмма от 10 января 1914 г., отправленная в Цетинье Янко Вукотичу. В телеграмме содержалось сообщение Миюшковича о его разговоре с председателем сербского правительства Н. Пашичем, который заявил о согласии сербской стороны начать процесс сербско-черногорского сближения. Основой подобного союза, по его мнению, должно стать полное равноправие и независимость обоих государств. При этом требовалось соблюдение режима наивысшей секретности, чтобы не вызвать непредвиденные затруднения и препятствия как внутри, так и вне страны.

Развитием черногорской инициативы стала телеграмма Вукотича от 18 января 1914 г., в которой он предложил Миюшковичу составить официальный проект соглашения между Черногорией и Сербией. Ему поручалось предварительно проконсультироваться по существу дела с авторитетными и надежными учеными. В ответ последовало пространное письмо Миюшковича от 19 января 1914 г. с изложением его взглядов на существо дела и соображений тех представителей сербской политической элиты, с которыми он консультировался. По их представлениям, обеим странам следовало договориться об общей внешней политике, финансовой системе, инфраструктуре и армии при сохранении независимости двух династий. Официальным началом сближения могло бы стать послание черногорского князя Николы сербскому королю Петру. В следующем письме Миюшковича Вукотичу от 27 января 1914 г. сообщалось, что русский посланник в Белграде Н. Гартвиг введен в курс дела и с энтузиазмом одобрил инициативу Черногории, добавив, что Россия с радостью выступит посредником при заключении сербско-черногорского союза.

Эту идею поддержали и широкие круги черногорского общества, прежде всего молодежь и Народная скупщина. Сторонники объединения искали поддержку в России. В марте 1914 г. представители прогрессивной черногорской молодежи собрались на секретное совещание в Подгорице, на котором было принято решение, что Т. Божович и А. Маркович отправятся в Россию и представят российскому правительству меморандум по черногорскому вопросу. Он был озаглавлен «Значение Черногории, ее роль и современное положение». В меморандуме предлагалось присоединить Черногорию к Сербии, а в случае, если в данный момент

это невозможно, то заключить военный, дипломатический и финансовый союз с Сербией, так как Черногории угрожают Италия и Австро-Венгрия, а на ее территорию проникают их капиталы⁵. Если Черногория не предпримет конкретные меры, предостерегали авторы меморандума, она потеряет независимость. Только уния с Сербией может ее спасти.

Народная скупщина Черногории поддержала идею заключения союза с Сербией при опоре на Россию. Настроения депутатов отражали интересы тех кругов, которые выступали за незамедлительное сближение с Сербией не на словах, а на деле. Так, речь бывшего министра финансов Дрлевича в поддержку заключения союза с Сербией нашла отклик по всей стране. О поддержке скупщиной сербско-черногорской унии свидетельствует телеграмма российского поверенного в делах в Цетинье Обнорского от 12 февраля 1914 г., который сообщал, что в заявлении скупщины «указывается на необходимость для Черногории поддержать братское объединение с Сербией и по-прежнему опираться на свою вековую покровительницу – Россию»⁶.

Определение рамок и основных принципов сербско-черногорской унии содержалось в письме князя Николы к королю Петру от 2 марта 1914 г. В нем говорилось: «После великих страданий, несчастий и трудностей ... наш народ в прошедшей войне ... проявил храбрость и выносливость ... заложив тем самым прочную основу к единой согласованной деятельности ... и облегчил нам осуществление остальных национальных устремлений». Черногорский правитель обозначил сферы объединения (военная, дипломатическая и финансовая), а также выразил свое стремление заключить унию на основе принципа равноправия и сохранения независимости государств и династий двух стран. Кроме того он охарактеризовал предстоящий союз как один из первых шагов в направлении к реализации всесербского и югославянского объединения: «не только наши народы в Сербии и Черногории будут рады предстоящему соглашению, но и все еще не освобожденные братья сербы и югославы в совокупности». Князь Никола подчеркнул необходимость поддержки унии со стороны России. Он выразил надежду, что она как «наша вековая покровительница даст свое материнское благословение». В качестве практической меры к заключению сербско-черногорской унии он предусматривал проведение совещания «одного или двух представителей от обоих государств с целью выработки плана единой деятельности наших стран»⁷.

Следующим шагом цетиньского правительства стало официальное поручение Миюшковичу сообщить об отношении сербской стороны к возможному соглашению с Черногорией. По словам Гартвига, осторож-

ный Миюшкович хорошо знал переменчивость настроений «господаря» и воздержался от выражения личных взглядов, но обстоятельно изложил суть бесед на эту тему с представителями различных политических партий Сербии. Миюшкович констатировал, что все они выражали искреннее желание установить тесную дружбу с Черногорией. По его мнению, представители сербской стороны считали, безусловно, необходимым сохранение династий и полной независимости обоих государств, что, в свою очередь, не должно мешать торгово-экономическому, финансовому и военному объединению.

Донесение Миюшковича рассеяло опасения князя Николы, всегда подозревавшего сербское правительство в тайных замыслах добиться объединения Сербии и Черногории под скипетром Карагеоргиевичей. Черногорский правитель провел в Цетинье двухнедельное совещание с Миюшковичем по поводу заключения соглашения об объединении и установлении общего административного, финансового и военного управления. Князь Никола подтвердил свое основное условие – сохранение обеих династий и политической индивидуальности сербской и черногорской сторон. Совещание проходило на фоне ухудшающейся экономической обстановки в Черногории, о чем свидетельствует письмо российского посланника в Цетинье Гирса от 9 апреля 1914 г., в котором сообщалось об «отчаянном положении черногорцев после двух войн»⁸.

28 апреля 1914 г. князь Никола отправил собственноручное письмо к сербскому королю Петру, в котором сообщил о назначении Л. Миюшковича своим доверенным лицом «в качестве чрезвычайного и полномочного посла» в Сербии. Перед последним ставилась задача разработать все детали сербско-черногорского союза⁹.

Следует отметить, что сербское руководство в это время не рассматривало унию с Черногорией как путь к объединению двух государств, тем более к их слиянию. Правительство в Белграде стремилось к военному, финансовому и дипломатическому союзу с Цетинье. В ответ на инициативы черногорского князя оно постаралось проявить особую деликатность и максимально сгладить сербско-черногорские противоречия в вопросе сохранения династии и независимости Черногории. Об этом свидетельствует и текст телеграммы российского посланника в Белграде Гартвига от 17 марта 1914 г.: «Предложение господаря принимается Сербией как давно желанный шаг к сердечному примирению и сближению в интересах обоих государств, а вовсе не к слиянию, о котором здесь при нынешних условиях и не помышляют. Сохранение династии и полной государственной независимости является основным условием. Соглашение должно

иметь скорее культурный характер, коснется оно областей финансовой, торговой, таможенной, путей сообщения, дипломатической и отчасти военной лишь в смысле объединенной защиты владений...»¹⁰.

20 марта 1914 г. король Петр отправил ответное послание князю Николе, в котором отметил «неизмеримую радость ... что намерения двух сербских правителей относительно совместных интересов совпадают». Принимая предложение, он выразил надежду на то, что подобное «братское соглашение послужит наилучшей основой для будущего сербского народа» и уполномочил Н. Пашича на проведение переговоров об унии¹¹.

Хотя согласие о заключении унии между главами Сербии и Черногории и было достигнуто, сербский премьер-министр Н. Пашич понимал, что положено только начало совместному пути, и осознавал всю опасность искусственного ускорения хода событий. Он считал необходимым соблюдать крайнюю осторожность в переговорах с Черногорией даже по вопросам, которые не касались внешней политики. В депеше Гартвига от 25 марта 1914 г. сообщалось, что «как в Сербии, так и в Черногории решительно все отдают себе ясный отчет в том, что после происшедших на Балканах событий, рано или поздно, слияние обоих государств неминуемо осуществится.... Проектируемое ныне сербо-черногорское соглашение призвано положить основание для указанной работы»¹².

В основе позиции Н. Пашича лежало стремление свести заключение предстоящего союза к практическим шагам и оставить в стороне все рассуждения о не освобожденных еще сербских братьях и в целом о югославянстве. В первую очередь, по его мнению, следовало подумать о мерах, которые на деле позволили бы скрепить узы единокровных народов. Н. Гартвиг сообщал о подтверждении Н. Пашичем своей прежней позиции по вопросу создания сербско-черногорской унии на основе сохранения династий и независимости обоих государств. В качестве конкретных шагов он предлагал объединить армии и сохранить в руках обоих монархов верховное командование над частями, расположенными в пределах каждого королевства, учредить общий для объединенных армий генеральный штаб, который занимался бы военными вопросами. Н. Пашич стремился установить согласованную внешнюю политику Сербии и Черногории с участием общих для обоих государств заграничных представительств и создать общий тип судебных и административных учреждений, объединить финансы, таможню, почту и телеграф, а также облегчить прямые торговые отношения, ввести единую паспортную систему, единоеобразное денежное обращение и совместно приступить к усовершенствованию путей сообщения. В дипломатической области Н. Пашич планиро-

вал «установить полную солидарность» с тем, чтобы «совместными усилиями ограждать владения обоих государств»¹³.

Заключение сербско-черногорской унии было для Черногории жизненно необходимым. Весной 1914 г. в стране резко ухудшилась социально-экономическая ситуация. Власть оказалась не в состоянии должным образом организовать обустройство территорий, отошедших к Черногории после Второй балканской войны. Это вызвало недовольство населения и его бегство из страны. Неспособность правительства управлять страной усугублялась затяжным политическим кризисом, разраставшимся конфликтом между монархом и кабинетом по поводу внутривластной политической ситуации и колебаний князя относительно конкретных шагов по заключению унии с Сербией, что представлялось для народа и правительства естественным и единственным выходом. В связи с этим российский поверенный в делах в Цетинье Обнорский доносил в Петербург 10 марта 1914 г., что «с установлением... общей сербско-черногорской границы естественным образом встал на очередь вопрос о дальнейших взаимоотношениях двух родственных сербских племен, из которых одно является многочисленным и культурным, причем победоносным в только что завершившейся борьбе балканских народов, а другое малочисленно, бедно культурно и еще беднее экономическими ресурсами... Такое же мнение высказывают политические круги и печать»¹⁴.

К концу марта ситуация в Черногории еще более обострилась, что нашло выражение как в росте просербских симпатий, так и в недовольстве политикой властей и самого князя. Особенно радикально против него была настроена молодежь. «Здесьшний черногорский посланник, — сообщалось в депеше Гартвига из Белграда от 25 марта 1914 г., — не раз в доверительных беседах указывал на крайне тяжелое, почти безвыходное положение своей родины, где во всех слоях населения растет и ширится протест, захватывая даже круги, наиболее близко стоящие к Николаю». Гартвиг указывал на открытую конфронтацию членов правительства, поддерживающих идею союза с Сербией, с политической линией князя: «Среди не только бывших, но и нынешних членов правительства, порою чуть не открыто возлагается ответственность за претерпеваемые Черногорией бедствия на самого господаря, ничего не сделавшего для народного благосостояния и просвещения». Ссылаясь на слова Миюшковича, российский посланник отмечал неуверенность и тревогу, с которыми черногорцы смотрят в будущее. «В Цетинье, — продолжал Гартвиг, — можно слышать выражение искреннего сожаления по поводу проявленной сербами братской щедрости при обоюдном размежевании завоеванных земель (присоединенные территории оказались непо-

сильным бременем для государства. – А.М.). Особенно тяготятся черногорцы приобретением Печско-Дьяковской полосы, из-за которой князь Николай с ближайшими советниками чуть не затеял ссоры с Белградом, настаивая на присоединении к ней и Призрена. Идея, если не о полном слиянии с Сербией, то о самом тесном сближении с нею, действительно приобретает все более и более рьяных сторонников в Цетинье»¹⁵.

Неспособность правительства Черногории разрешить даже первоочередные экономические и социальные проблемы как в центральных районах, так и на новоприсоединенных территориях вызвала повсеместное бегство населения: из «старой» Черногории в Америку, из новых земель мусульмане переселялись в Турцию, а православные жители Санджака – в Сербию. По мнению А. Гирса, разочарование населения было настолько велико, что уже ни выдача денег, ни политическая помощь не могли предотвратить этого. «Подавляющее большинство населения не ищет новых путей общественной и государственной жизни, а рассчитывает на помощь извне... Единственное спасение страны заключается в поглощающих объятиях Сербии. Возврата к прежним условиям государственного бытия и управления Черногории быть не может»¹⁶.

Несмотря на социально-экономическую обусловленность сближения Сербии и Черногории, заключение унии между ними осложнялось целым рядом факторов. Среди внутренних выделялись династический антагонизм и территориальные споры Черногории и Сербии. Внешним фактором стала позиция соседних государств – Австро-Венгрии и Италии, которые, исходя из собственных интересов, настаивали на сохранении династии Петровичей и независимости Черногории¹⁷.

На позицию черногорского двора, хотя и осознававшего необходимость сближения с Сербией, сдерживающее влияние оказал династический вопрос, превратившийся в труднопреодолимое препятствие, так как углубление союза Сербии и Черногории с перспективой их дальнейшего объединения было несовместимо с сохранением династии Петровичей. Сторонники объединения автоматически превращались в противников черногорской династии и существования Черногории как независимого государства¹⁸. Тем не менее для Черногории, чрезвычайно ослабленной двумя балканскими войнами, заключение унии с Сербией являлось единственно правильным решением. Князь Никола, отдавая себе в этом отчет, стремился заключить союз с Сербией, но ограничить его определенными рамками, чтобы отстоять собственные династические интересы и статус независимости Черногории. Однако он так и не смог полностью преодолеть недоверие по отношению к сербскому правительству, подозревая, что

объединительная риторика с сербской стороны является, по сути, лишь прикрытием для «великосербских устремлений». Сомнения князя перевесили аргументы в пользу сближения с Сербией и обусловили затягивание переговоров, а впоследствии привели к отказу от заключения унии.

Осложняли сербско-черногорские отношения и территориальные споры. Как сообщал Н. Гартвиг из Белграда 12 марта 1914 г., между двумя странами начались острые препирательства по поводу северной полосы Новопазарского Санджака от старой черногорской границы до Крайней Восточной Высоты 1 386 у деревни Докаро, которую Сербия уступила Черногории по разграничительному соглашению от 30 октября 1913 г., но неожиданно в одностороннем порядке присоединила к своей территории, введя туда свои войска в начале марта 1914 г.¹⁹

За внешнеполитическими маневрами Сербии и Черногории пристально следили Австро-Венгрия и Италия. Сербско-черногорский союз мог усилить оба славянских государства и помешать экспансионистским замыслам этих держав в отношении славянских территорий Балканского полуострова. В этой связи генеральной линией австро-венгерской и итальянской политики становится поддержка черногорского сепаратизма, сохранение династии Петровичей и противодействие планам сближения Сербии и Черногории. В депеше российского поверенного в делах в Цетинье Обнорского от 12 января 1914 г. сообщалось о беседе с австрийским посланником Г. Отто по поводу текущих вопросов черногорской внешней и внутренней политики. Последний заявил, что Австрия стремится отдалить момент слияния Черногории с Сербией, и «если бы этому слиянию и суждено было совершиться, то она намерена поддерживать династию Петровичей»²⁰. Согласно сообщению российского дипломата, ни Сербии, ни Черногории не удалось сохранить конфиденциальность и избежать вмешательства внешних сил. Обнорский отметил особую заинтересованность соседних держав – Австрии и Италии, которые, допуская возможность и даже неизбежность сербско-черногорского объединения в будущем, «серьезно опасались последствий такого слияния, если бы оно совершилось ныне же, пока обе эти державы не успели принять мер к ограждению своих весьма серьезных интересов». Для Австро-Венгрии и Италии «наиболее целесообразным выходом, по мнению Обнорского, является хотя бы временное поддержание Черногории в качестве самостоятельной политической единицы под традиционным покровительством России»²¹.

Внутренние и внешнеполитические осложнения замедлили подготовку заключения союза между Сербией и Черногорией. В депеше Н. Гартвига от 6 мая 1914 г. говорится о затишье, наступившем после проведения

конкретных шагов по заключению сербско-черногорской унии: «После того, как черногорский и сербский короли обменялись трогательными собственноручными письмами, дело предположительного союза между обоими родственными государствами на некоторое время совсем заглохло». Далее он отмечает, что Л. Миошкович сначала получил от черногорского князя предписание окончательно переговорить с Пашичем о возможных условиях сербско-черногорского соглашения и незамедлительно прибыть в Цетинье с готовой программой. Но затем в подготовке унии наступает пауза, вызванная, по мнению Гартвига, поворотом в настроении князя Николы, который «весьма холодно принял своего посланника»²².

Среди факторов, повлиявших на отказ черногорского князя от заключения унии, российский посланник в Цетинье А. Гирс выделяет: разногласия князя Николы и его подданных относительно того, что является залогом успешного развития Черногории; вмешательство «заинтересованных третьих лиц, не преминувших воспользоваться обстоятельствами в своих целях»; а также стремление черногорского правителя «искать опоры в этих заинтересованных третьих лицах»²³. Двойственность политики князя выразилась, с одной стороны, в его сближении с сербским правительством, а с другой, в стремлении заключить союз «особым образом», чтобы он не затронул интересов династии Петровичей и независимости Черногории. Князь Никола отстранил своих министров от участия в подготовке унии, и они не приняли участия в совещании с Л. Миошковичем. В момент бурных объяснений с князем Миошкович попытался переломить настроения Николы в пользу подписания унии, заявив ему, что «единственное спасение для Вас и Вашей династии лежит в опоре на Сербию». Однако, как сообщал Гирс, «Николай сделает все, чтобы соглашение не состоялось»²⁴.

Переговоры Сербии и Черногории относительно заключения унии перед Первой мировой войной успехом не увенчались. Однако они показали, что среди руководства двух славянских государств осознавалась необходимость более тесного сотрудничества в военной, дипломатической и финансовой сферах. Социально-экономические трудности и вызванный ими кризис власти в Черногории обусловили заинтересованность черногорских властей в союзе с более развитой Сербией. Исходя из понимания сложившейся обстановки, князь Никола выступил с инициативой заключения унии, но при условии сохранения династии Петровичей и независимости Черногории. Сербское правительство, не ущемляя интересов черногорского двора, предложило договориться об осуществлении конкретных мер, направленных на сближение Сербии и

Черногории. Однако как разногласия между ними, так и противодействие Австро-Венгрии и Италии привели к отказу Черногории от союза с Сербией. Это имело негативные последствия для взаимоотношений двух стран. В Первую мировую войну они вступили в значительной степени разобщенными, что проявилось как на фронтах, так и на международной арене при выработке совместных внешнеполитических акций.

Примечания

- ¹ *Карасев А.В.* Сербские национальные программы и борьба за их реализацию в 1856–1878 гг. // На путях к Югославии: за и против. Очерки национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 129.
- ² *Достяк И.С.* Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы // На путях к Югославии. ... С. 94.
- ³ *Вујовић Д.* Уједињење Црне Горе и Србије. Титоград, 1962. С. 17–25.
- ⁴ *Ракочевић Н.* Црна Гора у првом светском рату 1914–1918. Цетинье, 1969. С. 43.
- ⁵ *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata. Титоград, 1988. С. 350
- ⁶ АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде 1841–1914. Оп. 508/Л. 1914. Д. 176. Телеграмма от 12/25 февраля 1914 г.
- ⁷ Архив Сербской Академии наук и искусств (далее – Архив САНУ). Краљ Никола – Краљу Петру (1914). Бр. 9771. Л. 1–3.
- ⁸ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/Л. 1914. Д. 176. Письмо от 9 апреля 1914 г.
- ⁹ Архив САНУ. Бр. 9773. Л. 1.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/Л. Телеграмма от 17/30 марта 1914 г.
- ¹¹ См. примеч. № 7.
- ¹² АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/Л. Деша от 25 марта 1914 г.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Деша от 10 марта 1914 г.
- ¹⁵ Там же. Деша от 25 марта 1914 г.
- ¹⁶ Там же. Письмо от 31 мая 1914 г.
- ¹⁷ *Шкерковић Н.* Црна Гора за вријеме првог светског рата. Односи са Србијом. Титоград, 1963. С. 6.
- ¹⁸ *Ракочевић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије 1903–1918. Цетинье, 1981. С. 250.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/Л. Деша от 12 марта 1914 г.
- ²⁰ Там же. Деша от 12 января 1914 г.
- ²¹ Там же. Деша от 10 марта 1914 г.
- ²² Там же. Деша от 6 мая 1914 г.
- ²³ Там же. Письмо от 17 мая 1914 г.
- ²⁴ Там же.

Югославянское движение в Южной Америке в 1914–1917 годах (по донесениям российского дипломата Е.Ф. Штейна)

В отечественной историографии о сербах, хорватах и словенцах в Южной Америке, равно как и о югославянском движении, развернувшемся там во время Первой мировой войны, практически ничего не написано. Упоминания о деятельности югославянских эмигрантов, направленной на содействие освобождению и объединению югославянских народов, можно встретить только в отдельных публикациях, посвященных образованию Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г.¹ Более подробно рассмотрена история славянской эмиграции из европейских стран в целом – в Южную Америку, причем особое внимание российских исследователей уделено польским, украинским и русским переселенцам².

В работах о Первой мировой войне и создании Югославии, вышедших из-под пера английских и американских историков, затронуты лишь некоторые аспекты деятельности югославян в Южной Америке, однако их движение за объединение родины исследовано не было³.

Об историографической традиции изучения югославянского движения в Южной Америке в 1914–1918 гг. можно говорить только применительно к югославской (сербской и хорватской) исторической науке. Этот сюжет нашел отражение как в мемуарах самих участников движения, так и в многочисленных работах о югославянах в годы войны, в частности о Югославянском комитете в Лондоне⁴. Неоднократно и югославянская эмиграция в Южной Америке становилась объектом специальных исследований⁵. Ей посвящен также ряд публикаций документальных материалов⁶.

Однако несмотря на наличие публикаций, так или иначе связанных с югославянским движением в Южной Америке, материалы российских архивов по данной проблематике до сих пор остаются неизученными, хотя, на наш взгляд, они представляют немалый интерес. В фондах Архива внешней политики Российской империи нами обнаружен целый

комплекс писем и донесений поверенного в делах России в Буэнос-Айресе, статского советника Евгения Федоровича Штейна *, содержащих подробные сведения о югославянском движении в Южной Америке.

После окончания Санкт-Петербургского университета в 1892 г. Е.Ф. Штейн был причислен к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел и до своего назначения в 1908 г. секретарем российской Миссии в Рио-де-Жанейро служил в Китае, Корее, а также в Черногории ⁷. Находясь в Цетинье, он имел возможность непосредственно познакомиться с историей, культурой и традициями многих югославянских народов. Поэтому не вызывает сомнения его компетентность в этих вопросах. Говоря о личных и профессиональных качествах российского дипломата, уместно, на наш взгляд, привести мнение о нем начальника упомянутой Миссии П.В. Максимова: «Первый секретарь Миссии, статский советник Штейн, более года состоит поверенным в делах в Буэнос-Айресе, где Императорское Правительство имеет весьма многочисленные и сложные интересы и где почти два года не было нашего дипломатического представительства. Господину Штейну удалось установить, при весьма нелегких условиях, наилучшие отношения с аргентинскими властями и ликвидировать немало дел, потребовавших много хлопот и настойчивости, причем все поручения, кои мною давались этому способному и усердному чиновнику, исполнялись самым тщательным и успешным образом» ⁸.

Хранящиеся в архиве письма и донесения Штейна были составлены в 1915–1917 гг., однако они содержат сведения о югославянах в Южной Америке с начала XX в. Материалы донесений являются ценным источником по истории югославянской эмиграции довоенного периода и югославянского движения, начиная с 1914 г. В них освещается жизнь и деятельность сербских, хорватских и словенских переселенцев до Первой мировой войны, распространение зародившегося в начале войны «всесербского» движения в Южной Америке, противоречия между его участниками, деятельность Югославянского комитета и Югославянской объединенной оmlадины (молодежи), взаимоотношения этих организаций с местными югославянами, отношение южноамериканских югославян к претензиям Италии на югославянские территории, добровольческое движение среди иммигрантов. Интерес представляет не только сам фактический материал, но и комментарии Штейна по затрагиваемым вопросам.

* Копии некоторых донесений Штейна находятся в фонде Департамента полиции за 1916 г. в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

В настоящей статье на основе указанных архивных материалов рассматривается возникновение и эволюция югославянского (или «всесербского», как его называет российский дипломат) движения в Южной Америке, в частности в Аргентине и Чили, в 1914–1916 гг.

В начале XX в. подавляющее большинство югославянских переселенцев в Южной Америке составляли хорваты из Далмации, прилегающих к ней островов и Дубровника, покинувшие родину в силу экономических и политических причин. Как отдельную группу в югославянской эмиграции можно рассматривать черногорцев. Кроме того, в нее входили немногочисленные уроженцы Герцеговины и македонские сербы. Большая часть югославян расселилась на территории Аргентины, Чили, Боливии, Перу. Несколько меньше их было в Уругвае, Парагвае и Бразилии⁹. Предположительно их численность составляла от 25 до 50 тыс. человек¹⁰. Переселенцы занимали практически все ступени социальной лестницы. Причем в более выгодном положении они находились в Чили, Боливии и Перу, в то время как уровень жизни многих эмигрантов в Аргентине был даже ниже, чем до их приезда в Южную Америку¹¹. Уровень грамотности переселенцев в Чили был выше, чем в Аргентине. По мнению Л. Антича, недостаток образованных людей тормозил политическую организацию югославян в Буэнос-Айресе во время войны¹².

Эти выводы исследователей находят подтверждения в донесениях Штейна. В Аргентине, по его словам, «насчитывается, при сравнительно незначительном числе сербов и черногорцев, около 25 000 австрийских южных славян, преимущественно хорватов и далматинцев, из коих лишь сравнительно немногие достигли значительного материального благосостояния, большинство же живет хотя и безбедно, но скромно. Наоборот, в Чили общее количество славян – австрийских выходцев доходит самое большее до 5 000 человек, но зато большинство их сильно разбогатело на новой родине и составляет на местах, где прочно осел этот элемент, наиболее влиятельный контингент в делах муниципального управления, а также в смысле общественном»¹³. В другом донесении российский дипломат сообщает: «Выходцев из Сербии и Черногории в Южной Америке довольно много ... Все это люд бедный и простой, служащий на полевых работах и поденщиками на различных железнодорожных, портовых и иных строительных работах – элемент вообще спокойный и трезвый, проходящий в здешней сутолочной жизни бесследно и незаметно ... Помимо этого чисто сербского элемента в Аргентине, и еще более в Чили, проживает значительное число южных славян австрийских подданных. Некоторые из них достигли миллионных состояний на пароходных,

колонизаторских и иных предприятиях, большинство пристроилось в различных здешних аргентинских и иностранных администрациях, некоторые занимаются торговлей, все хорошо грамотны, прекрасно овладели испанским языком, многие из них архитекторы, техники и инженеры с европейским образованием»¹⁴. Штейн замечает при этом, что «среди югославянского элемента эти австрийские сербы являются единственными, которые по своему материальному положению и умственному развитию способны оказать поддержку славянской идее и сознательно противодействовать стремлениям Австрии уничтожить всякую мысль о создании единой Великой Сербии»¹⁵.

Известно, что уже в довоенный период хорватские эмигранты в Южной Америке основывали многочисленные общества и организации различного характера, как культурные и спортивные, так и чисто политические, издавали газеты и журналы, придавая большое значение развитию журналистики и печатного дела¹⁶.

Об организациях югославян в Аргентине Е.Ф. Штейн писал: «Уже с давних пор эмигранты эти сорганизовались здесь в различные общества и клубы, и хотя последние и назывались всегда австро-венгерскими, но в них свято хранились славянские традиции, идеалы и язык»¹⁷. А о переселенцах в Чили дипломат сообщал: «Еще задолго до настоящей войны южнославянские выходцы в Чили, в огромном большинстве далматинцы, одинаково хорваты-католики из северной Далмации и сербы-православные из южной, стремились определить свою отдельную и особенную расовую сербскую национальность в глазах местного правительства и общества, учреждая сербо-славянские общества, членом коих может быть любой славянин – русский, чех, поляк – австро-венгерского или иного подданства, но из коих категорически исключаются, хотя бы и австрийцы, но не славянской крови»¹⁸.

Кроме того, эмигранты пытались определить свою позицию по отношению к европейским странам, и зачастую их общественная деятельность была откликом на происходящие там события. «В программу этих ассоциаций, – указывал Е.Ф. Штейн, – неизменно входит догмат о России как призванной и признанной покровительницы славянства»¹⁹, и по этому поводу небезынтересно отметить телеграмму с пожеланием победы нашему воинству в войне с Японией, посланную государю императору клубом «Славянский Дом» в Икике. Ответ нашего Министра Иностранных Дел, с благодарностью его величества за выраженные чувства, переданный в Икике нашей Миссией в Бразилии и вделанный в рамку, и поныне хранится как ценная реликвия в «Славянском Доме»²⁰.

Основное внимание югославян в Южной Америке было приковано к событиям, происходящим в Австро-Венгрии и Сербии. По свидетельству Е.Ф. Штейна, «когда в 1903 г. по поводу происшедших в Хорватии кровавых беспорядков Император Франц-Иосиф отказался принять хорватскую депутацию»*, то славянские общества в Чили участвовали в тщательно разработанной акции протеста против австро-венгерской политики²¹. Когда же «после балканской войны в Далмации стала все более и более укрепляться идея воссоединения ее с Королевством Сербией, движение это тотчас же нашло живейший отклик в чилийских далматинцах, выразившийся в появлении в Антофагасте газеты “Покрет” (Вперед)**, ныне “Югословенска Држава” (Югославянское Государство. – ЮЛ.), а в Пунта Аренас – газеты “Югословенская Домовина” (Отечество)^{22***} для пропагандирования идеи, что хорваты, сербы и словенцы, живущие в Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговине, Далмации, Хорватии, Славонии, Истрии, Гориции и Карнии (Каринтии. – ЮЛ.), один народ, с одним языком, общими традициями и проч.», – писал российский дипломат о реакции эмигрантов на события Балканских войн (1912–1913 гг.)²³.

В довоенный период югославянские переселенцы в Южной Америке, подавляющее большинство которых составляли хорваты из Далмации, основали целую сеть организаций и поддерживали контакты с родиной, что позволяет говорить о наличии в среде переселенцев достаточно развитого национально-культурного движения. Более того, определенная часть эмигрантов еще до Первой мировой войны выступала против австро-венгерской политики в отношении югославян и в поддержку Сербии.

Начало Первой мировой войны в Европе вызвало всплеск антиавстрийских настроений югославян в Южной Америке и повлекло за собой активизацию их общественной деятельности. В ответ на объявление Австро-Венгрией войны Сербии в Буэнос-Айресе хорватами было образовано общество Хорватская стража²⁴. После того как австро-венгерское консульство в Буэнос-Айресе обратилось к бывшим подданным Империи с призывом отправиться на родину для выполнения воинского долга в рядах ее армии, общество провело 3 августа 1914 г. «народное собрание сербов и хорватов». На нем югославяне составили «Мани-

* Е.Ф. Штейн, видимо, имел в виду антивенгерские выступления в 1903 г. в Хорватии, когда для их подавления были использованы войска и имелись жертвы.

** Точный перевод с сербскохорватского языка названия этой газеты – «Движение».

*** Точный перевод – «Югославянское Отечество».

фест к народам славянской крови Австро-венгерской монархии», в котором призывали к совместной борьбе против Австро-Венгрии²⁵.

О значении этого события в истории югославянского движения чешская исследовательница Милада Паулова пишет: «Этот манифест ожилил политическую борьбу в Южной Америке. На Атлантическом побережье ... в городах раздавались листовки, и начался сбор денежных пожертвований»²⁶. Однако, по ее оценке, результат этого начинания был временным, а все эти действия в большей степени имели характерные черты манифестации. Когда же первый эмоциональный всплеск прошел, переселенцы продолжили только сбор средств в пользу Сербского и Черногорского Красного Креста²⁷.

В то же время и в Пунта Аренасе был образован специальный комитет, организовавший сбор пожертвований, и развернулась антиавстрийская кампания в прессе²⁸. Издававшаяся там газета «Домовина» (Отечество) с самого начала войны имела антиавстрийскую направленность и до образования в 1916 г. политической организации приверженцев югославянской идеи была координатором их деятельности²⁹. Общество Хорватская стража стало издавать газету «Слобода» (Свобода), которая выступала против Австрии и за югославянскую идею³⁰. И уже в ноябре 1914 г. в Антофагасте появляется проюгославянская газета «Покрет» (Движение).

Видный член Югославянского комитета Анте Мандич в своих очерках истории югославянского движения вспоминал, что как только Австрия объявила Сербии ультиматум, эмигранты начали издавать свои газеты, в которых выступали за объединение с Сербией и призывали отправлять туда добровольцев³¹. Это находит подтверждение в донесениях Штейна. Более того, кампания направления добровольцев на Балканы сразу имела практические результаты. «С момента объявления войны, — писал русский дипломат, — большое число сербов и черногорцев прибывали в миссию для приведения в порядок своих паспортов. Все отправлялись на родину, воодушевленные пламенной любовью к отечеству и готовностью положить за нее жизнь — свое единственное достояние»³².

Из его донесений также видно, что аргентинские югославы обращались в российскую Миссию за помощью в организации своей деятельности в стране: «В самом начале войны от них ко мне явилась депутация, в эмблемах из сербских национальных цветов, с заявлениями о своих сербских чувствах и с просьбой руководить ими в их борьбе, печатно и словом, против австрийского владычества»³³. Хотя ожидания

эмигрантов не оправдались в полной мере, их визит не был безрезультатным. Е.Ф. Штейн «обещал им самую широкую поддержку» «на неполитической почве, во всем, что касается распространения сведений о Сербии и Черногории, истории и быте этих стран в наиболее симпатичном освещении, и ко всякому благотворительному почину в пользу сербских больных, раненых и беженцев»³⁴. И когда эмигранты через некоторое время после начала войны попытались организовать сбор средств в пользу Сербского Красного Креста, российское дипломатическое представительство в Буэнос-Айресе оказало им поддержку³⁵.

Связанные с Первой мировой войной события в Европе всколыхнули общественную деятельность югославянских переселенцев, стимулировали возникновение в их среде общественных организаций, выступавших в поддержку Сербии. Однако эта активность выразилась преимущественно в манифестациях и в кампании в славянской прессе. Эмигранты высказывались против Австро-Венгрии и за освобождение югославянских территорий, входивших в ее состав. В то же время их практическая деятельность, зачастую спонтанная, была связана со сбором средств в пользу Сербии и Черногории и отправкой добровольцев в Европу.

Рассматривая развитие объединительного движения югославян в Южной Америке, нужно иметь в виду, что среди них (так же, как в Европе) были и сторонники политики Габсбургской монархии. Их пропагандистская деятельность, равно как и действия австро-венгерских дипломатов и агентов, препятствовала объединению. Например, в 1914 г. газете «Слобода» противостояло хорватское издание «Заедница» (Сообщество), ориентировавшееся на хорватскую организацию Чистая партия права (или «Партия франковцев»³⁶, как ее называли по имени основателя И. Франка), выступавшую против какого-либо союза с сербами, проповедовавшую крайне националистические взгляды и клерикализм. «Заедница» поддерживала политику Вены и Будапешта, высказываясь против сербов³⁷. Позже, в 1918 г., Спиро Познанович* в письме сербскому премьер-министру Николе Пашичу сообщал о трех или четырех тысячах «аргентинских хорватов, которые называют себя исключительно австрийцами»³⁸.

По поводу австро-венгерской пропаганды Е.Ф. Штейн писал: «Нельзя сомневаться, что в большинстве югославянских ассоциаций в Южной Америке, под видом пламенных сербских патриотов, нашли

* В 1916 г. он был направлен сербским правительством в Южную Америку для формирования добровольческих отрядов.

туда доступ шпионы и агенты австрийского правительства, не только докладывавшие обо всем происходящем австрийским представителям, но и все время старавшиеся смущать умы пессимистическими предсказаниями о ходе военных событий на Балканах»³⁹.

Со временем выявились и другие факторы, ослаблявшие южноамериканское югославянское движение. Так, в связи с изменением военно-политической ситуации в Европе в 1916 г. обострились внутренние противоречия в среде аргентинских югославян, которые, возможно, явились следствием разногласий участников европейского движения за объединение славян на Балканах. В ноябре 1916 г. российский дипломат указывал на «внутренний раскол» в югославянском движении (в частности, в Аргентине), «вызываемый столкновением хорватских и сербских интересов на почве религиозной, а также толкованием той формулы, под какой должно совершиться объединение народов сербской крови»⁴⁰. И пояснял: «В начале движения подъем патриотического чувства, жалость к Сербии, негодование против Австрии и пр. объединили обе партии в одном чувстве, укрепляемом все растущую уверенность в нашей победе. Однако с некоторого времени я не могу не заметить, что первоначальная рознь начинает всплывать все с большею и большею определенностью и что в основе этого прискорбного явления лежит несомненно страх и неуверенность, под влиянием хода военных событий, в конечном благополучном исходе защищаемого нами дела»⁴¹.

На «опасность разлада на основании различия вероисповедания» между аргентинскими югославянами Е.Ф. Штейн указывал и в другом донесении за 1916 г.: «Большинство участников означенного движения ... – далматинцы, причем и здесь приблизительно сохраняется природная пропорция восьми–десяти православных на двести католиков. Первые, происходящие из Боки Которской и окрестностей, требуют создания единой Сербской державы, с присоединением к ней всей Далмации – католической и православной. Вторые, по-видимому, желают создания двух автономных областей под единым скипетром Дома Карагеоргиевичей, с присоединением Далмации к нынешней Хорватии. Затем, сербы-католики и сербы-православные никак не могут прийти к соглашению относительно Боснии и Герцеговины, так как первые опасаются, что в случае отхода этих земель к Королевству Сербии, население их подвергнется православной пропаганде и в силу тяготения к массе православного сербского народа будет вскоре потеряно для католической церкви»⁴². И далее: «На этом же основании многие из православных членов здешних югославянских кружков и комитетов подозревают Центральный, направляющий

все всесербское движение, Югославянский комитет в Лондоне в своекорыстных планах на пользу одной лишь Хорватии и вообще католических австро-сербских земель и в некоторой игре в прятки с нынешним законным сербским правительством»⁴⁸. Причем, как сообщал дипломат, «те же православные югославы недовольны избранием, предпочтительно перед ними, в члены правлений различных центральных комитетов и их отделений хорватов-католиков, усматривая в этом сознательно проводимую программу овладения именно католическими участниками югославянского движения руководящую в ней ролью»⁴⁴.

К сказанному добавим, что некоторое время спустя тот же С. Познанович будет писать, что чилийские хорваты – это «чистые югославы ... которые не проводят никакого различия между сербами и хорватами и думают только лишь о том, чтобы их земли освободились от власти Австрии, и пусть это государство называется как угодно и возглавлять его будет кто угодно»; в то время как «в Аргентине мало хорватов-югославы, они больше хорваты, нежели чистые югославы», а «господин Маркович, заместитель председателя общества Ядран», самый влиятельный среди местных хорватов ... полагает, что во главе будущей Югославии будут хорваты, потому что они культурнее и многочисленнее сербов»⁴⁵. По словам Познановича, единственный способ склонить «самых убежденных» аргентинских хорватов к принятию идеи Югославии – меньше говорить о Сербии, так как «они боятся, чтобы дикие сербы не обратили их в сербов и не навязали им свою веру ... И у сознательных югославы существует этот страх относительно веры»⁴⁶.

Определенная внутренняя нестабильность движения югославянских эмигрантов объяснялась еще и позицией отдельных его участников, преследовавших сугубо личные и не всегда благовидные цели. По этому поводу Е.Ф. Штейн писал в 1917 г.: «Уже с некоторого времени до меня доходят известия, что среди рекомендованных миссией различным союзным предприятиям, по просьбам “Ядрана”, членов этого общества из австрийских славян попадает все больше и больше лиц вполне преданных Австрии и записавшихся в члены “Ядрана” исключительно с целью избежать лишения заработка в союзных предприятиях»⁴⁷.

Таким образом, очевидно, что среди югославы в Южной Америке существовали противоречия как на религиозной, так и на политической почве. Эти противоречия, однако, были обусловлены положением на Балканском полуострове и уже непосредственно не затрагивали сла-

* Югославянское общество в Буэнос-Айресе.

вянских иммигрантов в Южной Америке, для которых они концентрировались в национально-культурной сфере. Вызванные этими противоречиями разногласия усугублялись пропагандистским противоборством двух воюющих блоков, стремившихся склонить на свою сторону общественное мнение славянских народов, что не обошло стороной и Южную Америку. Наконец, местные политические интересы и личные устремления лидеров славянских сообществ, при условии нечетко определенных позиций ряда эмигрантских организаций, не могли не отразиться на развитии югославянского движения в регионе. Все это объясняет причины идейной и организационной слабости югославянского объединительного движения в Южной Америке, несмотря на его относительно широкий размах и первоначальный патриотический подъем в кругах славян-иммигрантов.

Возвращаясь к истории формирования объединительного движения в Латинской Америке, отметим, что следующим шагом в его развитии было установление связи переселенцев с югославянской эмиграцией в Европе и их деятельность в 1915 г. по созданию единой «политико-экономической» организации переселенцев – Югославянская Народная Оборона (ЮНО)⁴⁸.

Большое влияние на становление югославянского движения в Южной Америке и, в частности на образование ЮНО, оказала деятельность представителя Югославянской объединенной оmlадины⁴⁹ Любо Леонтича, приехавшего за океан в сентябре 1915 г. для проведения агитации за югославянскую идею, и члена Лондонского комитета Мичи Мичича, прибывшего в Америку вскоре после приезда Л. Леонтича для пропагандистской работы среди эмигрантов и сбора средств на нужды Югославянского комитета. Е.Ф. Штейн охарактеризовал деятельность вышеназванных эмиссаров следующими словами: «Все́й этой организацией, в политическом смысле, выработкой и формулировкой программы различных югославянских организаций в Чили, объединением их под этой формулой, привлечением к делу пропаганды всесербской идеи новых adeptов, открытием в различных городах новых отделений, югославянское движение в соседней республике главным образом обязано неутомимой энергии, бескорыстию, пламенному патриотизму и недюжинному, увлекательному красноречию Любо Леонтича, между тем как упорядочению материальной его стороны много содействовал д-р Мича Мичич»⁵⁰.

⁴⁸ Югославянская объединенная оmlадина – организация югославянской революционной молодежи, нелегально созданная на Видовданском конгрессе в Вене в 1914 г.

Центральным событием в истории объединительного движения в Южной Америке стал Большой народный конгресс («Велики народни збор») в Антофагасте 23 января 1916 г. В нем приняли участие более 200 югославян из Чили, Аргентины, Боливии, Перу и Уругвая⁵¹. Его работа подробно освещалась в донесениях Е.Ф. Штейна.

Участники конгресса приняли резолюцию, в которой заявляли, что «храня вечную память о героях, павших на поле брани за национальную свободу и приветствуя свой доблестный народ в его борьбе за освобождение всех югославян и за объединение всех югославянских земель в одну державу», они дают «торжественную клятву стоять на этом до последнего человека»; приветствуют «всех товарищей союзников» и изъявляют «свою солидарность с резолюцией югославян на Большом конгрессе в Нише 23-го января (ошибка; должно быть 6 мая. — Ю.Л.) 1915 г.»⁵² Участники конгресса направили приветственную телеграмму сербскому королю Петру I⁵³.

Эмигранты приветствовали «сербско-хорватско-словенское единство не только в надежде на лучшее будущее, но и как выражение этнографической истины, которая должна быть закончена и политически, как она уже завершена морально». Кроме того, они выступили против возможного отторжения в пользу Италии Адриатического побережья и Приморья, на территории которых проживают сербы, хорваты и словенцы, поскольку «в противном случае отдача врагам (тем или другим) земель, за которые льется теперь кровь (Адриатическое побережье — Сербия, Хорватия и Словения), будет не только самой большой несправедливостью, но и вечным поводом для новых войн»⁵⁴.

В резолюции конгресса еще раз констатировалось, что югославяне, «порывая всякие связи с Австро-Венгрией и Габсбургским домом», предоставляют «себя и свое имущество в полное распоряжение сербской власти», а также подтверждают свое «совершенное доверие Югославянскому Главному Правлению в Лондоне (Югославянскому комитету. — Ю.Л.)», которое считают «законным представителем неосвобожденных еще из-под австро-венгерского ига югославянских земель». В ней также содержалось обращение к странам Антанты, «чтобы все союзные Сербии державы признавали» их «на основании этого заявления, как сотрудников в их общей борьбе с врагом и чтобы законные представители Тройного Соглашения защищали» их «интересы за границей»⁵⁵.

На конгрессе была принята программа дальнейшей деятельности: 1) «Сербы-хорваты-словенцы, под общим именем “югославян”, составляют один народ. Поэтому они требуют освобождения всех югославян

и объединения всех югославянских земель в одно единое независимое национальное государство»⁵⁶; 2) Болгары также являются южными славянами, но их государственная политика в настоящее время приходит в столкновение с югославянской политической программой; 3) Сербия является носителем югославянской идеи. Она – основа и центр югославянского государства. В столкновении сербской и болгарской политики югославы последовательно стоят на стороне Сербии. Они будут выступать против любой другой попытки создания отдельных государственных образований – словенского, хорватского или сербского, а также против любого нарушения целостности государственного единства югославы, равно как и против того, что самый маленький клочок югославянской территории из австро-венгерского господства перейдет под какую бы то ни было чужую власть; 4) Югославянские земли составляют Сербия, Черногория, Хорватия с Риекой, Славония, Далмация и Истрия с островами, Босния и Герцеговина, Триест с окрестностями, Горица, Градишка, Крайна, Южная Коруска, Южная Штирия, Прекомурье, Междумурье, Баранья, Бачка и Банат. Согласно этому югославы требуют создания своего государства по принципу национальности⁵⁷.

В принятой югославянами «Рабочей программе» подчеркивалось, что «Югославянская Народная Оборона» объединяет все югославянские колонии в Южной Америке в одну организацию для того, чтобы они общими силами оказали содействие осуществлению югославянских стремлений. В ней предусматривались следующие задачи деятельности ЮНО: 1) осуществление югославянской политической программы; 2) повышение социального и экономического уровня югославянских земель; 3) улучшение социальных и экономических условий жизни эмигрантов в Южной Америке⁵⁸. Однако во время войны основное внимание переселенцев было уделено исполнению первого пункта программы, а ЮНО стала исключительно политической организацией⁵⁹.

На конгрессе было завершено организационное формирование ЮНО и даже выработана «Финансовая основа» – один из уставных документов организации, регулировавший, в частности, финансовые отношения ЮНО и Югославянского комитета в Лондоне⁶⁰.

Таким образом, в январе 1916 г. в ходе конгресса в Антофагасте были приняты основополагающие документы южноамериканского югославянского движения, завершено конституирование его координационного центра и заложены основы единой финансовой структуры объединительного движения в Европе и Южной Америке.

По свидетельству Е.Ф. Штейна, в 1916 г. «югославянское движение в Южной Америке приняло следующую окончательную организацию: главным руководящим центром признается Югославянский комитет в Лондоне. От его имени и в полном согласии с ним действует во всей Южной Америке главный комитет «Югославенска Народна Одбрана» со своими тремя комитетами: в Антофагасте для северного тихоокеанского побережья (Северное Чили, Перу, Боливия), в Пунта Аренасе – для южного тихоокеанского побережья (Южное Чили и Магелланов пролив) и в Буэнос-Айресе – для атлантического побережья (Аргентина, Парагвай и Уругвай). Все сборы комитетов посылаются в Вальпараисо^{*}, которое с своей стороны отвечает за могущие получиться у комитетов дефициты по расходам на свое содержание и пропаганду. Помимо указанных трех главных, зависящих от Вальпараисо комитетов, отделения последних имеются в многочисленных местах Южной Америки ...»⁶¹.

В заключение российский дипломат констатировал, «что всесербское или, принимая в расчет чешский клуб в Кордобе, австро-славянское движение в Южной Америке, зачаточное существовавшее еще до войны, получило со времени и благодаря последней сильнейший толчок вперед, направивший его, силою осознанной опасности всему славянству и, в частности сербской национальности, по пути того единодушного и практического развития, которое заставляет смотреть на него, с одной стороны, как на вполне серьезный элемент борьбы славянства с германизмом, а с другой – как на признак чрезвычайной живучести сознания единства сербского племени ... Светоча всесербской идеи Австро-Венгрии угасить никогда не удастся: здесь на новом материке, на месте разгромленной Сербии, в короткое время возникла та же идейная Сербия, нестесненная в выражениях и преследовании своих целей страхом никаких шпионов, судов и виселиц. Как бы ни назывались различные югославянские организации в Южной Америке, какие бы разногласия не вызывали подчас созданные историческим ходом событий различия исповедания ... но сила и жизненность их и обеспечение конечного единства действия заключается в единодушно принятой в основу всех их помыслов формуле: единство сербского племени вне австрийского владычества, а всех их действий – возможно более широкая популяризация этой мысли и внушение ее правящим и мыслящим сферам тех держав, от коих в конечной мере и в момент ликвидации настоящей войны будет зависеть претворение в дей-

^{*} Город в Чили.

ствительность вековой мечты единой Великой Сербии»⁶².

Развернувшееся в начале Первой мировой войны на территории Южной Америки объединительное движение иммигрантов-славян имело целью оказание поддержки европейским соотечественникам в борьбе за освобождение югославянских земель, входивших в состав Австро-Венгрии, и объединение всех сербских, хорватских и словенских территорий в единое государство.

Пропагандистская и практическая деятельность в поддержку европейских югославян велась югославянами в Южной Америке уже с 1914 г. Однако поворотным моментом в развитии югославянского движения в Латинской Америке стал Большой народный конгресс в Антофагасте 23 января 1916 г., на котором были одобрены положения политической программы югославянской интеграции и завершено формирование организационной структуры югославянского движения в Южной Америке. Деятельность югославянских эмигрантов направлялась центральной организацией ЮНО и Югославянским комитетом в Лондоне. Открытое признание южноамериканскими югославянами династии Карагеоргиевичей и политической программы Сербии в то время, когда сербский народ переживал тяготы поражения, а сербский король и правительство находились за пределами страны – на острове Корфу, укрепило престиж Сербии⁶³. Практическая помощь югославянам в Европе заключалась в финансировании сербского и черногорского Красного Креста, Лондонского комитета и в формировании добровольческих отрядов.

Проявившиеся в ходе развития движения югославян в Латинской Америке противоречия и разногласия явились, в известной мере, зеркальным отражением тенденций и проблем, существовавших в открытой или латентной форме в европейском движении южных славян. Однако эти противоречия, хотя и существенно затруднили процесс формирования движения, не смогли нарушить его единства в наиболее принципиальных вопросах.

Примечания

¹ См., например: *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. М., 1975; *Шемякин А.Л.* Главнейшие задачи Юго-славян // Исторический архив. 1994. № 3. С. 103–127.

² См., например: *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Южной Америки (Исторический очерк). Киев, 1980; *Дик Е.П.* Из истории российской эмиграции в Аргентину (конец XIX – начало XX в.) // Латинская Америка. 1991. № 6. С. 79–86; *Нечаева Т.Ю.* Адаптация русских эмигрантов в Латинской Америке // Там же. 1996. № 12. С. 64–71; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М., 1997; *Заринов И.Ю.* Путь длиннее века

- (Поляки в Бразилии). М., 1998.
- ³ Zeman Z. The Break-up of the Habsburg Empire. 1914–1918. A Study in National & Social Revolution. London, 1961; May A. The Passing of the Hapsburg Monarchy 1914–1918. Philadelphia, 1966. Vol. 1 - 2; Seton-Watson H. & Ch. The Making of a New Europe. R. W. Seton-Watson and the Last Years of Austria-Hungary. Wash., 1981; Stokes G. The Role of the Yugoslav Committee in the Formation of Yugoslavia // Three Eras of Political Change in Eastern Europe. New York, 1997. P. 93–108.
- ⁴ Đorđević M. Srbija i Jugosloveni za vreme rata 1914–1918. Beograd, 1922 (1991); Paulova M. Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925; Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956; Leontić L. O Jugoslovenskom odboru u Londonu (Jugoslavenska narodna odbrana u Južnoj Americi i Jugoslavensko narodno vijeće u Washingtonu) // Starine. Zagreb, 1960. Knj. 50. S. 5–169; Mumrović A. Србија у Првом светском рату. Београд, 1984.
- ⁵ Stefanović-Đačić Z. O ulozi naših iseljenika u Južnoj Americi za vrijeme prvog svjetskog rata // Jugoslavenski odbor u Londonu i povodu 50-godišnjice osnivanja. Zagreb, 1966. S. 521–538; Antić L. Naše iseljeničtvo u Južnoj Americi i stvaranje Jugoslavenske Države 1918. Zagreb, 1987.
- ⁶ Šišić F. Documenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1914–1919. Zagreb, 1920; Ponošić H. Југословенски добровољци 1914–1918. Београд, 1980.
- ⁷ О. Е. Ф. Штейн см., например: Ежегодник министерства иностранных дел. 1893–1916; Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 159. Оп. 713. Д. 235. 1914–1915 гг. Л. 96 об.; Д. 43. 1907–1912 гг. Л. 38–39 об.; Оп. 749/3. Д. 26. 1908 г. Л. 241, 288; Оп. 749/4. Д. 304. 1911 г. Л. 1–4.
- ⁸ АВПРИ. Оп. 749/4. Д. 304. 1911 г. Л. 1 об.–2 (П. В. Максимов – А. А. Нератову, 22 ноября 1911 г., № 93); Оп. 726. Д. 29. 1911 г. Л. 16 об.–17 (П. В. Максимов – В. А. Арцимовичу, 26 июля 1911 г., № 135); Оп. 726. Д. 81. 1913 г. Л. 6–6 об. (П. В. Максимов – А. А. Нератову, 5 апреля 1913 г.).
- ⁹ См., например: Antić L. Op. cit. S. 9–17; Paulova M. Op. cit. S. 226; Ponošić H. Југословенски добровољци 1914–1918. Београд, 1980. С. X.
- ¹⁰ Antić L. Op. cit. S. 13; Paulova M. Op. cit. S. 226.
- ¹¹ Antić L. Op. cit. S. 18–24.
- ¹² Ibid. S. 24.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 177–177 об. (Е. Ф. Штейн – А. А. Нератову, 8/21 ноября 1916 г., № 365). Также о численности югославян российский дипломат упоминал в том же донесении А. А. Нератову: «Наибольшее число южных славян насчитывается в Аргентине – приблизительно 50 000 до войны» (Там же. Л. 184); и в донесении от 16/29 октября 1916 г., № 26 Б. В. Штормеру: «До войны в Аргентине и Чили вместе взятых сербов, черногорцев, далматинцев, хорватов и пр. насчитывалось самое большее 30–35 тыс. чел., рассеянных более или менее по всему обширному пространству этих республик» (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4031. 1916 г. Л. 13 об.).
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 171–171 об. (Е. Ф. Штейн – С. Д. Сазонову, 2/15 февраля, 1916 г., № 2.)
- ¹⁵ Там же. Л. 171 об.
- ¹⁶ Подробнее о югославянских организациях и журналистике в Южной Америке до Первой мировой войны см., например: Antić L. Op. cit. S. 26–38; Kusić M. Српска штампа 1768–1995: историјско-библиографски преглед. Београд, 1996. С. 426–432.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 184 (Е. Ф. Штейн – А. А. Нератову, 8/21 ноября 1916 г., № 365).
- ¹⁸ Там же. Л. 179 об.–180.
- ¹⁹ См.: Antić L. Op. cit. S. 41.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 180 (Е. Ф. Штейн – А. А. Нератову, 8/21 ноября 1916 г.,

- № 365).
- ²¹ Там же. Л. 180–180 об.
- ²² Л. Антич приводит такие данные о периодических изданиях: в Пунта Аренасе газета «Домовина» (Отечество) выходит с 12 июля 1908 г. по 7 декабря 1910 г., затем под названием «Ново доба» (Новое время) – с 17 июля 1911 г., далее вновь «Домовина» – с 6 марта 1913 г., наконец, «Югославенска домовина» (Югославянское отечество) – с весны 1916 г.; «Покрет» (Движение) появляется в Антофагасте в ноябре 1914 г., а в 1916 г., объединившись с газетой «Югославия», составляет новое издание – «Югославенска држава» (Югославянское государство). См.: *Antić L. Op. cit. S. 34–37.*
- ²³ ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 180 об.–181 (Е.Ф. Штейн – А.А. Нератову, 8/21 ноября 1916 г., № 365).
- ²⁴ *Šišić F. Op. cit. S. 4.*
- ²⁵ *Ibidem; Paulova M. Op. cit. S. 226; Antić L. Op. cit. S. 51; Stefanović-Đačić Z. Op. cit. S. 522.*
- В** «Манифесте» эмигранты выражали готовность отстаивать интересы «своего народа» «в час борьбы не на жизнь, а на смерть, между славянством и германизмом». Здесь же ими была намечена программа деятельности, целью которой объявлялось «освобождение от 400-летнего ига» власти Габсбургов. Она содержала несколько основных пунктов: 1) призвать к сотрудничеству в осуществлении поставленной цели «всех славян Австро-Венгерской монархии»; 2) «с этой целью организовать добровольческие отряды, которые при первом же удобном случае направить в Европу, чтобы они сражались в рядах сербской или французской армии» против Австро-Венгрии; 3) «провести акцию по сбору средств для реализации вышепринятого решения»; 4) «вступить в как можно более тесный контакт с сербской, русской, французской и английской колониями»; 5) «создать постоянный комитет по сбору средств для сербского “Красного Креста”»; 6) «все эти решения срочно сообщить славянским колониям в Южной и Северной Америке и призвать их присоединиться к нашей акции» (*Šišić F. Op. cit. S. 4.*)
- ²⁶ *Paulova M. Op. cit. S. 227.*
- ²⁷ *Ibid. S. 228.*
- ²⁸ *Ibidem.*
- ²⁹ *Antić L. Op. cit. S. 58.*
- ³⁰ *Paulova M. Op. cit. S. 228.*
- ³¹ *Mandić A. Op. cit. S. 25.*
- ³² ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 171 (Е.Ф. Штейн – С.Д. Сазонову, 2/15 февраля 1916 г., № 2).
- ³³ Там же. Л. 172. В другом письме, 8/21 ноября 1916 г. Е.Ф. Штейн пишет А.А. Нератову: «Несколько дней по объявлении нам войны Германиию, ко мне явилась многочисленная депутация здешних хорватов и далматинцев австрийских подданных, в лентах из сербских национальных цветов, с заявлением, что с этого дня они порывают всякую официальную связь со своим отечеством и просят принять их под покровительство императорской миссии» (Там же. Л. 202. № 374).
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Л. 202 об.–203 об.
- ³⁶ См., например: *Писарев Ю.А. Указ. соч. С. 31.*
- ³⁷ *Paulova M. Op. cit. S. 228.*
- ³⁸ Архив Србије. Заоставштина Николе Пашића (несрећена грађа).
- ³⁹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 350. 1916 г. Л. 74 (Е.Ф. Штейн – А.А. Нератову, 14/27 ноября 1916 г., № 31).
- ⁴⁰ Там же. Л. 73.

- ⁴¹ Там же. Л. 73–73 об.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 199 об.–200 (Е.Ф. Штейн – Б.В. Штормеру, 8/21 ноября 1916 г., № 30).
- ⁴³ Там же. Л. 200.
- ⁴⁴ Там же. Л. 200 об.
- ⁴⁵ См. прим. 38.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 350. 1917 г. Л. 122 (Е.Ф. Штейн – А.А. Нератову, 17/30 мая 1917 г., № 106).
- ⁴⁸ О создании ЮНО см., например: *Stefanović-Đačić Z. Op. cit. S. 522–527; Antić L. Op. cit. S. 61–71.*
- ⁴⁹ См., например: *Leontić L. Jugoslovenski odbor u Londonu i Jugoslovenska ujedinjena omladina // Jugoslavenski odbor u Londonu ... S. 243–258.*
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 182 об.–183 (Е.Ф. Штейн – А.А. Нератову, 8/21 ноября 1916 г., № 365).
- ⁵¹ См., например: *Paulova M. Op. cit. S. 230–234; Antić L. Op. cit. S. 113–128.*
- ⁵² Е. Ф. Штейн, видимо, ошибочно указал дату конгресса в Нише. Конгресс состоялся 6 мая (23 апреля) 1915 г. и собрал представителей сербского правительства, армии и скупщины, а также многочисленных представителей сербов, хорватов и словенцев из Австро-Венгерской монархии (эмигрантов и военнопленных). В ходе конгресса участниками была одобрена «Резолюция» о «полном и нераздельном народном единстве сербов-хорватов-словенцев не только как безусловной предпосылке лучшего будущего, но также и как этнографической и генетической аксиоме, которая должна реализоваться также и политически, как она уже реализована морально и духовно» (*Rezolucija jugosloven. kongresa u Nišu*). Цит. по: *Šišić F. Op. cit. S. 24.*
- ⁵³ Приветственная телеграмма сербскому королю Петру I: «Проживающие в республиках Чили, Аргентине, Боливии, Перу и Уругвае югославяне из неосвобожденных еще земель, собравшись на конгрессе в Антофагасте 23 Января 1916 г. и решив порвать всякую связь с Австро-Венгрией и связать свою судьбу с судьбою Сербии на вечные времена, посылают сердечное поздравление своему королю и владыке Петру I, отдавая в его распоряжение свое имущество и жизнь» (ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 196). См. также: *Paulova M. Op. cit. S. 231.*
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 195–195 об. (Е.Ф. Штейн – А.А. Нератову, 8/21 ноября 1916 г., № 365).
- ⁵⁵ Там же. Л. 195 об.–196. Текст резолюции также см.: *Antić L. Op. cit. S. 118; Paulova M. Op. cit. S. 230–231.*
- ⁵⁶ *Antić L. Op. cit. S. 118.*
- ⁵⁷ *Ibid. S. 118–119; ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 194–194 об.*
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Antić L. Op. cit. S. 119.*
- ⁶⁰ *Ibid. S. 119–123; Stefanović-Đačić Z. Op. cit. S. 527.*
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 102. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 183 об.–184.
- ⁶² Там же. Л. 191 об.–192 об.
- ⁶³ *Paulova M. Op. cit. S. 231.*

Борьба партий и группировок в Народной скупшине Югославии. 1919–1929 годы (К вопросу о характере сербского парламентаризма)

6 января 1929 г. король Александр распустил парламент, отменил конституцию и доверил формирование правительства внепартийному кабинету, который представлял разные части страны и был подчинен непосредственно монарху. В опубликованном в газете «Службене новине» королевском манифесте «Моему дорогому народу – всем сербам, хорватам и словенцам», в частности, говорилось: «Прибегать, как и раньше, к парламентской смене правительства или к новым выборам в законодательное собрание значило бы терять драгоценное время в тщетных попытках, отнявших у нас несколько последних лет. Мы должны искать новые методы работы и прокладывать новые пути»¹.

Чем руководствовался король, взяв инициативу в свои руки? Ситуация должна была казаться критической, иначе он не прибег бы к государственному перевороту, уничтожившему политический режим, установленный с образованием Югославского государства и оформленный Видовданской конституцией, принятой 28 июня 1921 г. Ее первая статья определяла политическую систему Государства сербов, хорватов и словенцев как «конституционную, парламентскую и наследственную монархию», в которой Народная скупщина (парламент) выступала как «первый фактор законодательства», а король как «второй»². Поиск ответа на поставленный еще современниками вопрос о причинах государственного переворота и падения парламентского правления, требует анализа десятилетней истории парламентских институтов, упраздненных Александром Карагеоргиевичем.

Создателями просуществовавшей до 1929 г. системы государственной власти были руководители Демократической партии (ДП) и Народной радикальной партии (НРП), приложившие летом 1921 г. значительные усилия для принятия основного закона страны. У «уставотворцев»

не было принципиальных разногласий с оппозицией по вопросу о государственном строе, в отличие от проблемы административного территориального разграничения. В программных документах и заявлениях всех политических партий звучала приверженность идеалам парламентаризма. Югославянская мусульманская организация (ЮМО) требовала «полной ответственности правительства перед народным представительством». Глава Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП) Степан Радич с 1924 г. выступал за «монархию английского типа». НРП декларировала принцип: «король царствует, но не управляет»³ и заявляла, что «противостоит всем партиям и направлениям, не занимающим парламентские позиции». При этом подчеркивался парламентский характер Королевства СХС и принципиальное отличие Видовданского устава как от сербской конституции 1903 г., так и от законодательства Великобритании, чьи политические традиции считались образцовыми.

Действительность диссонировала с «западнической» риторикой югославских политиков. «Королевство СХС не было страной, в которой Народная скупщина была бы суверенным органом власти»⁴. По мнению сербской политической элиты, главным проявлением «кризиса парламентаризма» была неподконтрольность исполнительной власти депутатам. По свидетельству руководителя Республиканской партии Яши Продановича, «народное представительство не имело сил ни защитить правительство от непарламентской отставки, ни устранить его от государственных дел в случае утраты доверия скупщинского большинства»⁵.

Спустя годы, анализируя причины умаления роли представительной власти, большая часть югославских политических и общественных деятелей главным и, как правило, единственным виновником этого называла короля Александра. Радикалы припоминали слова Николы Пашича, сказанные им зимой 1918–1919 гг. по поводу отказа тогда еще принца-регента утвердить Пашича первым премьером Югославии: «Он (король – А.С.) демонстрирует склонность править самовластно... Интриган и очень амбициозен»⁶. Лазар Маркович в мемуарах вторил своему покойному шефу: «Александр не хотел оставаться в роли парламентского правителя, но не мог и не смел открыто выступить против конституции 1921 г. ... Поэтому он шел обходным путем для осуществления своих желаний и потребностей, не совместимых с признанными принципами парламентской системы правления»⁷.

Стравливая и ослабляя партии, шантажируя крупнейших политиков, Александр, по выражению Милана Стоядиновича, пробивал «бре-

ши в общественной жизни»⁸. По словам Светозара Прибичевича, «из 23 министерских кризисов скупщина вызвала всего два... Все прочие вызвал король или люди из его окружения и по его приказу. Чем дальше от 1918 г., тем чаще происходило вмешательство короля, тем больше все это походило на режим личной королевской власти. Диктатура 6 января 1929 г. — всего лишь кульминация этой политики»⁹.

О собственной ответственности за итоги истекшего десятилетия крупные партийные функционеры вспоминали нечасто. В то же время главная причина «кризиса парламентаризма» не была непосредственно связана с отношениями Народной скупщины и короля, а была предопределена состоянием самого депутатского корпуса. И в парламенте, и в правительстве, которое на протяжении изучаемого периода формировалось из депутатов крупнейших парламентских фракций, югославские политики — депутаты и министры — демонстрировали более чем скромную работоспособность. Достаточно сказать, что с 1918 по 1929 г. было принято всего пять «финансовых законов» (1922/23, 1924/25, 1926/27, 1927/28, 1928/29 гг.). Все остальное время государство жило, деля на двенадцать абстрактную сумму прошлых годов доходов и расходов, часто существовавшую только в умах работников министерства финансов. Ни один из пяти бюджетов не был принят вовремя, в соответствии с календарным годом и финансовым законодательством. «Бюджетный год» в Югославии начинался фактически либо весной, либо посреди лета¹⁰.

Число всех остальных законов, принятых народными избранниками, также было весьма невелико. Из-за нерадивости депутатов десять лет спустя после создания Королевства СХС продолжала существовать юридическая «раздробленность» шести так называемых правовых областей¹¹. «Отсутствие правового единообразия вызывало политические потрясения, служило причиной экономической отсталости. Многочисленные системы гражданского, торгового, вексельного и имущественного права создавали условия нестабильности для торговли и промышленности. Неупорядоченность законодательства препятствовала получению иностранных кредитов и притоку капитала из-за границы»¹².

В 1919 г. Народной скупщиной было принято всего девять законопроектов, из которых ни один не был направлен на правовое оформление молодого государства. В 1920 г. государственному строительству было посвящено только два (один из них — «Закон о курортах и водах»); в 1921 г. — пять из 18; в 1922 г. — 113; в 1923 г. — шесть; в 1924 г. — 3 (в том числе «Закон о защите и наказании молодежи»); в 1925 г. — 6; в 1926 г. — девять; в 1927 г. — шесть. Последний перед переворотом

1928 год занял второе место – 19 законопроектов, в том числе «Закон о почтовых голубях» и «Закон о предотвращении эпидемических заболеваний скота». Наконец-то был принят «Закон о прямых налогах», способствовавший «выравниванию налогообложения»¹³.

Скудость плодов законотворчества отнюдь не указывала на апатичность югославских парламентариев. О бурной политической жизни свидетельствует иная статистика. Только Уставотворная скупщина (Конституционное собрание) проработала весь положенный четырехлетний срок, скупщины последующих созывов были распущены досрочно. За десять лет страной управляли 24 состава правительства. На посту премьер-министра побывали семь человек. Министерства внутренних дел и аграрной реформы возглавляли по 13 министров. 14 министров отвечали за так называемое выравнивание законодательства. В кабинете сменилось 12 министров финансов, 16 – юстиции¹⁴.

Подобную министерскую чехарду бывшие партийные руководители (С. Прибичевич, Л. Маркович, М. Стоядинович и др.) относили исключительно на счет «интриганства» Александра Карагеоргиевича. Однако представляется, что не только король, но и «народные избранники» были инициаторами роспусков скупщины и виновниками наиболее значимых правительственных кризисов. Восемь кабинетов «провизорного периода» (со времени образования государства в 1918 г. и до принятия конституции в 1921 г.), а также двухлетнее ожидание выборов в Конституционное собрание стали внешним проявлением ожесточенной борьбы радикалов с Демократической партией, объединившей югославистских фундаменталистов из Загреба и старую сербскую оппозицию¹⁵.

После перемирия, заключенного между ними на время принятия конституции, противостояние возобновилось с прежней остротой. Отставки кабинетов Н. Пашича в декабре 1921 г. и 1922 г. обозначили два этапа наступления радикалов на позиции своих постылых союзников. Целью первого было отнять у ДП портфель министра внутренних дел и перераспределить в свою пользу чиновничьи посты. Второй этап закончился распадом радикально-демократической коалиции и вытеснением ДП из правительства. Накануне выборов 1923 г. радикалы получили полный контроль над исполнительной властью.

События 1923–1925 гг. сводились к отражению Национальным блоком (НРП и СДП¹⁶) нападков разношерстной оппозиции, объединившейся в Оппозиционный блок¹⁷, переименованный позднее в «Блок народного согласия и крестьянской демократии». Очередной пик политической борьбы пришелся на лето–осень 1924 г., когда последовал роспуск

скупщины и формирование нового так называемого избирательного правительства. Внеочередные выборы февраля 1925 г., подобно кампании 1923 г., расценивались участниками Национального блока как возможность не только остаться у власти, но и, опираясь на «административный ресурс», получить решающее преимущество перед конкурентами. В дальнейшем четыре правительственных кризиса периода «сербскохорватской кооперации» (с июля 1925 г. по 1 февраля 1927 г.) – на совести С. Радича, разлагавшего «белградский режим» изнутри¹⁸.

Два последних года существования Королевства СХС традиционно считаются периодом наиболее активного вмешательства короля во внутрипартийные дела. Однако сменявшие друг друга правительства Н. Узуновича и В. Вукичевича и хаос в скупщине были не только результатом королевских интриг, но и в не меньшей степени подталкивали его к этому. Политическая ситуация 1927–1928 гг. представляла собой «борьбу всех против всех». Крестьянско-демократическая коалиция (КДК) образовала «пречанский фронт» против «гегемонии серблянцев»*. Демократы и радикалы продолжали воевать друг с другом и совместно – с КДК. Одновременно соратники Л. Давидовича и покойного Н. Пашича боролись со своими «товарищами» по партии, вошедшими в правительство и поэтому забывшими о партийной дисциплине, но помнящими о своем долге как верных слуг короля.

Хотя законотворчество в деятельности югославского парламента было далеко не на первом месте и существенно отставало от потребностей страны, тем не менее во всех политических баталиях он играл немаловажную роль. По образному выражению Ивана Белича, Народная скупщина была «полигоном для политических перестрелок противников»¹⁹. Наибольшую активность проявляли оппозиционные партии. При этом депутаты умело пользовались почерпнутыми из западноевропейской традиции и прописанными в законе процедурами и приемами (бойкот заседаний, письменные запросы министрам, обструкции), чтобы саботировать инициативы правительства и правительственных фракций в скупщине.

В провизорный период к бойкоту заседаний успешно прибегали радикалы и демократы. Оказываясь поочередно в оппозиции, они полагали, что отсутствие кворума позволит им продемонстрировать, что «вражеское» правительство не располагает поддержкой в парализованной ими скупщине и парламент способен отстаивать свое достоинство и пра-

* Так именовали партии, политической базой которых была преимущественно Сербия и сербское население.

ва. Такая тактика не принесла никаких дивидендов хорватским и словенским депутатам, отказавшимся участвовать в принятии Видовданской конституции. Зато ХРКП (ЖКП) прибегала к бойкоту парламента с большой для себя выгодой. С их стороны одинаково эффективным средством шантажа сербских политиков были как обещания приехать в столицу, так и угрозы «навсегда» покинуть «белградский парламент».

Депутатские запросы позволяли ставить палки в колеса тому или иному министру, изобразив автора радетелем интересов государства, борцом с коррупцией. В 1926 г. таким образом было выдвинуто обвинение против Н. Пашича, якобы попустительствовавшего аферам сына Радомира²⁰. Важно отметить, что количество запросов правительству namного превышало число принимаемых депутатами законопроектов. Так, в 1923–1924 гг. депутаты вынесли на рассмотрение скупщины 26 предложений, но адресовали министрам 72 запроса. В 1925–1927 гг. запросов было 153, «требований предать суду» – 180, в то время как законопроектов только 113²¹.

Обструкция была самым радикальным средством. Как вспоминал один из современников, «в мае–июне 1928 г. фракция Радича и Прибичевича ... устроила бешеную обструкцию в Народной скупщине, походившую в тот момент на деревенскую пивную, в которой народные избранные ругаются самыми грязными ругательствами, грозят друг другу или даже дерутся»²². Как минимум обструкция должна была вызвать тот же эффект, что и бойкот заседаний. Однако лидерам КДК она позволила не только парализовать работу парламента, но и спровоцировать государственный кризис.

Подобное использование парламентской трибуны не могло не вызвать ответную реакцию со стороны политических кругов, ставших, с одной стороны, мишенью оппозиционно настроенных депутатов, а с другой, сознававших, по крайней мере временно, ответственность за положение в стране и заинтересованных в политической стабильности. Показателем эпизод, относящийся к ноябрю 1922 г., связанный с отказом Н. Пашича информировать парламентариев о закупке оружия за границей. Обращаясь к ним, премьер говорил, что, «если бы мы из-за любопытства наших депутатов работали открыто, это только пошло бы на пользу нашим врагам»²³. Перед лицом безответственного политиканства парламентариев роспуск скупщины в 1925 и в 1927 гг. можно расценить как защитную реакцию сил, желавших сохранить политическую стабильность.

В рассматриваемое десятилетие полномочия Народной скупщины неуклонно сокращались, а следовательно, ограничивался и круг вопро-

сов, могущих стать предметом спекуляций депутатов. Первым шагом в этом направлении было инициированное министром внутренних дел Королевства СХС С. Прибичевичем наделение правительства законодательными функциями. В течение «провизорного периода» было издано около восьмисот правительственных «распоряжений, обладавших силой закона». В дальнейшем решением кабинета были осуществлены запрет деятельности коммунистов и разделение страны на области.

Широкий резонанс в свое время вызвало утверждение коалиционным правительством М. Веснича регламента Уставотворной скупщины и положения об обязательной присяге депутатов королю, что означало нарушение «суверенитета» Конституционного собрания²⁴. В дальнейшем ограничение полномочий парламента выразилось в создании по предложению НРП и ДП законодательного комитета внутри скупщины. Его задачей стало узаконение правительственных «распоряжений» и «выравнивание законодательства». В результате уменьшалось значение пленарного заседания парламента и возросла роль его комитетов.

Наступление на права парламента проходило при активном участии короля Александра, что было обусловлено не только собственными королевскими намерениями, но и стремлением партий иметь союзника, способного в нужный момент обеспечить превосходство над конкурентами. При этом политиков не волновало, что вмешательство короля выходило за рамки конституционных прерогатив монарха, не соответствовало их собственным идеологическим установкам, нарушало писанные и неписанные нормы парламентаризма. Соблюдение прав скупщины как «первого конституционного фактора» не интересовало тех, чьи позиции в парламенте, в правительстве или в местной администрации сиюминутно усиливались после той или иной «интриги двора». Одновременно трудно припомнить случаи, чтобы терпящие поражение в какой-нибудь политической баталии не требовали от Александра встать на их защиту.

Патерналистский тон был вообще присущ партийным вождям в их взаимоотношениях с королем. В частности, каждый из них претендовал на роль защитника монархии. Радикалы и демократы, руководимые в начале десятилетия Прибичевичем, «защищали» престол как от коммунистов и хорватских республиканцев, так и друг от друга. Прибичевич обвинял НРП в пособничестве Радичу. «Г. Пашич, – утверждал он, – силой государства хочет защищать радичевскую республиканскую и антигосударственную пропаганду... На радичевских собраниях развеваются республиканские знамена... оскорбляется достоинство короля... По мнению Пашича, акция за независимую хорватскую республику и против монархии

легальна... Мы должны бороться против официального террора Пашича сверху и террора Радича снизу»²⁵. В том же радикалы обвиняли демократов. Формальный лидер последних – Давидович – вел с ХРКП переговоры о «ревизии конституции» и призывал приехать в Белград «радикальских кандидатов, открыто выкрикивавших на митингах лозунги “Долой короля, долой монархию!”»²⁶. В конце 1920-х годов положение изменилось диаметрально. Уже Радич оправдывал проталкиваемую двором идею о назначении председателем правительства «беспартийного генерала», который был бы «против крупных “сербйанских” партий, поставивших себя вне парламента, вне государства и воли народа»²⁷.

Присвоенное себе право выражать «волю народа» было главным аргументом деятелей, стремившихся к особо доверительным отношениям с королем. Радич, партия которого на парламентских выборах 1927 г. вне Хорватии участвовала под названием «Народная крестьянская партия», не признавал «сербйанские» партии «представителями народа» и утверждал: «Остались только король и народ», т. е. его «народная партия», с руководством которой монарх и должен согласовывать свою политику. Глава Радикальной партии придерживался той же логики взаимоотношений со двором. По воспоминаниям М. Антича, дипломата и министра двора, «Пашич однажды сказал королю: “До тех пор, пока существует народ, существует и король. Народ это мы. Не будет народа – не будет и короля”. Этими словами Пашич выразил монархистское кредо Радикальной партии, собравшей вокруг своей программы большую часть нашего народа». В случае расхождения народа и короля Н. Пашич предрекал Александру «путь Милана Обреновича»²⁸.

При абсолютном пренебрежении депутатами «нуждами низкой жизни» картина баталий в скупшине поднимает вопрос о причинах политических столкновений между депутатами и, в целом, о задачах, которые югославские политики ставили перед собой. Очевидно, предметом существенных разногласий не были правовые и социально-экономические проблемы. Внимание к ним ограничивалось стандартными предвыборными обещаниями «позаботиться о производящих сословиях». «А так как в нашем государстве самым главным производителем является крестьянин, то наша партия прежде всего крестьянская»²⁹, – под этими словами одного из политических деятелей могли бы подписаться не только члены Главного комитета НРП, но и Давидович, и Прибичевич, и, разумеется, Радич.

Характер югославского парламентаризма, по нашему мнению, воплотился в максиме Пашича: «Народ – это мы». Национальные противоречия и доставшаяся стране в наследство исторически обусловленная

обособленность отдельных территорий со связанными с этим политическими проблемами были сферой постоянных интересов партийных руководителей. Большая их часть стремилась единолично вершить судьбы всей страны и населявших ее народов («племен»). В первые послевоенные годы амбиции радикалов основывались на их понимании собственной роли в югославянском Возрождении: «Народная радикальная партия подготовила почву для осуществления всей народной программы, а когда пришло время, она первая подняла знамя освобождения и объединения всего нашего народа»³⁰. НРП считала себя партией не только «сербиянцев», но и всего «сербства». А представление интересов самого многочисленного и победоносного «племени» якобы давало ей право на гегемонию не только в довоенной Сербии, но и во всем Королевстве. Югославистские фундаменталисты-демократы руководствовались лозунгом: «Один народ – одно государство – одна партия». Радич, напротив, видел себя «хозяином» республики Хорватия – «авангарда Запада на Балканах» – и с этих псевдопрогрессивных позиций выступал за разрушение Югославии, которую называл «азиатской деспотией».

Довольно быстро стало очевидно, что последовательная приверженность как интеграционным, так и дезинтеграционным идеям не приближает к высокой цели. Югославских политиков связывали между собой узы союзничества и, в то же самое время, смертельная вражда. Погрузившись в пучину политиканства, тактических союзов и коалиций, одни стремились занять такое положение в Белграде, чтобы диктовать условия регионам, а другие хотели получить полную власть в «исторических областях», чтобы шантажировать столицу. Радикалы, создавая Национальный блок, строили планы «окружения Хорватии», периодически грозили ХРКП и СНП отторжением несербских областей, а затем подписывали с «пречанами» соглашения, уступая власть в Любляне³¹ и Загребе в обмен на контроль над центральным правительством и скупщиной. Радич вместо разрушения Королевства СХС принялся за покорение его своим «крестьянским» учением. Для этого нужно было «окружить Сербию». Этой цели служили Федералистский блок (с ЮМО и СНП), Оппозиционный блок и Блок народного согласия и крестьянской демократии³² и, наконец, Пречанский фронт во главе с Прибичевичем. Последний же решил, что раз не получилось играть первую скрипку в государстве в качестве главного унитариста, то поставленной цели можно достичь под лозунгами «федерации» или «конфедерации».

Отождествление себя с народом, служившее мировоззренческой предпосылкой политического максимализма, свидетельствовало о пе-

реносе на общегосударственный югославский уровень опыта, полученного в отдельных «исторических областях». Эгалитарно-коллективистские лозунги построения «государства – народного дома» и «нейтральной крестьянской республики» («без банков и капиталистов, без железной дороги... с небольшими налогами и широким народным самоуправлением, со скромным государством, где крестьянина уважают и слушают») позволили Пашичу в конце XIX в. и Радичу после Первой мировой войны добиться рекордной популярности. НРП и ХРКП брались защитить патриархальный уклад жизни от «господских» партий, воплощавших в глазах крестьянства и мелкобуржуазных городских слоев разрушительное влияние «капитализма с присущими тому культом индивидуалистического начала и тенденцией к расслоению общества на враждебные классы»³³.

В Сербии события парламентской жизни преподносились руководством НРП как борьба «антинародного» меньшинства (либералы и «напредняки») с подлинным представителем народа или с «современным выразителем сербского гения», как в 1889 г. назвал свою партию Пашич. Радикалы собственное «парламентское правительство понимали как неограниченную власть большинства. Это означало, что воля партии ставилась выше закона и конституции, так что стиралось различие между партийным правительством и партийным государством. Представление о парламентском правительстве как о неограниченной власти большинства ... было связано с самооценкой партии как единственной «народной», а, следовательно, и единственной легитимной»³⁴.

В условиях национальной, социальной, культурной и религиозной однородности довоенной Сербии, единства интересов всего ее населения реализация «народнических» амбиций крупнейшей партии не только не наносила вреда интересам государства, но и способствовала его внутреннему и внешнеполитическому усилению. Однако в многонациональном Королевстве СХС использование сразу несколькими «племенными» партиями, присягавшими на верность западным политическим идеалам, шкалы «народности – антинародности» в качестве единственного политического критерия могло быть только фактором государственной нестабильности и обострения многовековых противоречий.

Представители югославского политического бомонда в своих взаимоотношениях с оппонентами не считали себя ограниченными какими-либо установленными нормами: положениями партийных программ или даже конституции, обязательствами перед союзниками и избирателями, «принципами парламентаризма», «добрыми обычаями». У каждого существо-

вала собственная, определявшая его действия мораль – «патриотическая» (она же «узкоплеменная сепаратистская») или же «государственническая и югославистская» (она же «авторитарная шовинистическая») и т. п. В результате конфронтация как политический метод вытеснила из обихода готовность к компромиссу и политическую умеренность.

* * *

Слабое укоренение в умах либеральных идейных ценностей (отсутствие политического плюрализма, толерантности и уважительного отношения к меньшинству), несоответствие политической этики государственных деятелей 1920-х годов уровню стоявших перед ними задач – все это проявилось и в облике государственных институтов, лишило «парламентский механизм» в Королевстве СХС его имманентного свойства – способности нивелировать общественные противоречия и вырабатывать внятный государственный курс. Именно к такому курсу в государственном управлении стремился король, упразднив конституцию и установив режим личной власти.

Пророческими оказались обращенные в начале 1922 г. к бывшим однопартийцам, демократам и двору слова Стояна Протича: «Вот, приняли конституцию, а не стало ни лучше, ни легче. Перед вами сразу встала проблема ее ревизии. Вы, может быть, ее и не хотите, но вам ее никак не избежать. И, что еще хуже, вы, господа, находитесь в той ситуации, когда вы конституцию пересматриваете или преступаете»³⁵. Предсказывая будущее «преступление», Протич имел в виду односторонность и бесперспективность усилий по устранению причин вражды Белграда и Загреба. «Хорватский вопрос» первый, но далеко не единственный, в списке хронических болезней Югославии, осложнение которых заставляло общественность задуматься о перемене строя.

В ноябре 1927 г. Драголюб Аранджелович писал: «Налицо настоящий государственный кризис. Причина его в том, что наши политики не знают, как надо управлять государством. Хотя в конституции написано, что у нас парламентская монархия, парламентаризм им не нужен. Однако, что еще опаснее, неизвестно, чего они хотят... Из-за этого нет стабильности в администрации, из-за этого каждый час правительственные кризисы ... из-за этого откладывается решение самых важных государственных проблем, от которых зависит будущее страны... Хочется бережливости и бездефицитного бюджета, но законы о центральной администрации и налогах никак не принимаются. Хочется выравнива-

ния законодательства, но скупщина совсем этим не занимается. Хочется упрощения государственной администрации и честного чиновничества, но ничего для этого не делается... Таким образом, нужно наконец выяснить, как надо управлять страной... Но, если не хочется парламентаризма, нужно определиться в пользу других методов правления»⁸⁶.

Ответственность за будущее страны взял на себя Александр Карагеоргиевич. Оценка последствий принятого им решения – предмет отдельного исследования.

Примечания

- ¹ Архив Југославије (далее – А Ј). Ф. 335 (Војислава Јовановића-Марамбоа). Хартије двора, фасцикла бр. 18 – Краљевска диктатура у Југославији.
- ² Цит. по: *Petranović B., Zečević M. Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. T. 1. 1914–1943. Beograd, 1987. С. 129.*
- ³ Атавизам интриганата // Самоуправа. 1924. 24 л.
- ⁴ *Димић Љ.* Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 121.
- ⁵ *Продановић Ј.* Изван парламентаризма // Српски књижевни гласник (далее – СКГ). Београд, 1926. Књ. 18. № 6. С. 29; Београд, 1924. Књ. 13. № 6. С. 445.
- ⁶ Цит. по: *Gligorijević B. Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970. С. 25.*
- ⁷ Цит. по: Никола Пашић у Народној скупштини. Београд, 1998. Књ. 4. С. 350.
- ⁸ *Stojadinović M. Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. С. 234.*
- ⁹ *Pribičević S. Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1952. С. 117.*
- ¹⁰ Закони, уредбе и остали прописи Краљевине Југославије издани од 1. децембра 1918. до 31. децембра 1936. Београд, 1936. С. 371–372.
- ¹¹ Србија, Черногория, Банска Хорватия со Славонией, Ликой, Кордуном и јужним Сремом, Воеводина с Меджимурьем и Прекомурьем, Словения с Далмацией и частью Истрии, Босния и Герцеговина.
- ¹² *Пасаруков Н.Д.* Изједначење закона // Јубиларни зборник живота и рада Срба, Хрвата и Словенаца 1918–1928. Београд, 1928. Т. 1. С. 382.
- ¹³ *Сагадин С.* Народна скупштина // Јубиларни зборник живота и рада... С. 93–96. До этого налогово бремя в «пречацких» регионах было тяжелее, чем в Сербии. Больше всех от этого неравенства страдала Воеводина.
- ¹⁴ *Ћилиновић Ф.* Југославија између два рата. Загреб, 1961. Т 2. С. 287.
- ¹⁵ Демократическую партию в 1919 г. образовали сербский оппозиционный блок (Самостоятельная радикальная, Прогрессивная и Либеральная партии), Хорватско-сербская коалиция во главе с С. Прибичевичем и мелкие словенские организации.
- ¹⁶ В 1924 г. из ДП вышли С. Прибичевич и его сторонники, образовавшие Самостоятельную демократическую партию.
- ¹⁷ В составе оппозиционного блока – ДП, Словенская народная партия (СНП) и ЮМО. Позднее в состав коалиции вошел Радич.
- ¹⁸ 18 июля 1925 г. сформировано правительство коалиции НРП и Хорватской крестьянской партии, отказавшейся от требования образования республики и признавшей легитимность создания Королевства СХС и Видовданскую конституцию.

- ¹⁹ *Belić I.* Finansijske prilike u Kraljevini SHS 1918–1923. (Магистерская диссертация, защищенная на Философском факультете Белградского университета в 2002 г.).
- ²⁰ Н. Пашич в апреле 1926 г. подал в отставку с поста премьер-министра и вскоре умер.
- ²¹ *Glorigjević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Београд, 1979. С. 395, 227.
- ²² Архив Српске Академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. I. С. 105.
- ²³ Никола Пашић у Народној скупштини... С. 266.
- ²⁴ А.Л. Ф. 80 (Збирка Јована Јовановића-Пиждона). Фасцикла бр. 29.
- ²⁵ *Прибићевић С.* Терор у Хрватској // Правда (Београд). 1923. 10. III.
- ²⁶ Никола Пашић у Народној скупштини... С. 328.
- ²⁷ Цит. по: *Glorigjević B.* Parlament i političke stranke... С. 251.
- ²⁸ АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447; 14387/9436.
- ²⁹ Цит. по: *Petranović B., Zečević M.* Указ. соч. С. 217.
- ³⁰ Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати (1918–1923). Београд, 1995. С. 409.
- ³¹ Лояльность СНП была оформлена 10 июля 1927 г. подписанием Бледского договора, согласно которому словенцы, по выражению Л. Марковича, получили «практически настоящую автономию».
- ³² Три вышеуказанных «блока» существовали в период от парламентских выборов 1923 г. до «капитуляции» ХРКП в 1925 г.
- ³³ *Шемякин А.Л.* Обреченная конституция: Сербский устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 69.
- ³⁴ *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији 1903–1914. Београд, 1998. С. 424.
- ³⁵ Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине СХС. Редован сазив за 1921/22. годину. Књ. I. Београд, 1922. С. 164.
- ³⁶ *Аранђеловић Д.* Наша политичка криза // СКГ. Београд, 1927. Књ. 22. № 6. С. 449–450.

Триест и словенское население Юлийской Крайны в 1918–1941 годах

Триест и Юлийская Крайна всегда были предметом спора между соседними государствами: сначала между Италией и Австрией, затем между Италией и Югославией, и, наконец, уже в недалеком прошлом, между Италией и Словенией. Важность этой области была обусловлена, в первую очередь, тем, что здесь располагались два самых крупных адриатических порта – Риека и Триест, обладание которыми давало преимущества, как в торговле, так и в военно-стратегическом отношении.

После Первой мировой войны и поражения в ней Австрии Триест и словенское Приморье переходят по Рапальскому договору к Италии. Таким образом, в составе Италии оказалось большое количество хорватского и словенского населения, чье положение долгое время не было регламентировано законодательно. На хорватов и словенцев не распространялся также и статус национального меньшинства. В настоящей статье рассматривается так называемый итальянский период истории Юлийской Крайны и Триеста, анализируются истоки национальных противоречий, характеризовавших в межвоенный период отношения Италии и Югославии, а в дальнейшем Италии и Словении.

Итоги мирового военного конфликта, оформленные в Версальской системе, отнюдь не означали разрешения всех международных противоречий и не устранили причин их возникновения. В полной мере это касалось и проблемы национальных меньшинств. Судьба Триеста и австрийского Приморья, именовавшегося теперь Юлийская Крайна или по-итальянски – Venezia Giulia (Венеция Джулия), стала этому убедительным доказательством.

Оккупация Италией в первые послевоенные годы австрийского Приморья рассматривалась Антантой как своего рода компенсация за причиненный стране ущерб. На основании перемирия, подписанного на вилле Джусти, итальянские войска заняли австрийское Приморье, Горицу-Градишку, Триест, Истрию и несколько островов в Адриатике.

На этой территории проживало как итальянское, так и славянское население. Подготавливая аннексию занятых областей, итальянское правительство не только не выполнило первоначально данных словенцам обещаний расширить их права в Триесте, но, напротив, проводило курс на итальянизацию региона. Бывшее австрийское Приморье было переименовано в Венецию Джулию, были распущены словенские и хорватские национальные организации, ликвидированы существовавшие до войны представительные учреждения автономий, арестованы и высланы неугодные новым властям хорваты и словенцы.

В конце войны итальянцы по приказу генерал-губернатора Юлийской Краины депортировали с занятых ими территорий большое количество солдат и офицеров австро-венгерской армии. В феврале 1919 г. приказ коснулся также и видных словенских и хорватских деятелей (более тысячи человек). Среди них были священники и учителя. Известно, что был депортирован епископ Триеста и Копера А. Карлин. Депортировали также 150 словенских и хорватских священников и монахов из трех епископств. Всех депортированных свозили в лагеря на Сардинии. Многие умирали от недостатка пищи и болезней¹. Подобные меры привели к обострению национального вопроса, что, однако, не останавливало итальянские власти ввиду приближавшихся мирных переговоров.

На Парижской мирной конференции 1919 г. Италия существенно увеличила свои требования (по сравнению с зафиксированными в Лондонском пакте 1915 г.) и предъявила претензии на все земли, оккупированные ее войсками, т. е. на весь Юлийский регион и на Риеку. Аргументами служили утверждения, что итальянцы составляют там большинство населения, которое в целом желает присоединения к Италии.

Главным противником Италии в этом территориальном споре выступило образованное 1 декабря 1918 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев. На Парижской конференции Белград добивался установления новой границы по линии старого итало-австрийского рубежа с незначительными изменениями на юге. В этом случае западная часть Фриулии, территория на западе от Кормонса до Монтефальконе, включая эти города, отошла бы к Италии, а все области восточнее – к Югославии. Территориальные противоречия усугублялись нерешенной проблемой хорватского и словенского меньшинства в Италии и итальянского – в Королевстве СХС. Новая граница, так или иначе, оставила бы тысячи итальянцев за пределами Италии и тысячи хорватов и словенцев за пределами Югославии.

В начале 1920 г. конфликт Италии и Югославии еще более обострился. Итальянцы продолжали расширять зону оккупации, а новое итальянское

правительство Джованни Джолитти заявило, что если Королевство СХС не примет требования Рима, то Италия сохранит за собой все занятые территории. Под давлением Великобритании и Франции Югославия вынуждена была принять требования Италии. В результате 12 ноября 1920 г. в Рапалло был подписан договор, урегулировавший конфликт и установивший итало-югославскую границу. По этому договору Италия получала 10 тыс. кв. км территории и более чем полмиллиона словенского и хорватского населения. В Горице-Градишке итальянцы получили 2 917 кв. км, в Триесте и его окрестностях – 96 кв. км, в Истрии – 4,4 кв. км, в Крайне – 1 274 кв. км. К Италии отошли также далматинские острова, Задар, Канальская и Верхнесочская долина. Все эти территории стали называться «Юлийская Крайна». Италия не получила Далмацию, за что подписавший Рапальский договор министр иностранных дел Италии граф Карло Сфорца подвергся нападкам со стороны итальянских националистов².

Для словенцев Рапальский договор обернулся потерей одной трети словенских земель и населения. Хорваты потеряли Истрию, Риеку, несколько адриатических островов. Хорватское население не получило никаких прав от итальянцев, хотя права итальянского меньшинства в Далмации были прописаны югославами в деталях.

Война и политика итальянских оккупационных властей нанесли экономике Юлийской Крайны огромный урон. Во время войны этот регион пострадал больше остальных, его экономические ресурсы были исчерпаны. Кроме того, итальянцы ликвидировали многие словенские банки в Горице и Триесте. Самый крупный порт на Адриатике и торговый центр, обеспечивавший работой половину жителей Приморья Триест был закрыт. Экономический кризис еще более углубился вследствие решения итальянских властей о девальвации находившейся в обращении на оккупированной территории австрийской кроны и ликвидации корабельных верфей и некоторых важных предприятий в порту Триеста. Таким образом, приморская экономика вошла в кризис, которого раньше никогда не испытывала. Италия не имела средств на восстановление экономики города из-за огромного военного долга. Развитию Триеста, бывшего в то время крупнейшим итальянским портом, не уделялось должного внимания.

В последующие двадцать лет после заключения Рапальского договора итальянская политика была тесно связана с фашизмом и его идеологией, чье влияние особенно сильно проявилось в Юлийской Крайне. Именно здесь под бдительным оком центральных и местных властей процветали проявления откровенного фашизма, используемого для подавления неитальянского населения и его ассимиляции.

В период оккупации итальянские власти издали декреты о запрете института словенских старост и о ликвидации всей местной администрации. Вся полнота власти принадлежала назначенным итальянцами комиссарам. Только в конце января 1920 г. было объявлено о выборах в органы местного самоуправления в Горице, Триесте и в Истрии. Это было связано со стремлением итальянского правительства (в преддверии подписания Рапальского договора) создать видимость нормализации положения на занятых территориях. После проведения выборов словенцы и хорваты получили места в городских собраниях. Так, в триестское городское собрание был избран депутатом коммунист Иван Регент.

Однако новый городской совет Триеста лишился своих полномочий уже через три месяца. Итальянские комиссары заменили всех избранных народом депутатов. К 1921 г. в Юлийской Крайне было распущено 30 городских советов, что явилось тяжелым ударом по местному самоуправлению и правам славянского населения региона. Юлийская Крайна по-прежнему находилась во власти итальянских комиссаров, которые подчинялись только префекту и были в основном членами фашистской партии.

Приморские славянские общины ожидала ассимиляция. Для этого в Приморье были основаны итальянские школы, детские сады и другие учреждения, которые могли бы ускорить этот процесс. В ход шли все средства, не исключая репрессии и террор, нередко были поджоги помещений и разграбление имущества словенских общественных организаций. Так, в 1920 г. был сожжен Народный дом в Триесте³.

Против действий фашистов активно выступало духовенство епархии Триеста и Копера. В ответ итальянцы принудили эмигрировать епископа Карлина и арестовали ряд словенских священнослужителей. На письмо с протестом епископа Бартоломасия откликнулся Ватикан. «С великим сожалением, – писал папа Бенедикт XV, – мы признаем, что мучаются и терпят всевозможные лишения большинство священников Истрии, которые беспокоятся за судьбу хорватских и словенских верующих. Нам также известно, что эти священники стали жертвами кровавых репрессий ... и что еще более ранит нам сердце – преступления эти остаются безнаказанными»⁴.

После сожжения Народного дома в Триесте террор против местного словенского и хорватского населения принял еще больший размах и самые жестокие формы. Уже на следующий день был подожжен Народный дом в Пуле. В Триесте были разгромлены типографии газет «Delo» (Труд) и «Il Lavoratore» (Рабочий), разрушена типография, принадлежавшая обществу Единство. В 1921 г. там же были сожжены Ра-

бочий дом, Народный дом св. Ивана и Народный дом св. Якова, многие словенские деревни на окраинах города. Этими действиями итальянцы пытались нанести удар по главным словенским учреждениям во всех приморских городах и в сельской местности. Погромщики действовали при попустительстве местных властей, большинство представителей которых были членами фашистской партии (Ф. Джуста, П. Коболли, И. Сауро и др.). Нашли они поддержку и у триестской буржуазии, крупных собственников, судовладельцев и судостроителей, владельцев банков и страховых обществ (Трипковичи, Косуличи, Геролимичи)⁵.

В 1922 г. в Италии установилась фашистская диктатура, что дало новый импульс итальянизации словенского и хорватского населения Юлийской Крайны. В программу ассимиляции входили контроль над образовательной системой, ограничение переселения из сельской местности в города, скупка недвижимости и другой собственности словенцев. В 1923 г. последовал декрет о запрете употребления словенского языка в местных и краевых управлениях. Словенские города и села все больше приобретали итальянские черты. Королевским декретом № 800 от 28 марта 1923 г. словенские и хорватские географические названия заменялись на итальянские (например, Крк стал Монте Негро, Слап – Слаппе). Также были переименованы многие деревни, горные массивы, озера и т. п. Итальянские власти объявили войну словенскому языку в общественной жизни, пытались искоренить все проявления этнической самобытности славянского населения. Высшей целью программы итальянизации являлось окончательное уничтожение славянской народности в Приморье.

Наиболее тяжелые последствия политика фашистских властей имела для национальной школы. Проведенная в 1923 г. так называемая реформа Джентилия привела к запрету обучения на славянских языках и закрытию словенских и хорватских учебных заведений, лишив детей возможности получать образование на родном языке. Если в конце войны в Приморье имелось 167 хорватских и 321 словенская школа, то в итоге фашистских «реформ» число закрытых школ достигло 488 и сравнялось с числом имевшихся накануне присоединения области к Италии⁶. Средние учебные заведения постигла та же участь. Были закрыты классическая гимназия, реальное училище в Идрии, торговое и ремесленное училища в Триесте⁷. Итальянский министр просвещения Феделе заявил, что запрещается обучение на «варварских языках» – т. е. на хорватском и словенском.

Следующим шагом итальянских властей был запрет богослужения на славянских языках. Представители словенского духовенства, пытавши-

еся противостоять фашистским акциям, были высланы из страны или арестованы. Среди подвергшихся репрессиям иерархов были уже упоминавшийся А. Карлин из Триеста и епископ А. Махнич из Крка. Успех фашистам в какой-то степени обеспечила поддержка высших кругов словенского духовенства, которые приняли конкордат 1922 г. и признали власть папы Пия XI. Постепенно богослужение на словенском и хорватском языках уступило место богослужению на итальянском.

Итальянские власти запретили словенскую литературу для юношества и учебники, в том числе букварь «Prvi koraki» (Первые шаги), напечатанный типографией «Единство» в Триесте. Словенцы постепенно теряли связь со своей культурой, языком и историей.

В экономике Юлийской Крайны с приходом к власти фашистов также произошли большие изменения. Новые власти распустили словенские кооперативы. В 1928 г. был упразднен Комитет по управлению и надзору за работой Союза словенских кооперативов в Триесте. Триестское кредитное и сберегательное общества были переданы в собственность итальянского сберегательного банка Триеста, а Торгово-ремесленный кооператив – «Юлийскому Народному банку». По постановлению, подписанному Муссолини, все славянские банковские, ремесленные, торговые и другие кооперативы, заводы, частные предприятия должны были перейти в собственность итальянских учреждений. Все достояние словенских кооперативов, оценивавшееся до войны в 300 млн австрийских золотых крон, стало собственностью Италии.

Итальянизация трагически сказалась на судьбах многих людей, на целых слоях словенского общества. Те, кто не принял новую власть, вынуждены были эмигрировать в Югославию. Почти вся творческая интеллигенция Приморья покинула родину. Словенцы Приморья постепенно остались без профессиональных специалистов, ученых, профессоров, врачей, священников, адвокатов – всех тех, кто когда-то заботился о словенском национальном самосознании и развитии словенской культуры.

Во время господства итальянского фашистского режима в Юлийской Крайне отсюда увеличивается поток словенских и хорватских беженцев. Эмиграция поощрялась властями, рассчитывавшими таким образом искоренить неитальянское население. Первая волна эмиграции приходилась на время оккупации, с 1918 г. Однако поток беженцев не ослабевал и в дальнейшем. Покинуть родину побуждали не только политические причины. Многие словенцы были поставлены в безвыходное положение экономической ситуацией, дискриминационными ограничениями, введенными новыми властями, что лишало их возможности хозяйственной,

профессиональной и иной деятельности. Самый мощный поток переселенцев хлынул в Западную Европу и Югославию в 1930 г. Всего же за десятилетие из Юлийской Крайны уехали от 100 до 150 тыс. словенцев.

Фашистское господство в Юлийской Крайне принципиально повлияло на изменение характера деятельности словенских и хорватских политических организаций, которые, с одной стороны, были вынуждены приспособляться к политической ситуации в Италии, а с другой – стремились поддерживать традиционные связи с партиями Югославии и Австрии. Вместе с тем в политической жизни Юлийской Крайны усиливался элемент нелегальной деятельности и постепенно, шаг за шагом, набирала силу тенденция сопротивления.

Словенские социалисты во главе с Х. Тумой после войны присоединились к леворадикальному крылу Коммунистической партии Италии – единственной партии, признававшей права национальных меньшинств. КПИ приобрела огромную популярность у словенцев, хотя она и действовала нелегально. За неделимость словенской нации выступали также югославская и австрийская компартии.

В Триесте национальные интересы словенского населения защищало только политическое общество Единство. На выборах 1921 г. в парламент Италии словенцы выдвинули пять кандидатов от Единства. В 1929 г., когда итальянцы запретили все славянские политические организации в Юлийской Крайне, национальные права словенцев и хорватов стали представлять нелегальные антифашистские организации. Во второй половине 1920-х годов появляется нелегальная организация ТИГР (аббревиатура от первых букв – Триест, Истрия, Горица, Риека). Позже к этой организации присоединилось тайное общество Борьба. Основная деятельность этой организации носила антифашистский характер. Методом борьбы были выбраны террористические акции. За 1926–1930 гг. словенские антифашисты провели 31 нападение на патруль, 21 покушение на фашистских функционеров, 18 поджогов военных объектов.

Не будучи в состоянии полностью подавить политическую деятельность и антифашистское движение сопротивления славянского населения Юлийской Крайны, режим Муссолини усиливал репрессии. В соответствии с «Законом о защите государства» в 1927–1943 гг. действовал особый суд (*Tribunale speciale per la difesa dello Stato*). Проект установления суда был предложен министром юстиции А. Рокко. Судьи выбирались из числа высших военных чинов. На 978 процессах было осуждено 4 596 человек из 5 619 обвиняемых в государственных преступлениях. В Юлийской Крайне прошло 167 процессов, на которых

800 человек было осуждено (из них – 544 хорватской и словенской национальностей). Самые крупные процессы прошли в Триесте в 1930 г. и в Пуле и Риме в 1941 г.

* * *

Появление Малой Антанты (Румыния, Чехословакия, Югославия и Франция) и Балканского союза (Турция, Болгария и Югославия) внушало Муссолини опасения за прочность итальянских приобретений на Адриатике, а также по поводу перспектив дальнейшей итальянской экспансии, что не могло не сказаться на отношениях между Италией и Югославией.

В середине 1920-х годов происходит ухудшение отношений между Римом и Белградом, сменившееся некоторой нормализацией в следующем десятилетии, когда Италия вела войну в Эфиопии, а затем совместно с фашистской Германией помогала франкистам в Гражданской войне в Испании. В 1937 г. был заключен пятилетний пакт о ненападении между Италией и Югославией, который, в частности, разрешил использование словенского и хорватского языков на территории Юлийской Крайны. Но в этом вопросе соглашение так и осталось на бумаге. В целом же соглашение о ненападении 1937 г. не помешало Италии в качестве союзника Гитлера в 1941 г. напасть на Югославию и приступить к реализации захватнических планов, о чем давно мечтали ирредентисты.

Примечания

¹ *Pacor M.* Confine orientale. Questione nazionale e Resistenza nel Friuli-Venezia Giulia. Milano, 1964. P. 74.

² *Benedetti G.* Da pace di Fiume: Dalla conferenza di Parigi al trattato di Roma. Bologna, 1924. P. 103–104.

³ *Kacin-Wohinz M.* Gli Sloveni nella Venezia Giulia alle fine degli anni trenta. Qualestoria, 1993. P. 57.

⁴ *Ibid.* P. 58.

⁵ *Gombac B.M.* Slovenija. S. 68.

⁶ *Fasizem; Italjanizacija; Italjansko-slovenski odnosi // Enciklopedija Slovenije.*

⁷ *Ibidem.*

Национальные организации немцев в Словении в 30-е годы XX века

После распада Австро-Венгерской монархии и образования Королевства сербов, хорватов и словенцев (впоследствии – Королевство Югославия) в состав нового государства вошли некоторые земли Цислейтании (Словения, Истрия, Далмация) и Транслейтании (Хорватия, Славония, Воеводина). Часть немецкоязычного населения покинула эти территории, другая же часть осталась в Югославии, приняв югославское гражданство. Для сохранения своей культуры, обычаев и языка немецкое национальное меньшинство создавало различные общества и организации. Первые из них стали появляться в Словении в начале 1920-х годов. Так возникли Немецкий школьный союз южной провинции, Национальный союз немцев, находящихся за границей, Союз восточных немцев и др. Первоначально их деятельность состояла в основном в проведении культурных и спортивных мероприятий.

Согласно проведенной в Югославии переписи 1931 г., из общего числа населения – 13 934 038 человек родным языком назвали немецкий 499 969 человек (3,59 %) ¹. На территории Дравской бановины (современная Словения) проживало 28 998 человек, которые считали родным немецкий язык, что составляло 2,5 % населения Словении ². По данным Культурбунда – наиболее значительной организации немцев в Югославии – к 1941 г. число «чистокровных» немцев в Словении равнялось 28 075 человек ³.

С приходом к власти в Германии фашистов организации немцев в Югославии начинают приобретать политический характер. Ими выдвигаются такие требования, как признание национальной самобытности немцев и включение соответствующих положений в конституцию королевства, предоставления права самостоятельного решения всех вопросов немецкой общности, а также введения собственного национального устройства в соответствии с духом и мировоззрением германской нации.

В 1935 г. югославскими властями был установлен факт сотрудничества членов Культурбунда с германскими спецслужбами. Организация, помимо разведывательной деятельности, занималась популяризацией нацистской идеологии. Осенью того же года союз был запрещен, были закрыты и его отделения в Словении (в Мариборе, Целье, Любляне). Решительные действия белградских властей вызвали резкие протесты Берлина. Немецкий посланник в Белграде фон Геерен несколько раз пытался, правда, безуспешно, воздействовать на главу югославского правительства М. Стоядиновича, указывая, что такая политика отрицательно влияет на германо-югославские отношения.

Роспуск Культурбунда не прекратил его деятельности, которая была продолжена нелегально. Открыто действовали различные немецкие музыкальные и спортивные общества, на которые и переключили свое внимание нацистские пропагандисты.

Югославские власти стремились устранить осложнения в отношениях с Берлином, вызванные довольно робкими мерами Белграда против нацистской агентуры в немецких национальных организациях Югославии. Так, во время своего визита в Германию в январе 1938 г. премьер Стоядинович на встрече с Гитлером заявил, что «Югославия относится с уважением к Германии. Югославия никогда, и ни при каких условиях не присоединится к пакту, имеющему антигерманский характер. Немцы и сербы никогда не были врагами, а только противниками»⁴.

После аншлюса Австрии в марте 1938 г. геополитическое положение Югославии резко изменилось: Германия стала ее непосредственным соседом. Активизировалась и нацистская деятельность в Словении. Ее проводником стала организация, названная «Миттельштелле» (Mittelstelle). Весной 1938 г. в докладе гауляйтера НСДАП в Штирии Зигфрида Юберрейтера о положении немцев в Югославии отмечалось, что в Сербии и Хорватии более терпимо относятся к немцам, нежели в Словении, где их третируют. По словам гауляйтера, организация Миттельштелле должна была взять на себя «ответственность за удовлетворение потребностей немцев по ту сторону границы»⁵. Кроме того, при Миттельштелле было учреждено ведомство по вопросам немецких беженцев из Югославии (в том числе и Словении).

В апреле того же года в Германии состоялся плебисцит по вопросу создания «великой Германии». Немцы – граждане Югославии получили возможность принять в нем участие и проголосовать в Граце. Однако, когда они возвращались домой, на границе югославскими таможенниками у них были отобраны нацистские значки, портреты Гитлера, знамена со свасти-

кой. Все изъятое было уничтожено. Естественно, реакция немецкого посольства в Белграде была незамедлительной. В ответ на это югославским правительством было заявлено, что в стране за последнее время появилось огромное количество немецких офицеров, которые под прикрытием туристических поездок занимались агитацией и шпионажем. Кроме того, государственные власти в Словении запретили использовать приветствие «хайль Гитлер», нарушение запрета наказывалось денежным штрафом.

Пронацистская деятельность организаций немецкого национального меньшинства приводила к столкновениям живших в Словении немцев со словенским населением. Словенцами распространялись листовки с призывом бойкотировать немецкие фирмы и магазины. Особенно столкновения участились после подписания так называемого Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г. Это было использовано руководителями организаций немецкого меньшинства для нагнетания обстановки. Они неоднократно обращались к германскому правительству с просьбами предоставить им оружие для самообороны. Но в Берлине оставили эти обращения без ответа, поскольку до времени не были заинтересованы в обострении германо-югославских отношений.

В феврале 1939 г. было сформировано новое югославское правительство во главе с Др. Цветковичем. Официально было заявлено, что в сфере внешней политики курс сохраняется прежним, а Германия остается важнейшим партнером. Тем не менее югославское правительство всеми силами стремилось избежать втягивания страны в надвигающуюся мировую войну и продолжало политику лавирования. Однако сохранять нейтралитет становилось все труднее.

Германия постоянно требовала проявления дружеского расположения югославского правительства. Это отразилось и на решении вопроса о немецком национальном меньшинстве в Югославии и в Словении в частности. 11 февраля 1939 г. состоялась встреча посла Германии фон Геерена с Цветковичем в Белграде, в ходе которой посол заявил, что германское правительство удовлетворено неизменностью внешнеполитического курса Югославии. Единственным фактором, который мешал быть германо-югославским связям абсолютно безоблачными, является характер отношения к немецкому элементу в Югославии и, особенно, в Словении⁶. Посол также указал, что новая Германия рассматривает хорошее отношение к немцам по ту сторону границы как одно из необходимых условий для продолжения дружбы. Геерен отметил, что особое внимание должно быть уделено проблемам немцев в Словении и это в свою очередь явится проверкой германо-югославской дружбы.

Капитулировав перед неприкрытым давлением, правительство Югославии пошло на беспрецедентные уступки. В Словении была вновь разрешена легальная деятельность Культурбунда, а к 31 марта 1939 г. было образовано 32 районных комитета союза. В сентябре того же года немецкому послу в Белграде было сообщено об освобождении всех немцев – граждан Югославии, которые были арестованы в Дунайской и Дравской бановинах по подозрению в шпионаже.

В мае 1939 г. в Граце был образован Юго-Восточный немецкий институт (Sud-Ostdeutsches Institut), который активно сотрудничал с немецкими организациями в Словении и занимался в основном проблемами немецкого национального меньшинства в Юго-Восточной Европе. Но этим его деятельность не ограничивалась. В архиве института сохранились списки словенцев, которые подлежали выселению из Словении в случае оккупации словенских земель немцами. Против фамилий словенцев стояли те или иные пометки: «подлежит немедленному выселению», «враждебно настроен к Германии», «следует держать под наблюдением» и т. д.⁷ В частности, предусматривалось в первые же дни военных действий на территории Югославии выселить около 1 тыс. словенцев и переселить на освободившиеся территории немецких крестьян.

В ноябре 1939 г. сменилось руководство Культурбунда. На руководящие посты в нем были назначены представители профашистских сил. Именно в этот период происходит раскол внутри союза на два лагеря: сторонников нацизма и его противников из среды католического духовенства и светских католиков. Последние осуждали идеологию новой Германии, антисемитизм и гонения в отношении оппозиционных нацистскому режиму представителей духовенства и верующих.

Политика Культурбунда становилась все более вызывающей. Союз проводил помпезные массовые собрания, которые отличались от собраний НСДАП только отсутствием портретов Гитлера и знамен со свастикой. Нацисты поставили перед Культурбундом задачу: вовлечь в эту организацию как можно больше немецкой молодежи. Для этого создавались различные спортивные общества, осуществлявшие военную подготовку своих членов «для защиты немецкого населения»⁸. Одним из крупнейших было общество Рапид в Мариборе, насчитывавшее более 800 человек⁹. Подлинной задачей военизированных объединений немецкого населения Югославии была подготовка «пятой колонны» на случай германского вторжения в страну и для содействия оккупантам в подавлении сопротивления.

Образцом такой военизированной организации был крупнейший из подобных объединений центр по подготовке молодежи в Кочевье. На

этой территории проживало компактное немецкое население, потомки средневековых немецких колонистов, считавших эти земли по праву своими. Вся область была разделена на 25 зон, в каждой из которых был образован отряд, «штурм». По своей структуре эти отряды мало чем отличались от штурмовых отрядов СА. Для них была введена почти такая же униформа: черные сапоги, черные брюки для верховой езды и черная фуражка, правда, черная рубашка была заменена на белую.

Нельзя сказать, что югославское правительство не знало о подобных действиях. Еще в апреле 1939 г. контрразведка установила, что в Словении тайно формируются части штурмовиков¹⁰. Однако предпринять что-либо в ответ власти в Белграде были не в силах.

С началом в сентябре 1939 г. Второй мировой войны Культурбунд развернул активную вербовку в германскую армию югославских немцев. По городам расклеивались листовки с призывом, чтобы каждый, считающий себя немцем, вступал в ряды германской армии. Несмотря на правительственный запрет вербовки добровольцев для всех без исключения воюющих государств, набор волонтеров для вермахта шел полным ходом, что свидетельствовало, в частности, об эффективности нацистской пропаганды. Были известны случаи массового перехода границы такими добровольцами. Перебежчики сообщали важные для германской разведки сведения и параллельно проходили специальную подготовку для использования их на территории Югославии.

Военные победы гитлеровцев были отмечены массовыми манифестациями немецкого национального меньшинства по всей Югославии, в ходе которых открыто выражались симпатии к нацистской Германии. В Словении немцы выступали за присоединение словенской Штирии к рейху¹¹. Особенно эти настроения активизировались в июле–августе 1940 г. после капитуляции Франции. Представители немецких организаций распространяли слухи, что глава югославского правительства Цветкович и министр иностранных дел Цинцар-Маркович добровольно передадут Германии некоторые части Дравской бановины.

Активная деятельность немецких организаций вызывала ответные антигерманские манифестации, свидетельствовавшие о том, что население Югославии негативно относится к фашистской Германии. Причем наиболее ярко подобные настроения проявлялись в Словении. Это было связано с тем, что до образования Югославии Словения входила в состав Австрии, где господствующей нацией были немцы, к которым словенцы относились как к угнетателям. Активизация деятельности немецкого населения воспринималась здесь как попытка посягнуть на

независимость словенского народа, а распространение слухов о том, что часть югославской Штирии может быть передана Германии, еще больше разжигало антигерманские настроения.

В ответ на подъем в Словении антигерманских и антифашистских настроений гитлеровцы с первых дней оккупации Югославии приступили к массовой депортации из Словении неугодных элементов. Только с июля по октябрь 1941 г. ими было выселено около 18 тыс. человек¹². В результате в германской оккупационной зоне, в отличие от итальянской, практически не было партизанского движения вплоть до 1943 г. В немалой степени его организации противодействовали организации немецкого национального меньшинства.

Примечания

¹ Biber D. Nacizem in Nemci v Jugoslaviji. 1933–1941. Ljubljana, 1966. S. 19.

² Ibidem.

³ Ibid. S. 17.

⁴ Documents on German Foreign Policy. 1919–1945. London, 1967. Vol. 5. P. 222.

⁵ Tone F. Nacistična raznarodovalna politika v Sloveniji v letih 1941–1945. Maribor, 1968. S. 99.

⁶ Documents on German... Vol. 6. P. 390–391.

⁷ Ионг Л. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958. С. 344.

⁸ Tone F. Op. cit. S. 105.

⁹ Ibid. S. 106.

¹⁰ Ионг Л. Указ. соч. С. 345.

¹¹ См.: Tone F. Spomenice o nemških ozemeljskih zahtevah v Sloveniji leta 1940 // Zgodovinski časopis. 1975. № 3–4.

¹² Narodnoosvobodilna vojna na Slovenskem. 1941–1945. Ljubljana, 1986. S. 62.

Русская женская школа в Югославии (1920–1930-е годы)

Образование всегда оставалось животрепещущей темой для русского общества за границей, поскольку перед ним стояла цель сохранения русского национального духа, русской культуры. И именно школа, в широком смысле слова, позволяла решить эту задачу. Поэтому в эмиграции основное внимание интеллигенции было направлено на создание всех необходимых условий для нормального функционирования русской школы в новой стране – Югославии, где после революции и гражданской войны в России 1917–1920 гг. осело значительное число русских беженцев.

В настоящей статье нам хотелось бы представить общую картину жизни и быта воспитанниц Харьковского девичьего института, Мариинского Донского института, Русско-сербской гимназии, Первой Русско-сербской девичьей гимназии в Великой Кикинде, охарактеризовать место этих учебных заведений в системе русского народного просвещения в эмиграции в Югославии.

Именно женщины издавна являлись хранительницами культурных традиций. Это отмечал еще П.Е. Ковалевский, убежденный, что «неутомимые труженицы», они «много способствовали воспитанию молодых поколений»¹.

Эвакуация девичьих институтов

23 декабря 1919 г. Мариинский Донской институт выехал в числе прочих женских институтов (Харьковский, Смольный) из Ростова-на-Дону в Югославию². В 1921 г. в журнале «Новое время» отмечалось, что во многом благодаря настойчивости и энергии начальницы института В.Ф. Вигорст «институт попал в Сербию, а не на Лемнос, как того хотели англичане»³.

Из Новороссийска воспитанницы института отплыли на пароходе «Афон» в Варну, затем задержались на несколько дней в Софии. Среди

выехавших были 49 воспитанниц, а также классные дамы Н.В. Шефферинг и Е.Л. Кандаурова, учитель рисования Н.И. Александров, эконом В.Н. Герцог и его помощник Б.В. Фомин. К Мариинскому Донскому институту присоединились воспитанницы Кубанского института, а по дороге еще шесть девочек⁴. Прибыв в Югославию, институт получил разрешение короля Александра на размещение в маленьком городке Баната – Белая Церковь. Институт занял большое, красивое здание в центре города. В нем были помещения для дортуаров, классов, а также большой зал, в котором воспитанницы и педагоги собирались на утреннюю и вечернюю молитвы. В этом же здании воспитанницам давались уроки гимнастики и танцев, читались лекции, устраивались праздники, проводились концерты⁵. Здесь же устанавливался разбирающийся алтарь. Литургию сопровождало пение хора воспитанниц института под руководством регента Е.В. Егорова. В 1930 г. королева Югославии Мария приняла институт под свое покровительство, а его начальницу несколько раз приглашала во дворец⁶. Воспитанницы Кикиндской девичьей гимназии и Харьковского института после их закрытия в 1931–1932 гг. были приняты в Мариинский институт⁷.

Харьковский девичий институт в конце гражданской войны оказался в Новороссийске. Там его начальнице М.А. Неклюдовой благодаря содействию представителя Королевства СХС генерала Ненадича, удалось получить разрешение на эвакуацию в Сербию⁸. 4 марта 1920 г. институт в полном составе прибыл в Белград. Как вспоминала впоследствии одна из институток Н.В. Сукк, на югославской границе «институт был сердечно встречен местными и церковными властями и населением». 114 воспитанниц, преподаватели и сотрудники с семьями, всего 151 человек, прибыли в Новый Бечей⁹, получив от правительства, при помощи русского посланника В.Н. Штрандмана, для размещения три школьных здания бывшей венгерской школы. Там же была устроена институтская церковь. 10 августа 1922 г. по решению министерства просвещения институт был уравнен в правах с восьмиклассными государственными гимназиями и находился в ведении министерства просвещения. В январе 1929 г. патронессой института стала королева Югославии Мария¹⁰.

Помимо югославского министерства просвещения, забота о русских учебных заведениях в стране была возложена на учебный совет Правительственной комиссии по делам русских беженцев в Югославии, созданной в 1920 г. Комиссия в целом на протяжении двадцати лет ведала всеми делами русской эмиграции в Югославии, за исключением военных. В ее состав входили русские и сербские представители. Возглавлял комиссию видный

сербский политик, один из лидеров радикальной партии Л. Йованович. Ее членами были сербы А. Белич и С. Кукич, а также русские М. Челноков, С. Палеолог, В. Плетнев¹¹. В задачи комиссии входили, во-первых, «временная поддержка беженцев до приискания себе достаточного заработка и развития их самостоятельности» и, во-вторых, «забота о подрастающем поколении и подготовка беженцев к профессиональной деятельности, как реального средства в борьбе за дальнейшее существование»¹². На протяжении всего периода работы комиссия уделяла немало внимания вопросам адаптации русских эмигрантов к новой жизненной среде¹³.

В ведении Правительственной комиссии находились, наряду с тремя кадетскими корпусами, два женских института – Харьковский и Мариинский Донской, а также Первая русско-сербская девичья гимназия в Великой Кикинде и Первая русско-сербская смешанная гимназия в Белграде¹⁴. Комиссия занималась вопросами формирования и содержания русских школ¹⁵, созданием новых учебных заведений, поскольку в первые годы эмиграции существовавшие учебные заведения были переполнены.

Финансирование русских девичьих институтов и гимназий

В 1921–1923 гг. Правительственная комиссия постоянно увеличивала суммы на развитие русского учебного дела. Если в 1921 г. ассигнования составили 500 000 динаров (8% бюджета комиссии), то через полгода они возросли до 1 310 000 динаров (22%), а к марту 1923 г. – до 2 514 000 динаров (42%)¹⁶. За указанное время девичьи институты и гимназии финансировались несколько лучше, чем мужские учебные заведения. В начале 1921 г. на одного воспитанника женских и мужских учебных заведений приходилось соответственно 402,7 динаров и 314,2 динаров; к марту 1923 г. – 771,6 динаров и 728 динаров в месяц¹⁷. Тем не менее средств не хватало из-за большого количества расходных статей и общей дороговизны жизни¹⁸. Харьковский, Мариинский институты и Первая Русско-сербская гимназия в Великой Кикинде получали специальные средства от Правительственной комиссии на содержание штата сотрудников и учащихся, в том числе на стипендии, личные расходы (около 30 динаров) на экипировку выпускниц, а также средства на непредвиденные дополнительные расходы¹⁹. Предусматривались и сверхсметные расходы: на наем дачи, на приобретение обуви, на заготовку топлива, прибавки на содержание преподавателей, воспитателей, классных дам, име-

ющих высшее образование (на 1929/1930 гг.) и т. д. Данные о финансировании институтов приведены в таблице.

Таблица 1

Смета расходов женских институтов и гимназий в 1929 г.²⁰

Институт	Количество учащихся (человек)		Сумма (динары)
	Общий штат	Учащиеся на казенном коште	
Харьковский девичий институт	230	190	170 640
Мариинский Донской институт	205	170	157 295
Русско-сербская девичья гимназия	180	150	146 850

В 1929 г. Первая Русско-сербская гимназия в Белграде получила сумму в 141 160 динаров и Женская гимназия в Белграде – 32 680 динаров²¹. Экскурсионное дело развивалось в институтах и гимназиях в соответствии с Законом о средних учебных заведениях²². Необходимое оборудование институт покупал на средства из каникулярного фонда.

Средства поступали и от частных лиц. В рукописном журнале гимназисток из Великой Кикинды «Черные пелеринки» выражалась благодарность за пожертвования в пользу академий в Белграде и Нови-Саде, а также говорилось об устройстве благотворительной выставки, выручка от которой составила 22 339 динаров. Эти деньги поступили в фонд помощи самым маленьким русским девочкам «приготовительного» класса первой Русско-сербской девичьей гимназии в Великой Кикинде, которые остались в 1923/24 гг. за штатом. В мае 1921 г. бельгийская королева пожертвовала Мариинскому Донскому институту 1 000 франков²³.

Немаловажную роль в сборе денежных средств играли родительские комитеты. В течение 1934/35 учебного года родительский комитет Русско-сербской женской гимназии в Белграде провел с этой целью ряд мероприятий: развлекательный вечер, лотереи, празднование дня Защиты детей 19 мая. В итоге было собрано 2 345 динаров, которые пошли в фонд

помощи 106 бедным ученицам. Эти деньги были потрачены на оплату завтраков и медицинского обслуживания, на покупку одежды и обуви, на помощь в обучении (оплата занятий с репетиторами). Сюда же были отнесены некоторые расходы на церковную утварь, печать, а также расходы по созданию резервного фонда на случай непредвиденных обстоятельств²⁴.

Правила приема в русские женские учебные заведения

Специальный свод правил приема в русские кадетские корпуса и женские учебные заведения в Королевстве СХС был утвержден постановлением Правительственной комиссии 19 июня 1923 г.²⁵ В русские женские учебные заведения бесплатно принимались дочери русских беженцев, внесенные в списки Сербской, Французской (Крымской) и Английской эвакуаций, проживающие на территории Королевства. Дочери прочих русских беженцев могли быть приняты только при наличии вакансий и только после приема эвакуированных.

Женские учебные заведения имели девять классов: приготовительный, 1–7 классы и 8 (дополнительный) класс. Нормальный возраст принимаемых в приготовительный класс – 10 лет. Допускался прием в соответствующий класс детей моложе на один год установленных возрастов. Для старших по возрасту детей применялись следующие правила. Переросшие на 1 год принимались в приготовительный и четыре младших класса, переросшие на 2 года – с пятого по восьмой. В этом случае каждый раз требовалось специальное разрешение учебного совета Правительственной комиссии.

Все поступающие держали поверочное испытание по установленной для каждого класса программе. Прием новых воспитанниц проводился в начале учебного года. В исключительных случаях, с разрешения Правительственной комиссии, девушки могли быть приняты и в течение учебного года (только после Рождества) по результатам испытаний за пройденный курс. Приемные испытания производились одновременно с общими экзаменами в учебном заведении. Для сирот о времени приемных испытаний объявлялось особо.

На открывавшиеся ежегодно вакансии в первую очередь приглашались круглые сироты. К ним относились «дети и при живых родителях, если последние на 75 % и более утратили трудоспособность», или «дети, родители которых находятся в безвестном отсутствии со времени эвакуации или остались в России». Во вторую очередь к приемным

испытаниям допускались «полусироты», аналогичным образом утратившие одного из родителей. И, наконец, дети прочих беженцев в порядке, определенном жребием. В случае если выдержавших поверочное испытание оказывалось больше числа имевшихся вакансий, принимались только те претендентки, которые получили, при удовлетворительных баллах по каждому предмету, большую сумму баллов по всем предметам. Остальные зачислялись кандидатами по конкурсу.

Перевод воспитанниц из одного учебного заведения в другое мог производиться только с разрешения Правительственной комиссии по представлению ее учебного совета лишь по уважительным причинам; переводимые определялись в те же классы, в которых они и состояли, без особого поверочного испытания. Перевод воспитанниц в учебные заведения иного профиля (соответственно классического или реального) проводился в том же порядке, но с обязательными поверочными испытаниями.

Постановлениями советов институтов к бесплатному посещению уроков в Харьковском Девичьем и Мариинском Донском институтах в качестве проходящих учениц допускались дочери всех русских беженцев. Прошения о приеме вольнослушательниц подавались в советы учебных заведений. Никаких расходов на их содержание учебные заведения не несли.

Учебные программы

Выехавшим из России учебным заведениям приходилось на новых местах начинать «жизнь заново, обзаводиться как учебными пособиями и книгами, так и одеждой, бельем и хозяйственным инвентарем». Правительственная комиссия удовлетворяла лишь их «насуточные нужды ... потребности данного дня»²⁶.

Образовательные программы женских институтов и гимназий, в сравнении с их дореволюционными российскими аналогами, не были подвергнуты существенным изменениям. К изучаемым предметам добавились сербский язык, история и география Югославии. Преподаватели женских институтов и гимназий особое внимание уделяли «русским предметам» (изучению русского языка, литературы и истории), как реальной возможности сохранить национальную культуру за рубежом²⁷. Перед педагогами в эмиграции одной из главных была задача выработать новые методы преподавания, в том числе и «русских» предметов. Так, в январе—мае 1923 г. учебный совет Правительственной комиссии признал необходимым поставить в программу работы ближайшего Педагогичес-

кого бюро вопрос об улучшении преподавания новых языков. Было принято решение о созыве конференции, посвященной этому вопросу²⁸.

Большое внимание в учебных программах уделялось подготовке учащихся к практической деятельности в условиях эмиграции. На это была нацелена программа 8-го класса, в частности его коммерческого отделения²⁹. Коммерческие курсы для воспитанниц были организованы в Харьковском институте летом 1921 г. на средства бюро труда Правительственной комиссии. В начале 1921/22 учебного года на пожертвования американского Комитета помощи русским в Нью-Йорке были открыты как коммерческие, так и рукодельно-художественные курсы. (Закрытые в сентябре 1924 г. из-за постепенного сокращения финансирования³⁰.)

Учебная программа девичьих институтов была очень насыщенной³¹. В нее входили, помимо Закона Божьего, русский язык и словесность, сербский язык, русская и всеобщая история, история и география Югославии, латинский язык, иностранные языки (немецкий и французский), математика, химия, физика и космография, правоведение, педагогика, чистописание, черчение, рукоделие, хоровое пение, гимнастика, танцы, музыка³².

Учебные пособия

В 1923 г. учебный совет Правительственной комиссии признал необходимым «отпечатать учебные программы русских учебных заведений с указанием в них учебников для руководства при подготовке к приемным экзаменам»³³. В программных материалах ко второму Педагогическому съезду (июль 1925 г.) был представлен список учебников и пособий по русской и всеобщей истории (общие положения и для институтов, и для гимназий).

Так, «эпизодический курс» русской истории предлагалось вести по «Книге для чтения для начальных школ» К.О. Вейхельта, М.Н. Ковалевского, В.А. Петрушевского, В.Я. Уланова, а также по «Учебнику русской истории для младших классов» Лафина, по учебнику Давыдкина и Селезнева. Для чтения в классе рекомендовались книги Сиповского «Русская старина», «Хрестоматия по русской истории» Ананьиной, «Рассказы по русской истории» Петрушевского.

История Востока, а также история Греции и Рима и отчасти история «средняя» преподавались по учебникам «Древняя история» Вишпера, а также Иванова и Добрынина. Для внеклассного чтения использовались «Первые уроки истории» Мельгунова, «Илиада и Одиссея». В качестве дополни-

тельного чтения предлагалось изучить «Хрестоматию» Гуревича, а также сборник «Греция, Рим», изданный Историческим комитетом в Москве.

По «средней истории» были упомянуты учебники Вульфуса и Иванова. Хрестоматией послужила «Книга для чтения по средней истории» (в четырех томах), под редакцией П. Виноградова. Изучение новой истории не ограничивалось одним учебником (среди авторов различных пособий и книг были названы Вульфус, Вишпер, Иванов, Реверсов, Бутенко, перечислялись также сборники под редакцией Мельгунова, Пичеты, Сивкова, Васютинского, изданные Историческим комитетом в Москве). Систематический курс русской истории читался по учебникам Платонова, Катаева, Скворцова, Богословского. Дополнительным чтением были «Хрестоматия» Ковалевского, «Русская история» Шмурло, «Лекции» Ключевского.

По ежегодно издаваемой памятке Харьковского института (1929/30 учебный год – 1931/32 учебный год) можно судить, по каким именно учебникам учились воспитанницы института. Так, русскую историю (1–3 классы) изучали по учебнику Сухотина «Русская история» (Ч. 1, 2). Древнюю историю и историю средних веков (5–7 классы) также проходили по учебникам Сухотина. Изучение курса русской истории продолжалось по учебникам Иванова «Учебник русской истории» (6–7 классы) и Платонова (8 класс). На уроках присутствовал и «Учебный исторический атлас» для 3–8 классов Торнау. Закон Божий изучали по учебникам Соколова «Ветхий завет» (1 класс), Рудакова «Богослужение» (3 класс), Смирнова «История христианской православной церкви» (4–5 класс), а также по учебникам Сахарова и Городцова. Русский язык преподавался по учебникам Соколова «Книга для чтения» и «Родная речь» (1, 3–4 класс).

Педагоги женских институтов и гимназий

Оплата труда учителя находилась в прямой зависимости от количества уроков, что побуждало преподавателей стремиться к максимально возможной нагрузке. Поэтому для ее оптимального распределения в Мариинском институте педагогам запрещалось иметь более тридцати уроков в неделю³⁴. Имевшим только 17 уроков могла быть назначена прибавка к окладу – 80 динаров в месяц³⁵. При назначении жалования обязательно учитывался уровень образования претендента. Педагоги и воспитатели, получившие в России высшее образование, вполне могли рассчитывать на прибавку к основному жалованию в размере около 2 800

динаров в месяц³⁶. Преподавателям предоставлялся отпуск либо без сохранения содержания³⁷, либо с сохранением, но без расходов на оплату заместителя³⁸, либо по болезни (с сохранением содержания)³⁹. В протоколах Правительственной комиссии отразился и процесс перехода некоторых педагогов из одних учебных заведений в другие, например, в сербские школы⁴⁰.

В эмиграции оформилось два взгляда на проблему обучения. Сторонники первого направления (к ним принадлежала, например, Н.К. Эрдели) выступали за то, чтобы снабдить детей всевозможными знаниями в достаточном объеме, невзирая на то, что такое количество нового материала сложно усвоить. Другие педагоги ратовали за щадящий режим обучения (меньше зубрежки, меньшие требования к ученикам при ответах на уроках). Несмотря на то что позднее институтская схема воспитания стала более либеральной, это веяние не отразилось на требованиях к знаниям. Преподаватели работали в гимназии с увлечением, добиваясь неплохих результатов. Они разрабатывали совершенно новые методики преподавания. Так, например, сборники сухих математических формул превратились в увлекательные книги со стихотворениями, которые придумывал для своих воспитанниц талантливый педагог, воспитатель, математик, инженер путей сообщения Б.А. Велихов⁴¹.

Русские педагоги в эмиграции

В 1924/25 учебном году в 26 классах институтов и женских гимназий обучалось 745 воспитанниц. В следующем году их число сократилось на 64 человека. Их обучением были заняты 110 педагогов (в Харьковском институте – 33, в Мариинском – 28, в Первой русско-сербской женской гимназии в Великой Кикинде – 26, в Первой русско-сербской гимназии – 23).

Большинство учащихся обучалось в средних школах, в них была занята и большая часть преподавателей. Размер жалования (в зависимости от нагрузки) составлял от 500 до 3 000 динаров. При назначении педагогу жалования учитывались уровень образования, стаж работы, семейное положение; тем не менее, в сравнении с преподавателями русских школ, даже начинающий сербский педагог получал более высокую зарплату – 1 800 динаров.

По уровню оплаты труда всех русских педагогов можно разделить на пять категорий, приведенных в таблице 2⁴².

Таблица 2

Категория	Уровень оплаты (динары)	Количество человек
I	500-1 000	122
II	1 200-1 500	71
III	1 600-1 800	41
IV	2 000-2 500	20
V	более 2 500	19

Говоря о реальном соотношении оплаты труда учителя и стоимости жизни, Н. Чернышев отмечал, что «уровень местной жизни во многих отношениях для русского учителя недостижим». Квартира или комната обходилась дороже русскому учителю, чем его коллеге-югославу. Труд педагога относительно высоко оплачивался в Белграде. Лица, имевшие заработок меньше, чем 700 динаров, искали дополнительный источник дохода, либо же бедствовали. Семейные педагоги подрабатывали в институтах и гимназиях в качестве портных. С самого начала педагогам трудно было найти работу и получить необходимое количество уроков⁴³.

Большинство педагогов были в возрасте от 41 года до 50 лет. Вторая по численности возрастная группа 31–40 лет⁴⁴. Образовательный уровень русских педагогов был достаточно высок: треть из них (97 человек) имели высшее образование. Среди них были выпускники историко-филологического, физико-математического, юридического факультетов университетов, Высших женских курсов, высших технических учебных заведений, Коммерческого института, Духовной академии, Академии генерального штаба, Военно-юридической академии, Учительского института, Педагогического института, а также духовных семинарий, женских гимназий и институтов. Но было также незначительное число тех педагогов, чей образовательный ценз установить не удалось. 19 человек в прошлом были преподавателями высших учебных заведений, 105 преподавали в средних общеобразовательных и технических училищах, 35 – в кадетских корпусах, 90 человек были воспитателями и классными дамами. 39 человек не были преподавателями до эмиграции в Югославию⁴⁵. Таким образом, большинство учителей принадлежало к «старым квалифицированным работникам». Среди преподавателей было много одиноких (109 из 301). Две трети педагогического состава – семейные люди. В большинстве случаев они проживали в провинциях Югославии – вне Белграда и Земуна. Но там было гораздо сложнее найти работу.

Русские педагоги в Югославии предпринимали неоднократные попытки объединения в профессиональные союзы. Существовали отдельные союзы. Так, при Мариинском Донском институте работало собственное Общество педагогов института⁴⁶. Союз русских педагогов в Королевстве СХС был создан в 1921 г. Он входил в Совет объединенных русских педагогических организаций за границей (возник в Константинополе в 1920 г.) и затем – в Русское педагогическое общество, во главе которого стоял профессор А.П. Добропуклонский. К середине 1920-х годов в Королевстве действовало уже четыре общества русских педагогов, короткое время издавался журнал — «Вестник Союза русских педагогов в Королевстве СХС» (редактор – Ф.Ф. Балабанов). К 1926 г., когда издание было прекращено, вышло четыре номера по два печатных листа. Выписка «Вестника» считалась обязательной для членов Союза педагогов⁴⁷.

В апреле 1923 г. в Праге состоялся Всеэмигрантский съезд русских учителей средних и начальных школ, на котором была создана Объединенная профессиональная педагогическая организация для регулярного ознакомления с объективным состоянием русского просвещения за рубежом. В ее Правление вошли: Л.В. Жекулина, В.Н. Светозаров, А.П. Петров (от Югославии), В.С. Грабовый-Грабовский, В.А. Ригана, Н.А. Ганс (от Англии, Франции, Бельгии, Германии), Н.Н. Кузьминский (от Латвии, Эстонии и Финляндии)⁴⁸. На съезде в качестве постоянного педагогического центра было учреждено Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Объединением издавался журнал «Русская школа за рубежом». К июлю 1926 г. в Объединение входили Общество русских педагогов в Болгарии, Союз русских педагогов в Греции, Союз деятелей русской демократической школы на Балканах, секция учителей народной школы при Союзе русских земледельцев, Общество русских преподавателей в Королевстве СХС, Союз русских педагогов средней и низшей школы в Чехо-Словацкой республике.

* * *

Много перемен произошло в жизни русской школы в Югославии. Менялись учебные программы, одно поколение учащихся сменялось другим, появлялись и исчезали институты и гимназии. Однако русским педагогам и в целом эмигрантскому сообществу удалось сохранить в новых условиях систему русского начального и среднего образования. Важно отметить, что значительную роль в этом сыграла помощь со стороны Югославского государства и общества.

На протяжении всего периода существования описанных учебных заведений (иногда длительного, как, например, Харьковский и Донской институты, а иногда и очень короткого – Первая русско-сербская девичья гимназия в Великой Кикинде) русские и сербские педагоги всячески стремились поддержать своих воспитанниц и морально, и материально. Они хотели привить детям настоящий русский дух, любовь ко всему русскому. Они старались сохранить уровень преподавания и качество воспитания, достигнутые педагогами – своими предшественниками, развивать достижения русской педагогической мысли. О результатах их труда свидетельствует судьба большинства воспитанниц институтов, окончивших в дальнейшем высшие учебные заведения не только Югославии, но и многих других стран. Они стали активными участницами общественной и культурной жизни, не забывая, что всем лучшим – в том числе и образованием – они целиком обязаны России и Югославии, русской школе.

Примечания

- ¹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 14.
- ² Часовой. 1939. № 236–237. С. 28.
- ³ В Донском институте // Новое время. (Белград). 1921. 8. XI. С. 3; Мариинский Донской институт. Издание Объединения бывших воспитанниц Мариинского Донского института за рубежом. Нью-Йорк, 1975. С. 6 (Материалы личного архива А.Б. Арсеньева).
- ⁴ Белашина Н.С. Мариинский Донской институт // Кадетская переписка. 1974. № 10. С. 53.
- ⁵ Там же. С. 54.
- ⁶ Там же. С. 56.
- ⁷ Мариинский Донской институт. С. 17 (Материалы личного архива А.Б. Арсеньева).
- ⁸ Памятка. Харьковский институт. 1912–1932. Нью-Йорк, 1983 (Материалы личного архива А.Б. Арсеньева).
- ⁹ Сукк Н.В. Харьковский институт // Кадетская переписка. 1973. № 7. С. 32.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6792. Оп. 2. Д. 20. Л. 11; Русская эмиграция. 1920–1930 гг. Белград, 1931. Вып. 1. С. 23.
- ¹¹ Ковалевский П.Е. Указ. соч. С. 46; Зарубежная русская школа. 1920–1924 гг. Париж, 1924. С. 24; Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 22; Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и смогли издать изгнанники. М., 1998. С. 11; Ловановић М. Досельаванье русских избеглицы у Краљевину СХС, 1919–1994. Београд, 1996. С. 83–87.
- ¹² ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 4. Л. 261.
- ¹³ Ловановић М. Указ. соч.. С. 83.
- ¹⁴ Обзор деятельности Временного Главного комитета Всероссийского союза городов за границей за 1920–1926 гг. Прага, 1925. С. 24; Доклад международному Съезду преподавателей средней и низшей школы в Праге, 27–30 августа 1923 года // Бюллетень педагогического Бюро по делам средней и низшей школы за границей. Прага, 1923. Сентябрь. С. 7.

- ¹⁵ *Јовановић М.* Указ. соч.. С. 86–87.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 4. Л. 265.
- ¹⁷ Там же. Л. 272.
- ¹⁸ Русский учитель в эмиграции. Прага, 1926. С. 51.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 81. Л. 46–46 об; Ф. 6792. Оп. 2. Д. 18. Л. 72–73; Там же. Л. 15; Д. 20. Л. 58, 80.
- ²⁰ Извештај за школску 1929–30 годину. Стари Бечеј, 1929–1932 (Материјали личног архива А.Б. Арсенијева); ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 18. Л. 18, 93; Д. 20. Л. 58, 80.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 20. Л. 80.
- ²² Там же. Д. 18. Л. 18, 63, 111; Д. 20. Л. 18.
- ²³ Там же. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 56.
- ²⁴ Руско-српска женска гимназија у Београду. Извештај за школску 1934–1935 годину. Београд, 1935. С. 14–15.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 83. Л. 5–6 об.
- ²⁶ Там же. Ф. 5785. Оп. 2. Д. 4. Л. 264.
- ²⁷ Там же. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 81.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 49 об.
- ³⁰ Русская эмиграция. 1920–1930 гг. Вып. I. С. 23; Съезд-совещание Представителей русских учебных заведений при Учебном совете Державной Комиссии Королевства СХС по делам русских беженцев в Белграде. 29 апреля–3 мая 1924 года. Прага, 1924; *Орешков Б.М.* О техническом, профессиональном и ремесленном образовании. (Доклад) // Там же. С. 53, 59–60.
- ³¹ О содержании учебных программ, в частности, свидетельствуют дипломы об окончании институтов. См.: Диплом (от 29. 06. 1922 г.) и Аттестат (от 12. 07. 1922 г.), выданные воспитаннице Харьковского Девичьего института дочери надворного советника Милице Александровне Баженовой (оба – за номером 888); Диплом, выданный воспитаннице Харьковского Девичьего института А.И. Ламзаки 27 июня 1923 г. за номером 972 (Материалы из личного архива А.Б. Арсенијева). См. также: Извештај за школску 1929–30 годину. Стари Бечеј, 1930. С. 4–5; Извештај за школску 1930–31 годину. Стари Бечеј, 1931. С. 4–5; Извештај за школску 1931–32 годину. Стари Бечеј, 1932. С. 9–10.
- ³² ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 18. Л. 55; Д. 20. Л. 6 об.
- ³³ Там же. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 81. Л. 45.
- ³⁴ Там же. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 18. Л. 95.
- ³⁵ Там же. Л. 6.
- ³⁶ Там же. Л. 58.
- ³⁷ Там же. Л. 3, 59, 79, 86, 100.
- ³⁸ Там же. Л. 62.
- ³⁹ Там же. Л. 92.
- ⁴⁰ Там же. Л. 69.
- ⁴¹ *Соболевский В.* Второй Смольный в Кикинде. 2-е изд. Белград, 1991. С. 24.
- ⁴² Русский учитель в эмиграции. С. 50.
- ⁴³ Там же. С. 53–54.
- ⁴⁴ Там же. С. 46–47.
- ⁴⁵ Там же. С. 48.
- ⁴⁶ Русский учитель в эмиграции. С. 60.
- ⁴⁷ Там же. С. 57.
- ⁴⁸ Дети русской эмиграции. С. 8–9.

Балканы в военно-политических планах США 1941–1943 годов

Вступление во Вторую мировую войну в 1941 г. СССР и США, образование антигитлеровской коалиции кардинально изменили соотношение сил противоборствующих сторон, значение отдельных театров военных действий, подходы воюющих стран к определению целей войны и перспектив ее завершения и послевоенного урегулирования. Естественно, что Балканский театр военных действий не имел в новой военно-политической ситуации первостепенного значения. Однако в правящих кругах США внимание к Балканскому региону не ослабевало.

Формирование внешней политики США в годы Второй мировой войны происходило в рамках нескольких центров. Ключевую роль в этом играл президент Ф.Д. Рузвельт и его ближайшее окружение. Многочисленные исследователи внешней политики США в этот период отмечают¹, что слово президента было решающим при принятии всех важнейших внешнеполитических решений. Рузвельт имел свою точку зрения на решение внешнеполитических задач США в ходе войны и после ее окончания, однако он очень внимательно прислушивался к проектам и предложениям, поступавшим от его окружения, Государственного департамента, Конгресса, руководства армии и флота, а также разведки.

В начальный период войны детализированное перспективное планирование в Америке сосредоточивалось в Государственном департаменте. Спустя три недели после нападения японцев на Перл-Харбор, 28 декабря 1941 г., указом президента Рузвельта в составе Государственного департамента была образован Советательный комитет по послевоенной внешней политике (СКПВП). Перед ним ставилась задача разработки проектов устройства послевоенного мира, а также возможных сценариев развития политической ситуации после окончания Второй мировой войны.

Значительное влияние на работу комитета и круг рассматриваемых в нем вопросов оказывали глава внешнеполитического ведомства – го-

сударственный секретарь и его прямые заместители². В 1941–1943 гг. во внешнеполитическом планировании решающую роль играли несколько политических деятелей США. Так, с конца 1941 г. до середины 1943 г. безусловным авторитетом пользовались заместители государственного секретаря С. Уоллес и Лео Позвольский. Со второй половины 1943 г. непосредственное руководство работой комитета взял в свои руки государственный секретарь К. Хэлл, возродивший интерес к глобально-универсалистским замыслам, напоминавшим идеи В. Вильсона. В конце 1944 г., после отставки Хэлла, его место занял Э. Стеттиниус. После него этот пост занимали Дж. Бирнс и С. Маршалл.

СКПВП начал свою работу в феврале 1942 г. В его состав вошли ученые, университетские профессора и сотрудники Государственного департамента. Комитет находился в подчинении у государственного секретаря, который являлся его председателем, однако в повседневной работе комитет возглавлял Лео Позвольский. Он состоял из пяти специализированных подкомитетов, в которые входили как правительственные чиновники, так и привлеченные извне специалисты.

Непосредственно разработкой планов послевоенного урегулирования для Балканского региона занимались два подкомитета – политический и территориальный. Председателем политического подкомитета был сам Лео Позвольский. Председателем территориального подкомитета – Иса Бовман, профессор, глава отделения международных отношений университета Джона Гопкинса. Другим не менее влиятельным членом этих двух подкомитетов был Гамильтон Фиш Армстронг – редактор журнала «Foreign Affairs» и видный специалист по Восточной Европе. После Первой мировой войны, в 1918–1922 гг., он был военным атташе в Белграде. На посту редактора «Foreign Affairs» он познакомился с Ю. Пилсудским, Э. Бенешем, Т. Масариком, Ю. Маниу, Н. Чаушеску и Н. Пашичем. Еще одним специалистом по вопросам Восточной Европы был Адольф Берле, один из заместителей Хэлла, который курировал вопросы по контактам с представителями правительств в изгнании и лидерами оппозиции стран Восточной Европы. Также в состав СКПВП входили известные журналисты, экономисты и историки.

Для отработки отдельных вопросов при комитете был создан исследовательский центр, состоявший из молодых сотрудников Государственного департамента, а также выпускников и стипендиатов крупнейших университетов. Во главе центра стояли самый молодой американский дипломат Харлей Ноттер и историк Филипп Мосли. К 1944 г. коллектив центра превышал пятьдесят человек. Большинство сотрудников центра продол-

жили работу в области внешней политики и после войны как специалисты по Восточной Европе, Балканам и СССР³. Все итоговые документы СКПВП поступали на стол государственному секретарю и президенту.

Среди проблем послевоенного мирового устройства в СКПВП рассматривались и возможные сценарии развития военно-политической ситуации на Балканах. В том числе разрабатывались и проекты политических объединений (федераций, конфедераций) стран Балканского региона и Центральной Европы с целью обеспечения стабильности в этих регионах и усиления здесь влияния США.

В американской внешней политике идея создания конфедерации на территории Восточной, Центральной (за исключением Германии) и Юго-Восточной Европы впервые появилась осенью 1918 г. после падения монархии Габсбургов. Этот проект горячо поддерживал Герберт Миллер, который впоследствии стал членом делегации США на Парижской мирной конференции. Этот союз должен был простираться от Балтийского моря до Адриатики и служить преградой возможному расширению Германии на Восток в послевоенный период.

Когда в межвоенный период внешняя политика США надолго вошла в русло изоляционизма, эта идея исчезла из американской политики. Однако в конце 1930-х годов проекты создания Среднеевропейского союза были вновь возвращены к жизни Георгом Мессершмитом, американским послом в Вене, а затем заместителем государственного секретаря (1937–1938), и Робертом Кое, который возглавлял восточноевропейское направление в Государственном департаменте США⁴. В окружении президента Рузвельта данная идея впервые появилась в начале 1940-х годов и связана с именем заместителя государственного секретаря С. Уэллеса⁵. Кроме того, по утверждениям Джона Монтгомери и тогдашнего посла США в Будапеште Отто фон Габсбурга, «президент сам планировал создание конфедерации для объединения стран Дунайского региона»⁶.

Поэтому не случайно, что практически сразу после своего создания СКПВП приступил к разработке таких планов весной и летом 1942 г., затем к ним периодически возвращались в 1943 и 1944 гг. В качестве основы для создания подобного союза рассматривались четыре концепции: Владислава Сикорского, Эдварда Бенеша, Отто фон Габсбурга и совместный проект Тибора Экнарда и Яныша Пелевны. Сикорский – глава польского правительства в изгнании в Лондоне – выступал за создание достаточно рыхлого среднеевропейского союза, главным объединяющим фактором которого была бы общая экономика. Бенеш – представитель Чехословакии в эмиграции – предлагал создать две конфедерации,

основанные на договоренностях между Югославией и Грецией и Польшей и Чехословакией⁷. Отто фон Габсбург – прямой потомок Габсбургской династии – отстаивал идею создания Дунайской конфедерации на землях бывшей Габсбургской империи. Проект Экарда-Пелевны предполагал образование сразу трех конфедераций: Балканской (все страны полуострова кроме Хорватии), Дунайской (Австрия, Венгрия, Богемия, Словакия, Трансильвания и Хорватия) и Польско-Балтийской.

Все предложения, рассмотренные на заседаниях СКПВП, анализировались с точки зрения гарантий безопасности для стран-участниц и экономической жизнеспособности. Безопасность конфедерации предусматривала бы нерушимость границ в случае нападения Германии или СССР; ее внутренний рынок должен был быть по возможности самодостаточным; страны конфедерации должны были находиться на одной ступени экономического развития, что создавало бы благоприятные условия для обеспечения существования эффективных демократических режимов⁸. Вот что писал по этому поводу С. Уэллес: «Народы Восточной Европы должны получить возможность жить по стандартам, рассматриваемым западной цивилизацией как минимальные. Последние двадцать пять лет отчетливо показали, что экономика этих стран слаба и не способна сама себя обеспечивать, что экономическая раздробленность региона и внешняя политика этих стран привели к столь печальным результатам. Без высоких жизненных стандартов... эти значительные по территории страны будут представлять собой источник опасности миру в Европе и всему человечеству»⁹.

Страны Балканского региона располагали разнообразными ресурсами, что, с точки зрения США, позволило бы решить проблему экономической независимости¹⁰. Однако уровень развития производства там значительно отставал от европейского. Кроме того, страны полуострова полностью зависели от поставок железной руды из-за границы. Уэллес видел выход в воссоздании Австро-венгерской империи и поддерживал план Отто фон Габсбурга. Позвольский и Фиш Армстронг выступали против этого. Позвольский считал, что экономическая безопасность региона возможна при максимальном его расширении за счет восточноевропейских стран. Армстронг видел в этом и путь обеспечения политической и стратегической безопасности, поэтому он столь категорично отзывался о плане Габсбурга: «Концепция воссоздания Австро-венгерской империи будет безусловным шагом назад, назад к истокам настоящей войны – ситуации, ставшей главной причиной ее возникновения»¹¹. По всей видимости, его аргументы были достаточно убедительными, а взгляды Армстронга

разделяло большинство комитета, поскольку в дальнейшем план Габсбурга не обсуждался.

Значительные дискуссии вызвала проблема государственного устройства конфедерации и статуса ее членов. Большинство комитета согласилось с тем, что для конфедерации должны быть разработаны механизмы эффективного решения этнических конфликтов. Однако это была «политика дальнего прицела», так как оставался открытым вопрос о степени интеграции стран-участниц будущей конфедерации, в чем мнения их представителей значительно расходились – от уничтожения внешних таможенных тарифов до введения новой валюты.

Относительно территориального размежевания было принято решение, что конфедерация должна состоять из «моноэтнических национальных групп», т. е. допускалось создание новых территориальных единиц, но ничего не говорилось о способе проведения новых границ. В итоговом документе от 19 июня 1942 г. было зафиксировано следующее решение: территориально новая конфедерация будет включать в себя все государства Восточной и Юго-Восточной Европы, в том числе Эстонию, Австрию и Грецию. Она должна представлять собой не федерацию, а союз независимых и суверенных государств во главе с единым руководящим органом (Политическим советом) при сохранении национальных правительств. Каждая страна – член конфедерации – должна быть представлена в совете премьер-министром и спикером парламента. Полномочия совета на первом этапе существования конфедерации будут незначительны, в дальнейшем планировалось их расширение. Каждый член союза мог проводить независимую внешнюю политику, иметь собственную полицию. Союз должен иметь единую армию, подчиненную Политическому совету¹².

Примечательно, что на заседаниях СКПВП в 1942 г. практически не упоминался СССР. Предполагалось, что после войны СССР останется в границах 1939 г. и не будет участвовать в послевоенном устройстве Юго-Восточной Европы.

После консультаций с Лондоном и переговоров с представителями стран – потенциальных членов союза стало очевидно, что они не проявляют энтузиазма к созданию столь широкого государственного образования. Анна О'Хара Маккормик докладывала на совещании политического подкомитета: «Все представители выступают за создание федерации, но все они расходятся во мнениях насчет ее территориальных границ. Так, Балканы явно экономически слабее Дунайского региона, в случае создания союза они бы потянули весь регион вниз, в то же вре-

мя сами представители Балкан считают союз с Дунайским регионом неравноправным»¹³.

В дальнейшем на заседании Комитета 13 февраля 1943 г. группа, возглавляемая Ноттером и Мосли, поставила вопрос о пересмотре территориальных границ союза, а также о роли СССР, США и Великобритании в его создании. Было предложено образовать две конфедерации – Балканскую и Северную. Дунайский регион не вписывался в рамки этой концепции, и ряд экспертов предлагали возвратиться к плану Экхарда-Пелевны. Также вызывала много вопросов и проблема экономической безопасности конфедераций.

Американские эксперты придерживались мнения, что послевоенное устройство Европы будет происходить под эгидой новой мировой организации – ООН. Они, в отличие от своих британских коллег, считали приоритетными целями достижение лидерства США в мире и предоставление ООН максимально широких полномочий. Однако военно-политические итоги 1942 г. заставили их изменить свою позицию. В аналитической записке, подготовленной Мосли в конце 1942 г., говорилось, что «СССР определенно имеет виды на весь восточноевропейский регион, по всей видимости, территория Польско-чехословацкой конфедерации попадет в его сферу влияния»¹⁴. По мнению автора, ООН в будущем должна выступить гарантом территориальной целостности задуманных конфедераций, а также предоставить им, в случае необходимости, экономическую помощь.

Исаак Бишоп и его коллеги анализировали советскую позицию по вопросу возможного создания у границ СССР конфедераций в Восточной Европе. Предполагалось, что Польско-чехословацкая конфедерация сможет обороняться как от соседа на западе, так и на востоке. Они считали, что СССР во всех случаях будет более заинтересован в существовании сильной конфедерации на своих западных границах, чем в слабых государствах Восточной Европы, и констатировали, что задуманная конфедерация «должна быть создана только западными демократиями при участии СССР»¹⁵. В то же время в 1942 г. президент Ф. Рузвельт не был намерен связывать себя соглашениями с Советским Союзом о послевоенных границах в Восточной Европе и признавал, что после войны балтийские страны, Буковина и Бессарабия могут отойти к СССР¹⁶.

В этой связи интересны изменения позиции С. Уэллеса. Если в начале он считал, что срединноевропейский союз следует противопоставить как Германии, так и СССР, то уже к лету 1942 г. он высказался в том духе, что «предполагаемый союз ни в коем случае не должен быть

обращен против СССР, а должен выполнять роль буферной зоны между СССР и западными демократиями, чтобы обеспечить плавное вхождение СССР в ООН»¹⁷.

Государственный секретарь К. Хэлл выступал против преждевременных соглашений по поводу будущих границ и сфер влияния, поскольку был убежден, что договор по территориальным проблемам будет иметь по меньшей мере три негативных последствия: 1) любая сепаратная сделка по территориальному вопросу возбудит подозрительность среди основных участников коалиции и негативно скажется на их военных усилиях; 2) так как у Соединенных Штатов нет собственных территориальных интересов ни на одном из театров военных действий, следовательно, согласие Вашингтона признать подобное соглашение произведет впечатление, будто страна воюет ради достижения корыстных целей европейских держав; 3) произвольная фиксация границ повлечет за собой опасность возникновения новых рубежей силового противостояния¹⁸.

К. Хэлл поддерживал постоянные и прочные контакты с представителями Конгресса. Он, как и Рузвельт, прекрасно помнил о роли Конгресса в судьбе внешнеполитической программы президента В. Вильсона. Позиции изоляционистов на Капитолии значительно ослабли после вступления США в войну, но они не утратили полностью своего влияния и рассчитывали взять реванш после войны. Для координации позиции Государственного департамента и Конгресса в конце 1943 г. в состав СКПВП были включены сенатор Т. Коннэли от демократической партии и сенатор У. Остин от республиканской. 9 января 1944 г. по распоряжению президента Рузвельта в состав комитета вошел еще ряд представителей Конгресса: У. Джордж, Э. Томас, С. Лукас, К. Пэппер, С. Блум, Л. Джонсон, Ш. Бланд, Г. Петерсон от демократов и Ч. Итон, У. Уайт, Р. Уэлч, Ч. Волвертон от республиканцев¹⁹. По большей части конгрессмены занимались экономическими вопросами и разработкой проектов создания ООН. Они редко принимали непосредственное участие в обсуждении проектов по Восточной Европе и Балканам, однако их информировали обо всех разработках комитета по данному вопросу.

Хэллу удалось привлечь к работе над проектами послевоенного устройства мира известных специалистов-международников (среди них были такие громкие имена, как Г.Ф. Армстронг, А. Боуман, Ф. Мосли, Д. Шотуэлл), представителей практически всех заинтересованных ведомств и многих общественных организаций, в том числе и профсоюзов. Вместе с тем политическая часть планирования всецело контролировалась экспертами Государственного департамента.

Определенное влияние на разработку американских планов по послевоенному устройству Европы сыграло внешнеполитическое ведомство Великобритании и лично премьер-министр У. Черчилль. Для США в рассматриваемый период был особенно важен практический опыт, накопленный в Великобритании в области дипломатии и разведки, принципов и методов внешнеполитического планирования, в том числе и на Балканах. Управление обширной Британской империей требовало досконального владения информацией, которая концентрировалась и анализировалась в специальных центрах. После конференции в Касабланке Рузвельт приступил к созданию подобных центров в США как во внешнеполитической, так и в военной сфере. При участии англичан в Америке стали создаваться учреждения глобальной разведки. В июле 1941 г. президент Рузвельт назначил У. Donovan «координатором информации и руководителем планирования скрытых наступательных операций»²⁰. Таким образом формировалась основа будущей Организации стратегических служб (ОСС).

Уже в самом начале войны, в 1939 г., в Великобритании при Форин офис были созданы два консультативных центра: внешнеполитических исследований и пресс-служба, впоследствии объединенные и ставшие одним из департаментов министерства (далее – ВИПС). Их задачей был анализ политической и экономической ситуации в различных регионах мира и отдельных странах для британского правительства. Во главе ВИПС вплоть до 1946 г. стоял известный историк Арнольд Тойнби. Коллектив ВИПС состоял из более чем пятидесяти экспертов, среди которых было много университетских профессоров. Главными специалистами стали сотрудники известного Королевского института международных отношений, основанного в 1920 г.

Наряду с анализом текущих данных сотрудники ВИПС занимались серьезной теоретической разработкой основ внешней политики Великобритании. Подготовленные материалы, доклады и меморандумы поступали для обсуждения в соответствующие департаменты Форин офис. Затем они либо отправлялись обратно на доработку, либо на их основе создавались окончательные документы, которые отсылались министру иностранных дел Великобритании. Часть их, в которых затрагивались интересы союзнического сотрудничества, переправлялась в Государственный департамент США, в том числе и проекты послевоенного устройства Балкан²¹.

Первые подобные проекты появляются в Великобритании в 1942 г. Так, 4 июля на заседании Форин офис глава центральноевропейского

департамент Орм Саржент предложил обсудить вопрос о послевоенном переустройстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В ВИПС поступило распоряжение подготовить соответствующий доклад.

По мнению специалистов ВИПС, целью такого переустройства должна была стать нейтрализация германского политического, военного и экономического влияния в этой части Европы. Британские эксперты исходили из того, что небольшие страны Восточной и Юго-Восточной Европы не могли проводить самостоятельную внешнюю политику и экономически зависели от ведущих европейских держав, в первую очередь от Германии. С востока им угрожала опасность стать сателлитами СССР, который мог создать свой кордон против Запада²².

В первом документе ВИПС – «Конфедерации Восточной Европы» рассматривалась концепция создания в регионе двух конфедераций – северной и южной. Основой для них должны были стать договоры, заключенные в январе 1942 г. между правительствами в изгнании Греции и Югославии, с одной стороны, Польши и Чехословакии, с другой. Данные договоры предполагали самую широкую трактовку союза. В первую очередь рассматривались вопросы проведения совместной внешней политики²³. Несмотря на давление со стороны Форин офис, представители Греции и Югославии не смогли договориться о возможном военном союзе; экономическое объединение также было под вопросом, хотя до войны взаимный торговый баланс двух стран достигал 23–30% от общего объема их экспорта²⁴.

Итоговый документ (более 50 страниц) был подготовлен ВИПС к 1 сентября 1942 г. Он предусматривал создание двух конфедераций: северной, включавшей Польшу, Чехию и Венгрию, и южной, в которую должны были войти Югославия, Греция, Болгария, Румыния и Албания. В документе подчеркивалось, что в Центральной и Юго-Восточной Европе сталкиваются интересы Германии и Италии, СССР и Турции, кроме того эти территории являлись «непосредственной зоной британских интересов»²⁵. Предполагалось, что Советский Союз будет иметь здесь возрастающие собственные интересы, в первую очередь имелись в виду возможные территориальные претензии к Польше, Румынии, а также к Германии и Венгрии²⁶. По мнению британских аналитиков, население стран Центральной и Юго-Восточной Европы, находящееся ныне во власти стран оси, после войны будет враждебно относиться к Германии и Италии.

В рамках конфедераций планировалось создать лишь один общий орган для координации – Политический совет, курирующий общую внешнюю политику и согласование таможенных тарифов. Армии участни-

ков конфедерации оставались практически независимыми, предполагалось создание общего командования для координации действий. Национальные валюты стран-участниц также оставались независимыми.

Основным препятствием для создания конфедераций британские эксперты считали не экономические или внешнеполитические факторы, а территориальные проблемы и взаимные претензии государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Последним и было уделено значительное внимание, в частности, указывалось на основные конфликтные зоны совместного проживания нескольких этносов в Балканском регионе – Воеводина, Трансильвания, Македония, Фракия, Истрия.

Второй основной проблемой, с точки зрения английских экспертов, являлась внешняя политика будущих конфедераций. На первый план выходили их отношения с СССР. Еще в сентябре 1942 г. эксперты видели реальную угрозу поглощения стран Центральной и Юго-Восточной Европы СССР или создания союза этих государств во главе с Москвой. Данная перспектива представлялась даже более опасной, чем усиление Германии²⁷. «Ни в коем случае нельзя допустить, – писали аналитики ВИПС, – чтобы СССР имел на территории конфедераций военные базы или оказывал бы помощь конфедерациям»²⁸, так как советский контроль или лидерство в регионе может привести к необратимым последствиям.

Эксперты подчеркивали важность отношений южной конфедерации и Турции, которая была названа «ключевой страной региона» и мостом между Европой и Малой Азией. Ей отводилась объединительная роль во всем Балканском регионе, принимались также во внимание его исторические и экономические связи с Турцией. Однако, как отмечали эксперты, последняя не должна становиться членом южной конфедерации, «поскольку в Кремле может сложиться мнение о том, что СССР окружают»²⁹.

В 1943 г. стратегическая инициатива в войне перешла к антигитлеровской коалиции. И именно в этот момент отношения внутри Большой тройки дали трещину. Конфликт западных союзников и СССР был связан с задержками по открытию второго фронта в Европе и одновременному сокращению поставок по ленд-лизу в СССР. Отзыв посла М.М. Литвинова из Вашингтона и отказ Сталина от встречи с Рузвельтом говорили о наступившем в Москве разочаровании. Рузвельт почувствовал серьезную опасность планам создания ООН, в основе которых лежал принцип согласия великих держав. Для налаживания отношений с СССР он предложил Сталину провести конференцию для координации совместных действий и, главное, об открытии западными союзниками второго фронта в Европе³⁰.

Черчилль выступал сторонником второго фронта на Балканах, чтобы не допустить русских в Европу³¹. Его мнение не могли игнорировать в США. Определенное влияние подобных идей имело место на совещании президента с Объединенным комитетом начальников штабов 10 августа 1943 г., когда Рузвельт выказал явный интерес к Балканам³². В беседе с главой комитета Дж.К. Маршаллом он говорил, что возможность открытия второго фронта на Балканах могла бы осуществиться, но добавил, что «в любом случае глупо строить военную стратегию, основанную на азартной игре в отношении политических результатов»³³. В аналитической записке, которую Маршалл предоставил президенту в июле 1943 г., говорилось, что данная операция может столкнуться с целым рядом проблем. В первую очередь это касалось десантных судов, которые было необходимо доставить в регион. Во-вторых, движение войск было бы замедлено неразвитой транспортной инфраструктурой и отсутствием хороших дорог в труднодоступной горной местности, что делало проблематичным быстрое продвижение тяжелой техники. Наконец, данный маршрут наступления на Германию был более протяженным, чем через Нормандию³⁴.

Практически сразу после падения режима Муссолини Черчилль и Рузвельт встретились в Квебеке. В письме Рузвельту накануне конференции британский премьер доказывал: «Если мы не можем немедленно атаковать Германию через Балканы, заставляя тем самым немцев уйти из Италии, мы должны как можно скорее совершить высадку в Италии»³⁵.

На Квебекской конференции военный министр США Стимсон и Маршалл настаивали на необходимости все подчинить главной цели – скорейшему разгрому Германии и пренебречь другими менее существенными соображениями. Стимсон недавно вернулся из Лондона, и ему была хорошо известна подоплека предложений Черчилля, поэтому он заявил Рузвельту: «С рациональной точки зрения мы не можем надеяться на поражение нашего германского врага, если будем находиться под британским командованием»³⁶.

Рузвельт и сам к концу лета 1943 г. начал приходить к заключению, что медлительность с открытием второго фронта ставит под угрозу попытки США обеспечить себе решающую роль в определении послевоенного статуса Европы. Желание президента не откладывать высадку союзных войск во Франции было сразу же отмечено всей английской делегацией. Настаивать на дальнейшей отсрочке броска через Ла-Манш становилось для Лондона опасным. Там пришли к выводу, что добиться своих собственных целей англичане могли, лишь осторожно настаивать

вая на необходимости получения контроля над Италией. В результате Черчиллю удалось оставить Италию в списке обязательных операций 1944 г., хотя приоритет получила высадка союзных войск во Франции. Более того, Рузвельт после трудных дебатов добился от партнера по коалиции согласия на высадку в Южной Франции, вскоре после развертывания основного десанта на севере страны.

Позиции СССР в антигитлеровской коалиции, благодаря успехам на восточном фронте, постоянно укреплялись. Первым тревожным сигналом для Рузвельта стал разрыв отношений СССР с польским правительством в изгнании в конце апреля 1943 г. Этим ставилась под удар вся конструкция Польско-чехословацкой конфедерации, в основе которой лежал договор 1942 г. Теперь стало очевидно, что СССР будет играть решающую роль в послевоенной Восточной Европе. Более того, Сталин требовал для СССР равноправного участия, наряду с Англией и США, в послевоенном урегулировании в Европе в целом. Он послал лидерам двух западных держав телеграммы, в которых говорилось о необходимости создания трехсторонней военно-политической комиссии для проведения всех переговоров с Италией. «До сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве пассивного наблюдателя. Я должен сказать вам, — писал Сталин, — что такая ситуация более нетерпима. Я предлагаю создать такую комиссию и определить Сицилию в качестве места ее размещения»³⁷. Рузвельту становилось очевидно, что, если постоянно откладывать прямое вторжение в Европу, можно и опоздать. Он принял решение, что «войска Объединенных Наций должны быть готовы войти в Берлин не позднее русских»³⁸.

После Квебекской конференции Рузвельт впервые всерьез говорит об операциях на Балканах. Американских аналитиков в Объединенном комитете начальников штабов и в Государственном департаменте серьезно беспокоил вопрос о последствиях возможного решения Германии в результате изменения стратегической ситуации на юге Европы отступить с Балкан к оборонительным рубежам по течению Дуная.

В Греции англичане на протяжении войны поддерживали короля Георгиоса II и его правительство в изгнании, возглавляемое премьером Э. Цудеросом³⁹. В 1943 г. в стране действовали отряды Национально-освободительного фронта (ЭАМ)⁴⁰, в котором доминировали коммунисты, и Национальная Республиканская Греческая Лига (ЭДЭС), ее лидеры поддерживали короля и ориентировались на Великобританию. Вскоре между ЭАМ и ЭДЭС стали усиливаться трения, так как каждая из

организаций претендовала на лидерство. Беспокоило Лондон и то, что пробританские силы в греческом Сопротивлении были немногочисленны, не обладали достаточной военной силой для ведения широкомасштабных партизанских действий. Большинство местных политиков заняли выжидательную позицию, рассчитывая в основном на победу союзников и освобождение страны извне⁴¹. В Югославии Великобритания с 1942 г. активно поддерживала движение четников под руководством Д. Михайловича, выступавшее за восстановление югославской монархии Карагеоргиевичей при доминирующей роли сербов. Другой мощной антифашистской силой в стране были партизаны, руководимые Коммунистической партией Югославии. В 1943 г. лидеру коммунистов И. Броз Тито на основе партизанских отрядов удалось создать Народно-освободительную армию Югославии (НОАЮ), которая контролировала до 40 % территории бывшей Югославии.

В Государственном департаменте был проведен анализ текущей ситуации в странах балканского региона и положения организаций антифашистского Сопротивления. От английских и американских миссий поступали сведения об их политической ориентации, численности и о контролируемой ими территории, а также о возможности их борьбы на стороне союзников⁴². В Форин офис и в Государственном департаменте пришли к выводу, что на территории Греции и Югославии на основе сил Сопротивления возможно создание объединенной группировки около десяти дивизий под командованием представителя Объединенного комитета начальников штабов в Европе⁴³. Рузвельт поддержал этот план, назвав «самым безотлагательным делом» подготовку балканских дивизий, «особенно состоящих из греков и югославов, действующих в своих собственных странах».

С точки зрения Рузвельта, открытие силами западных союзников фронта на Балканах, хотя и не было невозможным, но отвлекло бы их от высадки в Нормандии. Гораздо удобнее было бы положиться на вооруженные Западом местные дивизии. Безусловно, это должны были быть силы готовые сотрудничать с западными союзниками в послевоенном устройстве Европы. Отказ США от активных действий на балканском направлении был продиктован приоритетными стратегическими интересами в Западной Европе и Германии. Этим объяснялось, что СКПВП на своем заседании в августе 1943 г. признает Балканы «зоной влияния СССР». Уже в это время его эксперты окончательно приходят к мысли о невозможности создания новых объединений в Восточной и Центральной Европе без его участия⁴⁴.

Важную роль в решении балканского вопроса сыграла Тегеранская конференция, проходившая с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Развитие ситуации в Балканском регионе связывалось с двумя главными факторами: открытием второго фронта и победами СССР летом 1943 г.

Уже на первой пленарной встрече Черчилль согласился с тем, что высадка во Франции начнется в условленный срок. Но до означенной даты оставалось еще полгода. За это время, по словам британского премьера, можно было побудить Турцию вступить в войну против Германии и укрепить югославский плацдарм на Балканах. Сталин отверг этот план, усмотрев в нем угрозу влиянию СССР в Восточной Европе и на Балканах. Рузвельт, напротив, старался показать Сталину, что он не собирается препятствовать интересам Советского Союза. В ходе непосредственных переговоров Сталина и Рузвельта было принято решение в отношении Польши. Президент согласился с тем, что она будет восстановлена в новых границах. Ее восточные границы будут отодвинуты на запад, а западные пройдут по Одеру.

Таким образом, в первый период войны, до конца 1942 г., США только приступили к разработке внешнеполитического курса по отношению к Европе в целом, и к Балканам в частности. Первые американские проекты послевоенного устройства Балкан носили характер ознакомления с регионом и первоначального определения в нем приоритетов США. В них недостаточно учитывалась роль Советского Союза, а также противоречия между балканскими странами. Во главу угла ставились скорее экономические, чем политические критерии. В это время решающее значение и для государственного секретаря Хэлла, и для президента Рузвельта играло строительство будущей Организации Объединенных Наций. Наиболее вероятное послевоенное устройство Балкан американским политикам представлялось в виде различных конфедераций с большой самостоятельностью каждого их члена.

Уже на этом этапе можно увидеть основу будущих противоречий между атлантическими союзниками. Великобритания, в отличие от СССР и США, была заинтересована в создании на востоке Европы сильного политического союза в качестве опоры для собственной политики и противовеса как германскому влиянию, так и экспансии СССР. В США отдавали предпочтение созданию ООН как универсального механизма сотрудничества между великими державами при ведущей роли США.

В 1943 г., после того как англичане закрепили за собой Ближний и Средний Восток, изгнав итало-германские войска из африканских владений Англии и Франции и воспрепятствовав проникновению Герма-

нии в Иран и страны Леванта, основная сфера их интересов переместилась на Балканы и в Турцию.

Для США Восточная Европа не была пока зоной жизненных интересов. Приоритетами для Рузвельта было, во-первых, установление американской гегемонии на западе Европы и в Германии. Достигнуть этих целей можно было только открытием второго фронта на западе, посредством высадки войск союзников в Нормандии. Во-вторых, США должны были победоносно завершить войну на Дальнем Востоке. Скорейшим путем к этому было вступление СССР в войну против Японии. Таким образом, главные задачи внешней политики США диктовали для Вашингтона потребность в сохранении хороших отношений с СССР в рамках антигитлеровской коалиции.

Стратегические планы США в отношении стран Балканского полуострова были сформулированы в русле общей политики, предусматривающей создание Организации Объединенных Наций. Американские внешнеполитические аналитики не придавали данному региону большого значения. В реальной внешней политике роль Балкан была еще меньше и находилась для Америки на втором плане даже по сравнению с соседними регионами – Центральной и Восточной Европой.

Примечания

- ¹ См. напр.: *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. Princeton, New York, 1957; *Gaddis S.* American Diplomacy During the Second World War 1941–1945; *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. New York, 1979.
- ² Юнглод В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945. Киров, 1998. С. 60–61.
- ³ *Notter H.* Postwar Foreign Policy Preparation 1939–1945. Washington, 1949. P. 3–82.
- ⁴ *Robert H.F.* The United States and East Central Europe before 1941 // *The Fate of East Central Europe: Hopes and Failures of American Foreign Policy.* Notre Dame, 1956. P. 48–49.
- ⁵ Уэллес стал сторонником этой идеи после того, как побывал в конце 1939 г. по поручению президента в четырех европейских столицах – Парнже, Лондоне, Риме и Берлине (*Уткин А.И.* Рузвельт. М., 2000).
- ⁶ *John F.M.* Hungary, the Unwilling Satellite. New York, 1947. P. 215.
- ⁷ *Notter H.* Op. cit.
- ⁸ *Welles S.* The Time for Decision. New York, 1944. P. 255–256.
- ⁹ *Ibid.* P. 262–263.
- ¹⁰ По мнению директора комитета по военной экономике К. Мэттлока, «Балканский регион имел все шансы стать экономически независимым после войны. Его географическое положение позволяло эффективно заниматься как земледелием, так и при наличии кредитов развивать промышленность» (*Oral History Interview with Clifford C. Matlock.* Chevy Chase, Maryland. 1973. Waynesville, North Carolina by Richard D. Mc Kinzie. P. 13–14).
- ¹¹ *Oral History Interview...* P. 13–14.

- ¹² *Ibid.* Part I. P. 2.
- ¹³ *Notter H.* Op. cit. P. 214.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 230.
- ¹⁵ *Russia and an East European Federation*, October 26, 1942 // *Notter H.* Op. cit. P. 231–234.
- ¹⁶ *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*. New York, 1950. Vol. 13. P. 51.
- ¹⁷ *Minutes-13*, May 30, 1942 // *Notter H.* Op. cit. P. 240–249.
- ¹⁸ *Hull C. The Memoirs*. N.Y. 1975. Vol. 11. P. 1168. Принцип: «территориальные вопросы – на послевоенный конгресс» он распространял и на проблемы германского урегулирования. Именно об этом он писал Рузвельту незадолго до Тегеранской конференции (FRUS: *The Conferences at Cairo and Teheran*, 1943. Washington, 1961. P. 187).
- ¹⁹ Юнблюд В.Т. Указ. соч. С. 150–151.
- ²⁰ *Dallek R.* Op. cit. P. 37.
- ²¹ *Gaddis S.* Op. cit. P. 94.
- ²² *War Time Foreign Office Documents Regarding Plans for a Postbellum East Central Europe*. New York, 1997. P. 39.
- ²³ *War and Society in East Central Europe*. New York, 2000. Vol. 35. P. 328–346.
- ²⁴ *Ibid.* New York, 1997. Vol. 34. P. 302.
- ²⁵ *Ibid.* P. 309.
- ²⁶ *Ibidem.*
- ²⁷ *Ibid.* P. 317.
- ²⁸ *Ibid.* P. 319.
- ²⁹ *Ibid.* P. 321.
- ³⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1957. Т. 2. С. 54.
- ³¹ *Barker E.* *British Policy in South-Eastern Europe in The Second World War*. London, 1976. P. 30.
- ³² *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*. Vol. 12. New York, 1950. P. 102.
- ³³ *Ibidem.*
- ³⁴ *Ibid.* Vol. 13. P. 204.
- ³⁵ *Ibid.* P. 502–507.
- ³⁶ *Ibidem.*
- ³⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР ... Т. 2. С. 83.
- ³⁸ FRUS. 1943. Vol. III. P. 504.
- ³⁹ Подробнее об этом: Улуян Ар.А. Национально-освободительный фронт Греции. М., 1991. С. 35.
- ⁴⁰ Руководством ЭАМ была создана Национальная народно-освободительная армия, ставшая в последствии известной как ЭЛАС.
- ⁴¹ FRUS. 1943. Vol. II. P. 304–305.
- ⁴² *Harley Notter.* Op. cit. P. 56–60.
- ⁴³ *Ibid.* P. 202.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 241.

Кризис 1956 года и зарождение политической оппозиции в Польше

Середина 1950-х годов стала для значительной части польской интеллигенции временем переоценки ценностей. Энтузиазм предшествующих лет, захвативший революционно настроенную молодежь и часть деятелей левого толка старшего поколения, который заставлял смотреть сквозь пальцы на некоторые «перекосы» социалистического строительства, сменился некоторым отрезвлением, когда стало понятно, что даже революция не свободна от проявлений социальной несправедливости и произвола, или, как тогда говорили, — от «искажений». «Оттепель» в СССР вообще нашла живой отклик в польском обществе, не имевшем за плечами столь долгой школы тоталитаризма, а потому сохранившем тяготение ко многим «пережиткам» буржуазного строя: плюрализму мнений, многопартийности, привычке прислушиваться к мнению католической церкви и т. д. Многих поляков оскорбляло положение фактических вассалов Советского Союза, особенно унижительное после двадцати лет подчеркнутого национализма Второй Речи Посполитой. Все это, начиная с нараставшего экономического кризиса, явившегося результатом ускоренной индустриализации, и до осознания польским обществом своей принадлежности к западной культуре, породило в Польше вскоре после смерти И.В. Сталина широкое брожение, затронувшее буквально все слои общества. Настроения недовольства и ожидания перемен нарастали по мере того, как правящая элита под впечатлением новых веяний из Москвы все больше «отпускала вожжи».

XX съезд КПСС и неожиданная кончина первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Б. Берута 12 марта 1956 г. явились непосредственными толчками к началу процесса решительных преобразований внутри страны. Он сопровождался ростом общественной активности, приведшей к созданию организованных центров независимой общественно-политической мысли, которые при от-

существовании полноценных демократических институтов играли роль политической оппозиции.

Ряд событий 1954–1955 гг. ясно свидетельствовал о «потеплении» в политической жизни. Откликаясь на провозглашенную советскими вождями концепцию «коллективного руководства», II съезд ПОРП в марте 1954 г. взял курс на развитие внутрипартийной демократии. Начались реабилитации и освобождение из тюрем заключенных, обвиненных в подрывной деятельности против Народной Польши. В ноябре 1954 г. было упразднено Министерство общественной безопасности, разделенное в результате на Министерство внутренних дел и Комитет общественной безопасности. III пленум ЦК ПОРП (январь 1955 г.) осудил злоупотребления органов госбезопасности в классовой борьбе и постановил исключить из партии бывшего замминистра этого ведомства Р. Ромковского. Эти события нашли живой отклик в обществе, особенно в среде интеллигенции и студенчества, поскольку люди еще хорошо помнили довоенную Польшу, традиции многопартийности и свободомыслия в стране были сильны. Гражданское общество, хотя и сильно пострадало в период сталинизма, все же не было уничтожено полностью. Поэтому интеллигенция первой откликнулась на пришедшие с востока веяния десталинизации.

В феврале 1955 г. на частной квартире Гажтецких в Варшаве на улице Кшиве Коло (Кривое колесо) начались встречи деятелей науки и культуры, из которых к октябрю вырос так называемый Клуб кривого колеса. В нем свободно обсуждались темы, волновавшие польское общество, заслушивались доклады и проводились семинары. Клуб посещали ученые, писатели, бывшие деятели ликвидированных коммунистами партий и даже члены правящей верхушки¹. Среди участников были известные социологи Мария и Станислав Оссовские, член ЦК ПОРП и близкий соратник Гомулки В. Беньковский, писатель и публицист П. Ясеница, литературовед Я.Ю. Липский, экономист Э. Липинский, входивший еще в состав ППС-левицы, и т. д. Инициатива, задуманная как свободный форум, нашла одобрение у властных структур, рассчитывавших, видимо, использовать объединение как своего рода кузницу партийных кадров.

В новейшей историографии Клуб оценивается как оппозиционная организация². Такой вывод был сделан на основе его деятельности в 1956 г. и вследствие скандального закрытия Клуба властями в 1962 г. Однако, по крайней мере до апреля 1956 г., он не противопоставлял себя власти и не вел, что называется, «своей игры». Официальные органы, внимательно наблюдавшие за ним, полагали, что наличие в руковод-

стве Клуба трех членов ПОРП и одного члена Союза польской молодежи вполне достаточно, чтобы удерживать тамошние дискуссии в рамках дозволенного³. Поэтому Клуб кривого колеса на первом этапе его деятельности нельзя относить к оппозиционным организациям, поскольку он не выступал против политики правящего режима, хотя там часто звучали крамольные высказывания.

В это же время активизировалось и общественное движение в студенческой среде. Печатный орган Союза польской молодежи (СПМ) еженедельник «По просту» в сентябре 1955 г. объявил себя «газетой студентов и молодой интеллигенции», преобразовавшись таким образом в рупор образованной молодежи. В Кракове студенты университета и политехнического института в начале января 1956 г. создали Клуб красного помидора, целью которого являлось свободное обсуждение запретных ранее тем и критическое осмысление отдельных положений марксизма⁴.

Начали проявлять недовольство существующим порядком вещей «младшие партнеры» ПОРП – Демократическая партия (ДП) и Объединенная крестьянская партия (ОКП). В мае 1955 г. на пленуме ЦК ДП была выдвинута задача активизировать деятельность партии. В рядах ОКП в то же время высказывались критические замечания об аграрной политике правительства.

Разразился открытый конфликт в ПАКСе – проправительственной организации светских католиков. Ряд молодых деятелей во главе с Т. Мазовецким и Я. Заблоцким выступил против концепции лидера ПАКСа Б. Пясецкого о служении Богу через служение церкви, нации и социализму. «Фронда», как называли эту группу, оспаривала такое политизированное понимание христианства и доказывала, что не существует христианской политики, а существует лишь христианская ответственность за политику⁵. Кроме того, оппозиционеры выступали против тезиса о борьбе между католиками. Постулат этот был перелицованным вариантом сталинской теории об обострении классовой борьбы по мере построения социализма⁶. После непродолжительной острой полемики в сентябре 1955 г. «фрондеры» были исключены из организации. Вместе с молодыми марксистами они основали Клуб круглого стола, поставивший перед собой задачи аналогичные целям других упоминавшихся клубов⁷.

Таким образом, в 1955 г. в Польше начали выкристаллизовываться первичные структуры возрождающегося гражданского общества, проявлением чего было возобновление независимой от коммунистических властей и подконтрольных им организаций общественной деятельности. Эти первые ростки, носившие пока разрозненный и интеллектуаль-

но-отвлеченный характер, неизбежно должны были получить продолжение и со временем вступить в непримиримый конфликт с тоталитарным государством.

В конце 1940 – начале 1950-х годов в Польше появилась значительная прослойка молодой марксистской интеллигенции, представители которой начали завоевывать себе место под солнцем, осуществляя естественный процесс смены поколений. Эти люди с воодушевлением приняли революцию, совершившуюся у них на глазах, верили в будущее социализма, но отвергали механистическое понимание марксизма, низведение его до уровня идеологии, оправдывавшей авторитарную политику государства. Среди них по многим важным вопросам не было единства взглядов. Так, редакция «По просту» и один из идеологов молодой интеллигенции – профессор философии Варшавского университета Л. Колаковский – отстаивали последовательный атеизм и антиклерикализм⁸, в то время как другие представители этого поколения, вроде упоминавшихся уже Т. Мазовецкого и Я. Заблоцкого, пытались доказать совместимость марксизма и католицизма. Однако в целом молодые марксисты сходились в неприятии существующего порядка и искали пути к его изменению. В этом они оказались солидарны с устремлениями ряда высокопоставленных деятелей партии, представлявших как молодое поколение партийных лидеров, так и старых коммунистов и социалистов, которые не могли согласиться с принятыми в СССР методами социалистического строительства или же просто видели в либерализации шанс выдвинуться на первые роли. Среди таковых обычно называют Е. Моравского, Е. Альбрехта, Э. Герека, В. Матвина, Я. Стшелецкого и др.

«Наша идеологическая драма началась только после XX съезда (КПСС. – В.В.)», – заявил в конце 1956 г. видный деятель движения светских католиков К. Лубеньский⁹. Ему вторили Т. Мазовецкий и активный участник Клуба кривого колеса Е. Микке, утверждавшие, что после XX съезда КПСС «у миллионов поляков произошло замешательство в умах и душах»¹⁰. О секретном докладе Н.С. Хрущева, прочитанном перед делегатами съезда в ночь с 24 на 25 февраля 1956 г., в Польской объединенной рабочей партии узнали в числе первых среди компартий зарубежных стран. В неожиданном шаге советского лидера молодые деятели ПОРП и сторонники отхода от прежнего курса увидели шанс взять инициативу в свои руки. Секретарь ЦК Е. Моравский уже в начале марта на партактиве Комитета по делам общественной безопасности рассказал о закрытом заседании московского коммунистического форума¹¹. Секретариат ЦК ПОРП решил тиражировать секретный

доклад Хрущева, после чего он и стал известен всему миру. «Буря обрушилась на нас», – эти слова руководителя итальянских коммунистов П. Тольятти наилучшим образом отражают произведенный эффект¹². Но, однажды выпустив джинна из бутылки, было нелегко вернуть его обратно. События развивались стремительно, и очень быстро контроль над ними был утрачен.

В стране, накрепко привязанной к Москве и советскому блоку, а вместе с тем имевшей давние традиции борьбы с Россией, начали набирать силу антисоветские настроения, пока прикрываемые нападками на «искажения» времен сталинизма. Вновь всплыло имя В. Гомулки, теперь уже как символ борьбы за полноценный суверенитет государства. Сменивший Б. Берута во главе партии Э. Охав вынужден был признать необоснованными обвинения Гомулки во «враждебной и диверсионной деятельности», однако наотрез отказался пересмотреть пункт о «правонационалистическом уклоне». В парторганизациях Щецина и Торуньского университета стали раздаваться голоса за пересмотр взглядов на Варшавское восстание 1944 г., на роспуск в 1938 г. польской компартии, на присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г., и хотя и с осторожностью, прозвучало страшное слово «Катынь».

Под воздействием экономического кризиса и ослабления репрессивной политики властей заволновались все слои общества. Были отмечены забастовочные настроения в рабочих коллективах Силезии и на текстильных предприятиях Лодзи¹³, повсюду начали возникать так называемые дискуссионные клубы, в которых интеллигенция все громче требовала отчета у деятелей предыдущего периода. Это стихийное движение достигло своего пика в конце июня 1956 г., когда на улицы вышли рабочие машиностроительного завода им. Сталина в Познани. Отчаявшись добиться правды «наверху», люди организовали манифестацию под лозунгами «Свободы!», «Долой коммунизм!», «Долой большевиков!» и «Польша – полякам!».

Риснем предположить, что если бы руководство страны с самого начала пошло навстречу бастующим и выполнило их весьма умеренные экономические требования, то ничего подобного не случилось бы и рабочие мирно разошлись, как это случилось не раз в дальнейшем¹⁴. Однако в то время ни администрация предприятий, ни власти, с одной стороны, ни рабочие – с другой, не имели еще опыта забастовочной борьбы в социалистическом государстве. Поэтому ни одна из сторон не пожелала идти на уступки, и выступление рабочих на волне праведного гнева

приняло политическую направленность.

Начались погромы правительственных и партийных зданий. В Познань были введены войска, и к вечеру 30 июня все было кончено – стихийное движение рабочих и связанные с ним беспорядки были подавлены. Волнения в Познани стали единственным примером неуправляемого движения рабочих, принявшего политическую окраску. Они многому научили власти предрержащие, которые в дальнейшем изменили тактику и стали действовать умнее и тоньше.

В марте 1956 г. правящая элита познакомилась с работой известного экономиста Ч. Бобровского о югославской системе рабочего самоуправления. Между Варшавой и Белградом немедленно был налажен обмен опытом, и с благословения руководства в Польше началась кампания за перенесение югославской системы на польскую почву. Почин руководства, видевшего в Югославии пример успешного сопротивления сталинизму, был поддержан рабочими, стремившимися вновь, как и в 1944–1945 гг., стать хозяевами на предприятиях. Эти устремления разделяла и техническая интеллигенция. Правда, представления о рабочем самоуправлении у партии и в трудовых коллективах не вполне совпадали, в то время как техническая интеллигенция просто использовала это движение, чтобы вытеснить из фабрично-заводского руководства администраторов старой школы и взять бразды правления в свои руки¹⁵. Настроения рабочих использовали силы, выступавшие за обновление партии и противостоявшие консерваторам – так называемым натолинцам. Последние были названы так по имени особняка Натолин, где во время VII пленума ЦК ПОРП проходили неофициальные собрания партийных ортодоксов. «Натолинцы» предлагали ограничиться увеличением зарплаты рабочих, осуждением некоторых лиц, ответственных за «искажения» времен сталинизма, но при условии защиты интересов и доброго имени партийного и государственного аппарата в целом.

Противники консерваторов – «пулавяне» (на Пулавской улице в Варшаве собирались на свои неформальные встречи представители реформаторского крыла ПОРП) отстаивали концепцию «польского пути к социализму», провозглашенную В. Гомулкой еще в середине 1940-х годов. Она заключалась в сохранении многопартийной системы, парламентской демократии и защите польского суверенитета.

Поскольку «пулавяне» находились в постоянном контакте со многими радикальными деятелями и журналистами, они имели возможность играть на настроениях людей, подогревая страсти, если это было необходимо. Насколько тесны были в тот период связи между «пулавя-

нами» и рабочими свидетельствует следующий факт: по утверждению секретаря варшавского комитета ПОРП С. Кузиньского, люди, работавшие на заводе легковых автомобилей в Варшаве, были хорошо осведомлены обо всех спорах и тенденциях внутри партийного руководства, хотя на страницы газет такая информация не попадала. Секретарь заводского комитета ПОРП Л. Гозьдзик постоянно участвовал во встречах с партийными деятелями, проходивших на квартире бывшего члена довоенной компартии Т. Желиньского, где разрабатывались планы внедрения на производстве системы рабочего самоуправления¹⁶. Предприятие в Жерани стало одним из первых, на котором был принят устав рабочего самоуправления. Получив поддержку со стороны ПОРП, движение за рабочее самоуправление и в дальнейшем почти не отклонялось от линии, проводившейся партийными реформаторами. Когда 25 ноября 1956 г. газета «По prostu» в статье «Что делать дальше?» предложила изменить роль партии (не уточнив, правда, каким образом), Гозьдзик на отчетно-выборной конференции ПОРП решительно этому воспротивился, заявив, что в условиях существования империалистических государств чрезмерное продвижение вперед может оказаться губительным и сохранение руководящей роли партии – это гарантия правильного развития процесса демократизации¹⁷.

Рабочее движение 1956 – начала 1957 г. нельзя считать политической оппозицией в полном смысле этого слова, поскольку его требования практически не выходили за рамки экономических преобразований. Политическая окраска появлялась лишь в моменты антисоветских выступлений, когда рабочие требовали отставки министра обороны К. Рокоссовского или когда стало известно о движении советских танков в направлении Варшавы 18–19 октября 1956 г. Однако здесь на первый план явно выступало стремление оказать сопротивление бесцеремонному внешнему давлению. Предпринятая в августе–декабре попытка Клуба кривого колеса внести в рабочее движение элемент «сознательности», создав ряд организаций рабочего просвещения, которые в будущем могли бы стать зародышем политической организации, провалилась, поскольку с самого начала оказалась под контролем партийных органов¹⁸. Тем не менее нельзя отрицать, что рабочее движение сыграло свою роль в процессе десталинизации, подтолкнув польское руководство к реформам как экономического, так и политического характера.

Аналогичные процессы протекали и в крестьянском движении Народной Польши. Крестьяне, за редкими исключениями, открыто не выражали своего недовольства политикой ПОРП. В период коллективиза-

ции 1949–1955 гг. они ограничивались пассивным сопротивлением, всячески избегая вступления в кооперативы и сокращая площадь своих владений (с целью уменьшить налоги), и ожидали конца трудных времен¹⁹. В принципе ничего не изменилось и в 1956 г. Верхушечные бури мало затрагивали крестьян. Даже когда началось брожение в Объединенной крестьянской партии и оппозиция на II пленуме (10–11 мая 1956 г.) решительно выступила против лидера партии В. Ковальского, крестьянство никак не обнаружило своего отношения к этому, ожидая решения главного вопроса: быть или не быть кооперативам. Оживление наметилось лишь в октябре, когда к власти вернулся В. Гомулка, с которым связывались надежды на прекращение политики коллективизации.

И действительно, государство пошло навстречу крестьянам, разрешив свободный выход из кооперативов и пообещав не посягать на частное землевладение. Коллективные хозяйства стали неудержимо разваливаться, так что их число сократилось с 10 150 (сентябрь 1956 г.) до 1 534 (31 декабря 1956 г.). К концу года в коллективной собственности оставалось всего 1,2 % земель²⁰.

Экономические изменения повлекли за собой перемены и в политической сфере. В большую политику начали возвращаться деятели прежних крестьянских партий. 19 октября председателем Главного комитета ОКП был избран С. Игнар – член Стронництва людового военных лет. В президиум Главного комитета вошли бывшие ПСЛ-овцы Ч. Выцех, К. Банах и др. К работе в ОКП стали подключаться многие деятели СЛ-«Рох» (название Стронництва людового в период немецкой оккупации) и его военизированных формирований – Батальонов хлопских. Впрочем, все это были люди, близкие в идейном отношении к коммунистам и социалистам. При их непосредственном участии в послевоенной Польше фактически установилась политическая монополия ПОРП. Они и в середине 1950-х годов не изменили прежней позиции. 22 ноября 1956 г. на совместном совещании лидеров ПОРП, ОКП и ДП была подтверждена руководящая роль ПОРП, правда, в обмен на расширение участия «младших партнеров» в обсуждении экономических вопросов. После выборов в сейм, прошедших 20 января 1957 г., ОКП создала в парламенте собственную небольшую фракцию.

Несколько более радикальное движение наметилось в среде сельской молодежи. В конце октября в Краковском воеводстве, где особенно сильны были традиции людовского движения, начали возникать общества Союза сельской молодежи «Вици». Как показывает название, основатели этих организаций стремились быть наследниками крестьянс-

кого движения межвоенного периода, для которого характерна была идеология «аграризма», в равной степени отвергавшего капитализм и социализм и делавшего ставку на мелкого сельского производителя. В реальности, однако, все было куда скромнее. Руководители движения признавали руководящую роль ПОРП, поддерживали решения VIII пленума ЦК ПОРП и программу В. Гомулки. Они старались отмежеваться от традиций ПСЛ, рассматривали ОКП как старшего партнера, стремясь лишь сохранить организационную независимость от государства. Главную задачу Союза они видели в проведении среди сельской молодежи просветительской работы.

Ввиду надвигавшегося распада Союза польской молодежи руководство ОКП и деятели молодой интеллигенции (прежде всего объединенные вокруг еженедельника «По prostu») поддержали инициативу активистов «Вици», видя в них силу, которая сумеет объединить сельскую молодежь в рамках новой организации. Движение, захватившее также и Вроцлавское воеводство, начало бурно развиваться, что вызвало опасения властей.

В конце ноября 1956 г. часть деятелей СПМ Катовицкого воеводства выступила с проектом реформы молодежного движения и создания трех организаций – рабочей, сельской и студенческой молодежи, объединенных единым центром²¹. Иначе говоря, предлагалось создать модернизированный вариант Союза польской молодежи, в котором партия по-прежнему имела бы решающий голос. Во исполнение этого замысла 6 декабря из бывших членов аппарата СПМ был составлен Подготовительный комитет общего Совета сельской молодежи. В программных документах Комитета защищался старый СПМ, подчеркивались приверженность социалистическому пути развития страны и сохранение многоукладного характера сельского хозяйства. Попытка включить «Вици» в состав организованного властями Союза сельской молодежи, предпринятая в феврале 1957 г., не удалась из-за программных расхождений. Объединение «Вици», обладавшее большой популярностью, грозило стать проблемой для партии, и в начале мая президиум Краковского воеводского комитета ОКП признал, что в деревне должна действовать только одна молодежная организация. В июле по решению властей произошло вынужденное слияние «Вици» и Союза сельской молодежи²².

Социальное и политическое положение, сложившееся в середине 1950-х годов в аграрном и промышленном секторах народного хозяйства, не содержало предпосылок для возникновения устойчивой оппозиции в среде рабочих и крестьянства. Экономические требования, предъявляе-

мые ими государству, были в известной степени удовлетворены руководством, пришедшим к власти в октябре 1956 г., что снизило напряженность в стране. Крестьяне, техническая интеллигенция и частично рабочие получили некоторую независимость от партийно-государственных структур. Попытки же отдельных деятелей расширить сферу самостоятельности не нашли широкого отклика в массах и были нейтрализованы обновленным государственным аппаратом. В стране выстраивалась новая хозяйственная модель, быть может, и не вполне отвечающая требованиям рабочих и технической интеллигенции, но все же более приемлемая в сравнении с недавним тоталитаризмом и уж, во всяком случае, пользовавшаяся поддержкой крестьянства. Однако именно 1956 год послужил импульсом к началу свободных идеологических поисков и к оформлению в перспективе разнообразных течений политической оппозиции. В авангарде этого процесса встала гуманитарная интеллигенция.

Видный польский философ и президент Польской академии наук Т. Котарбиньский как-то заметил, что главное для либерала – не национальное самосознание, мощь державы или рекорды общественного строительства, а защита от угнетения, сохранение личной независимости и борьба с любым злом²³. Во многом расходясь с Котарбиньским в других вопросах, интеллектуальное движение в Польше середины 1950- годов придерживалось в целом именно этой программы. Независимость суждений – вот лозунг, объединивший, как представляется, все направления общественной мысли того периода. Наиболее ярким проявлением этого стремления было упоминавшееся выше клубное движение, которое, зародившись в 1955 г., набрало силу в 1956 г.

Еще в сентябре 1955 г. еженедельник «По просту» – рупор обновленческих настроений внутри польского социализма – призвал создавать повсюду клубы молодой интеллигенции, поскольку считал их важным фактором оживления провинции, а кроме того, центрами борьбы с консервативными силами. К таковым его редакторы относили прежде всего сталинистов и епископат. Л. Колаковский позже говорил, что некоторое время сторонники обновления верили, будто сталинскую систему можно реформировать в том смысле, чтобы «обновить либо «замаскировать» коммунизм, не выходя за его рамки»²⁴. Сталинизм виделся им воплощением тоталитаризма, характерными чертами которого являлись: единовластие и вождизм, ортодоксальность идеологии, концепция «цель оправдывает средства» как моральный принцип и верховенство власти над народом²⁵. Такого рода постулаты были несовместимы со свободным интеллектуальным поиском, но, по мнению многих

тогдашних деятелей, стоит устранить эти «искажения», как будет проложена свободная дорога к чистому, «неизвращенному» социализму. Партийный экономист В. Брус позже так описывал эти настроения: «Большинство из нас считало, что достаточно уяснить себе смысл слов “перегибы” и “искажения”, и тотчас откроется путь к обновлению, который получит поддержку большей части общества»²⁶.

Что касается католической церкви, то борьба с ней была одной из традиций левой интеллигенции в Польше. Недаром сразу после восстановления уроков Закона Божьего в школах в конце 1956 г. ряд изданий, отражавших точку зрения левой «демократической» интеллигенции («По просту», «Нова культура», «Пшеглэнд культуральны»), подверг критике нетерпимость законоучителей к проявлениям свободы совести и иного инакомыслия, дискриминацию детей, не желающих посещать эти уроки²⁷. Кредо левой интеллигенции выразил Т. Котарбиньский, который стремился к тому, «чтобы распространилось и утвердилось мировоззрение, свободное от религиозной иррациональности, чтобы сделать обучение этике независимым от иррациональных религиозных оснований ... при сохранении полной терпимости к убеждениям других людей, чтобы каждый имел право и возможность отправлять либо не отправлять религиозные обряды согласно с собственными убеждениями»²⁸.

Однако были и другие настроения. Объединение ПАКС, возникшее в 1946 г. как организация прогрессивных католиков, признающих новый режим, пыталось доказать возможность сосуществования марксизма и католицизма. Возглавлял объединение Б. Пясецкий – член довоенной фашиствующей организации Фаланга и, как утверждалось в польской печати в 1956 г., человек, с 1945 г. связанный с советскими спецслужбами²⁹. Церковь относилась к ПАКСу резко отрицательно, видя в нем орудие в руках коммунистов. Тем не менее поначалу объединение имело успех, так как привносило нечто новое в католицизм. Однако авторитарные методы руководства и ставка Пясецкого на консервативные силы внутри ПОРП дискредитировали организацию, и в ней наметился кризис. В конце 1955 г. и в конце 1956 г. ее покинули две группы, известные как «фронда» и «сецессия». Первую, как уже говорилось, возглавляли Т. Мазовецкий и Я. Заблоцкий. 11 ноября 1956 г. они выступили на страницах «По просту» с манифестом: «Мы были людьми, которые после уединенных размышлений пришли к убеждениям, связывающим католицизм с социализмом... Тревога за дальнейшую судьбу Церкви в мире социализма объединяла нас с другими като-

ликами. Но мы сделали разные выводы... Мы инстинктивно осознали, что лишь тогда можно с успехом защищать право на собственное мировоззрение, когда участвуешь в справедливом общественном деле... Мы осознали необходимость ... приведения общественного сознания верующих к убеждению, что служить – это судьба самой Церкви»³⁰.

И если судьба «фронды» сложилась довольно удачно, то «сецессию», выступавшую против диктаторских замыслов Б. Пясецкого, изначально воспринимали как конъюнктурный ход политиков, осознавших серьезность кризиса ПАКСа и решивших вовремя поискать для себя другую политическую нишу. Отношение к «сецессионистам» в католических кругах было холодным. Особое благоволение властей к этой группе заставляло подозревать ее участников в двуличии. Когда представители властей поставили условием возобновления издания католической газеты назначение ее главным редактором лидера «сецессии» Я. Франковского, католические клубы не пошли на это и даже отказались принять последнего в состав предполагаемой католической фракции в сейме³¹.

Впрочем, вне зависимости от идеологической платформы, все клубы, едва появившись, стали налаживать связи друг с другом. Уже к весне 1956 г. возникла целая сеть клубов интеллигенции, а в апреле были созданы Общепольский центр сотрудничества клубов интеллигенции и Центр клубов молодой интеллигенции. Обе структуры возникли по инициативе Клуба кривого колеса и объединяли деятелей самой различной политической направленности. Своими задачами Общепольский центр ставил помощь в становлении клубов, свободный обмен информацией и представительство движения перед властями. Кроме того, особо указывалось, что он будет сотрудничать с Общепольским комитетом Национального фронта.

Можно выделить следующие характерные черты клубного движения: устройство встреч и дискуссий членов ПОРП и беспартийных, плюрализм мнений как принцип деятельности, самостоятельность клубов и их независимость от официальных учреждений³². Иначе говоря, выстраивалась система независимого общественного мнения, которая по самой своей сути противоречила интересам партийно-государственного аппарата. Однако подчеркнем: это движение тогда ограничивалось довольно узкой прослойкой гуманитарной интеллигенции, не оказывало сильного влияния на рабочих и крестьян и не было слишком опасным для правящей партии, хотя и таило в себе предпосылки для будущих потрясений.

Студенты, будучи одной из наиболее активных в политическом отношении групп населения, весной 1956 г. только начали включаться в

общественное движение, чему способствовали громкие публикации в «По просту». Наибольший резонанс вызвали статьи «Навстречу людям из АК», «Революция в организации СПМ» и «Что делать?», опубликованные в марте–апреле. Первая статья призывала пересмотреть отношение к ветеранам Армии Крайовой (АК) и провозглашала право ее членов участвовать в построении справедливого общественного строя наравне со всеми гражданами Польши³³. В двух других публикациях выдвигалась программа «революционирования» Союза польской молодежи, который, как утверждалось, превратился в период сталинизма в чисто формальную организацию и не выполнял своих функций по воспитанию идейных строителей социализма. Среди прочего еженедельник предлагал сделать СПМ автономной организацией, опирающейся на принцип демократического централизма³⁴.

В апреле в Варшавском университете прошла конференция СПМ, на которой руководство организацией перешло в руки радикалов, а уже в начале мая обновленное правление Союза постановило созвать осенью общее совещание студенческого актива для выработки новой программы. Делегатов должны были выбирать вузовские советы СПМ, а для лучшей подготовки совещания планировалось образовать «широкую комиссию» с участием редакции «По просту»³⁵.

Изменения в СПМ в целом укладывались в рамки преобразований, осуществлявшихся тогда ПОРП и заключавшихся в демократизации системы управления. Во главе Союза стояла Х. Яворская, принадлежавшая к крылу реформаторов-«пулавян», и конечно, партия и правительство были в курсе всех планировавшихся перемен в организации. Однако в студенческой среде постепенно начало набирать силу йизовое движение, на которое партия не имела уже такого безусловного влияния и которое выдвигало собственные программы действий. Вожаками этого движения стали: К. Помян, Я. Куронь, К. Модзелевский, А. Гарлицкий, Ж. Бимберг, А.К. Врублевский, С. Гебетнер – в Варшаве и Б. Тейковский, Е. Биллиц, С. Братковский, А. Крейслер, А. Огжалк – в Кракове. В авангарде первоначально шел Краков, где ряд деятелей правления СПМ Ягеллонского университета уже в июне образовал Временное революционное правление СПМ, приступив таким образом к воплощению в жизнь предложений «По просту». Варшавские молодежные лидеры не успели до начала летних каникул выработать организационных норм своей деятельности.

Лето 1956 г. прошло под знаком рабочих волнений в Познани. Общество стремительно радикализировалось. На первый план все настой-

чивее выдвигалась фигура В. Гомулки, ставшего символом польской независимости и сопротивления сталинизму. 2 августа 1956 г. он был восстановлен в партии, а три дня спустя центральный орган ЦК ПОРП газета «Трибуна люду» сообщила о снятии с Гомулки и его соратников обвинений в пособничестве вражеской агентуре.

Находясь под впечатлением массовых выступлений рабочих, Клуб кривого колеса начал налаживать связи с промышленными предприятиями и создавать организации рабочего просвещения. Так, в августе появился Варшавский конвексаториум рабочего просвещения и культуры, а в сентябре был создан Общй организационный комитет Товарищества рабочих университетов. Первые опыты создания организаций такого рода были предприняты не только в Варшаве, но и в Ченстохове, Лодзи, Кельце, Радоме, Быдгоще, Вроцлаве, Слупске⁸⁶. Можно сказать, что именно попытки клубов интеллигенции наладить сотрудничество с рабочими показали властям, что клубное движение и его лидер – Клуб кривого колеса – окончательно вышли из-под контроля официальных партийно-государственных структур.

14 июля Т. Мазовецкий и Е. Микке пишут своего рода манифест демократической интеллигенции, в котором констатируют, что кризис охватил широкие круги общества. Период, который переживает Польша, считали авторы, ставит перед всеми проблему возрождения социалистических норм жизни и «перспектив дальнейшей политической роли некоторых людей и центров». Понимание же обществом проблем зависит от широкой и открытой дискуссии⁸⁷. Хотя под «некоторыми людьми и центрами» авторы статьи-манифеста разумели прежде всего Б. Пясецкого и ПАКС, однако требование широкой и открытой дискуссии уже явно угрожало идеологической монополии ПОРП. Это стало сигналом. С варшавских радиозаводов имени Каспшака начали увольнять рабочих, замеченных в связях с Клубом кривого колеса.

18–23 августа прошел III пленум Главного правления СПМ. Он признал, что организация охвачена «серьезным кризисом», поскольку в ней отсутствует внутренняя демократия. Пленум выдвинул ряд предложений к запланированному на осень совещанию студенческого актива, которые должны были поправить ситуацию: гарантия трудоустройства молодежи, увеличение жилищного строительства, изменение системы образования на всех уровнях, реорганизация культурной жизни⁸⁸. Поскольку правление СПМ всегда следовало указаниям руководства ПОРП, можно с уверенностью сказать, что реформы эти были разработаны «наверху» и призваны были успокоить студенчество. Однако последующие события показали, что

верхушка СПМ уже упустила инициативу.

По окончании каникул в студенческих центрах начали проходить митинги, на которых студенты обличали «окостенение» СПМ, требовали открытости политической жизни и введения рабочего самоуправления. На этих митингах часто были замечены делегаты от предприятий. Так было, например, 9 октября в Варшавском университете и 18-го – в Кракове³⁹. «Трибун варшавского люда» Л. Гозьдзик присутствовал на первом после каникул заседании парторганизации Варшавского университета. Таким образом, в преддверии VIII пленума ЦК ПОРП, состоявшегося 19–21 октября, начал стихийно складываться единый фронт интеллигенции и рабочих, выступавший за решительные демократические преобразования. Начиная с 17 октября в Варшаве, Кракове и Новой Гуте непрерывно проходили митинги студенческой и рабочей молодежи в поддержку реформ.

Период с октября по декабрь 1956 г. – высшая точка развития общественной инициативы в Польше. Повсюду возникали студенческие организации, заявлявшие о своей независимости от СПМ. Уже одни их названия говорят об идеологической направленности этих организаций: «Коммунистический союз молодежи», «Революционный союз молодежи», многочисленные «студенческие революционные комитеты», «Союз учащихся-анархистов» и т. д. В Кракове возникла настоящая студенческая республика со своим самоуправлением, милицией, жилищным комитетом и «правительством» в виде группы советников во главе с профессором В. Гозтлем⁴⁰.

СПМ практически распался. На долго ожидавшемся общем совещании студенческого актива, прошедшем 27–28 октября, делегаты не смогли прийти к общему мнению относительно структуры будущей организации и, по выражению «По просту», представляли уже не молодежь, а самих себя⁴¹. 27 ноября Студенческий революционный комитет в Кракове заявил, что не признает больше СПМ, а пленум районного правления Союза в Новой Гуте в тот же день распустил организацию.

Наибольшего размаха достигла деятельность варшавского Революционного союза молодежи, образованного 24 ноября. Он был создан как организация, опирающаяся на принципы марксизма, а идеологию черпал прежде всего в молодежных газетах «По просту» и «Штандар молодых». Уже упоминавшаяся статья «Что делать дальше?», опубликованная в «По просту» 25 ноября, была принята в качестве программного документа организации. В ней постулировалось: Союз должен опираться на мысли молодого Маркса, прежде всего на утверждение, что высшей

ценностью для человека является человек; он должен бороться за возвращение гражданских свобод, добытых при капитализме, но против свойственной тому экономической неволи; Союз должен быть и рабочей организацией, так как интеллигенция способна добиться чего-либо только совместно с рабочими, в действия которых она привносит сознательность; следует бороться с пережитками сталинизма в государственном управлении, в частности, ввести рабочее самоуправление на всех уровнях промышленного производства, вернуть национальным советам подлинное представительство, изменить роль партии в обществе, упразднить кооперативы на селе и т. д.

«Штандар молодых» со своей стороны призывал бороться за передачу высшей власти сейму и рабочим советам, а кроме того, выступал против сталинистской и «буржуазной» реакции. Под последней он подразумевал «проигравшие ПСЛ-овские элементы» и, по-видимому, зарождавшийся Союз молодых демократов⁴².

Союз молодых демократов (СМД) был на тот момент уникальной организацией. Он образовался 30 ноября 1956 г. в Варшаве, но сильные позиции имел также в Лодзи, Щецине, Познани, Люблине и Вроцлаве. В своей программе СМД, хотя и выражал поддержку решениям VIII пленума ЦК ПОРП и В. Гомулке, высказывался за польскую модель социализма и рабочее самоуправление, однако первым из легальных организаций заявил протест против «фактической однопартийности» и, в противоположность марксизму, отстаивал положение о том, что демократические идеи имеют надклассовый характер. Своим старшим партнером Союз видел Демократическую партию. В короткий срок его численность выросла до 10 тыс. человек. Под давлением руководства страны ДП вынуждена была объявить о разрыве с Союзом молодых демократов, после чего 16 января 1957 г. тот заявил о самороспуске. Часть бывших членов Союза во главе с П. Гурным образовала подпольную, откровенно антикоммунистическую организацию Временный информационный центр СМД, однако очень быстро она была раскрыта органами госбезопасности и разгромлена⁴³.

Наиболее восприимчивой к идеям, приходившим с Запада, была тогда светская католическая интеллигенция. И если старые деятели этого направления (С. Стомма, Е. Завейский, Е. Турович и др.) всегда отрицательно относились к социализму и не скрывали этого, то многие молодые светские католики в течение довольно длительного периода отдали дань увлечению коммунистическими идеями. Влияние французского персонализма и драматическое расставание с ПАКСом заставили

их по-новому взглянуть на судьбу человека в социалистическом мире вообще и верующего, в частности. Они продолжали верить, что революционные преобразования необратимы и вообще весь мир клонится влево, однако призывали «гуманизировать» социализм, оценить прежде самого себя, и уже затем – общество⁴⁴. Т. Мазовецкий, Я. Заблочный, В. Вечорек и прочие изгнанники из ПАКСа выступали за терпимость в отношениях между верующими и атеистами, осуждали шовинизм, настаивали на расширении участия католиков в общественной жизни, признавали необходимость польско-советского союза «на принципах уважения взаимного суверенитета и равенства»⁴⁵. Терпимость как принцип сближала их с деятелями старшего поколения, которые также указывали на необходимость «сотрудничества людей различных мировоззрений во имя решения глобальных проблем и гуманизации жизни на земле»⁴⁶. В итоге, несмотря на коренные идеологические расхождения, два наиболее мощных течения светского католического движения слились воедино в общем стремлении к легальной и независимой от ПАКСа общественной деятельности.

Символическим толчком к этому слиянию послужила статья Б. Пясецкого «Государственный инстинкт», опубликованная 16 октября в газете «Слово повшехне». Она была воспринята как манифест консервативных сил, и все непринадлежавшие к ПАКСу католические деятели посчитали своим долгом публично высказаться в поддержку октябрьских перемен. 22-го прошла первая неофициальная встреча представителей католического движения, на которой было сформулировано направление совместной деятельности. 23 октября известный деятель католического движения писатель Е. Завейский впервые во всеуслышание заявил, что Б. Пясецкий и группа ПАКС не представляют всех католиков в Польше. И в тот же день было решено создать новую светскую католическую организацию⁴⁷.

Власти относились с подозрением к зарождающейся организации, в особенности, к считавшимся реакционерами бывшим сотрудникам журнала «Знак» и еженедельника «Тыгодник повшехны»^{*}. Однако «Октябрь 1956 г.» разбудил такие страсти, на фоне которых группа «Тыгодника повшехного» выглядела достаточно умеренной. Поэтому власти решили не препятствовать оформлению новых католических организаций, но хотели установить над ними контроль, чтобы не допустить воз-

^{*} Названные издания в 1953 г. были закрыты властями за отказ опубликовать верноподданническую статью о И.В. Сталине.

рождения христианской партии, подобной считавшемуся радикально антикоммунистическим Стронництву працы⁴⁸. Деятели независимого католического движения объявили 24 октября о создании Общепольского клуба прогрессивной католической интеллигенции (ОКПКИ). 29-го они встретились с освобожденным за три дня до этого из-под ареста кардиналом С. Вышиньским и получили его благословение. А 31 октября состоялась их встреча с В. Гомулкой. Новый глава ПОРП дал согласие на возобновление вышеназванных изданий и на участие представителей ОКПКИ в грядущих выборах в сейм. В ответ он получил поддержку курса на успокоение общества, гарантии участия католиков в строительстве социализма и твердое обещание, что светские католики не намерены возрождать христианскую партию⁴⁹. Есть данные, что руководство страны даже хотело сделать Клуб католической интеллигенции главной организацией светских католиков, расформировав ПАКС. Однако деятели ОКПКИ во главе с Е. Завейским не поддержали данный проект, поскольку, по их словам, «это выглядело бы таким образом, будто мы в свою очередь устанавливаем монополию»⁵⁰. В результате 2 января 1957 г. Гомулка встретился с Пясецким, заверив его, что ПАКС будет сохранен. Вместе с тем Клуб католической интеллигенции провел в сейм нескольких депутатов (С. Киселевский, Е. Завейский, С. Стомма и др.), которые организовали там фракцию «Знак».

В декабре 1956 г. студенческое движение, так бурно развивавшееся осенью, начало затихать. Вершиной его развития стало всеобщее совещание революционных групп, состоявшееся в Варшаве 6–7 декабря. На нем решено было начать процесс создания Революционного союза молодежи как автономной, связанной с польским и международным рабочим движением, организации, реализующей линию партии и пропагандирующей коммунистические и левосоциалистические традиции. Иначе говоря, фактически вернулись к концепции К. Помяна, который на общем совещании студенческого актива 27–28 октября тщательно призывал сохранить Союз польской молодежи⁵¹. Часть делегатов из Катовиц – членов бывшего воеводского правления СПМ – выступила против, заявив о необходимости создания отдельных организаций рабочей, студенческой и сельской молодежи, объединенных единым центром⁵². Они покинули совещание и в тот же день вместе с рядом молодежных активистов из Силезии, Гданьска, Новой Гуты и других мест объявили о создании Союза рабочей молодежи.

В обеих организациях к тому времени тон начали задавать выходцы из СПМ, поэтому их слияние 2–3 января 1957 г. произошло как-то ес-

гественно и незаметно. Новая организация получила название Союз социалистической молодежи (ССМ). Его руководители теперь прислушивались не столько к статьям «По просту», сколько к инструкциям из ЦК ПОРП и поэтому весьма трепетно относились к идеологической чистоте организации. ССМ быстро стал походить на прежний СПМ и популярностью у молодежи не пользовался⁵³. Но время было упущено, в стране родилась новая идеологическая монополия.

Можно констатировать, что структура власти, сложившаяся в Польше к концу 1957 г., носила все черты авторитарного режима. Та легкость, с которой В. Гомулке в относительно короткие сроки удалось подавить почти все ростки оформлявшегося гражданского общества, на первый взгляд повергает в недоумение. Однако ряд факторов сделали иное развитие событий если не невозможным, то крайне маловероятным.

Причина этого не только в том, что в результате психологической усталости населения снизилась общественная активность. Самим фактом возвращения к власти Гомулки как человека, олицетворявшего польскую независимость, а также некоторыми экономическими преобразованиями, осуществленными новым руководством, первый секретарь ПОРП снискал себе такую популярность, что теперь он располагал невиданными возможностями в манипулировании общественным мнением. Недаром молодежные вожаки чувствовали, что не найдут поддержки народа, если отважатся выступить против каких-либо решений руководителя польских коммунистов. Он с достоинством и как равный представлял свою страну во время ноябрьских переговоров 1956 г. с советским руководством в Москве. Этим Гомулка заслужил по возвращении настоящий триумф.

Следует также учитывать, что немаловажной движущей силой перемен 1956 г. были сторонники реформ внутри партии, как на высшем уровне, так и в низовых организациях, которые в октябре этого года в принципе добились осуществления своих целей. Их влияние в обществе не следует недооценивать. Особенно отличались партийные пропагандисты. Среди них можно назвать одного из лидеров реформаторского крыла партии – Е. Моравского, ответственного за пропаганду секретаря комитета ПОРП Ягеллонского университета и политического лидера краковской молодежи Б. Тейковского. Показательно, что на созванном 24 декабря 1956 г. по инициативе Клуба кривого колеса съезде Главного правления Товарищества рабочих университетов делегатами были исключительно секретари по пропаганде повятовых комитетов ПОРП⁵⁴. Как видим, партия в 1956 г. обладала в стране значительным кредитом

доверия и стремилась использовать его для упрочения своего положения.

Наконец, как фактор, препятствовавший развитию общественного движения, выступала сохранившаяся система партийно-государственного идеологического и политического контроля. Общественное обсуждение насущных проблем допускалось только в рамках официальной идеологии, в духе «совершенствования социалистического общества» и исправления «отдельных недостатков». Всякий выход за пределы дозволенного был неприемлем для партийно-государственного аппарата, быстро пресекался и был чреват для инакомыслящих весьма серьезными последствиями.

Однако развитие низовой инициативы неизбежно вело к освобождению мысли из жестких тисков официальной идеологии. Уже в конце 1956 г. на страницах «По просту» был поставлен вопрос о социальной сущности сталинской системы, в связи с чем прозвучала мысль о необходимости изменить ряд положений Конституции. Известный польский социолог Ю. Хохфельд, рассуждая о сталинизме, полагал, что придание органам рабочего самоуправления статуса государственных (к чему призывало большинство молодежных и рабочих лидеров) приведет к воссозданию командно-административной системы. Вместе с тем он обосновывал тезис о совместимости коммунистической системы и «буржуазного» парламентаризма. Аналогичных взглядов придерживались С. Эрлих, Я. Котт и ряд других авторов⁵⁵. Такое вольнодумство, допускавшее конвергенцию буржуазного и «народно-демократического» политического устройства, напугало даже деятелей светского католического движения С. Стомму и С. Киселевского, известных своими антисоциалистическими взглядами. Первый заявлял, что программа парламентской демократии в нынешней Польше – это не более, чем демагогия, а второй, памятуя Венгрию, утверждал, что даже попытка введения многопартийной системы могла бы закончиться для Польши трагично⁵⁶.

Началось переосмысление теории и практики марксизма. Л. Колаковский в конце 1956 г. на страницах «По просту» говорил о «социальных функциях марксизма». Тогда же он приступил к работе над «Религиозным сознанием и религиозными узами», где рассматривал марксизм как догму новой церкви – компартии⁵⁷. В Клубе кривого колеса уже раздавались призывы признать интеллигенцию, а не рабочих ведущим классом в государстве, что вполне сочеталось с польскими национальными традициями, но плохо соответствовало марксизму⁵⁸.

Подобные поиски неизбежно выходили за рамки критики отдельных «недостатков» системы и эволюционировали в направлении кри-

тики системы как таковой. Хотя после 1956 г. в Польше весьма терпимо относились к различным идеям, однако с неконтролируемыми потоками информации партия мириться не собиралась. После того как были урегулированы отношения с рабочими, крестьянами и технической интеллигенцией, государственный аппарат взялся за интеллигенцию гуманитарную. В 1957 г. были ликвидированы почти все организации рабочего просвещения, посредством которых клубы поддерживали связи с предприятиями, был закрыт еженедельник «По просту», упразднены Общепольский центр сотрудничества клубов интеллигенции и Центр клубов молодой интеллигенции.

Однако все уничтожить не удалось. Остался Клуб кривого колеса и пять клубов католической интеллигенции. В сейме заседала фракция «Знак» – может быть, единственная во всем социалистическом лагере, которая открыто не признавала руководящей роли партии. Церковь на легальных основаниях проповедовала альтернативную идеологию и, несмотря на враждебность «левицы», служила ощутимым противовесом государству. Свободные идеи витали в воздухе, и изолировать от них население новому режиму было не под силу. Оставшиеся очаги независимой мысли постоянно напоминали властям и народу о 1956 г. и служили центрами притяжения для всех, кого не удовлетворял официальный взгляд на происходящее. Главными из них стали клубы католической интеллигенции – для верующих, и Клуб кривого колеса – для инакомыслящих, придерживавшихся левых взглядов. Именно последний, по выражению лояльного к ПОРП историка, вместо того, чтобы стать кузницей кадров партии, превратился в рассадник «контрреволюции»⁵⁹.

* * *

В 1956 г. Польша избежала трагического пути, по которому развивались события в Венгрии. Однако правящим кругам пришлось заплатить за это высокую цену: с тоталитаризмом было покончено навсегда. Пришедший ему на смену авторитарный режим вынужден был мириться с существованием очагов независимой мысли и не прибегать к крайним формам преследования людей, критиковавших политику партии и правительства. Страх перед повторением венгерской трагедии удерживал от радикальных действий как правящую элиту, так и ее оппонентов из среды гуманитарной интеллигенции и студенчества.

Левая оппозиция не имела тогда достаточной социальной базы. Концепция «польского пути к социализму», служившая идеологическим

подспорьем для обновленного в 1956 г. руководства страны, находила живой отклик у польской общественности, и даже критики со стороны марксистской интеллигенции не оспаривали саму теорию, а лишь осуждали конкретные шаги по ее воплощению. Католическая церковь и ее иерархи строили свою стратегию, исходя из собственного понимания интересов человека и общества, и старались соблюдать большую осторожность и осмотрительность.

Таким образом, в Польше после 1956 г. установилось своеобразное равновесие сил между ПОРП и ее союзниками, с одной стороны, и оппозицией, с другой. Нарушить его было им не под силу. Положение изменилось лишь в 1970 г., когда на авансцену вновь, как и четырнадцать лет назад, вышли рабочие. Новый кризис продемонстрировал крах идеологии «польского пути к социализму», программы, с которой В. Гомулка когда-то начал свое триумфальное возвращение во власть.

Примечания

¹ Friszke A. Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980. Londyn, 1994. S. 94, 174–175.

² Ibid. S. 94–95.

³ Rykowski Z., Władyka W. Polska próba: Październik '56. Kraków, 1989. S. 104–105.

⁴ Friszke A. Op. cit. S. 86.

⁵ Friszke A. Oaza na Kopernika. Klub inteligencji katolickiej. 1956–1989. Warszawa, 1997. S. 32.

⁶ Bakinowski S., Buchała R., Drozdek Z., Mazowiecki T., Myślik T., Rutkiewicz J., Zabłocki J. Wielkie sprzeniewierzenie // Po prostu. 1956. № 46.

⁷ Friszke A. Oaza... S. 34.

⁸ Михник А. Польский диалог: церковь – левые. Лондон, 1980. С. 8.

⁹ Цит. по: Friszke A. Opozycja... S. 189.

¹⁰ Po prostu. Wybór artykułów. 1955–1956 / Wyb. dok. J. Urban. Warszawa, 1956. S. 176.

¹¹ Piasiński J. Drugi zwrot: Gomułka u szczytu powodzenia. Warszawa, 1988. S. 16–17.

¹² Цит. по: Боффа Д. История Советского Союза. В 2 т. Т. 2. От отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. М., 1994. С. 457.

¹³ Орехов А. М. События 1956 г. в Польше и кризис польско-советских отношений // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): Новое прочтение / Отв. ред. Л. Н. Нежинский. М., 1995. С. 223–224.

¹⁴ Młyniec E. Rola robotników w konfliktach politycznych w Polsce Ludowej w latach 1948–1990 // Ideologiczne, społeczne i polityczne podłoże konfliktów społecznych w Polsce i Jugosławii. Wrocław, 1991. S. 66.

¹⁵ Bauman Z. The Second Generation Socialism // Political Opposition in One-Party State / Ed. by L. Schapiro. London, 1972. P. 231–232.

¹⁶ Friszke A. Opozycja... S. 73.

¹⁷ Ibid. S. 83–85.

¹⁸ Ibid. S. 97.

¹⁹ Tomczak F., Gorzelak E. Agrarian Policy and Agricultural Planning. Warsaw, 1977. P. 17.

²⁰ Bernhard M. H. The Origins of Democratization in Poland. New York, 1993. P. 34; Szymansky A. Cl uss

- Struggle in Socialist Poland. New York, 1984. P. 75.
- ²¹ *Walczak J.* Ruch studencki w Polsce. 1944–1984. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1990. S. 118.
- ²² *Friszke A.* Opozycja... S. 91–92.
- ²³ Цит. по: *Friszke A.* Opozycja... S. 70.
- ²⁴ *Koźakowski L.* Główne nurty marksizmu. Londyn, 1988. S. 1156.
- ²⁵ *Tyrmand L.* Sprawa Piaseckiego // *Świat*. 1956. № 47.
- ²⁶ Цит. по: *Калугина Т.Г.* Политическая оппозиция в Польше. 1956–1980. Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутский гос. ун-т. 1998. С. 34–35 (Рукопись).
- ²⁷ *Мухник А.* Указ. соч. С. 74.
- ²⁸ *Friszke A.* Opozycja... S. 151.
- ²⁹ *Tyrmand L.* Op. cit.
- ³⁰ *Bakowski S.* etc. Op. cit.
- ³¹ *Friszke A.* Oaza... S. 44.
- ³² *Szczurkowski R.* Kluby inteligencji // *Robotnik* (Londyn). 1957. № 12.
- ³³ Po prostu. Wybór... S. 115–125.
- ³⁴ *Ibid.* S. 45–59.
- ³⁵ *Walczak J.* Op. cit. S. 111–112.
- ³⁶ *Friszke A.* Opozycja... S. 95.
- ³⁷ Po prostu. Wybór... S. 171–177.
- ³⁸ *Walczak J.* Op. cit. S. 112–113.
- ³⁹ *Ibid.* S. 113–114; *Friszke A.* Opozycja... S. 87.
- ⁴⁰ *Ibidem.*
- ⁴¹ *Walczak J.* Op. cit. S. 116.
- ⁴² См.: *Friszke A.* Opozycja... S. 78–79, 88.
- ⁴³ *Ibid.* S. 92–93; *Walczak J.* Op. cit. S. 117.
- ⁴⁴ Po prostu. Wybór... S. 173–175.
- ⁴⁵ *Friszke A.* Oaza... S. 187.
- ⁴⁶ Цит. по: *Калугина Т.Г.* Указ. соч. С. 40–41.
- ⁴⁷ *Friszke A.* Oaza... S. 37.
- ⁴⁸ *Friszke A.* Opozycja... S. 184.
- ⁴⁹ *Friszke A.* Oaza... S. 30; *Idem.* Opozycja... S. 187.
- ⁵⁰ Цит. по: *Friszke A.* Oaza... S. 44.
- ⁵¹ *Friszke A.* Opozycja... S. 83–89.
- ⁵² *Walczak J.* Op. cit. S. 118.
- ⁵³ *Ibid.* S. 118–119.
- ⁵⁴ *Friszke A.* Opozycja... S. 96.
- ⁵⁵ *Ibid.* S. 103.
- ⁵⁶ *Kisielewski S.* Czy istnieje Front Narodowy? // *Nowa Kultura*. 1956. № 47.
- ⁵⁷ *Starsky S.* Class Struggle in Classless Poland. Boston, 1982. P. 11.
- ⁵⁸ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 131–134.
- ⁵⁹ Цит. по: *Eisler J.* Marzec 1968. Warszawa, 1991. S. 37.

Основные течения политической оппозиции в Польше в 1956–1968 годах

Феномен политической оппозиции в ПНР пока еще недостаточно изучен в отечественной историографии. Кроме кандидатской диссертации Т.Г. Калугиной¹ практически нет работ, непосредственно посвященных данной проблематике. Между тем история политической оппозиции в «народной» Польше представляет собой значительный интерес как пример альтернативного развития социализма и функционирования на этой основе общественно-политической системы ПНР.

В социалистической Польше не было места для четко оформленной легальной оппозиции. Однако структура власти, начавшая оформляться в октябре 1956 г., оставляла пространство для ряда общественно-политических структур, не вполне подконтрольных партийно-государственному аппарату. В условиях идейного брожения польского общества это привело к возникновению нескольких ярко выраженных интеллектуальных течений, которые в той или иной степени расходились с официальной доктриной ПОРП. Их характерной чертой было то, что они не только не противопоставляли себя политике партии и правительства, но, наоборот, всячески декларировали, хотя и по разным мотивам, свою поддержку В. Гомулке, оставляя, однако, за собой право на критику власти. Отсутствие организованной оппозиции и широко провозглашаемое средствами массовой информации ПНР «единство и согласие» польского народа дало повод Т.Г. Калугиной выдвинуть тезис о «замалчивании» польской прессой феномена оппозиции, в связи с чем автор диссертации уделила особое внимание мемуарной литературе, вышедшей из-под пера ряда известных представителей неконформистской интеллигенции ПНР. Такой подход представляется излишне категоричным, поскольку именно на страницах польских газет и журналов, особенно в 1956–1957 гг., появлялись многие крамольные, с точки зрения официальной идеологии и пропаганды, идеи, получившие широкий резонанс в стране.

Кроме того, периодическая печать создает, на наш взгляд, более верную картину жизни польского общества, поскольку представляет собой непосредственную реакцию современников на происходящее, пусть в известной мере и искаженную цензурой, реакцию заведомо более свежую, нежели воспоминания участников, созданные нередко спустя 25–30 лет после событий.

В настоящей статье мы попытаемся на основе материалов польской прессы и архивных документов, а также с учетом работ польских историков проследить, как изменялись взаимоотношения власти и общества. Это позволит проанализировать идеологические, политические и экономические установки политической оппозиции в Польше в период от «Польского Октября», когда общественные потрясения привели к смене правящей элиты, и до 1968 г., когда сложившаяся в 1956 г. структура политической власти в ПНР вступила в полосу сменявших друг друга кризисов, а связанная с ней политическая элита начала терять почву под ногами.

В рассматриваемый период в Польше существовали три идейных течения, в рамках которых развивалась идеология оппозиции правящему режиму. Их оформление совпало с кризисом 1956 г. Наиболее значительным было марксистское направление, выступавшее за творческое развитие научного социализма с учетом новых реалий и польского опыта, против догматических схем официальной идеологии ПОРП. Второе было представлено католической общественной мыслью, развивавшейся как церковью, так и движением светских католиков. Третье – национально-демократической оппозицией, опиравшейся на идейные традиции «народовых демократов» довоенной Польши.

Марксистское направление

Не признавая существования оппозиции де-юре, некоторая часть польской марксистской интеллигенции 1956–1968 гг. действовала в ее рамках де-факто. Проявлением этого стало возникновение независимого от властей течения социалистической мысли, получившего условное наименование ревизионизма. Данное понятие отождествлялось польскими марксистскими интеллектуалами со свободным научным поиском и в теоретическом смысле не несло в себе негативной оценки, которая сопутствовала ревизионизму в официальной догматике. «Постоянное обновление и верификация принципов – это и есть генеральная линия развития марксистской мысли и марксистской партии», – утверждалось тогда

со страниц газет, служивших рупором «ревизионистов»². Звучало даже мнение, что в современном коммунистическом движении разделение на «ревизионизм» и «догматизм» вообще не актуально, поскольку не существует такого канона, к которому применялись бы данные понятия. Что же касается так называемой ревизионистской позиции, осужденной рядом высокопоставленных членов правящей партии, то это не более чем ревизия взглядов, победивших на VIII пленуме ЦК ПОРП (октябрь 1956 г.), что, конечно, нельзя назвать каноном, поскольку решения пленума можно считать всего лишь первым документом «польского пути к социализму» и не более того³.

Вкладывая в понятие «научный ревизионизм» свое право на творческое развитие марксистской теории, польские марксисты были солидарны с представителями властей в оценке опасности «идеологического ревизионизма», под которым они понимали мировоззрение, противное классовой идеологии пролетариата и его исторической миссии – борьбе за коммунизм⁴. Один из виднейших представителей «ревизионизма», бывший член ППС социолог Ю. Хохфельд, признавал, что идеологический ревизионизм вполне может возникнуть на почве ревизионизма научного. Ибо марксизм, по его словам, прежде всего идеология, и в этом слабость марксистских партий. Но поскольку без постоянного пересмотра прежних взглядов наука останавливается, каждый марксист должен руководствоваться в своем научном поиске собственным рассудком и гражданской дисциплиной, дабы не допустить перетекания научного ревизионизма в идеологический⁵.

Идейный вождь польской «левицы» Л. Колаковский следующим образом сформулировал платформу сторонников «ревизионизма»:

- а) поиск путей институционального выражения демократических форм жизни;
- б) политический аппарат, неподконтрольный обществу, неизбежно усиливает властную машину и вырождается в деспотию, не связанную ни с мнением народа, ни с потребностями общества;
- в) экономическая свобода может загнить, если ей не сопутствует политическая демократия;
- г) в условиях национализации средств производства следует бороться за их обобществление;
- д) необходимость свободы слова и обсуждений для всех идеологий, стоящих на почве социализма;
- е) партия разлагается, если она слита с госаппаратом и фактически является его частью, вместо того чтобы быть вдохновителем и воспитателем общества;

ж) сталинизм был не «ошибкой», а тотальной политической, экономической и культурной системой, и его преодоление требует дальнейшего преобразования системы, а не только устранения «недостатков» и сосредоточения всеобщей ненависти на нескольких лицах, особенно отличившихся в предыдущий период;

з) суверенитет Польши не перестал быть насущной проблемой;

и) противопоставление социалистической и буржуазной демократий – вредный нонсенс, поскольку речь идет не о ликвидации достижений буржуазной демократии, а о ее расширении в системе, которая устранила бы все элементы фиктивности вместе с общественным неравенством;

к) народовластие совсем не гарантирует того, что государство становится выразителем народной воли, а партия – эманацией рабочего класса, и что вместо этого оно требует постоянного выстраивания институциональных форм, которые бы расширили участие трудового народа в политическом и экономическом управлении; и т. д.⁶

Перечисленные положения, особенно тезисы о необходимости «дальнейшего преобразования системы» и укреплении суверенитета Польши, входили в противоречие с программой новой правящей элиты, в частности с высказываниями В. Гомулки, который еще в 1956 г. безапелляционно заявил, что никакого второго этапа (так называемых демократических свобод, политической независимости) не будет; те же, кто говорит иначе, стремятся к восстановлению в стране капитализма⁷.

Программа нового руководства страны, пришедшего к власти в октябре 1956 г., была сформулирована лидером польских марксистских теоретиков того периода А. Шаффом. В общих чертах она сводилась к трем принципам: 1) принятие решений по поводу политики партии не единолично или узкой группой, а на съездах партии и в ЦК ПОРП; 2) контроль всех учреждений и партийных органов снизу доверху, что неразрывно связано с открытостью политической сферы; 3) демократическая выборность всех государственных и политических институтов⁸.

Гомулка вернулся на пост первого секретаря ЦК ПОРП, выдвинув лозунг демократизации режима. «Ревизионисты» видели три направления, по которым она должна была осуществляться: идеологическое, экономическое и политическое.

В сфере идеологии сторонниками «ревизионизма» была развернута масштабная критика марксизма как догматики предшествующего периода. Своеобразным девизом начавшейся критической кампании можно назвать слова президента Польской академии наук Т. Котарбиньского: «Кто страстно стремится к правде, тот неизбежно придет к марк-

сизму, а кто любой ценой хочет быть марксистом, зачастую отдаляется от правды»⁹. Признавая марксизм главенствующим и наиболее «прогрессивным» направлением современной философии, «ревизионисты» тем не менее призывали не закрывать глаза на ряд его ошибок (претензии на универсальность, попытки стать сверхнаукой)¹⁰, а кроме того, признать ценность и других философских течений, из коих особенной популярностью пользовался экзистенциализм.

Однако для молодых польских коммунистов середины 1950-х годов оставалось непреложной истиной, что на этом свете зыбко все, кроме «чистого и неизвращенного марксизма». Варшавская образованная молодежь, выходявшая тогда на митинги, очень хотела верить в социалистический гуманизм, растоптанный сталинизмом¹¹. В программе, принятой активом Союза польской молодежи Варшавского университета в мае 1956 г., основополагающим принципом научного исследования признавалась мысль Маркса, что «все надо ставить под сомнение», но там же членам организации вменялась в обязанность борьба за убеждение студентов и широких масс населения в правильности идеологии и программы партии¹². Довоенные коммунисты, а также марксистская интеллигенция «первого призыва», чьи студенческие годы пришлось на послевоенное время, более трезво смотрели на догматику партии, но и они склонялись к мысли, что «причина наших бед лежит не в марксизме, а скорее в отклонениях от тезисов Маркса и Энгельса»¹³.

К концу 1950-х годов на волне полемики с представителями «официального» марксизма и прежде всего с А. Шаффом «ревизионисты» практически расстались с прежним благоговейным отношением к творческому наследию Маркса и Энгельса. «Утверждение, что все философские проблемы нашли в марксизме свое законченное выражение, ныне принимается только невеждами», – заявил на страницах варшавского еженедельника «Пшеглэнд культуральны» публицист П. Бейлин, рассматривавший в своих статьях марксизм (в одном ряду с экзистенциализмом и католицизмом) лишь как одно из течений современной философии¹⁴. Известный социолог Е. Шацкий еще в начале 1957 г. указывал: причина нынешнего кризиса марксизма не в его тесной связи с идеологией, как это доказывал Ю. Хохфельд, а в том, что ученые-марксисты не хотели признавать его одним из многих направлений науки, стало быть, игнорировали его односторонность¹⁵. Наконец, Л. Колаковский в 1958 г. написал знаменитое эссе «Жрец и шут», в котором проводил мысль, что сомнению следует подвергать любой абсолют, любой категоричный и невыблемый принцип¹⁶. В отличие от аналогичных высказываний своих

единомышленников, Колаковский никаких исключений для марксизма не сделал. И хотя в дальнейшем он сам и «ревизионизм» в целом оставались на марксистских позициях, все же данное эссе ознаменовало собой веку в развитии мировоззрения марксистской интеллигенции Польши.

Лешек Колаковский долгие годы оставался главным возмутителем спокойствия в сфере марксистской философии. Но марксистская критика, столь смелая и открытая в 1956–1957 гг., после IX пленума ЦК ПОРП (май 1957 г.), на котором В. Гомулка назвал ревизионизм большей опасностью, чем догматизм, начала сходиться со страниц газет и журналов, перемещаясь в немногие оставшиеся дискуссионные клубы.

Судьба политического и экономического направлений деятельности «ревизионистов» оказалась в этом смысле более счастливой. А. Фришке условно выделил в политических программах «ревизионистов» два течения: за прямую демократию по типу Югославии и за представительскую демократию¹⁷. Представители первого черпали свое вдохновение в работах Ленина и группировались в основном вокруг молодежного еженедельника «По просту»¹⁸. Это была главным образом молодежь, пережившая революционный порыв 1956 г. и смотревшая на мир достаточно радикально. Искренняя вера в «революцию» Гомулки и критическое отношение к действительности наложили отпечаток утопичности на их хаотические идеи о переустройстве общества.

В частности, представители данного течения выступали за создание производственных советов на всех уровнях управления вплоть до общегосударственного и во всех сферах жизни, будь то культура, наука или экономика. Они требовали подчинить бюрократический аппарат местному самоуправлению и изменить порядок выборов в национальные советы (рады народов), дабы избиратели могли отзываться своих депутатов. Звучали заявления о верности коммунистическим идеалам и принципу руководящей роли партии¹⁹, правда, сугубо в идейном, а не политическом смысле. Против политического руководства партии деятели этого направления всегда выступали резко и открыто. Главный редактор «По просту» Э. Лясота еще в апреле 1956 г. отказался войти в состав организованного тогда Секретариата по руководству клубами интеллигенции при Общепольском комитете Национального фронта, мотивировав свой отказ следующим образом: «Мы не желаем входить в состав органа, находящегося под контролем партии»²⁰. А один из ярчайших ревизионистов, публицист упомянутого еженедельника Р. Зиманд предлагал вообще распустить ПОРП, так как большинство в ней составляют сталинисты, и создать новую коммунистическую партию²¹.

Часть так называемого поколения 56 года увлеклась близким по духу троцкизмом, который, как казалось, удачно сочетал коммунизм с критикой советского империализма²². Закрытие «По prostu» и провал опыта с рабочим самоуправлением заставили некоторых из этих людей встать в решительную оппозицию к режиму В. Гомулки.

В 1964 г. бывший молодежный вожак в Варшавском университете периода «Польского Октября» К. Модзелевский и организатор ультракоммунистических «вальтеровских» дружин в Союзе польских харцев Я. Куронь написали «Открытое письмо к партии», в котором, по сути, возродили стилистику и дух оппозиционной польской прессы 1956 г. Они уподобили структуру власти 1960-х годов режиму Б. Берута, названному известным в свое время публицистом «режимом социалистической бюрократии»²³. Иначе говоря, фразеология, использовавшаяся ранее лишь применительно к периоду сталинизма, звучала теперь и в отношении режима В. Гомулки. Так была подведена черта под светлой верой этой части «ревизионистов» в «революцию» 1956 г.

Сторонники перенесения на польскую почву элементов западного парламентаризма сошли со сцены гораздо быстрее. В 1956 г. лидеры Объединенной крестьянской и Демократической партий С. Игнар и С. Кульчинский, писатель П. Ясеница, социолог Ю. Хохфельд, публицист С. Эрлих, литературовед Я. Котт, увлеченные идеями современной социал-демократии, выступили с предложениями о формировании правительства, ответственного перед сеймом, и об организации нескольких партий, которые бы конкурировали между собой по вопросу о путях и средствах построения социализма в стране. При этом П. Ясеница акцентировал внимание на значении ответственности власти перед народом. С. Игнар и С. Кульчинский требовали расширить права сейма и восстановить пост президента республики. Ю. Хохфельд доказывал, что придание рабочим советам статуса государственных органов, к чему призывало большинство молодежных и рабочих лидеров, чревато восстановлением командно-административной системы, и что вместо этого следует установить подлинную многопартийность и допустить организацию других демократических автономных структур, которые защитили бы общество от всевластия распорядителей политической и экономической жизни²⁴. Очень скоро Ю. Хохфельд вынужден был отказаться от принципа многопартийности и сосредоточил свои усилия на том, чтобы вывести Варшавский комитет ПОРП из-под контроля Политбюро и Секретариата ЦК, подчинив его исключительно пленумам ЦК и съездам партии²⁵. В реализации своих замыслов он не преуспел, пос-

ле чего развитие данного направления «ревизионизма» можно было считать завершенным.

Все же большинство «ревизионистов» не принадлежало ни к одному из вышеперечисленных направлений. В массе своей они не придерживались ни «советских», ни «либеральных» концепций, ограничиваясь критикой «недостатков» и советами по улучшению системы. Эти люди были крайне обеспокоены тем, что демократизация идет не совсем так, как представлялось в 1956 г., и прилагали все усилия, чтобы указать власти на ее «ошибки». Они пеняли на чрезмерную громоздкость партийно-государственного аппарата и недопустимо низкое участие народа в решении судеб страны, что, по их мнению, вызывало апатию и пессимизм в обществе.

Александр Малаховский – один из последних председателей Клуба кривого колеса, где в 1955–1962 гг. встречалась творческая и научная элита страны, – призывал четко распределить полномочия между органами власти и изменить порядок делегирования кандидатов в национальные советы, чтобы люди могли лично выдвигать свои кандидатуры на выборах²⁶. Таким образом Малаховский пытался привлечь активную часть населения к участию в управлении страной. Социолог Я. Щепаньский в цикле статей, опубликованных в «Пшеглэнде культуральном», пришел к выводу, что преобразования, осуществленные в Польше после 1956 г., не смогли целиком уничтожить сталинскую систему, элементы которой присутствуют в стране и по сей день (т. е. к началу 1960-х годов). К таковым он относил государственное подавление любых неформальных связей в обществе, отрыв бюрократии от насущных интересов народа и ее перерастание в самодостаточный механизм, замену четких критериев добра и зла политической целесообразностью, что привело к частичному параличу официальных общественных организаций. Причем, теперь, по его словам, к этим старым явлениям добавились новые «болезни», прежде всего разочарование народа, особенно молодежи, в ПОРП²⁷.

Надежды на преодоление негативных явлений Щепаньский (как и Малаховский) связывал с активностью населения, с движением снизу, благодаря чему и укрепляется государство, нация, класс, церковь, т. е. те институты, в кругу которых, в конце концов, ребенок становится гражданином. Если простейшие неформальные группы не гармонируют с официальными организациями, они становятся источником конфликтов и оппозиции, предупреждал ученый²⁸. При этом Щепаньский высказывался категорически против внедрения западной демократии

в Польше, поскольку демократия по типу западной, полагал он, возможна только в дисциплинированном обществе, в то время как поляки, пережившие длительный безгосударственный период, превратились в бунтарей и анархистов²⁹.

Если политические программы «ревизионистов» по мере усиления властного диктата постепенно отходили на второй план, то с экономическими предложениями дело обстояло иначе. В 1957 г. лишь небольшая группа экономистов и интеллектуалов (А. Вакар, Я. Муйжель, С. Куровский, В. Едлицкий, А. Бжеский) требовала перевода отечественного хозяйства на рыночные рельсы, в связи с чем призывала организовать общественное давление на бюрократию, заинтересованную в сохранении существующего порядка³⁰.

Основная же масса ученых-экономистов, и прежде всего те, кто был причастен к планам развития экономики Польши (О. Лянге, М. Калецкий, Ч. Бобровский, В. Брус и др.), допускала только осторожные изменения, касавшиеся перераспределения инвестиций, свободы мелкой торговли и пр. При этом они были убеждены в превосходстве государственной экономики над капиталистической и выступали за сохранение централизованного планирования³¹. «Возвращение частной инициативы – признак недостаточного технического и экономического развития страны», – утверждал в 1957 г. один из наиболее авторитетных польских экономистов Э. Липиньский и рисовал лучезарные перспективы грядущего процветания страны³².

В первое время после «Польского Октября» среди марксистской интеллигенции вообще царил оптимизм во взглядах на будущее отечественной экономики. Поэтому с ее стороны чаще звучала критика отдельных недостатков, нежели давался анализ пороков самой системы народного хозяйства Польши.

Однако уже тогда А. Малаховский задавался вопросом: «Как получается, что в социалистической экономике, где интересы работодателя (государства) не должны противоречить интересам работника (гражданина), возникает такое количество трудовых споров, причиной которых являются решения руководящих органов, невыгодные работникам?»³³ Корень бед Малаховский видел в том, что среди заводского начальства по-прежнему царит дух сталинизма, борются клики, просыпаются капральские замашки. Нужно, говорил он, изменить общественную атмосферу, что является нелегким делом, если учесть неизбежность сохранения на ближайшее время низкого уровня жизни (в связи с продолжающейся индустриализацией) и необходимость поддержания суровой дисциплины³⁴.

В начале 1963 г., когда польская экономика погрузилась в кризис, со стороны «ревизионистов» уже зазвучали другие призывы: повысить потребительский спрос (а следовательно, уровень жизни), дабы компенсировать отставание в распределении инвестиций по отношению к возросшим возможностям страны. И едва ли не впервые с 1957 г. вновь «структурные недостатки» были названы причиной экономических трудностей³⁵.

Конечно, никому еще и в голову не приходило покушаться на плановую экономику, но такие предложения, как, например, введение свободного обмена валюты между социалистическими странами, что до той поры считалось характерной чертой исключительно капитализма, служили признаком определенного разочарования некоторой части марксистской интеллигенции в существующей хозяйственной модели страны³⁶.

После 1956 г. были пересмотрены взгляды на подлинно коммунистическую мораль. Если в период польского сталинизма основополагающим принципом социалистического строительства являлся императив «цель оправдывает средства»³⁷, то теперь самым категорическим образом утверждалось: «Нет такой идеи, которая стоила бы больше, чем высшая ценность – жизнь»³⁸. «Ревизионисты» отмежевывались от «вульгарного понимания этики классовой борьбы, при котором этические нормы не отделяются от принципов политической стратегии»³⁹.

Именно марксистская критика 1955–1957 гг., как заметил философ Х. Янковский, расчистила почву для новых формул социалистического гуманизма, и личность стала теперь не только средством, но и целью самой в себе⁴⁰. Это, впрочем, не мешало многим «ревизионистам» искренне верить в романтику революционной борьбы, что, как ни странно, еще резче противопоставляло их «официальному» коммунизму. «Ревизионисты» ставили в вину власти то, что она выхолостила содержание революционных лозунгов, подменив их обывательским пустозвонством.

В связи с этим «ревизионисты» выступали против так называемой малой стабилизации, наступившей с приходом к власти В. Гомулки. Формулировка «малая стабилизация» принадлежит знаменитому поэту Т. Ружевичу. «Ревизионисты» же объединяли ее с понятием «потребительское общество», олицетворением которого считали США, где человек тонет в массе товаров, становясь их рабом⁴¹. Крайние позиции в этом вопросе занимал поэт и коммунист с довоенным стажем Я. Выка, который в 1959 г., делая доклад к 40-летию Компартии Польши в Клубе кривого колеса, сокрушался по поводу длящегося последние 25 лет общего вырождения коммунистического движения⁴².

Не все представители «ревизионизма» были недовольны «малой стабилизацией». А. Малаховский, например, не видел ничего зазорного в том, что польское общество после бурного периода потрясений возвращается к обычному рутинному труду⁴³. Но данная позиция представляется скорее исключением на фоне революционной риторики марксистской интеллигенции, кредо которой выразил писатель Е. Путрамент, заявивший в начале 1957 г., что главной проблемой человечества остается борьба между капитализмом и социализмом, все прочее – вторично⁴⁴.

«Малая стабилизация» представляла опасность для самой власти. Нарастающая пассивность населения влекла за собой «окостенение» режима и, как следствие, потерю терпимости к альтернативным точкам зрения. Власть, чья сила в значительной степени зиждилась на идеологии, теряя способность спорить, все чаще обращалась к репрессиям против инакомыслящих.

В одном из своих эссе Л. Колаковский обронил примечательную фразу: «Испокоен веков известно: костры предназначены прежде всего для еретиков, а не для язычников»⁴⁵. В полном соответствии с этой формулой в начале 1960-х годов в Польше происходит довольно резкое размежевание между политикой властей в сфере идеологии и культуры и теми марксистами, которые по какой-либо причине перестали устраивать режим в роли «строителей польского социализма». В 1962 г. был закрыт Клуб кривого колеса, в 1963 г. – популярный еженедельник «Пшеглэнд культуральны». В вынужденное состояние оппозиции ставились даже люди, которые активно участвовали в объявленном первым секретарем ПОРП походе на «ревизионизм» и «догматизм», чьи взгляды теперь не соответствовали жесткой линии партии. Так, в 1961 г. в отставку были отправлены министр просвещения В. Беньковский и министр высшего образования С. Жулковский, поддержавшие В. Гомулку, когда тот возвращался на политический Олимп. Неудобным становился даже А. Шафф, которого все чаще подвергали критике члены высшего руководства ПОРП. В 1962 г. во Францию уехал последний председатель Клуба кривого колеса В. Едлицкий, издавший в Париже книгу, где он уже открыто оперировал категориями борьбы за власть и политической оппозиции. Таким образом, режим сам плодил своих противников, заставляя «ревизионистскую» интеллигенцию занимать все более непримиримую позицию по отношению к власти.

«Малая стабилизация» наносила удар по правящей партии и с другой стороны. Прогрессирующий формализм в идеологии приводил к неспособности оказывать сопротивление другим мировоззрениям, главным из

которых в Польше был католицизм. Уже в 1958 г. секретарь воеводского комитета ПОРП в Катовицах Я. Шидляк на совещании секретарей ПОРП по пропаганде предупреждал, что едва ли местные партийки смогут что-либо противопоставить все возрастающей пропаганде церкви, если останутся без поддержки центральных властей⁴⁶. Действительно, церковная агитация на местах была очень эффективна, поэтому основная роль в атеистической пропаганде среди населения выпала на долю вузов⁴⁷, крупнейший из которых Варшавский университет в начале 1960-х годов остался едва ли не последним оплотом «ревизионизма».

Итоги «малой стабилизации» и оппозиционное марксистское направление

Польское общество середины 1960-х годов в целом исповедовало эгалитаристские взгляды. Подтверждением этого служат социологические опросы рубежа 1950–1960-х годов, когда подавляющее большинство респондентов высказывалось за развитие человечества по социалистическому пути, а также за уничтожение или уменьшение социальной дифференциации польского народа⁴⁸. Вместе с тем это было общество, характеризовавшееся нарастающим ограничением возможностей и перспектив социального развития (т. е. уменьшением независимой общественной инициативы) и преобладанием семейных и неформальных связей⁴⁹.

Таким образом, несмотря на все более заметные негативные тенденции в развитии ПНР, социализм в это время был все же не только государственной идеологией, навязываемой сверху, но и оставался мировоззренческой платформой большей части населения. Социалистические ценности, представления о социальном равенстве и справедливости родители передавали детям. Если добавить сюда, что огромное большинство поляков того периода совмещало социалистические идеалы с искренней религиозностью⁵⁰, то мы получим образ среднестатистического жителя ПНР 1950–1960-х годов, для которого, говоря условно, «социалистические» настроения являлись столь же неотъемлемой чертой характера и поведения, как и поход в церковь по воскресеньям.

Подобные же взгляды бытовали и среди студенчества, с той лишь разницей, что в вузах большее количество опрошиваемых декларировало свой атеизм (в 1961 г. – около 26 %). В студенческой среде был заметен кризис «великих идеалов», заменяемых «идеалами малыми», связанными преимущественно с личными достижениями: быть полез-

ным обществу, иметь влияние на общественные дела, встретить свою любовь и т. д.⁵¹

Первой причиной ослабления религиозности среди студенческой молодежи, помимо атеистической пропаганды, проводившейся в вузах, судя по всему, было неуклонное сокращение в течение всего периода «правления» В. Гомулки общего количества абитуриентов рабочего и крестьянского происхождения и увеличение числа выходцев из семей интеллигенции⁵². Последние были более свободны от влияния церкви и в то же время более подвержены марксистской пропаганде государства. Думается, именно в этом мировоззренческом разрыве, отсутствовавшем до 1956 г., кроются предпосылки фатального недопонимания в дальнейшем, возникшего между студентами (и шире – интеллигенцией), с одной стороны, и рабочими – с другой, во время событий 1968 и 1970 гг. Вторая причина заключается в том, что удивительно мало верующих, как ни странно, было среди студентов крестьянского происхождения, каковые шли в вузы в относительно большем количестве, нежели выходцы из рабочих семей. М. Червинский, известный публицист 1950–1960-х годов, видел объяснение этому факту в том, что из сел в университеты уходили так называемые бунтари, люди, которым было тесно в однообразном и строго регламентированном мире деревни⁵³.

Отмеченный кризис «великих идеалов» проистекал из общей пассивности населения в период пресловутой «малой стабилизации». Но отринув высокопарные лозунги борьбы за социалистическую демократию и свободу эксплуатируемых во всем мире, студенты поставили во главу угла эгоистические ценности, которые многим из них усиленно прививали родители⁵⁴, и те самые неформальные связи, которые в предыдущий период отодвигались на второй план. Если раньше так называемые общественные ценности, обусловленные социальным происхождением и стремлением к вневузовской деятельности (т. е. к активному налаживанию контактов с предприятиями и селами), ставшей выражением союза прогрессивной интеллигенции с трудящимися массами города и деревни, в значительной мере определяли облик студенчества, то теперь студенчество превращалось в довольно замкнутую корпорацию, с трудом воспринимающую глобальные замыслы⁵⁵. Однако студенческое сообщество было весьма чувствительно ко всему, что затрагивало интересы каждого из его членов, вне зависимости от идейных установок последних. Это были правила, которым вынуждены были подчиняться даже проводники партийного влияния в вузах – Социалистический союз молодежи и Союз польских студентов.

Согласно опросу, проведенному среди студентов-историков в 1961 г., 54,3 % опрошенных оценили период 1945–1955 гг. как скорее позитивный, при наличии в нем отдельных негативных элементов. В 1958 г. тот же ответ дали всего лишь 25,7 % респондентов⁵⁶. Это показывает, что уже к началу 1960-х годов в памяти людей начали стираться впечатления бурных событий 1956 г. Соответственно, к середине названного десятилетия, когда выросло целое поколение, для которого 1956 год остался в далеком детстве, доля молодежи, скептически смотрящей на антисталинистскую «революцию», еще больше увеличилась. Иными словами, в глазах поколения середины 1960-х годов В. Гомулка уже был лишен романтического ореола вождя «революции», превратившись всего лишь в главного чиновника страны. Поэтому молодежная оппозиция той поры была хотя и немногочисленной, но настроенной более смело по отношению к политике партии и правительства.

Группировка так называемых командосов, появившаяся в стенах Варшавского университета в 1964 г., действовала уже в условиях почти неприкрытой конфронтации значительной части левой интеллигенции с властью. «Командосы» объединяли в основном детей известных публицистов, ученых и высокопоставленных чиновников, которые имели возможность познакомиться не только с работами деятелей различных течений коммунизма, но и с идеями представителей «буржуазной» мысли Запада.

По своим убеждениям «командосы» были коммунистами, но не столь крайними, как их идейные предшественники – молодежные «смутьяны» 1956 г. Они уже сомневались в осуществимости программы рабочей демократии и не были такими отъявленными противниками парламентаризма, как многие представители «поколения 56 года»⁵⁷. «Мы искали истинный социализм, – вспоминал в 1980-е годы один из наиболее известных «командосов» А. Михник, – изучали Маркса, не любили консерваторов и церковь. На студенческих митингах пели «Интернационал»». «Я не обобщаю, – писал он далее. – Большинство этого поколения было другим. Но мы, командосы, были именно такими – довольно красными»⁵⁸.

Группа возникла как протест против мира реального социализма с его конформизмом и ограничением свободы⁵⁹. «Командосы» не ставили перед собой каких-то определенных политических задач, ограничиваясь обсуждением в своем кругу современной ситуации в стране и мире и активным участием в дискуссионных собраниях, организуемых в университете Союзом социалистической молодежи. «Командосы» нарочно поднимали «неудобные» вопросы, чтобы «взорвать» аудиторию и на-

рушить тем самым сценарий организаторов. Именно за эту тактику «дверсии» они и получили свое название.

«Командосы» не стремились к конфликту с властью⁶⁰, но режим Гомулки однозначно считали диктатурой. В этом смысле они видели себя находящимися как бы между двумя равными опасностями: диктатурой выродившегося коммунизма и диктатурой церкви. По выражению А. Михника, «командосы» были того мнения, что «Гомулка и [примас Польши кардинал] Вышиньский стоят друг друга»⁶¹. Впрочем, это не мешало им смотреть на столкновения с партией как на сугубо внутреннее дело, а на конфликты государства с церковью – как на борьбу прогресса с невежеством и мракобесием⁶². Были, правда, в группе и те, кто занимал более умеренную позицию по отношению к церкви. Один из «командосов», А. Замбровский, говорил, что подавляющая часть рабочего класса, к сожалению, люди верующие, поэтому диалог с католиками – это вопрос поддержки партии широкими слоями населения⁶³. Сторонники Замбровского высказывались за участие в праздновании тысячелетия христианства в Польше в 1966 г., но против этого решительно выступило большинство группы во главе с А. Михником⁶⁴.

Именно А. Михник был одним из инициаторов встречи некоторых известных участников событий 1956 г. со студентами Варшавского университета, посвященной десятилетию «Польского Октября»⁶⁵. Встреча Л. Колаковского и бывшего молодежного лидера К. Помяна со студентами явилась тем символическим Рубиконом, после которого стал очевиден раскол между властью и частью марксистской интеллигенции. В своем выступлении Л. Колаковский во всеуслышание заявил, что достижения «Октября» (1956 г.) поправы и что улучшение экономической ситуации невозможно без коренных изменений в политической системе. И хотя знаменитый философ подтвердил верность коммунистическим идеалам, отмежевавшись от «абсурдной доктрины» о несовместимости коммунизма и демократических свобод⁶⁶, все же в части, посвященной критике существующей политической системы, доклад фактически смыкался со статьей эмигрантского публициста З. Йордана, опубликованной еще в конце 1957 г. и красноречиво озаглавленной «Отход от Октября»⁶⁷. Такое невольное совпадение оценок марксиста Л. Колаковского и убежденного антикоммуниста З. Йордана с исчерпывающей полнотой показывало степень разочарования значительной части левой интеллигенции Польши режимом В. Гомулки.

1 января 1968 г. писатель и один из лидеров светского католического движения Е. Завейский записал в дневнике: «По всеобщему убежде-

нию, к которому я присоединяюсь, этот год должен принести какие-то важные для Польши перемены. Какие? Никто не знает. Но все чего-то ожидают – даже перемен к худшему, но перемен. Общество ввергнуто в безнадежность»⁶⁸.

События 1968 г. в Польше можно по праву назвать идеологическим кризисом власти. Они в наиболее выпуклой форме показали прежде всего идейное расхождение режима с собственной интеллигенцией. Именно 1968 год явился вехой, после которой в Польше начала зарождаться широкомасштабная оппозиция в полном смысле этого слова.

Разложение режима, борьба клик в высшем руководстве привели интеллигенцию к, пусть и неосознанному, убеждению, что любое действие против нынешней власти будет во благо страны. Представители различных общественно-политических доктрин и течений продемонстрировали удивительную широту взглядов и радикализм, защищая не характерные до сих пор для себя лозунги, лишь бы они были направлены против политики правящего режима.

Когда совет по культуре и искусству принял решение о снятии со сцены спектакля по поэме А. Мицкевича «Дзяды» за якобы выпячивание режиссером К. Деймеком антирусских настроений, наиболее резко на это отреагировали, как ни странно, «командосы», которые никогда не акцентировали своего внимания на национальной проблематике⁶⁹. Уже 31 января 1968 г., в день последнего показа спектакля, они совместно с учащимися Государственной высшей театральной школы организовали в Варшаве у памятника А. Мицкевичу манифестацию протеста, причем ее координаторами выступали недавние коммунистические бунтари Я. Куронь и К. Модзелевский⁷⁰. Репрессии; последовавшие за этим, явились поводом к кампании петиций в защиту преследуемых и с требованием чрезвычайного собрания варшавского отделения Союза польских писателей.

Собрание состоялось 29 февраля и отличалось неслыханным радикализмом выступлений и требований. Бывший председатель Союза писателей А. Слонимский в своей речи повторил тезисы Л. Колаковского о забвении идеалов «Польского Октября» и выразил надежду, что судьба реформ, начатых в Чехословакии, окажется более счастливой. Участники собрания демонстративно отвергли умеренный проект и приняли резолюцию, внесенную видным «ревизионистом» литературоведом А. Киёвским. В ней содержался протест против систематического грубого вмешательства властей в дела культуры и против попрания вековых традиций терпимости и творческой свободы⁷¹.

До января 1968 г. студенты Варшавского университета в общем не отдавали себе отчета в существовании организованной группы оппозиции, поскольку «командосы» были замкнутым сообществом. Притом большинство студентов не разделяло их революционного запала, а зачастую отрицательно относилось и к самой коммунистической идее⁷². Тем не менее на призыв поддержать преследуемых властями откликнулись многие студенты, даже отнюдь не левых убеждений.

Студенческий митинг 8 марта 1968 г., ставший началом череды забастовок и волнений, собрал людей самых различных политических взглядов. В ходе мартовских выступлений на ура принимались многочисленные резолюции с социалистическими лозунгами⁷³, за которые голосовали даже люди, уже давно не верившие ни в марксизм, ни в социализм. Очевидное объяснение этому: движение марта 1968 г. было движением не «за», а «против». Свидетель тех событий, тогда студент первого курса филологического факультета Варшавского университета, М. Зелиньский в беседе с автором настоящей статьи говорил, что уже в то время не разделял социалистических идей. На вопрос, что же подвигло его принять участие в мартовских событиях, он ответил: «Студенческая солидарность». По словам М. Зелиньского, он не одобрял лозунга «истинного социализма», сквозившего в резолюциях и программах бастующих студентов, но оставался до самого конца в рядах забастовщиков, потому что это было движение против режима, от которого он «не ждал ничего хорошего». А. Михник в 1976 г. написал: «Мне и друзьям-“командосам” только опыт марта 1968 г. помог до конца понять, что мы имеем дело с тоталитарной властью»⁷⁴.

В 1968 г. по существу умерла вера оппозиционной части марксистской интеллигенции Польши в «исправленный» коммунизм. Ярким подтверждением этого были последние документы мартовского студенческого движения. В декларации студентов Варшавского университета, принятой на митинге 28 марта, и в «Воззвании» студентов Вроцлавского университета от 25 марта не было ни слова о социализме, зато содержались конкретные обвинения в адрес партии и требования демократии без приставки «социалистическая»⁷⁵.

Власть же в свою очередь вернулась к старой практике использования положений марксизма исключительно как орудия в политической борьбе. В свое время Л. Колаковский заклеил подобную манеру поведения как одну из отличительных черт сталинского тоталитаризма: «Марксизм стал понятием с содержанием, носящим характер не интеллектуальный, но характер правового института. Марксистом становит-

ся тот, кто проявляет готовность каждый раз принять содержание, которое указывается Учреждением (Инстанцией. – В.В.)»⁷⁶.

Теперь ряд бывших верных марксистов испытал данную формулу на себе. Студенческий актив Союза социалистической молодежи, собравшийся 8 апреля 1968 г., признал «псевдомарксистами» бывшего министра высшего образования С. Жулкевского и бывшего «главного марксиста» страны А. Шаффа, который вовсе не участвовал ни в каких оппозициях. Они попали в один список с известными «ревизионистами» – преподавателями Варшавского университета: Б. Брусом, З. Бауманом, Б. Бачко, С. Моравским, К. Помяном и Л. Колаковским (соответственно – два экономиста и четыре философа)⁷⁷. Все они лишились работы. В конце 1968 г. Л. Колаковский и З. Бауман выехали на Запад, где выступали как открытые противники коммунистического режима.

Католическое направление оппозиции

Другим направлением независимой общественной мысли в Польше 1956–1968 гг. были интеллектуальные течения католицизма. Особое место среди них занимал «позитивизм». Это название ему было дано видным деятелем светского католического движения С. Стоммой по аналогии с подобным же общественно-политическим течением конца XIX в.⁷⁸

В программной статье С. Стомма следующим образом выразил суть нового «позитивизма»:

«1. Под “позитивизмом” я понимаю императивы государственных интересов современной Польши, в особенности необходимость союза с СССР, обусловленную национальными интересами, вытекающими из геополитической ситуации, независимо от идеологических принципов и даже вопреки идеологическим предпосылкам.

2. “Позитивизм” – это общий политический метод, заключающийся в отрицании политического романтизма, в осторожности, склонности к компромиссу, в соразмерности целей и собственных сил.

3. ... – это отрицание политики престижа и недоверие к громким лозунгам.

4. ... – это критическое отношение к прошлому своей страны»⁷⁹.

Названное течение, для обозначения которого мы применяем принятое в научной литературе исключительно в отношении польской общественной мысли понятие «неопозитивизм», зародилось в среде католической интеллигенции, отрицавшей социализм, но не пожелавшей покинуть родину после прихода к власти коммунистов.

В 1945 г. его последователи начали выпускать в Кракове еженедельник «Тыгодник повшехны» и журнал «Знак», ставшие оцутимым противовесом проправительственному органу светских католиков «Дзись и ютро», чья идеологическая платформа заключалась в синтезе социалистических и христианских идей. С самого начала краковские издания заняли лоялистскую позицию, принимая новый режим, но отстаивая свое право иметь независимое мнение.

В 1945–1953 гг., когда отношения между церковью и властью накалялись день ото дня, положение этих изданий было довольно трудным, но все же они просуществовали до 1953 г., когда были закрыты из-за отказа опубликовать верноподданнический некролог И.В. Сталину. «Тыгодник повшехны» был передан Объединению «ПАКС» (как стала называться группа «Дзись и ютро») и в этом виде издавался вплоть до начала 1956 г., после чего на волне перемен оба краковские издания были восстановлены в своем прежнем составе.

Публицисты «Знака» и «Тыгодника повшехного» принадлежали к обновленческому крылу католицизма, отвергали национализм, капитализм и коммунизм, выступали в защиту прав трудящихся и находились под влиянием философии персонализма Ж. Маритена⁸⁰. По этой причине они временами конфликтовали с католической церковью, но неизменно были на ее стороне в разногласиях с государством.

В 1956 г. они совместно с рядом других активистов движения светских католиков организовали в Варшаве Общепольский клуб прогрессивной католической интеллигенции. В январе 1957 г. Клуб принял участие в парламентских выборах и, благодаря поддержке сторонников, провел в сейм шесть депутатов, которые организовали фракцию «Знак».

Независимые католики весьма трезво оценивали действительность и понимали, что о каком-то серьезном воздействии на политику властей с их стороны не может быть и речи. Как выразился один из активистов движения светских католиков, известный публицист С. Киселевский в интервью эмигрантскому журналу «Культура»: «Подлинный польский парламент – это ЦК ПОРП ... а демократизация в нынешней Польше – это сколько свободы правящие марксисты дадут обществу»⁸¹.

Однако участники движения «Знак» считали, что и в подобных условиях не следует замыкаться в себе, а наоборот, как можно активнее участвовать в общественной жизни. Ибо, полагали они, каждый живущий в стране человек должен брать на себя моральную ответственность за ее внутреннее и внешнее положение, независимо от того, разделяет он идеологию правящего режима или нет⁸². «Знаковцы» признавали

послевоенные перемены в Польше бесповоротными, но не вследствие «революции», а исключительно по геополитическим причинам, которые «вынуждают нас сотрудничать с Россией, несмотря ни на что»⁸³.

Эти геополитические причины, по мнению независимых католиков, заключались в постоянной опасности, исходящей от германского реваншизма, и эгоистической позиции Запада, что в условиях раскола мира на два враждующих блока заставляло Польшу искать сильного союзника, каковым в данных обстоятельствах может быть только СССР⁸⁴. Соответственно и страной в таких условиях может руководить только ПОРП и никто другой, ибо правящая партия пользуется доверием как большей части населения страны, так и СССР⁸⁵.

«Неопозитивисты» поддерживали основы существующей системы (национализация производства, торговли и банков, индивидуальное крестьянское хозяйство и т. д.). С. Киселевский однажды даже публично отрекся от своих прежних взглядов на недостатки функционирования политической и экономической структур в социалистической Польше как на проблемы, присущие самой системе, проделав, таким образом, эволюцию, обратную той, что прошли «ревизионисты»⁸⁶. Светские католики, входившие в движение «Знак», провозглашали принцип демократизации в рамках системы, причем суть этой демократизации заключалась для них отнюдь не в большей открытости политической и идеологической сфер, а в вовлечении в общественный процесс людей, не являющихся ни марксистами, ни антикоммунистами, т. е. в признании этого своеобразного «третьего сословия», составляющего большую часть населения страны, «основным телом нации»⁸⁷. Достичь демократизации светские католики предлагали путем расширения полномочий сейма, создания низовых общественных структур (прежде всего – дискуссионных клубов), поддерживая свободу прессы и идейный плюрализм в гуманитарных науках⁸⁸.

Независимые католики были принципиальными противниками любых революционных перемен. С. Стомма и С. Киселевский не только решительно осудили всякую мысль о парламентской демократии в Польше, заявив, что любая попытка введения многопартийной системы может закончиться для страны трагично, но и весьма холодно отнеслись к «революции» 1956 г., указывая, что общественный энтузиазм в значительной мере культивируется литераторами и публицистами, озабоченными собственной популярностью⁸⁹.

Призыв довольствоваться настоящим и не строить воздушных замков у С. Киселевского развился в некое подобие скептического фатализма и вместе с тем оптимизма, когда он отметал все опасения своих единомыш-

ленников в том, что потребительская цивилизация формирует «общество счастливых термитов». Он был убежден, что, во-первых, место для индивидуальности всегда найдется, а во-вторых, в условиях стремительно растущего населения такое общество – далеко не самый худший выход⁹⁰.

Представляется, что подобные взгляды являлись частью общего курса клубов католической интеллигенции на успокоение взбудораженного общества и составляли стержень общественных воззрений наиболее видных представителей движения «Знак» на общественно полезный, «органический» труд, свободный от различного рода героических призывов и романтических идей. Такая линия вызывала даже среди светских католиков неоднозначную реакцию, а со стороны проникнутых революционным духом «ревизионистов» и «официальных» публицистов – настоящее возмущение по поводу недооценки «революции» 1956 г. и явного посягательства на «героические достижения» польского народа⁹¹.

Наиболее резкий водораздел между светскими католиками и «ревизионистами» прошел по вопросу преподавания религии в школе, которое было восстановлено в конце 1956 г. Немедленно все газеты, служившие рупором «ревизионизма» («Пшеглэнд культуральны», «Нова культура», «По prostu»), «обрушились с критикой на нетерпимость законоучителей и принялись изобличать дискриминацию детей, не желавших посещать эти уроки»⁹². Светских католиков подозревали в стремлении распространить диктатуру церкви, утвердив католицизм в качестве единственной альтернативы коммунизму.

Павел Ясеница, в послевоенный период сотрудник «Тыгодника повшехного», довольно резко заявил, что времена, когда в Польше существовали только марксизм и католицизм, безвозвратно ушли в прошлое вместе со сталинизмом. Те же, кто, подобно С. Киселевскому, мыслит этими устаревшими категориями, подспудно поддерживают остатки тоталитаризма, идейно смыкаясь со сталинистами вроде главы ПАКСа Б. Пясецкого. Нынешняя католическая церковь, утверждал П. Ясеница, не нуждается в защите, ибо политическое нападение на церковь было бы безумием, которое, к счастью, не грозит⁹³.

Светские католики со своей стороны отвергали все обвинения в том, что они делают народ лишь на католиков и марксистов, но признавали, что польскому обществу еще предстоит научиться терпимости. Пока же оно, к сожалению, находится в каком-то полужызыческом состоянии, охваченное фанатизмом и ксенофобией⁹⁴. Но С. Киселевский все же допускал сравнение католиков и марксистов. Во фракции «Знак», по его словам, дисциплина похлеще, чем в ПОРП, поскольку «марксисты и католики схожи менталитетами»⁹⁵.

Светские католики рассматривали себя как посредников между церковью и государством, между верующими и атеистами. Они надеялись, что «отношения между церковью и партией вполне можно уладить без конфликтов, при условии доброй воли обеих сторон»⁹⁶, и сокрушались, что государство не хочет поддерживать нормальных отношений с церковью и даже новые веяния именуется не иначе, как «политическим клерикализмом»⁹⁷.

В связи с этим светские католики предпринимали со своей стороны шаги, направленные на сближение позиций социалистического государства и католической церкви, причем не всегда ставили в известность о своих планах главу польского епископата кардинала С. Вышиньского, что вызывало недовольство церкви. Так, в 1958 г. депутаты сейма, входившие во фракцию «Знак», К. Лубеньский, С. Стомма, Е. Завейский и З. Макарчик направили руководству ПОРП тайное послание, в котором призывали власти более лояльно относиться к религии⁹⁸.

В начале 1960-х годов во взаимоотношениях между властью и светскими католиками произошло охлаждение. Трудности, которые переживала тогда польская экономика, побудили светских католиков выступить с требованием радикальной структурной реформы, опирающейся на децентрализацию системы принятия решений⁹⁹. Депутат «Знака» К. Лубеньский потребовал, чтобы правительство представляло сейму не один, а несколько вариантов хозяйственного плана. Пока же, по его словам, принятие плана носит в значительной степени формальный характер¹⁰⁰.

«Антисионистская» кампания 1967 г. и мартовские волнения 1968 г., во время которых фракция «Знак» упорно отказывалась принимать точку зрения правительства на происходящее, постепенно переводили светских католиков в разряд явной оппозиции. В апреле 1968 г. отказался от депутатских полномочий лидер движения светских католиков Е. Завейский, а после вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию все депутаты «Знака» подумывали сложить полномочия¹⁰¹. Это означало бы открытый конфликт с властью, т. е. пересмотр всей прежней политики клубов католической интеллигенции, на что светские католики пойти не могли. В итоге победила «лоялистская» позиция, фракция «Знак» осталась в сейме, но отношения с режимом В. Гомулки были испорчены до такой степени, что в 1969 г. власти сами запретили Е. Завейскому баллотироваться в новый состав парламента.

Двусмысленная позиция светских католиков как немарксистской интеллигенции, сотрудничающей с марксистской властью, вызывала противоречивые отклики как в стране, так и за рубежом. С одной сторо-

ны, и власть, и «ревизионисты» благожелательно относились к существованию «прогрессивного» крыла католической интеллигенции, поддерживающего основы нынешнего строя и выступающего за обновление церкви. Марксисты невольно рассматривали членов клубов католической интеллигенции как своего рода католических революционеров, борющихся с невежеством и церковным консерватизмом. Такой настрой буквально сквозит в заметках, посвященных польскому католицизму¹⁰².

С другой стороны, атеистическая интеллигенция никак не могла понять, почему же в таком случае эти «прогрессивные» католики с таким пылом защищают костел от критики из их лагеря и не только не дистанцируются от высказываний каких-нибудь одиозных церковников, но, наоборот, всячески подчеркивают единство и сплоченность верующих. Это рождало подозрение в неискренности и политиканстве¹⁰³.

Когда в начале 1960-х годов выступило наружу идеологическое размежевание между властью и «ревизионистской» интеллигенцией, подобные подозрения усилились, поскольку светские католики продолжали проводить соглашательскую политику, в то время как вокруг них все больше людей отвергало режим. Вновь зазвучали сравнения с ПАКСом, и даже проводились оскорбительные для католиков параллели между их верой в божественное происхождение любой власти и наивным убеждением ацтеков, что Кортес – это белый бог, прибывший из-за океана¹⁰⁴.

Более приемлемой для «ревизионистов» и вообще марксистской интеллигенции Польши была позиция «Вензи» – журнала христианско-социалистической ориентации, основанного в 1958 г. людьми, вышедшими тремя годами раньше из ПАКСа после конфликта с его лидером. На редколлегию «Вензи» так же, как и на группу «Тыгодника повшехного», оказал большое влияние французский персонализм, но в интерпретации Э. Мунье, который, в отличие от Ж. Маритена, был более близок к идеологиям левого толка. Подобные убеждения привели левых представителей католической интеллигенции в ПАКС, но и там «бунтари» во главе с Т. Мазовецким и Я. Заблоцким решительно выступили против ряда программных установок Б. Пясецкого о так называемой христианской политике и служении Богу через служение церкви, нации и государству.

Участники этой группы (ее называли «фрондэры») доказывали (вслед за Э. Мунье), что нет никакой христианской политики, но существует христианская ответственность за политику. Отсюда проистекали неприятие любых политических организаций католиков и постулат о необходимости создания элитарных кружков интеллигенции как выражения сотрудничества и взаимопонимания людей всех убеждений¹⁰⁵. При

этом Т. Мазовецкий утверждал, что всякое мировоззрение, в том числе и религиозное, должно иметь общественное выражение (т. е. его представители должны быть объединены в сообщества, дабы отстаивать собственные интересы), но католики должны быть избавлены от давления государства, а не католики – церкви¹⁰⁶.

«Фрондэры» акцентировали внимание на положениях марксизма, родивших его с персонализмом: традиция общественного бунта и упор на всестороннее развитие каждой отдельно взятой личности¹⁰⁷. «Мы были людьми, – писали «фрондэры» в 1956 г., – которые после уединенных размышлений пришли к убеждениям, связывающим католицизм с социализмом ... Тревога за дальнейшую судьбу Церкви в мире социализма объединяла нас и других католиков. Но мы сделали из этого разные выводы. Мы утвердились во мнении, что следует делать. Мы инстинктивно осознали, что лишь тогда можно с успехом защищать право на собственное мировоззрение, когда участвуешь в справедливом общественном деле ... Мы осознали необходимость приложить усилия для того, чтобы привести общественное сознание верующих к убеждению, что служить – это судьба самой Церкви»¹⁰⁸.

Демократические убеждения, неприятие церковного консерватизма и опасения за судьбу католицизма в обществе потребления и распространяющейся секуляризации сближали группу «Вензи» с «Тыгодником повсехних»¹⁰⁹. Поэтому «фрондэры» активно поддержали создание сети клубов католической интеллигенции, в которых, однако, составили нечто вроде оппозиции старым католическим деятелям¹¹⁰. С другой стороны, те же самые лозунги плюс критика потребительской цивилизации вызывали сочувствие и у «ревизионистов».

«Вензь» никогда не была политическим сообществом. Но, несмотря на декларируемую открытость для всех мировоззрений, «Вензь» так же, как и клубы католической интеллигенции, придерживалась определенной политической линии, не допускавшей любых проявлений национализма и сталинизма. Поэтому когда в 1962 г. несколько членов редколлегии «Вензи» во главе с Я. Заблоцким высказали мысль, что набравшее силу националистическое движение в ПОРП (группа высокопоставленных партийных функционеров, известных под именем «партизан») может явиться основой для сближения церкви и государства на базе патриотических ценностей, главный редактор журнала Т. Мазовецкий выступил против данного предположения.

Позже, в 1968 г., Я. Заблоцкий вместе со своим единомышленником А. Мицевским написал программную статью намечавшегося католическо-патриотического движения, которую, однако, отвергла как «Вензь»

(за попытку создать некий конгломерат патриотических и демократических идей, напомилавший фразеологию одиозного лидера «партизан» министра внутренних дел М. Мочара), так и официальная печать (за постулат демократизации)¹¹¹.

Личное соперничество Я. Заблоцкого с лидерами «Вензи» и «Тыгодника повшехного» усугубило раскол. И в 1967 г. была создана еще одна структура независимого католического движения – Центр документации и общественных исследований (ОДиСС) под руководством Я. Заблоцкого, который все больше склонялся к критике «чуждого западного влияния» (имея в виду персонализм) и претендовал на роль посредника между государством и церковью¹¹².

Национально-демократическая оппозиция

Третье направление оппозиции режиму В. Гомулки можно назвать «народовым». В отличие от других оппозиционных течений, оно всегда ясно и недвусмысленно выступало против как упомянутого режима, так и любой коммунистической власти, но никогда не имело серьезного влияния, ограничиваясь узким кругом конспиративных и полуконспиративных групп интеллигенции. Организованное антикоммунистическое движение было разгромлено еще в 1947 г., и с тех пор власть сурово пресекала любые ростки «народового» движения как явно антиправительственные.

В обществе такие группы не находили поддержки, несмотря на то, что население страны было весьма сильно подвержено националистическим идеям. Однако такой бытовой национализм не имел ничего общего со сложными идеологическими конструкциями «народовцев», обращавшихся в своих идейных поисках к наследию Ю. Пилсудского, Р. Дмовского и довоенной партии христианских демократов. Прежде всего мы не увидим в этом направлении 1950–1960-х годов никакого антисемитизма или русофобии, зато его деятели не уставали подчеркивать, что Польша не является независимым государством и останется таковой, пока монополия власти находится в руках ПОРП.

Первой организацией правого толка, появившейся после 1947 г., следует признать Союз молодых демократов (СМД). Это была вполне легальная организация, находившаяся под опекой Демократической партии (ДП). Союз возник осенью 1956 г. на волне идейных поисков молодых поляков в момент распада структур официальной организации – Союза польской молодежи. Окончательно он оформился на съезде 30 ноября 1956 г.

В своей программе СМД, хотя и выражал поддержку решений VIII пленума ЦК ПОРП, высказывался за польскую модель социализма и рабочее самоуправление. Он первым из легальных организаций выразил протест против «фактической однопартийности» и, кроме того, заявил, что демократические идеи имеют надклассовый характер, опровергая тем самым марксистский тезис, что каждому общественному классу соответствует партия или идеология. «Нет такой партии, которая имела бы право монополии на теоретическое и практическое создание строя общественной справедливости», – утверждалось в программе СМД.

Подобные настроения бытовали тогда и среди руководства Демократической партии, в частности к ним склонялся председатель ЦК ДП С. Кульчинский. Поэтому неудивительно, что партия по отношению к Союзу приняла на себя роль старшего партнера. 6 декабря 1956 г. руководства СМД и ДП в совместном заявлении указали, что между ними нет принципиальных идеологических расхождений. Очень быстро численность Союза выросла до 10 тыс. человек. Это была главным образом студенческая молодежь католических учебных заведений. Но вскоре В. Гомулка заявил, что в СМД собираются элементы, явно враждебные народной власти. Политбюро ЦК ПОРП упрекнуло руководство ДП, что оно оказывает поддержку «нелегальной» молодежной организации, и партия была вынуждена разорвать отношения с Союзом. 16 января 1957 г. СМД заявил о самороспуске¹¹⁸.

В дальнейшем развитие «народового» движения пошло по нескольким направлениям. Бывший вице-председатель СМД, убежденный антикоммунист П. Гурный увлекся идеями «народовых демократов» довоенной Польши и вместе со старым эндеком Я. Богдановичем создал в 1959 г. небольшую подпольную организацию в Варшавском университете – Национально-демократическую лигу. За исключением антисемитизма, члены Лиги исповедовали идеологию Р. Дмовского в ее крайней форме (национализм, авторитаризм и вождизм). Неудивительно, что столь одиозная идейная база не нашла понимания ни среди харцеров, ни в католических кругах, где сторонники П. Гурного пытались распространять свои воззрения.

Один из авторитетных католических деятелей, к которому обращались за поддержкой участники Лиги, – В. Хшановский (эндек и организатор закрытого властями в июне 1957 г. католического клуба Старт) склонялся в это время к модернизации национал-демократической идеологии. Он отвергал тоталитарную ее сторону и пытался увязать эндецию с парламентаризмом и христианской демократией.

В двух донесениях, которые В. Хшановский отправил в Лондон руководству Национальной партии, он заявлял, что угрозой для поляков является не только навязанная власть, но и тот образ бытия, когда уничтожаются традиции. У молодых поляков, подчеркивал он, нет позитивного примера, позволившего бы им сохранить национальное самосознание. В. Хшановский надеялся обрести его в социальном учении католицизма. Он призывал создать общественно-воспитательное движение, которое пронизало бы общество через органы местного самоуправления¹¹⁴. Молодые радикалы из Национально-демократической лиги не приняли обновленной «эвдеции», и В. Хшановский не стал участником организации.

Пожалуй, ближе всего к тактическим схемам В. Хшановского стоял тогда бывший лидер СМД К. Глогровский, который пытался создать общественно-просветительское движение в виде тайных кружков самообразования. Глогровский принимал идеи христианской демократии, но оставался при этом убежденным социалистом. Он писал вrocławскому деятелю СМД А. Плесняру: «Для нас существует не выбор между социализмом и капитализмом, а только выбор между социализмом в его нынешней форме и социализмом, как мы его себе представляем»¹¹⁵. Необходимой составляющей такого социализма была религия, в связи с чем К. Глогровский первое время после разгона СМД пытался организовать в ПАКСе общество левых христиан, но в этом не преуспел¹¹⁶.

Сторонники наследия Ю. Пилсудского создали в 1965 г. немногочисленную тайную организацию Рух, которая действовала в Варшаве и Лодзи. В нее вошли в основном ветераны Армии Крайовой и учащиеся католических учебных заведений (И. Чума, М. Голембевский, братья Анджей и Бенедикт Чума, Э. Моргевич, С. Мышкевич-Несёловский и др.). Члены организации вынесли из идейного наследия Пилсудского убеждение, что малые группы способны пробудить активность общества, поэтому они рассматривали название «Рух» (движение) как действие, направленное против всеобщей апатии.

По существу, «руховцев» нельзя считать «пилсудчиками» в полном смысле слова, поскольку они исповедовали демократические принципы в лучших традициях западного парламентаризма, что не очень вязалось с классическим образом «верховного вождя». Участники Руха считали ПНР, равно как и другие страны «советского блока», ненастоящими государствами, правящие режимы которых, именуемые «коммунистическим тоталитаризмом», опираются на «чужую вооруженную силу». Отсюда вытекала главная цель организации: борьба за независимость Польши, проводимая путем пробуждения нонконформизма, нацио-

нальных традиций, и, в конечном счете, достижение такого положения, при котором Польша, используя благоприятные обстоятельства, смогла бы завоевать независимость.

Руховцы не были врагами социализма как такового. Наоборот, в своей декларации «Проходят годы» они высказались против использования доктрины социализма для прикрытия диктатуры и в целом выступали не за капитализм, а за реформированный социализм. Рух также выражал доверие «ревизионистам», ибо они ставят совесть выше собственных интересов.

В области внешней политики Рух выступал за создание блока государств Центральной и Восточной Европы для организации «третьей силы» – противовеса России и Германии. Но в то же время Э. Моргевич, главный редактор нелегального «Бюллетеня» – печатного издания Руха – в первом номере выступил против антинемецкой кампании, развязанной В. Гомулкой, и заявил, что признание ПНР со стороны ФРГ не должно увязываться с признанием польской границы по Одре и Нысе¹¹⁷.

* * *

Таким образом, практически все оппозиционные течения в ПНР периода 1956–1968 гг., за редкими исключениями, действовали по сути дела в едином мировоззренческом поле. Почти все они, так или иначе, принимали социализм как идеологию или, по крайней мере, как реалии сегодняшнего дня. Даже те, кто отвергал идейное наследие К. Маркса, вроде группы «Тыгодника повшехного», все же допускали политическую практику социализма и отнюдь не равняли его с тоталитарными идеологиями фашистского типа. С. Стомма, выступая в мае 1957 г. в Католическом центре французской интеллигенции, заявил: «Мы находимся в рамках социализма так же, как Церковь оказалась в рамках классического капитализма, несмотря на критическое к нему отношение»¹¹⁸.

Во взглядах левых марксистов и несоциалистической оппозиции всех направлений было больше общего, чем различий. Гуманизм, демократические убеждения, плюрализм мнений – все это было характерно почти для всех оппозиционных течений, групп и объединений Польши рассматриваемого периода. Т. Котарбиньский, человек сугубо атеистических убеждений, утверждал, что его этика выражает тот же идеал, что и Евангелие. По его словам, «этика любви к ближнему прекрасна и не требует религиозного обоснования, будучи укоренена в сердцах добрых людей»¹¹⁹. Но буквально то же самое заявлял и С. Стомма, когда говорил, что у верующих и неверующих одна цель – это любовь¹²⁰. Таким образом, можно сделать

вывод, что разница была лишь в том, под каким углом зрения участники того или иного идейного направления смотрели на одни и те же проблемы, но отнюдь не в основах мировосприятия в целом.

Со временем эта мировоззренческая близость выразилась в размытии четких общественно-политических принципов, свойственных различным интеллектуальным течениям ПНР в 1956–1968 гг., дроблении этих течений и, как следствие, в сближении позиций тех групп и сообществ, которые в той или иной мере критически высказывались о режиме В. Гомулки. В среде коммунистических бунтарей – «командосов» выделяется группа, требовавшая более тесного увязывания социальной и национальной проблематики.

Эти «раскольники» начинают посещать встречи с другими правыми социалистами, которые организует у себя на квартире бывший лидер коммунистической молодежи Кракова Б. Тейковский, стремительно «поправивший» после 1956 г. Другие «командосы» и их «духовные учителя» Я. Куронь и К. Модзелевский также постепенно эволюционируют, признавая бóльший вес за «национальными ценностями» польского народа.

В начале 1968 г. в «Вензи» появляется статья А. Перского, считающаяся программой «командосов». Одним из основных пунктов в ней значился призыв к «патриотизму Жеромского», т. е. к общественному освобождению, тесно связанному с национальным¹²¹. Да и А. Михник, отвергнувший предложение участвовать в праздновании тысячелетия христианства в Польше, был первым среди «командосов», кто начал читать «Вензь» и «Тыгодник повшехны»¹²². В состав «командосов» входила Т. Богудкая, которая окончила общеобразовательный лицей Собрания сестер Святейшей семьи из Назарета и посещала заседания Варшавского Клуба католической интеллигенции.

Молодые члены клубов католической интеллигенции, несмотря на возражения правлений своих организаций, принимали деятельное участие в мартовских событиях 1968 г.¹²³ В то же время мы видим, как и в националистическом Рухе под конец его существования нарождается левое течение, требовавшее более выраженных антитоталитарных позиций, что явно сблизило бы руковцев с демократической оппозицией, вышедшей из ПОРП и ее молодежных структур¹²⁴.

Мартовские волнения 1968 г. ускорили процесс идейного сближения различных течений оппозиции, поскольку, во-первых, подтолкнули бóльшую часть «ревизионистской» интеллигенции к переходу из скрытой к явной, а, во-вторых, продемонстрировали, что у всех направлений политической оппозиции общий враг – однопартийная диктату-

ра, зависимая от Советского Союза. «В марте 1968 – декабре 1970 г. умерли надежды на обновление коммунизма, а с ними умер и ревизионизм», – писал Я. Куронь спустя несколько лет¹²⁵.

Концепция «польского пути к социализму» идеологически себя изжила. Нельзя сказать, что польская интеллигенция отошла от социализма, но в реалиях «народной» Польши значительная ее часть разочаровалась совершенно определенно. Поэтому после 1968 г. традиционное деление на левых и правых потеряло актуальность, и появилось деление на авторитарный режим и его сторонников, с одной стороны, и демократическую оппозицию – с другой¹²⁶.

Примечания

- ¹ Калугина Т.Г. Политическая оппозиция в Польше. 1956–1980. Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутский гос. ун–т. 1998 (Рукопись).
- ² Pomianowski J. Cena krachu polityki barona Muenchausena // Nowa Kultura. 1957. № 15.
- ³ Eilstein H. Rewizjonizm – dogmatyzm // Nowa Kultura. 1957. № 17.
- ⁴ Żarnowska A., Drozdowski M. Spór o dług i skarb // Przegląd Kulturalny. 1957. № 9.
- ⁵ Hochfeld J. Rewizje i tradycje // Przegląd Kulturalny. 1957. № 15.
- ⁶ Kotakowski L. Tendencje, perspektywy i zadania // Życie Warszawy. 1957. № 29.
- ⁷ Фронт национального единства. Варшава, 1956. С. 20–22.
- ⁸ Jordan Z. Ideologia lewicy marksistowskiej // Kultura (Paryż). 1957. № 1–2. S. 26.
- ⁹ Цит. по: Maneli M. Wokół marksistowskiej teorii prawdy // Przegląd Kulturalny. 1959. № 32.
- ¹⁰ Czerwinski M. Contra Schaff // Przegląd Kulturalny. 1957. № 13.
- ¹¹ Drozdowski M.M. Warszawa wobec wydarzeń poznańskich // Wydarzenia czerwcowe w Poznaniu 1956 / Pod red. E. Makowskiego. Poznań, 1981. S. 131.
- ¹² Program studenckiej organizacji ZMP przyjęty przez Uczelnianą Radę Aktywu ZMP Uniwersytetu Warszawskiego w dniu 21 maja 1956 // Co się dzieje w ZMP? / Pod red. W. Winkiel i S. Wojtas. Warszawa, 1956. S. 94–96.
- ¹³ Slonimski A. For the Restoration of the Citizen's Right. Report before the 19th Session of the Council of Culture and Art, march 24–25 1956 // National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe. New York, 1957. P. 49.
- ¹⁴ Beylin P. Filozoficzne spory w marksizmie // Przegląd Kulturalny. 1963. № 21; *Idem*. O potrzebie współczesnego świata albo O zaangażowaniu // *Ibid*. 1959. № 51–52.
- ¹⁵ Szacki J. Kilka uwag o marksizmie dzisiejszym // Przegląd Kulturalny. 1957. № 16.
- ¹⁶ См.: Колаковский Л. Похвала непоследовательности. Firenze, 1974. С. 22–63.
- ¹⁷ Friszke A. Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980. Londyn, 1994. S. 137–138.
- ¹⁸ За прямую демократию трудящихся в анархо-синдикалистском духе выступал также экономист и старый революционер Я. Вольский, отвергавший как марксизм, так и парламентаризм. См.: Jedlicki W. Klub Krzywego Koła. Paryż, 1963. S. 126–127.
- ¹⁹ Borowska M., Balcerzak J., Gilejko L. Rady czy system rad? // Po prostu. 1957. № 1; Chelstowski S., Godek W. Samorząd robotniczy w niebezpieczeństwie // *Ibid*. № 3. S. 140.
- ²⁰ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 122–127.

- ²¹ Zimand R. Kilka zwykłych dni we Wrocławiu // *Po prostu*. 1956. № 50; PГAНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 31–39.
- ²² Ejsler J. Marzec 1968. Warszawa, 1991. S. 89–90, 93.
- ²³ KAT [Toeplitz K.T.]. Z własnego prawa bez nadania // *Władysław W.* Na czołowiec. Prasa w październiku 1956 roku. Warszawa–Łódź, 1989. S. 228–230; Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce 1956–1976. Wybór dokumentów. Warszawa, 1991. S. 157–245.
- ²⁴ PГAНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 18–24; Kott J. Program i ludzie // *Przegląd Kulturalny*. 1956. № 41; *Władysław W.* Op. cit. S. 47, 54; *Friszke A.* Op. cit. S. 138–139.
- ²⁵ *Friszke A.* Op. cit. S. 139.
- ²⁶ *Przegląd Kulturalny*. 1957. № 46; 1958. № 1, 14.
- ²⁷ *Ibid.* 1957. № 36, 44; 1961. № 29, 31; 1962. № 20.
- ²⁸ Szczepański J. Próba diagnozy // *Przegląd Kulturalny*. 1957. № 36.
- ²⁹ Szczepański J. Próba diagnozy – uzupełnienie // *Przegląd Kulturalny*. 1957. № 44.
- ³⁰ *Friszke A.* Op. cit. S. 141–142; *Jedlicki W.* Op. cit. S. 135.
- ³¹ *Friszke A.* Op. cit. S. 142.
- ³² Lipiński E. Prywatna inicjatywa? // *Nowa Kultura*. 1957. № 7; *Idem*. Co będzie za 10 lat? // *Przegląd Kulturalny*. 1957. № 16.
- ³³ Matachowski A. Opinia. Parlament. Prasa // *Przegląd Kulturalny*. 1959. № 33.
- ³⁴ Matachowski A. Dlaczego? // *Przegląd Kulturalny*. 1960. № 37.
- ³⁵ *Pajestka J.* O sytuacji gospodarczej i perspektywie // *Przegląd Kulturalny*. 1963. № 20; *Brus B.* Rozważania na półmetku // *Ibid.* № 21.
- ³⁶ *Pajestka J.* Swoboda wymiany // *Przegląd Kulturalny*. 1959. № 50.
- ³⁷ Tyrmand L. Sprawa Piaseckiego // *Świat*. 1956. № 47.
- ³⁸ *Przyboś J.* Ciąg dalszy rozmowy // *Przegląd Kulturalny*. 1960. № 45.
- ³⁹ *Płużański T.* Czy kanonizacja Giordano Bruno? // *Nowa Kultura*. 1957. № 41.
- ⁴⁰ *Jankowski H.* Wokół filozofii człowieka // *Przegląd Kulturalny*. 1961. № 50.
- ⁴¹ *Toeplitz K.T.* «Normalność» // *Przegląd Kulturalny*. 1962. № 32; *Kijowski A.* Kto nas budzi? Kto usypia? // *Ibid.* № 36; *Beylin P.* Niepokoje amerykańskie i nasze // *Ibid.* 1963. № 1.
- ⁴² *Jedlicki W.* Op. cit. S. 126.
- ⁴³ Matachowski A. Op. cit.
- ⁴⁴ *Putrament J.* Prawica, lewica // *Przegląd Kulturalny*. 1957. № 6.
- ⁴⁵ *Конаковский Л.* Указ. соч. С. 79–80.
- ⁴⁶ PГAНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 56. Л. 23–26.
- ⁴⁷ *Czerwiński M.* Awans ze wsi // *Przegląd Kulturalny*. 1960. № 24; *Dyoniziak R.* Młodzieżowa «podkultura». Warszawa, 1965. S. 153.
- ⁴⁸ *Huszczo A.* Public Opinion in Poland // *Public Opinion in European Socialist Systems* / Ed. by W.D. Connor and Z.Y. Gitelman. New York–London, 1977. P. 44–62.
- ⁴⁹ *Zaremba M.* Biedni Polacy 68. Społeczeństwo polskie wobec wydarzeń marcowych w świetle raportów KW i MSW dla kierownictwa PZPR // Marzec 1968. Trzydzieści lat później / Pod red. M. Kuli, P. Oseki i M. Zaremby. Warszawa, 1998. S. 162.
- ⁵⁰ *Huszczo A.* Op. cit. P. 50–51.
- ⁵¹ *Dyoniziak R.* Op. cit. S. 154–155, 181–182; *Pawelczyńska A., Nowak S.* Światopogląd studentów w okresie stabilizacji // *Przegląd Kulturalny*. 1961. № 46.
- ⁵² *Olsewski E.* Nie mogą czy nie chcą studiować? // *Przegląd Kulturalny*. 1958. № 35; *Dyoniziak R.* Op. cit. S. 146.
- ⁵³ *Czerwiński M.* Op. cit.
- ⁵⁴ *Dyoniziak R.* Op. cit. S. 26; *Kozłowski K.* Antyrewolucjoniści // *Tygodnik Powszechny*. 1961. № 50.

- ⁵⁵ Согласно опросам, практически никто из студентов не читал общественно-политической прессы, даже приобретшей ореол оппозиционности, и не собирался отмечать годовщины польской «революции». См.: *Huszczko A.* Op. cit. P. 48–49.
- ⁵⁶ *Pawelczyńska A., Nowak S.* Op. cit.
- ⁵⁷ *Friszke A.* Op. cit. S. 236–237.
- ⁵⁸ Цит. по: *Gawin D.* Potęga mitu. O stylu politycznego myślenia pokolenia Marca 68 // *Marzec 1968...* S. 289.
- ⁵⁹ *Sonntag S.* Rola komandosów w ruchu studenckim 1968 roku // *Z dziejów opozycji i oporu społecznego. Studia i materiały / Pod red. Ł. Kamińskiego.* Wrocław, 1999. T. 2. S. 58.
- ⁶⁰ *Siwek A.* Uniwersytet Warszawski w marcu '68. Warszawa, 1989. S. 16.
- ⁶¹ *Мухник А.* Польский диалог: церковь – левые. Лондон, 1980. С. 64.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ *Zambrowski A.* Oświadczenie dla woj. komisji kontroli partyjnej // *Kultura (Paryż).* 1968. № 1–2. S. 125.
- ⁶⁴ *Ejsler J.* Op. cit. S. 111–112.
- ⁶⁵ *Ibid.* S. 106.
- ⁶⁶ *Hemmerling Z., Nadolski M.* Op. cit. S. 279–280.
- ⁶⁷ *Jordan Z.* Odwrót od Października // *Kultura (Paryż).* 1957. № 12.
- ⁶⁸ Цит. по: *Walczak J.* Ruch studencki w Polsce. 1944–1984. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1990. S. 187.
- ⁶⁹ *Kuroń J.* Spór o wydarzenia marcowe // *Kuroń J.* Polityka i odpowiedzialność. Londyn, 1984. S. 99.
- ⁷⁰ *Ejsler J.* Op. cit. S. 156; *Sonntag S.* Op. cit. S. 63–64.
- ⁷¹ *Ejsler J.* Op. cit. S. 171–172.
- ⁷² *Siwek S.* Op. cit. S. 15, 73.
- ⁷³ См.: *Ejsler J.* Op. cit. S. 195–303.
- ⁷⁴ *Мухник А.* Указ. соч. С. 99.
- ⁷⁵ *Ejsler J.* Op. cit. S. 313–314, 319–320.
- ⁷⁶ *Колаковский Л.* Указ. соч. С. 2–3.
- ⁷⁷ *Siwek S.* Op. cit. S. 60.
- ⁷⁸ *Stomma S.* «Pozytywizm» od strony moralnej // *Tygodnik Powszechny.* 1957. № 15; *Idem.* To nieporozumienie // *Ibid.* № 17.
- ⁷⁹ *Stomma S.* «Pozytywizm»...
- ⁸⁰ *Łętowski M.* Ruch i koło ZNAK. 1957–1976. Katowice, 1998. S. 41, 59, 91.
- ⁸¹ Rozmowa ze S. Kisielewskim // *Kultura (Paryż).* 1957. № 6. S. 28.
- ⁸² *Gońbiew A.* Dlaczego bierzemy udział w sprawach politycznych? // *Tygodnik Powszechny.* 1957. № 2; Rozmowa ze S. Kisielewskim... S. 32.
- ⁸³ Цит. по: *Łętowski M.* Op. cit. S. 64.
- ⁸⁴ *Ibidem;* *Stomma S.* Dostęp do Polski współczesnej // *Przegląd Kulturalny.* 1957. № 7; *Idem.* Replika // *Nowa Kultura.* 1957. № 14.
- ⁸⁵ *Gońbiew A.* Op. cit.; *Kisielewski S.* Czy istnieje Front Narodowy? // *Nowa Kultura.* 1956. № 47; *Zalewski W.* Raison d'état // *Przegląd Kulturalny.* 1960. № 39.
- ⁸⁶ *Kisielewski S.* ...pan chce naprawić błędy systemu? // *Tygodnik Powszechny.* 1961. № 43.
- ⁸⁷ *Stomma S.* Dostęp do Polski...
- ⁸⁸ *Kisielewski S.* Czy istnieje...; *Łętowski M.* Op. cit. S. 99, 106–109.
- ⁸⁹ *Stomma S.* Dostęp do Polski... // *Przegląd Kulturalny.* 1956. № 43; *Kisielewski S.* Czy istnieje...; *Kisiel.* Nowy rok bierzy // *Tygodnik Powszechny.* 1957. № 1; *Jasienica P.* Nawrócony // *Nowa Kultura.* 1957. № 18.
- ⁹⁰ *Kisielewski S.* Strusie w krainie termitów // *Tygodnik Powszechny.* 1961. № 31.
- ⁹¹ *Jasienica P.* Op. cit.; *Piwowarczyk J.* Pozytywizm czy realizm // *Tygodnik powszechny.* 1957. № 17; *Ładyka J.* Poświęcenie czy obowiązek // *Przegląd Kulturalny.* 1959. № 42.
- ⁹² См., например: *Wojęński T.* Tolerancja jest rzeczą trudną // *Nowa Kultura.* 1957. № 3; *Molik W.* Tolerancja czy fanatyzm // *Ibid.* № 5.

- ⁹³ *Jasienica P.* Z dymem kadzidel // *Nowa Kultura*. 1957. № 22.
- ⁹⁴ *Gołubiew A.* Kto sieje wiatr, ten zbiera burzę // *Tygodnik Powszechny*. 1957. № 6; *Turowicz J.* Antysemityzm // *Ibid.* № 11; *Stomma S.* Kompleksy czy zła wola? // *Ibid.* № 20.
- ⁹⁵ *Kisiel.* Wysoki Sejmie! // *Tygodnik Powszechny*. 1957. № 11.
- ⁹⁶ *Kisielewski S.* ...pan chce naprawić...
- ⁹⁷ Речь С. Стоммы в сейме 21 декабря 1960 г. См.: *Łętowski M.* Op. cit. S. 104.
- ⁹⁸ *Friszke A.* Oaza na Kopernika. Klub inteligencji katolickiej 1956–1989. Warszawa, 1997. S. 52–53.
- ⁹⁹ *Łętowski M.* Op. cit. S. 106–107.
- ¹⁰⁰ *Ibid.* S. 108; Rozmowy z kandydatami na posłów // *Tygodnik Powszechny*. 1969. № 21.
- ¹⁰¹ *Friszke A.* Oaza... S. 101.
- ¹⁰² См., например: *Jarozewski T.M.* Spór o polski model katolicyzmu // *Przegląd Kulturalny*. 1957. № 15; *Idem.* Sporu o «srodki bogate» ciąg dalszy // *Ibid.* № 20; *Idem.* Sporu o model polskiego katolicyzmu dalsze dzieje // *Ibid.* 1958. № 44.
- ¹⁰³ *Tanalski D.* Spór o zasady i metody // *Przegląd Kulturalny*. 1959. № 27; *Idem.* Turowicza wykładnia tolerancji // *Ibid.* 1959. № 31.
- ¹⁰⁴ *Jedlicki W.* Op. cit. S. 70–73.
- ¹⁰⁵ *Zabłocki J.* Personalizm mounierowski a polski «katolicyzm otwarty» // *Więź*. 1963. № 3; *Łętowski M.* Op. cit. S. 69–70; *Friszke A.* Oaza... S. 32.
- ¹⁰⁶ Postawy i światopoglądy // *Przegląd Kulturalny*. 1959. № 1.
- ¹⁰⁷ См.: *Łętowski M.* Op. cit. S. 69.
- ¹⁰⁸ *Bakinowski S., Buchała R., Drozdek Z., Mazowiecki T., Myślik T., Rutkiewicz I., Zabłocki J.* Wielkie sprzeniewierzenie // *Po prostu*. 1956. № 46.
- ¹⁰⁹ *Łętowski M.* Op. cit. S. 69.
- ¹¹⁰ *Ibid.* S. 48.
- ¹¹¹ *Friszke A.* Oaza... S. 91–100.
- ¹¹² *Ibid.* S. 113–114.
- ¹¹³ Архив внешней политики РФ. Референтура по Польше. Оп. 40. П. 145. Д. 720. Л. 34–35; *Friszke A.* Opozycja... S. 92–93; *Walczak J.* Op. cit. S. 117.
- ¹¹⁴ *Brzostek B.* Wiesław Chrzanowski // *Opozycja w PRL. Słownik biograficzny. 1956–1989.* Warszawa, 2000. T. 1. S. 57–59.
- ¹¹⁵ Цит. по: *Friszke A.* Opozycja... S. 226.
- ¹¹⁶ *Ibid.* S. 226–227; *Pleśniar A.* Karol Głogowski // *Opozycja w PRL...* T. I. S. 102–103.
- ¹¹⁷ *Hemmerling Z., Nadolski M.* Op. cit. S. 350–366; *Niesiołowski S.* Organizacja «Ruch» // *Więź*. 1990. № 1; *Friszke A.* Opozycja... S. 255–262.
- ¹¹⁸ Цит. по: *Łętowski M.* Op. cit. S. 92.
- ¹¹⁹ См.: *Grzegorzczak A.* Dekalog po świecku przeczytany // *Więź*. 1958. № 4; Rozmowa z T. Kotarbińskim // *Przegląd Kulturalny*. 1958. № 36.
- ¹²⁰ См.: *Jarozewski T.M.* Spór o polski model katolicyzmu // *Przegląd Kulturalny*. 1957. № 15.
- ¹²¹ *Perski A.* Nie istnieje konflikt pokoleń, tylko konflikt postaw // *Więź*. 1968. № 1.
- ¹²² *Ejsler J.* Op. cit. S. 185.
- ¹²³ *Ibid.* S. 114; *Friszke A.* Oaza... S. 95–96.
- ¹²⁴ *Friszke A.* Opozycja... S. 261.
- ¹²⁵ *Kuroń J.* Polityka i odpowiedzialność. Londyn, 1984. S. 111.
- ¹²⁶ *Gawin D.* Potęga mitu. O stylu politycznego myślenia pokolenia Marca 68 // *Marzec 1968...* S. 308.

От генерального секретаря Якеша до президента Гавела: смена внешнеполитических приоритетов ЧССР (январь—декабрь 1989 года)

Сформулированная в СССР в период «перестройки», после 1985 г., новая внешнеполитическая концепция в отношении стран Восточной Европы¹ претерпела к концу 1980-х годов кардинальные изменения. Теперь в основу внешнеполитического курса советского руководства были положены принципы равноправия и невмешательства во внутренние дела других государств. Подобный поворот во внешней политике Советского Союза поставил перед государственным руководством Чехословакии важный вопрос о принципах дальнейшего внешнеполитического сотрудничества с СССР.

Вместе с тем к концу этого десятилетия в ЧССР наряду с выработкой официального курса в отношениях с СССР, выкристаллизовывалась позиция неформальных оппозиционных сил, во главе которых стояла правозащитная организация «Хартия-77». Рассмотрение указанного процесса в относительно короткий, но весьма важный период января—декабря 1989 г., сравнительный анализ внешнеполитической линии официального чехословацкого руководства и оппозиционных сил ЧССР по отношению к Советскому Союзу является целью настоящей статьи.

После избрания в декабре 1988 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПЧ М. Якеша перед новым чехословацким партийным руководством встала проблема чехословацко-советских отношений. Уже в начале января 1989 г. Якеш посетил Москву, где встретился с М.С. Горбачевым. Ход встречи и содержание их беседы не оставляют никаких сомнений, что оба они считали одним из важнейших в чехословацко-советских отношениях вопрос об оценках событий Пражской весны 1968 г. Первым об этом заговорил Горбачев в связи с активизацией, по его словам, в Чехословакии в последнее время, «некоторых творцов» Пражской весны. Они, продолжал Генеральный секретарь ЦК КПСС, «пытаются сейчас спекулировать на перестройке,

которую осуществляет КПСС. Хотят сказать, что делали в 1968 году то же самое, что делают сейчас советские коммунисты»². «Наш подход, — подчеркнул М.С. Горбачев, — к тем событиям принципиален. Мы отдаем дань январскому (1968 г.) Пленуму ЦК КПЧ. Если бы его решения были осуществлены, то развитие, видимо, пошло бы по другому направлению. Но получилось так, что новое руководство КПЧ стало сдавать одну позицию за другой. Противники социализма уже потирали руки в предвкушении своего торжества. Но у них ничего не получилось»³.

Проведя четкую хронологическую грань в событиях 1968 г. в Чехословакии и позитивно оценив деятельность КПЧ на первом этапе Пражской весны, Горбачев абсолютно логично перешел к следующему вопросу. Он довел до сведения Якеша позицию руководства Итальянской коммунистической партии (ИКП) относительно Александра Дубчека, а также по ряду других вопросов. Итальянские коммунисты полагали, что «сейчас наступил подходящий момент для того, чтобы дать новую, позитивную оценку Дубчеку». Они также считали, что чехословацкое руководство должно сказать: Дубчек совершил ошибку, за что и был осужден, но он не был врагом компартии и Советского Союза, оставаясь коммунистом⁴. Это, как подчеркнул Горбачев, «по мнению итальянских товарищей, было бы в духе национального примирения в Чехословакии. Они предлагают также предоставить широкие права исключенным (из партии. — А.Б.) в прошлом коммунистам»⁵. Тем самым М.С. Горбачев, хотя и косвенно (посредством реакции Якеша на позицию ИКП), все же пытался выяснить точку зрения чехословацкого генсека относительно официальной оценки ЦК КПЧ событий 1968 г.

Последовал достаточно категоричный ответ Якеша: «У нас нет сейчас оснований делать другие оценки событиям и деятелям “Пражской весны”»⁶. Эту позицию разделял и советский лидер: «Согласен с Вами, что у нас нет оснований делать переоценку тех событий, в том числе и международной акции. Попытка некоторых активистов “Пражской весны” представить себя в качестве законных предшественников советской перестройки является не чем иным, как ударом по нашей перестройке. Мы осуществляем перестройку в рамках социализма и для укрепления социализма. А они вели дело к подрыву социализма в Чехословакии»⁷.

Придерживаясь прежних официальных оценок событий 1968 г. в Чехословакии, руководство КПСС попыталось выяснить отношение к ним чехословацкой партийной номенклатуры. В этом плане большой интерес представляют хранящиеся в Архиве Горбачев-Фонда аналитические материалы В.В. Загладина, в то время советника М.С. Горбаче-

ва по международным делам в странах Восточной Европы. Так, 31 марта 1989 г. тот встретился в Карловых Варах с министром иностранных дел ЧССР Я. Иоханнесом и беседовал с ним о событиях Пражской весны. Встреча носила неофициальный характер. Иоханнес доверительно говорил Загладину, что в руководстве партии пока что «сосуществуют» сторонники прежних и новых методов, причем первые фактически преобладают. Они-то как раз и боятся повторения 1968 г.⁸ Из слов министра следовало, что в руководстве КПЧ в этот период были сторонники и «новых» методов, которые, как логично было бы предположить, уже не опасались повторения 1968 г.

В беседе с В.В. Загладиным 1 апреля 1989 г. Я. Пудлак – председатель чехословацкой ассоциации ООН – отметил, что в массах постоянно поднимаются два тесно связанных вопроса: 1968 год и перестройка в СССР⁹. В обществе все громче звучали требования переоценки Пражской весны. Я. Пудлак подчеркнул, что «полностью пересмотреть все, что относится к 1968 г., невозможно и не нужно, так как это может нанести ущерб престижу социализма и ослабит страну»¹⁰. Подобного же мнения придерживался советник председателя правительства ЧССР по внешнеполитическим вопросам Я. Седлак, который говорил о бытовавшем в руководстве ЧССР мнении: «Наши беды во многом из-за друзей, из-за перестройки в СССР»¹¹. В целом в аналитических материалах В.В. Загладина отражен достаточно широкий спектр мнений (от официальных – до оппозиционных) представителей партийного и государственного руководства ЧССР. По мере нарастания в чехословацком обществе оппозиционных настроений официальные власти Чехословакии еще больше укреплялись в своей решимости не подвергать переоценке события 1968 г. Вместе с тем в позиции руководства КПЧ относительно ряда аспектов этой сложнейшей проблемы наметились некоторые изменения.

Данная позиция руководства КПЧ особенно наглядно проявилась во время встречи двух генсеков – Якеша и Горбачева, проходившей 18 апреля 1989 г. в Москве. Касаясь событий почти двадцатилетней давности, М. Якеш заявил: «Если советское руководство признает ошибочность августовской акции, это нанесет страшный удар КПЧ, даст сильнейший козырь оппозиции»¹². Он убеждал М.С. Горбачева «не торопиться с признанием ошибочности ввода войск, отложить его до той поры, пока партия добьется стабилизации обстановки»¹³. Возвращаясь снова и снова к событиям Пражской весны, Якеш говорил: «Я знаю, на Вас давят, чтобы Вы посоветовали нам изменить оценку событий 1968 г.»¹⁴ «Вы знаете, – ответил ему советский руководитель, – нашу позицию. Я все время по-

вторяю, что был январь с правильной постановкой вопросов. Но летом дело шло к контрреволюции. Когда я был у вас с визитом, кое-кто, может быть, ждал от меня других заявлений, но ничего такого не услышал». Якеш продолжал: «Один ваш профессор из МГИМО выступил у нас с лекцией, в которой были такие высказывания. Поэт Евтушенко заявил, что через несколько месяцев в СССР будет другое отношение к 1968 году». Ответ Горбачева прозвучал так: «Это его личное мнение»¹⁵.

Якеш обращал внимание Горбачева, что публикации в советской печати относительно ошибочности событий 1968 г. пропагандируют взгляды сторонников Пражской весны, подталкивают их к действиям. «Там много такого, – говорил он, – что вызывает непонимание у старых членов партии»¹⁶. М. Якеш по-прежнему категорически выступал против реабилитации всех исключенных из партии сторонников 1968 г. Особенно резко он возражал против реабилитации тех бывших членов КПЧ, которые создали клуб «Возрождение» и просят признать его. «Мы, – заявил Якеш, – на это не пошли и, вероятно, не пойдем. Народ не хочет повторения 1968 г.»¹⁷

И все же в его жесткой позиции обозначились определенные сдвиги. «С массой, – сказал чехословацкий генсек, – мы работать начали»¹⁸. В ходе беседы Якеш детально охарактеризовал этот аспект деятельности КПЧ: «Мы хотим чаще выдвигать людей 1968 года на руководящие посты. Часть из них можно будет принять в партию после съезда. Ведь среди исключенных и вычеркнутых есть такие, кто хорошо работает, им еще немногим более 50-ти лет. Они могут быть полезны для партии»¹⁹. Таким образом, в апреле 1989 г. Якеш продолжал настаивать, что «политика, выработанная в 1968 г., была правильной»²⁰. При этом он заметил, что «оппозиция продолжает давить на нас, чтобы мы признали ошибочным 1968 г. Если бы мы пошли на это, был бы неизбежен раскол партии. Так что с ним мы пока не согласимся (курсив мой. – А.Б.)»²¹

Со своей стороны, Горбачев акцентировал внимание собеседника на том, что «страны вступили в полосу коренного перелома развития» и что после 1968 г. ЧССР «критически оценила пройденный путь»²². Однако ситуация в стране, считал он, может измениться к лучшему лишь в том случае, если общество увидит, что руководство КПЧ «движется вперед»²³. Тем самым, как представляется, М.С. Горбачев как бы «подталкивал» руководство ЧССР к принятию самостоятельных решений и призывал «рассматривать в историческом контексте»²⁴ уроки прошлого, в том числе 1968 г. Однако ЦК КПЧ не пошел дальше признания необходимости «работы с массами», тем более отвергал переоценку тех событий. В своей книге

«Жизнь и реформы», увидевшей свет в 1995 г., М.С. Горбачев раскрывает одну из причин такой позиции партийных лидеров ЧССР. По его словам, над Якешем довлела «многолетняя деятельность на посту Председателя Центральной контрольной комиссии ЦК КПЧ, которая во многих случаях инициировала исключение из партии ее членов, наиболее активно выступавших за реформы в 1968 году»²⁵.

Таким образом, во второй половине 1980-х годов руководство ЧССР провозгласило курс на дальнейшее сотрудничество с СССР. Вместе с тем жизненно важная для чехословацко-советских отношений проблема переоценки событий 1968 г. по-прежнему оставалась открытой. Советское руководство полагало, что отказ от старых трактовок Пражской весны – это внутривнутриполитическая проблема, которую чехословацкое руководство должно решать самостоятельно, без каких-либо консультаций с Советским Союзом, т. е. в русле провозглашенного КПСС курса на невмешательство во внутренние дела других государств. Однако руководство ЧССР не было готово пойти на отказ от одиозных оценок событий 1968 г., так как подобный шаг с неизбежностью повлек бы за собой уход с политической сцены государственной и политической элиты Чехословакии, стоявшей у истоков режима «нормализации».

Помимо официальной доктрины, в соответствии с которой строились чехословацко-советские отношения, в ЧССР с конца 1980-х годов набирало силу оппозиционное движение, постепенно сформировавшее собственную внешнеполитическую программу. Политически со стороны чехословацкой оппозиции вопрос о чехословацко-советских отношениях впервые был поставлен в 1978 г. в воззвании «Хартии-77»²⁶, посвященном вторжению войск Организации Варшавского договора (ОВД) на территорию Чехословакии. Рассматривая его как «противоправный акт», авторы воззвания выдвигали требование вывода советских войск из Чехословакии²⁷.

В 1985 г. подобные требования зазвучали с нарастающей силой. Так, в марте «Хартия-77» опубликовала «Пражский призыв» (*Pražská vyzva*) в котором анализировались причины разделения Европы на два противостоящих друг другу лагеря. В нем предлагались возможные шаги по преодолению раскола в рамках европейского объединения, основанного на принципах прав человека и гражданина. Следует отметить, что этот документ нашел отклик в странах Западной Европы²⁸. В опубликованном в августе «Хартией-77» обращении в связи с 17-й годовщиной ввода войск пяти стран ОВД в Чехословакию ставился вопрос о необходимости политических реформ, прерванных оккупацией 1968 г. В

нем содержалось также требование постепенного вывода из страны советских войск²⁹.

В 1987 г. эта же тема нашла свое отражение в письме «Хартии-77» М.С. Горбачеву от 23 марта, в котором подчеркивалось, что инициатором обсуждения данного вопроса должна стать советская сторона³⁰. В нем, в частности, отмечалось: «Мы думаем, что Вы можете оказать благоприятное воздействие на положение в Чехословакии и Европе с помощью меры, которая непосредственно входит в рамки Вашей ответственности. Этой мерой явился бы вывод советских войск»³¹. В августе, в связи с 19-й годовщиной оккупации ЧССР войсками ОВД, «Хартия-77» снова выступила с обращением к властям, в котором в качестве главных положений выделялись: амнистия политических заключенных и вывод войск из Чехословакии³².

Официальная переоценка событий 1968 г. и вывод из ЧССР советских войск были центральными программными установками и других чехословацких оппозиционных групп и течений³³. Наряду с «Хартией-77», набирало силу движение исключенных из КПЧ членов партии. Его участники (500 тыс. человек) не хотели мириться с ролью «изгоев» в политической и общественной жизни страны. Зимой 1989 г. они создали клуб «Возрождение» и потребовали от руководства страны признать ошибочными свои действия в 1968 г.³⁴ Это требование объединяло все оппозиционные силы, несмотря на различия между ними.

Следует особо подчеркнуть, что на встречах с Горбачевым М. Якеш называл лишь одно требование оппозиции – переоценка событий 1968 г. Между тем «Хартия-77» с самого начала заявляла также о необходимости вывода войск ОВД с территории Чехословакии. При этом уже после 1985 г. их присутствие считалось «Хартией-77» несовместимым с внешнеполитической доктриной СССР о невмешательстве во внутренние дела других государств³⁵.

В начале 1989 г. оппозиция перешла к более активным действиям. 16 января состоялась студенческая демонстрация в память Я. Палаха, который в 1969 г. совершил акт саможжения на Вацлавской площади в центре Праги. Многие из участников январской демонстрации были арестованы. Однако ни репрессии против демонстрантов, ни арест ряда активистов, в том числе В. Гавела, не смогли остановить стремления противников консервативного государственного и партийного руководства ЧССР к демократическим преобразованиям.

Летом 1989 г. массовый характер приобрела кампания по сбору подписей в поддержку адресованного официальным властям воззвания «Не-

сколько фраз», составленного В. Гавелом и его сподвижниками. В нем содержался призыв начать диалог с оппозицией о демократических преобразованиях в ЧССР. В воззвании, наряду с требованиями, направленными на демократизацию общественной жизни, содержались также положения об амнистии политзаключенных, соблюдении гражданских прав, а также о переоценке событий Пражской весны³⁶. К концу лета воззвание «Несколько фраз» подписали более 40 тыс. человек. Очередными акциями протеста оппозиции во второй половине 1989 г. явилась организация демонстраций в память о вторжении советских войск 21 августа, а также 28 октября – в день образования Чехословацкой республики.

Переломным моментом в развитии ситуации стал разгон органами безопасности и полицией студенческой манифестации 17 ноября 1989 г., в Международный день солидарности студентов. Действия властей показали, что правительство ЧССР не отказалось от жесткого курса на конфронтацию³⁷. 19 ноября 1989 г. ряд неформальных организаций объединились в движение Гражданский форум (ГФ), которое возглавил Координационный центр во главе с В. Гавелом. Лидеры ГФ взяли на себя руководство акциями протеста. Возникшее в этот же день аналогичное гражданское движение в Словакии получило название «Общественность против насилия» (ОПН).

Сразу же после учреждения ГФ его лидеры обратились с воззванием к гражданам республики, в котором государственное руководство призывалось к «немедленным переговорам» о критическом положении в стране. Первым (из четырех) пунктом будущих переговоров, по настоянию ГФ, должен был стать следующий: «Чтобы немедленно оставили свои посты те члены Президиума ЦК КПЧ, которые непосредственно связаны с подготовкой интервенции пяти стран Варшавского договора в 1968 г. и которые несут ответственность за многолетнее опустошение у нас всех областей общественной жизни. Конкретно речь идет о Густаве Гусаке, Милоше Якеше, Яне Фойтике, Мирославе Завадиле, Карле Хоффмане и Алоизе Индре. Губительная политика этих людей, которые на протяжении многих лет отвергали любой демократический диалог с обществом, совершенно закономерно вылился в грозные события последних дней»³⁸. Тем самым уже в первом официальном документе лидеры оппозиции поставили вопрос о вторжении в августе 1968 г., впервые публично квалифицировав его как «интервенцию».

В тот же день лидеры ГФ направили письма президенту США Д. Бушу и председателю Верховного Совета СССР М.С. Горбачеву. В них содержалось напоминание о провозглашенном советским руководством в

связи с демократическим движением в Восточной Европе «принципе невмешательства». В письме отмечалось: «Мы обязаны обратить ваше внимание на то, что в случае с Чехословакией эта политика по существу означает поддержку политического руководства, которое пришло к власти в 1968 г. при поддержке интервенционистских властей и которое в течение двадцати лет правления полностью себя дискредитировало. Одним из требований массовой демонстрации 21 ноября является уход именно этих политиков с политической сцены»³⁹.

Таким образом, Гражданский форум, не являясь еще официальной властной структурой ЧССР, впервые выводил проблему 1968 г. на международный уровень. Лидеры движения заявляли: «Мы придерживаемся того взгляда, что вмешательство в прошлом во внутренние дела Чехословакии должно быть осуждено и аннулировано как противоправный акт. Замалчивание событий вокруг интервенции в августе 1968 г. означает фактическое вмешательство во внутренние чехословацкие дела». В их письме содержалась просьба к руководителям США и СССР уделить внимание этому вопросу в ходе их встречи на Мальте в начале декабря 1989 г., поскольку «он важен не только для Чехословакии этих дней, но и для Европы в целом»⁴⁰.

23 ноября 1989 г. на манифестации на Вацлавской площади выступил В. Гавел. В своей речи он информировал собравшихся о характере и целях ГФ, о реальных путях изменения политических и экономических отношений в Чехословакии. В. Гавел, в частности, заявил: «Ситуация в эти минуты является открытой, перед нами много возможностей и у нас только две уверенности. Первая из них – это уверенность в том, что нет возврата к предшествующему тоталитарному способу власти, который привел нашу страну на грань духовного, политического, нравственного, экономического и экологического кризиса. Нашей второй уверенностью является то, что мы хотим жить в свободной, демократической и процветающей Чехословакии, которая должна вернуться в Европу, и что от этого идеала мы никогда не откажемся, что бы ни происходило в последующие дни»⁴¹.

Так впервые прозвучало публичное заявление Гавела о намерении Чехословакии «вернуться в Европу», т. е. присоединиться к сообществу западноевропейских государств. В дальнейшем оно нашло отражение в «Проекте тезисов Гражданского форума» от 23 ноября 1989 г., в котором говорилось: «Мы стремимся к тому, чтобы наша страна снова заняла почетное место в Европе». Этот тезис, как представляется, был рассчитан на ближайшую перспективу.

Вместе с тем Гавел не обошел стороной и существовавшую в то время внешнеполитическую доктрину ЧССР. «Мы, – заявил он, – не требуем изменения существующего включения Чехословакии в СЭВ и Варшавский договор (курсив мой. – А.Б.). Однако при этом мы предполагаем, что Советский Союз и другие государства Варшавского договора, которые принимали участие в вооруженной интервенции в Чехословакии в августе 1968 года, выступят с осуждением этого вмешательства, которое на десятилетия затормозило неизбежный процесс реформ в социалистических странах»⁴². Тем самым развитие внешнеполитической концепции ГФ на «восточном» направлении обуславливалось переоценкой Советским Союзом и его союзниками по Варшавскому договору событий августа 1968 г. Правда, конкретных предложений по развитию чехословацко-советских отношений в случае удовлетворения требований ГФ в данном заявлении не прозвучало. Однако постановка вопроса о «почетном месте в Европе» могла вызвать хотя и смутные, но все же сомнения относительно продолжения в будущем участия Чехословакии в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ) и Варшавском договоре. Искренность заявлений лидеров ГФ могло испытать только развитие событий.

26 ноября 1989 г. в программных принципах «Чего мы хотим» ГФ более отчетливо определил свои внешнеполитические приоритеты. В третьем разделе, озаглавленном «Внешняя политика», констатировалось: «Мы стремимся к тому, чтобы наша страна снова заняла достойное место в Европе и мире. Мы являемся составной частью Центральной Европы (курсив мой. – А.Б.) и хотим поэтому поддерживать хорошие отношения со всеми соседями».

Следует особо выделить ту часть третьего раздела программы ГФ, в которой шла речь о включении Чехословакии в процесс европейской интеграции. «Идее европейского дома, – говорилось в документе, – мы хотим подчинить и нашу политику по отношению к партнерам по Варшавскому договору и СЭВ. Мы уважаем свои международные правовые обязательства при условии полного сохранения государственного суверенитета. Вместе с тем мы хотим пересмотреть те соглашения, которые мотивировались необоснованными амбициями ведущих представителей государства»⁴³. В программе, с одной стороны, декларировалась принадлежность к Европе в виде составной части Центральной Европы. С другой же – хотя и с определенными оговорками – постулировалось уважение существующих международных правовых обязательств. В то же время в программе ГФ уже совершенно четко определилась иерархия будущих внешнеполитических приоритетов чехословацкого государства. Отношения с партнерами по СЭВ

и Варшавскому договору отныне (и уже независимо от признания или непризнания ошибочности августовского вторжения в страну) провозглашались вторичными, второстепенными, иными словами, недвусмысленно подчинялись идее европейского дома.

Таким образом, в своих первых документах представители ГФ закладывают основу принципиально новых приоритетов внешнеполитической доктрины ЧССР. Упоминания о СЭВ и Варшавском договоре не могли уже скрыть, что для новой политической элиты главной целью стало «вхождение в Европу», «почетное место в Европе», «достойное место в Европе», «включение в процесс европейской интеграции».

3 декабря 1989 г. ушел в отставку президент ЧССР Г. Гусак, предварительно объявив об отставке федерального правительства. Тогда же был сформирован новый кабинет, в котором 16 мест из 21 заняли коммунисты, но новая волна демонстраций заставила его уйти в отставку через несколько дней – 7 декабря.

10 декабря, после длительных переговоров ГФ с будущим премьером, было сформировано новое «правительство национального согласия» во главе с М. Чалфой (КПЧ). В кабинет вошли 10 министров от КПЧ, два – от Чехословацкой социалистической партии (ЧСП), два – от Чехословацкой народной партии (ЧНП) и семь – от ГФ и ОПН. В тот же день на митинге на Вацлавской площади в Праге на пост президента республики была предложена кандидатура В. Гавела. Председателем парламента ЧССР в конце декабря был избран А. Дубчек. 29 декабря 1989 г. Федеральное Собрание ЧССР единогласно избрало президентом ЧССР В. Гавела⁴⁴. В новогоднем приветствии 1 января 1990 г. президент еще раз особо подчеркнул, что наступили времена строить жизнь без каких-либо вмешательств извне⁴⁵. Был провозглашен курс на собственную, ни от кого не зависимую политику Чехословакии.

Тогда же, в декабре 1989 г., в Москве состоялось официальное признание неправомерности ввода в 1968 г. войск пяти стран Варшавского договора в ЧССР, который был квалифицирован как вмешательство во внутренние дела государства и подвергнут осуждению⁴⁶, что в течение длительного времени являлось одним из ключевых требований чехословацкой оппозиции.

Теперь новая политическая элита Чехословакии приступила к выработке своей внешнеполитической концепции. Для понимания ее основных постулатов принципиальное значение имела встреча В. Гавела и М.С. Горбачева 26 февраля 1990 г. в Москве. Первым вопросом, обсуждавшимся на встрече, стала перспектива реформирования структуры ОВД. В

связи с этим В. Гавел осторожно спросил: «Серьезные политики Запада проявляют известное беспокойство – не хотим ли мы распустить ОВД?»⁴⁷ В то же время чехословацкий президент поставил вопрос о необходимости ликвидации раскола Европы и формирования новой системы безопасности, которая «заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского договора и НАТО. Таким образом, был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. Варшавский договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности»⁴⁸. М.С. Горбачев согласился с тем, что традиционные институты Варшавского договора «нужно преобразовывать», но «об этом необходимо говорить отдельно»⁴⁹. Особо он подчеркнул, что «считает необходимым сохранять Варшавский договор до тех пор, пока не будут созданы условия для обеспечения безопасности в Европе другими средствами»⁵⁰.

На встрече руководителей ЧССР и СССР поднимался вопрос и о дальнейшем внешнеполитическом сотрудничестве. В. Гавел заявил: «Мы хотим действительной дружбы с Советским Союзом, поскольку до последнего времени настоящей-то дружбы и не было. Ведь настоящая дружба может быть только между равноправными партнерами, а мы не были равноправными партнерами, была лишь игра в дружбу»⁵¹. Чехословацкий президент предложил подписать декларацию об обновлении советско-чехословацких отношений, которые будут «развиваться на основе равноправия и полного взаимоуважения, государственного суверенитета»⁵². При этом он отметил, что когда «люди прочитают Декларацию, которую мы с вами подпишем, они оценят ее. Ведь за ряд лет люди научились читать между строк, и они поймут, что под старыми колониальными отношениями поставлена точка»⁵³.

В заявлении В. Гавела о «конце колониальных отношений» проявилась четкая позиция чехословацкого руководства относительно будущего сотрудничества с Советским Союзом, построенного исключительно на равноправных и партнерских отношениях⁵⁴. Реакция советского лидера на фразу Гавела о «колониальных отношениях» СССР и ЧССР была достаточно резкой: «Прошу Вас не приписывать нам “колониального отношения” к Чехословакии, этого я не приму»⁵⁵. Далее Горбачев особо подчеркнул: «Никогда наши отношения с ЧССР не имели ничего общего с колониальными»⁵⁶.

Следующим не менее важным вопросом, обсуждавшимся на встрече, был вывод из Чехословакии советских войск. В. Гавел говорил о тысячах писем со всей республики, «в которых выражаются страхи в связи с

пребыванием в Чехословакии советских войск, введенных в августе 1968 г.» И далее: «Все ожидают от этого визита решения о выводе войск, которые рассматриваются как оккупационные. Хотел бы подчеркнуть, что политическая стабильность Чехословакии важна для Европы в целом. В этом плане для нас очень важен вывод советских войск»⁵⁷. В. Гавел просил осуществить это в течение года (до 26 февраля 1991 г.)⁵⁸. Горбачев ответил, что советская сторона при выполнении подобной просьбы встретится с огромными трудностями, но обещал «постараться, чтобы боевые части были выведены в течение года»⁵⁹. В итоге была названа предположительная дата – 1 июля 1991 г.⁶⁰ В конце переговоров президент Чехословакии заметил, что эта встреча может «стать основой для развития качественно нового этапа отношений между двумя странами»⁶¹.

* * *

В течение 1989 г. чехословацко-советские отношения претерпели существенную эволюцию. Основной целью новой политической элиты в Чехословакии являлось «освобождение» от влияния СССР и постепенное возвращение в Европу. Пришедшее к власти в декабре 1989 г. руководство ЧССР формально демонстрировало лояльность к СССР. По существу же происходил отход от данной линии и постепенное формирование основ прозападной внешнеполитической ориентации, сопровождавшееся, правда, заверениями в неизменности основ курса на равноправное сотрудничество с СССР. Более того, на уровне деклараций подчеркивалась возможность сближения двух государств, а тем временем реальные политические шаги свидетельствовали об обратном. В дальнейшем указанная тенденция, как представляется, выразилась в кардинальном повороте политиков Чехословакии, а тем более Чехии в сторону Запада.

Примечания

¹ Горбачев М.С. О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. // Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 9.

² Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Оп. 1. Запись беседы М.С. Горбачева с М. Якешем (Чехословакия) 11 января 1989 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

- ⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Запись основного содержания беседы с министром иностранных дел ЧССР Яромиром Йоханнесом. 31 марта 1989 г. С. 1.
- ⁹ Там же. Основное содержание беседы с Я. Пудлаком. 1 апреля 1989 г. С. 3.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с М. Якешем. 18 апреля 1989 г. С. 11.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 1.
- ¹⁷ Там же. С. 7.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 9.
- ²¹ Там же. С. 11.
- ²² Там же. С. 17.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 18.
- ²⁵ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 358.
- ²⁶ «Хартия-77» возникла в 1977 г. Это неформальное объединение следило за выполнением обязательств, принятых на себя властями ЧССР на Хельсинкском совещании в 1975 г. по соблюдению прав человека в стране и информировало собственную и мировую общественность о нарушениях в данной сфере. Возглавляли организацию по очереди известный философ Я. Паточка, бывший в 1968 г. министром иностранных дел Й. Гаек и драматург В. Гавел. К концу 1977 г. Хартию подписали, несмотря на преследования, 800 человек. По инициативе членов «Хартии-77» в 1978 г. был создан Комитет в защиту несправедливо преследуемых. В 1979 г. аресту подверглись десять его активных членов, шестеро из них были осуждены на различные сроки заключения. Однако деятельность комитета продолжалась.
- ²⁷ Charta 77. 1977–1989. Scheinfeld-Schwarzenberg–Bratislava, 1990. S. 213–215.
- ²⁸ Československá cesta k demokracii. Chronologie udalosti. 1985–1989. Československé dokumentační středisko, o.p.s. Ustav pro soudobé dejiny AV ČR. Praha, 1999. S. 7.
- ²⁹ Ibid. S. 8.
- ³⁰ Ibid. S. 15.
- ³¹ Charta 77... S. 325.
- ³² Ibid. S. 16–17.
- ³³ Подробнее см.: Československá cesta k demokracii...
- ³⁴ Charta 77... S. 21.
- ³⁵ Ibid. S. 7.
- ³⁶ Rozbor petice Několik vět vypracovány oddělením propagandy UV KSČ a odeslány s průvodním dopisem tajemníka UV KSČ Jana Fojtíka vybranému okruhu stranických gremií // Vedení KSČ o disentu a opuzici. Dokumenty z ledna 1986 – října 1989. Československé dokumentační středisko, o.p.s. Ustav pro soudobé dejiny AV ČR. Praha, S. 42–54.
- ³⁷ Известие о насилии над молодежью вызвало бурю возмущения в обществе. Пражские театры прекратили спектакли и объявили в знак солидарности со студентами забастовку; массовые демонстрации протеста состоялись в центре Праги.
- ³⁸ Suk J. Občanské fórum. Brno, 1998. S. 13.

³⁹ Ibid. S. 42–54.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid. S. 324–325.

⁴² Ibid. S. 24.

⁴³ Ibid. S. 29.

⁴⁴ Подробнее о событиях «бархатной революции» 1989 г. в Чехословакии см.: *Задорожнюк Э.Г.* Взгляд на Чехословакию. 1988 – ноябрь 1989 г. // Советское славяноведение. 1990. № 8: *Щербакова Ю.А.* Начало «нежной революции» в ЧСФР (осень 1989 г.) // Восточная Европа на историческом переломе. М., 1991; Революция 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001.

⁴⁵ Новогоднюю речь В. Гавела 1 января 1990 г. см.: [http // www.hrad.cz./president/havel/1990/0101_uk.html](http://www.hrad.cz./president/havel/1990/0101_uk.html)

⁴⁶ *Горбачев М.С.* Указ. соч. С. 360.

⁴⁷ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Оп. 1. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом. 26 февраля 1990 г. С. 5.

⁴⁸ Цит по: *Задорожнюк Э.Г.* Революция 1989 г. и процессы становления новой региональной идентичности Центральной Европы // Революция 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы... С. 65–66.

⁴⁹ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 1. Оп. 1. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом. 26 февраля 1990 г. С. 9.

⁵⁰ Там же. С. 6.

⁵¹ Там же. С. 4.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 8.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 9.

⁵⁸ Там же. Запись основного содержания советско-чехословацких переговоров на уровне делегаций, возглавляемых Горбачевым и Гавелом. Москва, 26 февраля 1990 г. С. 2.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 7.

⁶¹ Там же. С. 2.

«Оппозиционный договор» между Чешской социал-демократической партией и Гражданской демократической партией и его роль в новейшей политической истории Чехии (1998–2002 годы)

Во второй половине 1990-х годов система парламентской демократии, сложившаяся в Чешской республике в результате «бархатной революции» 1989 г. и падения коммунистического режима, вступила в стадию консолидации. Определился круг ведущих политических партий, которые отражают интересы основных социальных слоев и групп, ведут борьбу за власть в стране. В результате политического кризиса в ноябре 1997 г. перестала существовать находившаяся у власти более пяти лет трехпартийная коалиция двух правых либерально-консервативных партий (Гражданской демократической партии, ГДП и Гражданского демократического альянса, ГДА) и центристской Христианско-демократической унии – Народной партии (ХДУ – ЧНП). Премьер-министр Чехии, лидер ГДП В. Клаус подал в отставку. Президент В. Гавел поручил формирование переходного правительства бывшему главе Национального банка Й. Тошовскому. На июнь 1998 г. были назначены досрочные выборы в палату депутатов парламента Чешской республики.

Победу на выборах одержала ведущая оппозиционная сила – Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП), которая набрала более 32% голосов и получила 74 депутатских мандата из двухсот. Второе место заняла ГДП – 27,74% голосов и 63 депутатских кресла. На третьем месте оказались коммунисты, получившие поддержку 11% проголосовавших и 24 места в нижней палате. 9% избирателей отдали голоса ХДУ – ЧНП (20 депутатов). Наконец, явным разочарованием обернулись выборы для либеральной Унии свободы (УС), которая образовалась в конце 1997 г. в результате раскола в рядах ГДП. Эта партия набрала лишь 8,6% голосов и получила 19 депутатских мандатов¹.

Разногласия между бывшими партнерами по правящей коалиции – гражданскими и христианскими демократами, а также «раскольниками» из Унии свободы привели к тому, что возможность возникновения нового правоцентристского кабинета не была реализована, хотя формально и существовала, так как вместе ГДП, ХДУ – ЧНП и УС располагали 102 депутатскими местами из 200. Не удалось создать и левоцентристскую коалицию социал-демократов, христианских демократов и унионистов, поскольку лидер УС Я. Румл по идеологическим соображениям отверг предложение ЧСДП о сотрудничестве².

Таким образом, в итоге выборов оказалось невозможным формирование как однопартийного правительства, пользующегося поддержкой парламентского большинства, так и право- или левоцентристского кабинета из представителей нескольких партий, близких по своим идеологическим воззрениям и программным установкам. В то же время результаты выборов показали, что реструктуризация политических сил в Чехии фактически завершилась. На левом фланге закрепила свое доминирующее положение социал-демократия, на правом в результате раскола прежней ГДП возникли две партии либерально-консервативного направления – «обновленная» ГДП и УС. Наконец, ХДУ–ЧНП сохранила положение наиболее популярной и четко оформленной центристской силы.

Две крупнейшие политические партии – ЧСДП и ГДП – неожиданно нашли выход из ситуации, которая многим представлялась тупиковой. Было сформировано однопартийное социал-демократическое правительство, которое хоть и опиралось на меньшинство депутатов, но находилось у власти благодаря поддержке ведущей правой партии – гражданских демократов, не поднимавших в парламенте вопрос о недоверии кабинету. Именно в этом заключалась суть подписанного 9 июля 1998 г. в Праге руководством ЧСДП и ГДП политического соглашения, озаглавленного «Договор о создании стабильного политического пространства в Чешской республике, заключенный между Чешской социал-демократической партией и Гражданской демократической партией» (Smlouva o vytvoření stabilního politického prostředí v České republice uzavřená mezi Českou stranou sociálně demokratickou a Občanskou demokratickou stranou). Он вошел в новейшую историю Чехии как «опозиционный договор» (opoziční smlouva) и оказал решающее влияние на ход политических событий 1998–2002 гг. Представляется, что это влияние будет сказываться и в дальнейшем.

В договоре говорилось, что «вышеозначенные партии перед лицом угрозы политической нестабильности, стремясь к сохранению основ-

ных демократических принципов и сознавая возложенную на них избирателями ответственность за обеспечение ... политической стабильности в Чешской республике и продолжение экономической и политической трансформации, начатой в ноябре 1989 года ... заключили следующее соглашение ...:

I. Вышеозначенные партии обязуются уважать право той из них, которая одержала победу на выборах (ЧСДП. – Я.Ш.), сформировать правительство Чешской республики, и выразить это уважение неучастием депутатов другой партии в голосовании о доверии правительству.

II. ... уважать право той партии, которая заняла на выборах второе место (ГДП. – Я.Ш.), быть в оппозиции этому правительству, а также связанное с этим правом положение, которое сформулировано в нижеследующих пунктах.

III. ... уважать право оппозиционной партии занять посты председателей обеих палат парламента Чешской республики...

IV. ... действовать по взаимному соглашению при формировании структур парламента Чешской республики.

<...>

VI. ... в течение срока полномочий палаты депутатов (четыре года. – Я.Ш.) не поднимать вопрос о недоверии правительству и не использовать другие возможности, результатом которых стал бы роспуск палаты депутатов, а в случае, если подобные предложения будут выдвинуты другим политическим субъектом, не поддерживать их...

При голосовании по отдельным законопроектам, в том числе касающимся бюджета, вышеозначенные партии не берут на себя каких-либо взаимных обязательств.

VII. ... в течение 12 месяцев со дня подписания данного соглашения представить проект таких поправок к Конституции и другим законам, которые четко определяют компетенцию отдельных конституционных органов власти, порядок их формирования и... увеличат значение результатов конкурентной борьбы политических партий.

<...>

IX. ... во время действия данного соглашения не вступать в коалицию и не заключать каких-либо договоренностей с третьей политической партией – в том случае, если бы подобная договоренность вела к вступлению [представителей третьей] партии в правительство или ... к занятию [ими] должностных постов, упомянутых в данном соглашении. Кроме того, партии обязуются не заключать с третьей стороной договоренностей о совместном голосовании в парламенте ЧР.

Х. Данное соглашение прекращает действовать в случае нарушения какого-либо из его пунктов»³.

Договор был подписан председателями ЧСДП и ГДП М. Земаном и В. Клаусом, их заместителями и главами фракций обеих партий в палате депутатов и Сенате Чешской республики.

«Оппозиционный договор» многие наблюдатели охарактеризовали как «политическое землетрясение»⁴. Значительной части чешского общества было непросто смириться с тем, что две ведущие партии, которые на протяжении по меньшей мере пяти последних лет выступали как непримиримые соперники, не только заключили политическое перемирие, но и фактически разделили между собой власть в стране. Однако несомненно, что доводами в пользу «оппозиционного договора» явились, во-первых, безвыходная ситуация, сложившаяся на чешской политической сцене после выборов 1998 г., и, во-вторых, необходимость сохранения механизмов парламентской демократии, пусть даже путем такого неординарного политического решения в духе «искусства возможного».

Некоторые авторы, например чешский политолог Я. Чулик, рассматривают соглашение между ЧСДП и ГДП как логическое завершение и своего рода диалектическое отрицание предыдущего периода истории Чехии, связанного с доминированием на политической сцене ГДП и других правых партий. В этот период «так же, как и до [«бархатной»] революции, на первом плане находилась идеология, причем после революции источником легитимности [политических сил] стало отрицание прежней идеологии»⁵. По мнению Чулика, «оппозиционный договор» смог предложить чешскому обществу «компромисс между двумя диаметрально противоположными и одинаково сильными политическими течениями. Возникла, однако, опасность появления «политической мафии»: многие чешские граждане ... полагают, что наиболее значительные политические функции присвоили себе представители двух правящих партий, и ни у кого другого теперь нет шансов»⁶.

Помимо ситуации, сложившейся после выборов 1998 г., можно выделить ряд причин появления «оппозиционного договора». Во-первых, наличие в левой части политического спектра Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ), возможность коалиции с которой исключалась другими партиями, что не допускало формирования после выборов левой коалиции (ЧСДП–КПЧМ). Во-вторых, раскол в лагере правых партий и взаимная антипатия их лидеров, не позволившая восстановить правоцентристскую коалицию, несмотря на формальное наличие соответствующего большинства в палате депутатов. В-треть-

их, позиция Унии свободы, не желавшей идти на идеологические компромиссы, воспрепятствовавшая формированию левоцентристского кабинета ЧСДП, ХДУ и УС.

В результате «оппозиционный договор» позволил преодолеть политический кризис и сформировать правительство без изменения конституционных принципов парламентской демократии и с сохранением пропорционального представительства политических партий в парламенте страны. Договор намечал также далеко идущую программу сотрудничества двух партий, направленную на изменение политического устройства республики. По словам М. Новака, предстояло «изменить избирательное законодательство таким образом, чтобы выборы регулярно вели к возникновению ясного [парламентского] проправительственного большинства, по возможности, без создания широких коалиций»⁷. На этом в первую очередь настаивали гражданские демократы, которые имели негативный опыт коалиционного взаимодействия с христианскими демократами и ГДА в 1996–1997 гг. В. Клаус и его сторонники выступали за мажоритарную избирательную систему по образцу Великобритании, где партия, получившая даже относительное большинство голосов на выборах, имеет право самостоятельно сформировать правительство. Социал-демократы, склоняясь к необходимости усиления мажоритарных элементов в избирательном законодательстве, все же считали возможным сохранение системы пропорционального представительства⁸. Общая цель была ясна: ограничить влияние малых политических партий на формирование правительства, а значит, и на принятие ключевых политических решений. Именно поэтому одной из главных политических задач партнеров по «оппозиционному договору» в 1998–2000 гг. стала подготовка и утверждение парламентом новой редакции закона о выборах.

Кроме того, в этот период ЧСДП и ГДП активно взаимодействовали в парламенте при рассмотрении ряда других вопросов, связанных с перераспределением властных полномочий. Так, обе крупнейшие фракции выступили единым фронтом при обсуждении законопроекта о Национальном банке, согласно которому председателя банка должен утверждать парламент, а не президент, как это было ранее. Ограничение президентских полномочий вообще стало второй важнейшей целью партий-партнеров, так как В. Гавел выступил против новых отношений между ГДП и ЧСДП, считая «оппозиционный договор» грубым обманом избирателей и беззастенчивым разделом власти, угрожающим основам гражданского общества в Чехии⁹.

Соглашение между ЧСДП и ГДП имело два важнейших последствия. Во-первых, произошла консолидация ряда небольших политических субъектов, существованию которых угрожала сложившаяся после выборов 1998 г. монополия на власть двух крупных партий. Во-вторых, нарастало отчуждение между политической элитой и гражданским обществом. Последнее начало воспринимать партии как структуры, заинтересованные только в разделе властных полномочий и лоббировании интересов отдельных групп правящей элиты (крупного бизнеса, чиновничества и т. п.). В обществе укреплялось мнение, что партии не выполняют свою изначальную функцию – представительство и защиту интересов широких социальных слоев.

Первая тенденция проявилась уже в 1998 г., когда христианские демократы, впервые оказавшиеся в оппозиции, завязали тесные контакты с Унией свободы, а позднее также с двумя маленькими партиями, не представленными в парламенте, Гражданским демократическим альянсом и Демократической унией (ДУ). Их сотрудничество, начавшееся осенью 1998 г., на выборах в Сенат и местные органы власти, было позднее закреплено в договоренности о совместной политической стратегии (1999 г.). Годом позже оно было оформлено в так называемом Святовацлавском соглашении (*Svatováclavská dohoda*), подписанном лидерами четырех партий в день св. Вацлава, 28 сентября 2000 г. Оно предусматривало единую позицию возникшей «коалиции четырех» (*Čtyřkoalice*) по основным политическим вопросам. В первую очередь речь шла о противодействии дальнейшей монополизации чешской политической сцены и тесном сотрудничестве четырех партий в ходе предстоящих избирательных кампаний. Члены «коалиции» обязались выставить единый список кандидатов на выборах в Сенат осенью 2000 г. и в палату депутатов в 2002 г.¹⁰ «Коалиция четырех» попыталась противостоять в равной мере социал-демократам и гражданским демократам, которых обвиняла в том, что они принесли программные цели своей политики в жертву властным амбициям. Однако сама коалиция была весьма неоднородна и далека от подлинного единства. Ее создание явилось контрмерой со стороны небольших политических партий, их ответом на «оппозиционный договор», а значит – шагом сугубо прагматическим, таким же, как и соглашение между ЧСДП и ГДП.

Если «коалиция четырех» попыталась сыграть роль оппозиции двум крупнейшим партиям в рамках сложившейся партийно-политической системы, то выдвинутые общественностью в 1999–2001 гг. инициативы стали выражением протеста против установленной «оппозиционным до-

говором» системы в целом. Летом 1999 г. была обнародована декларация «Импульс-99», подписанная 186 известными общественными деятелями. Авторы декларации стремились, как позднее объяснял один из ее инициаторов бывший советник В. Гавела политолог И. Пеге, выразить протест против того, что «партнеры по [оппозиционному] договору продолжают сохранять политический режим, который по сути своей является антигражданским. Его главная цель – предоставить двум политическим партиям контроль над большинством областей общественной, политической и экономической жизни. Эта партократия опасна и тем, что снижает демократическую дискуссию в стране на уровень соглашений двух партийных секретариатов, действующих прежде всего в собственных интересах ... Гражданину навязывается роль пассивного потребителя партийной политики, которая к тому же зачастую является лишь виртуальной игрой ... Речь идет о борьбе между сторонниками демократического открытого общества и теми, кто стремится ограничить его – в интересах сохранения собственной власти и личных выгод»¹¹. Однако «Импульс-99» не объединил разрозненные социальные слои и группы, недовольные «оппозиционным договором» и его политическими последствиями. Основной причиной этого стало осуждение авторами декларации существующей политической системы как таковой.

Не принесла практических результатов и акция «Спасибо, уходите», организованная зимой 2000 г. лидерами студенческого движения времен «бархатной революции». Более массовым оказалось движение «Чешское телевидение – дело общества», возникшее в январе 2001 г. после того, как коллектив общественного телевидения Чехии (ЧТ) объявил забастовку в знак протеста против назначения генеральным директором ЧТ И. Годача, который считался ставленником партий «оппозиционного договора», в первую очередь ГДП. В Праге и других городах страны прошли многотысячные митинги в поддержку забастовщиков, на них звучали и политические требования – расторжения «оппозиционного договора», отставки кабинета М. Земана, роспуска парламента и проведения досрочных выборов.

Хотя непосредственная цель коллектива ЧТ была достигнута – И. Годач ушел в отставку, политических перемен не последовало. Общественное недовольство политической ситуацией перешло в латентную форму, находя свое выражение в лучшем случае в сетованиях разочарованных политологов и публицистов. Характерным для таких настроений стало высказанное еще в конце 1999 г. мнение уже упомянутого участника «Импульса-99» – И. Пеге, который тогда писал: «Политика в Чеш-

ской республике стала бессмысленным ритуалом, набором политических комбинаций ... Никто из ветеранов чешской политики десяти посткоммунистических лет не показал себя способным выработать новые идеи и концепции. Политика опустилась до уровня непрерывной борьбы за власть и личных нападок. Чешская республика страдает от абсолютной неэффективности политической элиты»¹².

Негативное отношение значительной части общества к политической элите выразилось в конце 1990-х годов в падении доверия к большинству политических институтов. Так, по данным социологического опроса, проведенного социологическим центром при университете имени Т.Г. Масарика (Брно) в 1998 г., президенту республики В. Гавелу доверяли 60% респондентов, не доверяли – 23%; доверие главе правительства М. Земау высказали 50% опрошенных, недоверие – 27%. В то же время кабинету министров в целом доверяли всего лишь 26% респондентов, не доверял – 51%; уровень доверия парламенту и политическим партиям был еще ниже – 15% в каждом случае (недоверие – 64% и 55% соответственно)¹³.

Описанное явление характерно далеко не только для Чешской республики, но и для многих современных парламентских демократий. Кризис «государства партий» обусловлен, в частности, тем, что, как заметил немецкий социолог К. Хорнунг, «партии ... превращаются в картель, имеющий склонность блокировать свободную политическую конкуренцию ... Влияние партий сегодня заметно превышает политическую волю в традиционном смысле слова и оказывает влияние на всю структуру общества»¹⁴.

«Оппозиционный договор», став эффективным, хоть и нестандартным, средством сохранения политической стабильности, однако способствовал нарастанию отчуждения между политической элитой и гражданским обществом. Последнее во все большей степени ощущало, насколько губительной является, по выражению социолога П. Махонина, «странная патовая ситуация социально-политической раздвоенности», препятствующая успешному следованию Чехии «по пути к дифференцированной, но в то же время демократической, социально справедливой модели общественного устройства»¹⁵.

Таким образом, «оппозиционный договор» принес обоим заключившим его партиям немало издержек. Особенно непростым был период 1998–2000 гг. для ЧСДП, потерпевшей болезненные поражения на выборах в местные органы власти и Сенат (ноябрь 1998 г.). Рейтинг социал-демократов в конце 1999 г. опустился до 16-процентной отметки, в

то время как популярность и гражданских демократов, и коммунистов достигла 20–22%¹⁶. Это явление, очевидно, объяснялось негативным психологическим воздействием «оппозиционного договора» на ту часть электората ЧСДП, которая поддерживала эту партию как альтернативу правым, а потому была крайне разочарована ее соглашением с ГДП. Напротив, более четко оформленный и идеологически сплоченный электорат гражданских демократов воспринял «оппозиционный договор» спокойно, видя в нем удачную политическую комбинацию, дающую правым возможность в определенной степени контролировать политику левого кабинета.

Положение ГДП в это время оказалось двойственным. С одной стороны, для того, чтобы не утратить поддержку избирателей, партия должна была демонстрировать свою оппозиционность социал-демократическому правительству и его политике. В 1999 г. В. Клаус опубликовал брошюру «Страна, где уже два года нет власти», в которой отмечал: «До сих пор мы не дождались от правительства ЧСДП ни единой попытки действительно разрешить проблемы страны ... Мы являемся лишь свидетелями раздела добычи на захваченной территории, и одновременно – упорных поисков «виноватых во всем». Последними не может быть никто иной, кроме единственного настоящего противника социалистов ... организатора и главной движущей силы социальной трансформации – Гражданской демократической партии»¹⁷. С другой стороны, и способ сохранения стабильной и относительно выгодной политической ситуации для ГДП, утратившей монополию на власть, был всего один – оставалось сотрудничество с социал-демократами в рамках «оппозиционного договора».

В этих условиях гражданские демократы форсировали проведение реформы избирательного законодательства, которая в будущем могла бы обеспечить им возврат к власти. С осуществлением такого плана, как уже отмечалось, была в принципе согласна и большая часть социал-демократического руководства, однако ГДП оказалась более, чем ее партнер, заинтересована в избирательной реформе. Последнее объяснялось тем, что основным невысказанным условием «оппозиционного договора» было право второй партии, т. е. ГДП, самостоятельно сформировать правительство после следующих парламентских выборов¹⁸. Понятно, что победа ГДП на будущих выборах и ее право сформировать следующее правительство становились более вероятными в случае изменения закона о выборах в пользу крупных партий. Руководство гражданских демократов не сомневалось в успехе еще и потому, что в ГДП

было распространено представление, что за четыре года правления социал-демократы наделают множество ошибок, утратят всякую популярность и расчистят тем самым путь к реставрации правого кабинета. Именно поэтому вопрос об избирательной реформе вышел на первый план в конце 1999 – начале 2000 г.

Между ГДП и ЧСДП шли напряженные переговоры по проекту избирательной реформы, компромиссный вариант которого был одобрен в начале 2000 г. и в мае утвержден парламентом благодаря голосам депутатов от «оппозиционно-договорных» партий. Через несколько дней президент В. Гавел наложил на закон вето, сославшись на мнение специалистов по государственному праву. Юристы констатировали, что речь идет не о поправках к прежнему закону о выборах (под этим названием обсуждался и был одобрен соответствующий законопроект), а о совершенно новом законе, который осуществляет «основательную ревизию» избирательного права в Чешской республике. Согласно их заключению, новое законодательство кардинально изменяет форму организации выборов и отдельные компоненты избирательной системы¹⁹.

Вето главы государства было преодолено депутатами и сенаторами от ЧСДП и ГДП, однако президент обратился в Конституционный суд, который 24 января 2001 г. отменил почти все положения избирательной реформы – как не соответствующие Основному закону республики. Это событие стало сильнейшим ударом по «оппозиционно-договорной» системе, которая в значительной степени лишилась смысла, поскольку отныне не могла обеспечить двум крупнейшим партиям постепенный переход к фактической двухпартийности, что являлось стратегической целью соглашения между ЧСДП и ГДП. Вдобавок повторное утверждение нового закона о выборах в парламенте (пусть даже в видоизмененном виде) стало невозможным после того, как на очередных выборах в Сенат (ноябрь 2000 г.) большинство мест завоевала «коалиция четырех».

Таким образом, в конце 2000 – начале 2001 г. «оппозиционно-договорная» система вступила в стадию упадка, что было обусловлено, впрочем, не только крахом избирательной реформы, задуманной двумя крупнейшими партиями, но и внутренними изменениями в самих этих партиях, прежде всего в ЧСДП. На XXX съезде социал-демократов весной 2001 г. добровольно ушел в отставку многолетний лидер ЧСДП М. Земан. Его преемник В. Шпидла не во всем разделял прагматичные взгляды своего предшественника и не раз подвергал критике соглашение с ГДП как не соответствующее программным целям партии и интересам социал-демократов. Стратегия В. Шпидлы оказалась оправ-

данной: декларированное новым лидером «полевение» ЧСДП, до поры до времени почти не отразившееся на правительственном курсе, тем не менее придало роста ее популярности и возвратило к социал-демократам определенную часть избирателей, разочаровавшихся в них после «оппозиционного договора».

Укреплению позиций ЧСДП способствовали и объективные обстоятельства: начиная с 2000 г. в чешской экономике наблюдается стабильный рост, снижается безработица, возрос приток иностранных инвестиций – все эти позитивные явления естественным образом ассоциировались в массовом сознании с правлением социал-демократов. Негативные последствия политики ЧСДП – резкий рост государственных расходов и дефицита бюджета – пока не отразились на жизненном уровне большинства населения, поэтому в рассматриваемый период практически не оказали влияния на политическую обстановку в стране. Уровень популярности правительства, составлявший в конце 1999 г. лишь 17%, к весне 2001 г. перевалил за 40%²⁰. Таким образом, ЧСДП неожиданно начала извлекать выгоду из «оппозиционно-договорной» системы: положение правящей партии позволяло ей присвоить себе лавры победителей, выведших страну из кризиса второй половины 1990-х годов.

Напротив, ГДП вопреки тому, что в 1998–2001 гг. ей во многом удалось диктовать социал-демократическим партнерам свои условия, приобрела в массовом сознании имидж «вечно недовольной» оппозиции, которая к тому же слишком медленно реагирует на меняющуюся обстановку в обществе и не обладает необходимой для современной партии способностью к самообновлению. Оппоненты ГДП подвергли ее критике за недостаток объективного анализа деятельности партии в 1990-е годы, за неоправданные надежды на ее «усталого вождя» – Вацлава Клауса, который «сегодня не предлагает уже ничего нового»²¹.

Таким образом, расхождения между партиями-партнерами приобрели по объективным и субъективным причинам все более глубокий характер. По мере приближения парламентских выборов 2002 г. это становилось очевидным. Для социал-демократов «оппозиционный договор» перестал быть опорой правительства в парламенте. Более того, теперь в нем видим обман, так как среди руководства ЧСДП с ростом популярности партии крепились надежды на убедительную победу на выборах, которая позволила бы им сформировать новое правительство самостоятельно или с помощью партий, более близких, чем гражданские демократы, к ЧСДП с программно-идеологической точки зрения. Дополнительным аргументом в пользу подобной тактики стал и глубокий

кризис в рядах «коалиции четырех», связанный с финансовыми скандалами и внутренними противоречиями. К весне 2002 г. «коалиция» практически утратила шансы выиграть выборы.

Основная предвыборная борьба вновь, как в 1996 и 1998 гг., развернулась между ЧСДП и ГДП. Несмотря на недовольство заметной части общества «оппозиционным договором», социал-демократы и гражданские демократы по-прежнему выражали волю наиболее значительных групп избирателей, обладали по сравнению с другими политическими силами более развитой организационной структурой, позволяющей проводить широкомасштабные агитационные кампании и т. д.

В условиях предвыборной борьбы сохранение оппозиционного договора становилось излишним. 26 апреля 2002 г. В. Шпидла направил В. Клаусу письмо с предложением «обсудить процедуру окончания договора между нашими партиями ко дню выборов в палату депутатов». В противном случае в соответствии с решением ЦИК ЧСДП от 6 апреля партия «считает для себя действие Договора о политической стабильности ограниченным днем парламентских выборов»²². Руководство гражданских демократов согласилось с прекращением действия договора сразу после выборов.

На парламентских выборах, состоявшихся в июне 2002 г., победу одержала ЧСДП, но набранных ею голосов не хватило для формирования однопартийного кабинета. В. Шпидле удалось сформировать коалицию с христианскими демократами и Унией свободы, однако эта коалиция располагает минимальным большинством в палате депутатов – 101 место из 200.

* * *

«Оппозиционный договор» между ЧСДП и ГДП явился сугубо тактическим соглашением, которое не устранило и не могло устранить как глубоких противоречий между двумя партиями, так и недостатков существующей политической системы, преодолеть недоверие к ней общества. Договор только усугубил рост противоречий между политической элитой и гражданским обществом. Он не достиг своей цели, с одной стороны, из-за противодействия противников (президент, «коалиция четырех»), а с другой – вследствие изменения политической тактики социал-демократов и отказа ЧСДП от его соблюдения. Вместе с тем соглашение между ЧСДП и ГДП, действовавшее в течение четырех лет, свидетельствует об умении ведущих чешских политиков добиваться эф-

фактивных компромиссов в интересах стабилизации политической системы Чешской республики.

Примечания

- ¹ Результаты выборов приведены по: *Statistická ročenka České republiky za rok 1998*. Praha, 1999. S. 576–577.
- ² *Lidové noviny*. 1998. 6. VII.
- ³ Текст «опозиционного договора» цит. по: *Česká strana sociálně demokratická.– Běžný archiv*. 1998/07. *Opoziční smlouva*.
- ⁴ *Mlada fronta dnes*. 1998. 10. VII.
- ⁵ *Čulík J.* Jak získávají politické strany v českém prostředí od pádu komunismu volební legitimitu? // *Britské listy*. 2000. 23. XI.
- ⁶ *Ibidem*. Ср.: *Лимичек V.* Proč byla opoziční smlouva špatná již od počátku // *Proglas*. 2000. Č. 1. S. 4–6.
- ⁷ *Novák M.* Opoziční smlouva – nový prvek politického systému // *Politologický časopis*. 1998. Č. 4. S. 464.
- ⁸ См.: *Strmiska M.* The Czech Multipartism in the Late 1990s – Some remarks // *Středoevropské politické studie*. 2000. Č. 2. Sv. 2. S. 4–8.
- ⁹ *Žadoucí je člověk zásadový a konsensuální. Rozhovor s prezidentem republiky Václavem Havlem // Přítomnost. Politický a kulturní čtvrtletník*. 2001. Č. 1. S. 13–15.
- ¹⁰ Текст Святовацлавского соглашения см.: *Lidové noviny*. 2000. 29. IX.
- ¹¹ *Pehe J.* Impuls 99 v kontextu současného politického vývoje // *Respekt*. 2000. 20. III.
- ¹² *Pehe J.* A Year of Stagnation // *The New Presence*. 1999. № 12.
- ¹³ *Mueller K.* Češi a občanská společnost // *Politologická revue*. 2001. Č. 2. S. 28.
- ¹⁴ *Hornung K.* Totální stranická stěta v krizi, pomůže více přímé demokracie // *Střední Evropa*. 2000. Č. 98. S. 35.
- ¹⁵ *Machonin P.* Vývoj sociální struktury české společnosti 1988–1999 // *Bilance a výhledy středu Evropy na prahu 21. století*. Brno, 2000. S. 218.
- ¹⁶ *Radio Free Europe / Radio Liberty. Czech edition. Newslines*. 1999. 16. XII.
- ¹⁷ *Klaus V.* Země, kde se již dva roky nevládne. Praha, 1999. S. 15.
- ¹⁸ *Klnta M.* Volební reforma v České republice v letech 1998–2000 // *Politologický časopis*. 2000. Č. 3. S. 6.
- ¹⁹ *Filip J.* Volební zákon, nedostatky návrhu a chaotičnost jeho přípravy // *Parlamentní zpravodaj*. 2000. Č. 5. S. 29.
- ²⁰ *Kabinetní hříchy i úspěchy // Hospodářské noviny*. 2002. 26. VI.
- ²¹ *Tyden*. 2001. Č. 44. S. 74.
- ²² *Dopis předsedy ČSSD V. Špidly předsedovi ODS V. Klausovi // Česká strana sociálně demokratická. Elektronický archiv* <http://www.socdem.cz/vismo/dokumenty2>.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И.Н. Прокофьева

Баллада «Миорица» в истории румынской литературы XIX–XX веков (предварительные замечания)

«Une chose sainte et touchante a fendre le coeur»^{*}

Жюль Мишле

«“Миорица” – баллада, перед которой Время робеет»

Ион Друцэ¹

Три пастуха с старыми спускаются с гор в долину; волшебная овечка («миорица») рассказывает младшему из них, что двое других собираются убить его на закате солнца; юноша просит похоронить себя в загоне для овец, а матери передать, что он женился. Вот, собственно, и все содержание знаменитой баллады «Миорица».

Как неподражаемое произведение устного народного творчества и выдающийся памятник румынской поэзии «Миорица» занимает исключительное место в истории мировой литературы. Она и по сей день живет и исполняется в народной среде. Исследователи располагают ныне более чем сотней ее записанных народных редакций. Причем, эти редакции бытуют не только в Румынии, но отмечены и в других балканских странах. Впервые баллада была опубликована в 1852 г. по собственной записи выдающимся румынским поэтом Василе Александри в сборнике «Народные баллады» (старинные песни). Вскоре, благодаря переводу на французский язык, сделанному Ж. Мишле в 1854 г., она стала известна европейскому читателю. Публикация сборника Василе Александри имела даже политическое значение. На исходе Крымской войны он был использован для подтверждения самобытности и духовной зрелости румынского народа во время подготовки к Парижской мирной конференции 1856 г., которая, в частности, должна была решить судьбу Дунайских княжеств. Издание «Миорицы», подготовлен-

^{*} Священное, потрясающее душу творение (фр.).

ное Василе Александри, до сих пор порождает среди исследователей дискуссии о том, в какой степени исходный текст был поэтически обработан публикатором.

Однако несомненно, что «Миорица» является выдающимся и весьма древним по происхождению произведением народной поэзии в самом высоком значении этого понятия. При всей видимой простоте сюжета, в ней есть нечто, что заставило Алеко Руссо – одного из самых крупных румынских литераторов XIX в. – утверждать, что «Вергилий и Овидий почли бы за честь, если бы из-под их пера вышло это поэтическое чудо». Ему вторил другой известный румынский писатель Д. Болинтиняну: «Анакреон и Сафо позавидовали бы автору «Миорицы»».

Для человека, незнакомого с румынской культурой, подобные утверждения, ставящие безымянных творцов небольшой баллады в ряд с величайшими именами мировой поэзии, могут прозвучать неожиданно. Но далеко не одни румыны столь высоко оценивали «Миорицу». Баллада известна всему литературному миру. Маленький шедевр уже полтора века, со времени Ж. Мишле, очаровывает самых изысканных ценителей поэзии. «Это одно из самых прекрасных поэтических произведений, которые только существуют», – пишет испанский литературовед Кортес. Одним из «величайших произведений мировой литературы» назвал «Миорицу» немецкий ученый Спитцер. Итальянец Оргис считает, что баллада «не имеет прецедента в литературе других народов».

«Pe-un picior de plai, Pe o gură de rai» (У подножья горы, в райской стороне) пастухи сговариваются убить своего спутника – юношу, прекрасного душой и телом, имеющего «более гордых и красивых» овец, более «умных» лошадей, более «храбрых» собак. Драма разворачивается вне конкретного времени и пространства – где-то в горах. Горный пейзаж райской красоты, будучи привычной формулой румынского фольклора, в данном случае усиливает ощущение вневременности, невольно возвращая мысль к библейскому первоубийству, совершившемуся также вблизи потерянного рая. Как и кроткий Авель, молодой пастух становится жертвой зависти, правда, зависти корыстной, именно такой мотив присутствует в большинстве вариантов баллады. Однако убийство ради завладения чужим стадом – это, возможно, лишь внешняя сторона сюжета.

Существует мнение, высказанное румынскими критиками еще в XIX в., опирающееся на авторитет Мирчи Элиаде и поддерживаемое некоторыми российскими специалистами (М.В. Фридман, Т.В. Цивьян), что в основе «Миорицы», в сокровенных глубинах ее текста, лежит па-

мять о древней, языческой практике сакрального жертвоприношения, когда в жертву богам, для прекращения других убийств, приносились человеческие жертвы². Как известно, для этого выбирались самые лучшие представители племени, часто девственники. Действительно ли заложен в «Миорицу» данный архаический пласт, пока никем с определенностью не доказано. Но девственность юноши, его покорность судьбе, аналогия его образа с образом овечки как жертвенного животного, существование трансильванских вариантов «Миорицы», в которых убийство носит осязаемый сакральный характер, действительно, могут говорить о присутствии в тексте образа древнего языческого жертвоприношения.

Однако с не меньшей степенью вероятности тему «жертвы» в балладе можно соотнести и с христианской традицией, с присущими той каноническими типами «добротного Пастыря» и Его «овец». Интересно, что существуют колядочные варианты «Миорицы», в которых образ пастуха в народном сознании сливается с образом Христа, а образ матери, ищущей своего сына, с образом Богородицы. Скорее всего, в «Миорице» мы имеем дело с поразительным синтезом дохристианских и христианских пластов фольклорного сознания.

Непротавление судьбе характеризует отношение героя баллады к грозящей смерти. Юный пастух не пытается следовать совету преданной ему овечки бежать в горы, не собирается сопротивляться, не жалуется на вероломство собратьев, не молит о пощаде. «Dacă am să mor...» (Если мне суждено умереть), – только и говорит он, сразу же делая распоряжения о месте и способе своего погребения. Такое поведение героя по-разному интерпретировалось исследователями. Еще Ж. Мишле поражаюсь пассивности юноши, считая его отношение к смерти фатализмом и одновременно отражением слабости национального румынского характера со свойственной тому безвольностью, неспособностью к борьбе. В ответ румынские критики на исторических и литературных примерах пытались доказать, что румынский народ – потомок мужественных даков, с одной стороны, и древних римлян, с другой – не уступает в героизме прочим народам. Спокойствие, почти величие героя баллады перед лицом смерти, утверждали они, свидетельствует не о рабской покорности судьбе, а наоборот, – о мужестве и внутреннем достоинстве. Поклонники «дакийского субстрата» много писали, что в балладе изображено свойственное древним дакам презрение к смерти. Рационалистическая критика (в том числе в коммунистической Румынии) восхищалась отраженной в балладе народной мудростью, смирением перед неизбежным законом жизни. Критика мистического направления уви-

дела в «Миорице» стремление к смерти как растворению в мироздании. Толкование баллады с точки зрения христианского мировоззрения предполагает смиренную преданность молодого пастуха божественному промыслу. Однако сугубо христианское прочтение оказывается весьма затруднительным, ибо текст «Миорицы» содержит элементы дохристианского, мифологического сознания.

Само убийство в балладе не изображается. Ее венчает картина «свадьбы» героя, о которой он просит овечку рассказать остальному стаду и, с небольшими изменениями, матери. Величественная картина посмертной свадьбы со смертью, или с судьбой, в безлюдии гор, не имеет себе равных в румынском фольклоре. Это мистерия, космическое действо, в котором участвует вся природа, земля и небесные светила. Солнце и луна держат венец над головой юноши, друзьями жениха становятся ели и клены, священниками – горы, музыкантами – птицы, свечами – звезды. Свадьба совершается там же, «в райской стороне». Невеста – смерть в первом описании «гордая царица, владычица мира», во втором – просто некая «царская дочь». На свадьбе падает звезда, о чем юноша просит сообщить овцам, но не говорить матери, ибо материнское сердце сразу поймет все: «*Că la nunta mea / A căzut o stea*». Это падение звезды, по народной примете предсказывающее несчастье, обычно чью-то смерть («душа закатилась»), художественно точно предназначено для усиления у читателя (слушателя) чувства пронзительной («потрясающей душу») жалости к безвременно погибающему юноше, не дожившему до определенного большинству людей брачного торжества, так и не вкусившему обычных земных радостей.

Образ «миоритической свадьбы» долгое время поражал читателей и исследователей своей необыкновенной, казалось, неизвестно откуда взявшейся красотой. Только в середине XX в., когда были предприняты этнографические изыскания по всей территории Румынии, было обнаружено, что во многих уголках страны существует (практикуемый и в других, как восточноевропейских, так и западноевропейских странах) особый, очень красивый, уходящий корнями в архаику, но признанный церковью, обряд погребения неженатых юношей и незамужних девушек. Цель его заключалась в том, чтобы и у них, лишенных судьбой общего для всех людей порядка земной жизни, «была своя свадьба». Казалось, найден ключ к «Миорице». Но чисто этнографическое толкование баллады, которым увлеклись многие исследователи, допустимо только в известных пределах, ибо размах «миоритической свадьбы», ее поэтическое величие обладают неизмеримо большей смысловой глубиной, чем

самый прекрасный обряд, примеры которого в подробностях приводит в своей монографии о «Миорице» А. Фоки⁸.

Говоря о художественной структуре «Миорицы», следует отметить, что баллада представляет собой неподдающийся однозначному толкованию, но поэтически прекрасный симбиоз народного (возможно, весьма архаического) представления о предначертанной свыше судьбе и чувства органичного единения со всей живой и неживой природой; мифологического представления о посмертном существовании (и связанных с этим особых ритуальных действиях) и христианского (точнее, православно-византийского) восприятия мироздания.

Будучи одной из самых любимых народом баллад, существующей в сотнях местных вариантов, которую в течение нескольких веков пели и до сих пор поют румынские пастухи, не вникающие, по-видимому, в ее символику и мифопоэтический подтекст, «Миорица» буквально вскружила голову множеству обращавшихся к ней ученых как в Румынии, так и в других странах Европы, а также в США. «Миорице» посвящено большое количество подробных и разносторонних исследований. Можно сказать, что к концу XX в. сложилась своего рода отрасль литературоведения – «миорицеведение», «Mioritzaforschung». Слава баллады среди знатоков мировой литературы столь велика, что некоторые любители поэзии берутся за изучение румынского языка исключительно для того, чтобы прочитать этот маленький шедевр в оригинале.

С момента первой публикации «Миорицы» в 1852 г. стало очевидно, что баллада нечто гораздо большее, чем просто яркое явление фольклора. Слишком большой глубиной обладает текст, слишком много смысловых пластов скрывается за видимой его простотой. Данное коллективное творение румынского народа в концентрированном виде вместило в себя народные представления о мире, о человеческой судьбе, о жизни и о смерти. Это своего рода румынская «модель мира», ключ к пониманию румынской культуры, квинтэссенция румынской души, чистейшее выражение румынского поэтического гения.

Как известно, фольклор, это в течение веков мало смыкающееся с книжной литературой национальное сокровище, был «открыт» и оценен в период романтизма. Его начало в Румынии относится к концу 1840-х годов, когда, следуя заветам И.Г. Гердера, румынские поэты, прежде всего Василе Александри и Алеко Руссо, отправляются бродить по румынским горам и долам для сбора народных песен, легенд и преданий. К тому времени у многих европейских литератур уже были свои знаменитые сборники национального фольклора. Однако, когда

у «всеми забытого» на «окраине Европы» народа в 1852–1854 гг. вдруг появляется свой сборник народной поэзии, он становится значительным событием в европейской литературной жизни.

«В странах древней культуры, – пишет известный румынский критик Г. Ибраэиану, – народное творчество уступает литературе письменной и в количественном, и в качественном отношении. У нас дело обстоит иначе. Письменная литература уступает творчеству народному в количестве и, за небольшим исключением, в качестве. Взять, например, “Миорицу”. Можно сказать, что ни один румынский поэт еще не создал ничего более совершенного»⁴. Критик высказывает также мысль, которая может показаться невероятной: «Кошбук, безусловно, поднимается до уровня народной поэзии, Эминеску, возможно, до уровня “Миорицы”»⁵.

* * *

«Теперь я вижу, как далеки мы, я и пастух из древней баллады, от варварства цивилизации»

Михаил Садовяну

Основные споры о «Миорице», иногда чисто идеологического характера, разгорелись в первой половине XX в., особенно в межвоенный период. По сути дела это были споры о национальном пути, об извечной румынской дилемме между традиционализмом и модернизмом.

По-настоящему глубоко, с поразительной творческой перспективой, восприняли «Миорицу» два выдающихся сына Румынии, один из них поэт и философ Лучиан Блага, другой – «румынский Гомер», прозаик, романист Михаил Садовяну.

В своей знаменитой «Трилогии культуры» Лучиан Блага создает философское (точнее, философско-поэтическое) понятие «миоритическое пространство», ставшее общеупотребительным в современном румынском литературоведении. Каждый народ, считает Блага, имеет свой духовный горизонт, на подсознательном уровне, таинственным образом рожденный из горизонта видимого, из исконного, родного пейзажа или рельефа, из многовековых повторяющихся перемещений в пространстве. Духовный горизонт каждого народа – это свое, национальное, чаще всего подсознательное, ощущение бытия и ощущение судьбы. Румынский духовный горизонт, по Благге, смыкается с «миоритическим пространством», воспетым в балладе «Миорица». Это мир «волнообразной бесконечности», связанный с румынским горным рельефом, состоящий

из бесконечно повторяющихся восхождений в горы и нисхождений в долины, что создает и особое ощущение восхождений и нисхождений судьбы. Этот духовный горизонт связан с главным занятием румынского крестьянина – пастушеством, когда стада перегонялись с зимних пастбищ на летние, и так из года в год, из века в век, в молчании гор, под открытым небом, часто в одиночестве, в отрыве от семьи, но в живой близости к природе.

В «миоритическом пространстве», как рассуждает по поводу этого в целом довольно сложного и трудноопределимого понятия М.В. Фридман, «слиты воедино географическое положение, рельеф (горный, холмистый), природа, история, социо- и этнокультурное развитие, менталитет и т. д.»⁶ Это пространство, по выражению Благи, «матрица» румынской духовности, пространственный горизонт, с которым «сомкнулась изначально древняя румынская душа; пространство, о котором мы храним в уголке тоскующей души смутное райское воспоминание, хотя давно уже не обитаем на склонах гор». Здесь сосредоточена румынская народная душа, с ее целостным восприятием мира и врожденным чувством прекрасного. Это часто «мифологизированное» пространство, в котором хранятся, живут, умирают, возрождаются национальные мифы, народные поверья, легенды и предрассудки, причудливые поэтические образы. В нем заключена сложная смесь архаичных дохристианских пластов сознания и средневекового, укорененного в православии, мировосприятия.

Понятие «миоритического пространства», как бы вмещающее в себя всю совокупность национального менталитета, оказалось не только очень глубоким и емким, но и практичным. Так, достаточно сказать «миоритический человек», «миоритический пейзаж», «миоритическая трава» и т. п. и становится в принципе понятным, о чем идет речь.

Образ молодого пастуха «Миорицы», его единение со всей природой, с животными, горами, птицами, небесными светилами, его спокойное и смиренное принятие смерти, его «свадьба», ставшая величественной мистерией, растворением в мироздании, – все это не могло не поразить воображение Михаила Садовяну, который как никто любил и как никто воспел нетронутую цивилизацией красоту румынских гор и долин и нетронутую красоту души румынского крестьянина.

«Миорица» была любимым произведением Садовяну, чем-то очень сокровенно дорогим для него. Возможно, такое влечение к балладе было «генетически» заложено в нем, ведь его рано умершая мать была уроженкой «миоритического» мира. Садовяну много писал о «Миорице»,

до последних дней своей творческой судьбы жил вместе с нею. Один из самых лучших его романов «Чекан» – это его собственная «Миорица», в которой он, «перелицовывая» сюжет любимой баллады, по словам М.В. Фридмана, «осуществляет своеобразный симбиоз истории и метаистории, знаков Времени и символов Вечности»⁷. Это книга трагической судьбы. Угрожая физически расправиться с писателем за его активную антифашистскую деятельность, его книгу жгли на площадях фашистские легионеры. Ему присылали по почте экземпляры романа, разрубленные на куски топором. Последний, неоконченный роман Садовяну тоже связан с «Миорицей», он даже так и называется «Песня миорицы». Это роман о человеке «миоритического» типа, о таинственной, безмолвной жизни в горах, вдали от развращенной цивилизации, которую все больше и больше отторгала душа великого писателя.

«Зрение, слух и улыбка древних пастухов» всю жизнь мерещились ему, потомку горных чабанов по материнской линии, сквозь суету, бездуховность и жестокость современности. Вспоминая рассказы матери о духовном мире дедов, Садовяну признавался, что уже в свои ранние годы, когда матери не стало, «старики» стали для него «дороже всего на свете». Мудрость предков, народную духовность, «старую правду» зрелый Садовяну считал единственным спасением от зол современности, а в народной поэзии видел величайшее сокровище национальной культуры.

«Среди суетных и преходящих явлений в истории человечества, – пишет он, – одно искусство рассеивает туман веков. Безграничные амбиции, славные войны, богатые империи – все кануло прахом в темную могилу. А душа народа, воплощенная в произведениях искусства... еще долго сияет сквозь суету, подобно свету потухшей звезды. Из всего того, чем жили наши предки, и из того, чем живем мы, быть может, ничего не останется в будущем тысячелетии нашим потомкам, кроме нескольких изящных строк... отразивших нашу душу».

К таким «изящным строкам» Садовяну, конечно, относил балладу «Миорица», которая, по его словам, «в своей поэтической красоте и трогательности поднялась так высоко, что мы вправе спросить себя, существует ли что-либо подобное в других народных литературах, более того, можно ли в письменной литературе найти столь гармоничное и высоко поэтичное стихотворение... Вспомните эти простые строки. Послушайте, как мягко звенят они в осенних сумерках, на склоне горы, под глубоким небом... Я осмеливаюсь напомнить вам это неторопливое начало:

Pe-un picior de plai,
Pe-o gură de rai...

Вспомните эту несравненную аллегорическую смерть – врага человека – в одежде улыбающейся невесты... Гармония формы и содержания здесь совершенно поразительна, кажется, что мы имеем дело с произведением великого мастера звуков и рифмы. А это глубокое чувство природы, в любви которой словно растворяется пастух-молдаванин? А эта покорность судьбе, столь трогательная и столь характерная для нас? Для анонимного поэта смерть – это возвращение в прах, из которого создан был человек; неизбежность, которую он принимает мужественно, спокойно и смиренно. Во всей своей структуре эта уникальная баллада столь совершенна ... что я считаю ее самым благородным поэтическим проявлением нашего народа»⁸.

Творческие судьбы Благи и Садовяну, восприятие их произведений, озаренных сиянием «Миорицы», позволяют задаться рядом вопросов. Почему творения Благи, создавшего понятие «миоритического пространства», независимо от намерений поэта, стали «ориентиром» для самых реакционных сил в румынской культуре межвоенного периода? Почему романы Садовяну, воспевавшего в замечательных романах и повестях названное «пространство» и его обитателей, удостоились всяческой поддержки со стороны «просвещенных европеизаторов» и лютой ненависти фашистских идеологов и «отрядов смерти»? Ответ на эти и многие другие вопросы, связанные с судьбой «Миорицы» в истории румынской литературы, позволит глубже осмыслить сущность самобытной культуры румынского народа и его духовных исканий.

«Миорицу» поют в Румынии и в наше время. Она и сейчас существует в бесчисленных вариантах. «Миорица», по словам А. Фоки, «это живой и сложный художественный процесс, который разворачивается во времени и пространстве». Древняя народная баллада и сегодня волнует, восхищает, интригует, влюбляет в себя и простых людей, и людей высокообразованных. «Ученые всех родов, писатели и поэты, художники и музыканты, каждый средствами своего ремесла... пытались (и пытаются. – И.П.) расшифровать ее смысл и проникнуть в секрет ее невыразимой красоты», – пишет А. Фоки⁹. «Миоритический пастух» продолжает жить своей собственной жизнью, став символом, своего рода «харизматическим» персонажем, то тут, то там появляющимся на просторах румынской культуры. Мирча Элиаде пишет целое исследование «L'agnelle voyante», известные румынские поэты Дан Бота и Николае Лабиш посвящают «Миорице» поэмы, драматург Валериу Аняния выступает с драмой «Миорица», молдавский прозаик и драматург Ион Друцэ работает над проектом посвященного балладе памятника на берегах Днестра.

Развивая многогранные интернациональные традиции в изучении знаменитой баллады, российские исследователи могли бы собрать хотя бы часть богатейшего фактического материала, осмыслить роль «Миорицы» в румынской культуре. Другой задачей могло бы стать изучение баллады в общебалканском и общеевропейском контексте, чтобы показать как в ней, словно в зеркале, отражена румынская душа, румынский дух, румынский менталитет и тем способствовать лучшему и более глубокому пониманию братской культуры.

Примечания

¹ *Druță I. Ora jertfirii. Chișinău, 1998. P. 41.*

² *Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 187–192.*

³ *Fochi A. Miorița. Tipologie, circulație, geneză, texte. București, 1964. P. 491–530.*

⁴ *Frumosul românesc în concepția și viziunea poporului. București, 1977. P. 239.*

⁵ *Ibid. P. 242.*

⁶ *Фридман М.В. Воплощение мифологически-фольклорной модели «миоритического пространства» в исторических произведениях Лучиана Благи и Михаила Садовяну // Творчество Иво Андрича. М., 1992. С. 25.*

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Цит. по: *Frumosul românesc în concepția și viziunea poporului. P. 243–247.*

⁹ *Fochi A. Op. cit. P. 125.*

Сборник стихов Йозефа Горы «Твой голос» (К вопросу об идейно-эстетических исканиях поэта)

Йозеф Гора (1891–1945) – один из крупнейших чешских поэтов XX в. Однако специальных работ о нем в отечественной богемистике практически нет. В посвященной чешской поэзии литературной критике его ставят в один ряд с такими выдающимися мастерами слова, как Ярослав Сейферт, Витезслав Незвал, Франтишек Галас.

Йозеф Гора обрел известность в самом начале 1920-х годов как представитель пролетарской поэзии, скоро уступившей свое место «чешскому поэтизму». Это авангардное течение увлекло многих молодых поэтов идеями дейдеологизации искусства и атмосферой творческих поисков. Однако, восприняв формальные импульсы «поэтизма», Гора оставался на позициях революционно-пролетарской литературы. В конце упомянутого десятилетия в его творчестве назревает перелом. Он оказывается на пороге поиска собственного пути в искусстве. В этом смысле творческие искания Горы совпали с устремлениями Сейферта, Незвала, Галаса, разочаровавшихся к тому времени и в пролетарской поэзии, и в «поэтизме». Можно сказать, что чешская поэзия дифференцировалась не по творческим направлениям, а по индивидуальностям, когда творчество каждого выдающегося поэта знаменовало собой целое поэтическое направление.

В этом литературном контексте увидел свет сборник Й. Горы «Tvůj hlas» (Твой голос – 1930). В нем нашли отражение изменения художественной позиции автора и общие перемены, произошедшие в мировоззрении и творчестве многих молодых писателей. За ним последовали стихотворные сборники: «Tonoucí stíny» (Тонущие тени – 1933), «Dvě minuty ticha» (Две минуты тишины – 1934), «Tiché poselství» (Тихое пришествие – 1936), «Machovské variace» (Маховские вариации – 1936), в которых получили развитие новые мотивы в творчестве поэта. Находивший источник вдохновения в моло-

дой советской культуре, глубоко впитавший дух пролетарской поэзии Гора вместе с тем освобождался от ее закостенелых канонов.

Это нашло отражение в рассматриваемом сборнике 1930 г., в котором автор интересным образом трансформирует характерные черты пролетарской поэзии. Поэт решительно отказывается от «коллективного» подхода в изображении действительности, заменяя типичную антитезу «я – мы» поэтическим «я». Если раньше Гора стремился изобразить мир сквозь призму коллективного восприятия (рабочих, детей или участников демонстраций), теряясь как субъект в определенной социальной группе, то теперь он погружается в глубины своего «я».

Изменился у Горы и подход к изображению действительности. На место непосредственного изображения общественно значимых событий (демонстраций, забастовок, сцен войны) приходит самовыражение, преломляя все окружающее через субъективные ощущения. Поэтическая рефлексия заметна, в частности, в изображении природы, наделяемой зачастую антропоморфными чертами.

Новая для творчества Й. Горы трактовка лирического героя и изображаемой действительности соответственно влекла за собой перемены и в функции стихов. Они уже не предназначены для того, чтобы удивлять, призывать, «кричать». Поэтический строй стихотворений Горы теряет элемент неожиданности, приобретает традиционные, «правильные» формы.

В сборнике «Твой голос» автор дает оценку своему прошлому мировоззрению, которое с 1920 по 1927–1928 гг. связывало его с пролетарским искусством. Новый сборник отражает идейный кризис Горы, вызванный утратой веры в революционную перспективу, что побуждает поэта переосмыслить свое прошлое. В стихотворении «Город»¹ мы встречаем прямые ссылки на его предыдущие сборники: *Tiše jdou hodinu po hodině ulicemi prascující dnu* (Тихо по улицам час за часом идут рабочие дни) – ссылка на первый в истории чешской пролетарской поэзии сборник 1920 г. «Рабочий день»; *na bouřlivá křídla svá tě vzal* (на мятежные крылья он тебя взял) – ссылка на сборники *Bouřlivé jaro* «Мятежная весна» (1923) и *Mít křídla* «Обладая крыльями» (1928).

Настроения сборника «Твой голос» пессимистичны, но одновременно в нем нашли отражение и новые творческие ориентиры автора. В стихотворении «Красные тени» образ затонувшего корабля символизирует расставание поэта и части чешской интеллигенции с идейными устремлениями 1920-х годов. Нынешнее время (период написания сборника) охарактеризовано как зеленая глуть, дно, на котором утопленники и мол-

чание. Само название стихотворения «Красные тени» говорит о том, что «красное» пролетарское искусство превратилось в тень, в нечто зыбкое и ускользающее. После литературных «взрывов» пролетарской поэзии и «поэтизма» наступает период затишья и неопределенности: «Jsme na dně, slyš, a jdeme mlčením, v němž jako kouř se chvějí mrtvá slova» (Мы на дне и идем в молчании, в котором как дым курятся мертвые слова). Подобному молчанию, стагнации, мертвым утратившим смысл словам сопротивляется голос автора (отсюда и название сборника). По идее Горы «голос» должен «разорвать» нависшую тишину неопределенности. Стихотворение «Вы все» проникнуто ощущением конца:

Po zemi váli se dohraná naše hra,
Smích tváří, jež čas přišel podupat
Stěpy slov, jimž už neporozumím.

По земле клубится наша законченная игра,
Смех лиц, которые время пришло растоптать,
Обломки слов, которых нам уже не понять.

«Обломки слов, которых нам уже не понять», указывают на нечто ушедшее в историю, не имеющее права на существование. Необходимо также отметить, что частое упоминание о «мертвых словах», «обломках слов» свидетельствует об ощущении автором ограниченности влияния литературы на жизнь, невозможности с ее помощью изменить мир, «недейственности» литературы. Гора понимает, что невозможного в реальном мире поэтического идеала – абсолюта – можно достичь только в рамках художественного произведения. В стихотворении «Больные», навеянном воспоминаниями о пребывании автора в санатории в Карпатах, изображена лечебница на фоне цветущей природы. В основу его композиции легла антитеза: «горный пейзаж» – «санаторий», где горы символизируют жизненную силу природы, а санаторий – болезнь. Возможно, за этим противопоставлением кроется своеобразная авторская рефлексия – зыбкость, неустойчивость поэтического сознания Горы того периода. Для автора вечная природа, как источник поэтического вдохновения, только оттеняет переходящий эфемерный мир поэзии.

Настроениям стихотворений Горы, опубликованных в сборнике «Твой голос», созвучен увидевший свет в тот же период сборник Франтишека Галаса «Лицо». Для поэзии Галаса характерно внутренне противоречивое восприятие и отображение мира, что воплотилось как в эмоциональ-

ном настрое, так и в стилистике его стихотворений. Поэта отличала способность сочетать несочетаемое и обостренный интерес к личности, мятущейся в тисках сложных, часто неразрешимых религиозных, этических и социальных конфликтов. Например, стихотворение «Podzim»² насыщено словосочетаниями: hrdla sevřená (напряженные глотки), oči upřené (вперившийся взгляд), nová čekání úzkostná (новые тревожные ожидания), husy o plot lámou křídla (гуси о частокол ломают крылья). Приведем отрывок из стихотворения «Odpověď», которое характерно для общего поэтического настроения всего сборника.

Přes šepot tvůj
Smrt ke mně hovoř
To pokoří
Chci naslouchat jí
A vyzvědět jen
Proč každý patří jí
A zda jsme její sen.

А может быть, мы ее сон.
Шепотом твоим
смерть говорит мне:
«Не надо жаловаться,
лучше покориться».
Я хочу послушать ее
и узнать только,
почему каждый принадлежит ей.

В последней строке звучит мысль, что не смерть является человеку (что звучало бы обычно), а наоборот, человек появляется в воображении смерти. В стихотворении «Ticho», посвященном, кстати, Й. Горе, есть строчка: «Noc prozkoumává mne» (Ночь изучает меня), где субъект и объект вновь поменялись местами. Подобными средствами Галас иллюстрировал бессилие человека перед обстоятельствами, его пассивность, неспособность что-либо изменить.

Напрашивается также сравнение сборника Горы с лирикой Ярослава Сейферта. В 1930-е годы Сейферт выпустил два небольших сборника «Jablko z klína» (Яблоко с колен – 1931) и «Ruce Venušiny» (Руки Венеры – 1936). Опубликованные в них стихотворения были во многом созвучны

лирике Горы того периода. Приведем, по нашему мнению, одно из наиболее характерных стихотворений Сейферта из сборника 1931 г.:

V bezvětrí starých ran
V krajkový ctnostné špíny
Pod křídlem líných vran
Jež slétly do roviny

Žijí sny tesklivé
Mrtvý se dívá z hlíny
Do světla na živé
A na tančící stíny...

В безветрии старых ран
В кружевной добродетельной грязи
Под крылом ленивых ворон,
Что слетелись на равнине

Живут тоскливые сны,
Мертвый смотрит из глины
На мир живых
И на танцующие тени...

В стихах Й. Горы и Я. Сейферта мы видим сходный путь преодоления общего культурного кризиса рубежа 1920–1930-х годов, наиболее заметными чертами которого стал некий вакуум идей, отсутствие осознанных перспектив развития чешской литературы. На этом фоне поэтический сборник «Твой голос» воспринимается как значимое и характерное явление в творчестве Й. Горы и чешской литературы в целом.

Новаторство представленной в сборнике «Твой голос» лирики Горы нашло выражение и в ее образно-метафорической системе. Обратимся к стихотворению «Окно» и рассмотрим употребляемые в нем метафоры.

Otevřel jsem okno do tmy tekuté,
Hvězdy na mne stříkly se slavičím zpěvem.
Pamatuješ na tu tmou se slavičím zpěvem
V oné noci černé, husté, tekuté?

Я открыл окно в жидкую тьму,
 Звезды брызнули на меня соловьиной песней.
 Ты помнишь о той тьме с соловьиной песней
 В той ночи черной, густой и жидкой?

Основной мотив весенне-летней ночи характеризуется словосочетанием «жидкая тьма», где тьма воспринимается зрительно, а определение «жидкая» – выступает как осязаемый признак. «Тьму с соловьиной песней» можно воспринять на слух. В строке: «Вокруг меня как шаль обвился шум плотины» звук становится как будто осязаемым, благодаря глаголу «обвиться». Гора, одновременно соединяя, смешивая разные, чувственные восприятия, добивается целостного ощущения образа «тьмы». То же в образе «ночи»: «Звезды брызнули в меня соловьиной песней», где «звезды» герой видит, предикат «брызгать», скорее, соответствует осязанию, а обстоятельство «соловьиной песней» – восприятию на слух. С образом ночи тесно связана тема воспоминаний, когда память и сон органически соединены с реальностью.

С точки зрения особенностей образно-метафорической системы Й. Горы, заметное место принадлежит стихотворению «Где-то вдалеке», представляющему интегрированный образ весны и призрачных грез, мечтаний, которые поэт уже превозмог: «*Tím jarem, jehož není A jímž už dnes se cítíš přemožen*» (Той несуществующей весной чувствуешь себя переболевшим).

Někde v dálce už voní bezy.
 Někde v dálce už
 S klouboukem v ruce po zelené mezi
 Jde zamyšlený muž...

Где-то вдалеке уже пахнут сирени.
 Где-то вдалеке со шляпой в руке по зеленой
 Меже идет задумчивый человек.

Общий собирательный пейзаж дан в перспективе. Его изображение как бы строится на зрительном восприятии и ощущении: сирени и липа – пахнут, челн – шлепает, ветер – дует. Поэт не наблюдает природу со стороны как картинку, а находится внутри нее. Это подтверждают две последние строки, в которых задумчивый человек на фоне весны – сам автор, и далее:

A je to jenom obraz tvého těla,
Vzdálený chodec ten,
Do jehož vlasů mlha napršela.

Это лишь очертания тела твоего,
Далекий путник, в чьи волосы
Опустилась дождевая мгла.

Рассматривая сборник «Твой голос», нельзя не остановиться на мотивах времени и пространства. Интерес к ним у Горы возник не без влияния пролетарской культуры. Именно в ней существовало устойчивое стремление «победить» время и пространство, достичь космических пределов вселенной. Чуткость к категории времени и пространства Гора проявляет затем на протяжении всего творческого пути, постоянно их переосмысливая.

В сборнике «Струны на ветру» (1927) автор обращается ко времени как к брату: «Čas, bratr mého srdce» (время, брат сердца моего). Поэт «идет» в ногу со временем, которое отбивают кремлевские куранты в Москве. В этом случае время – друг, брат, товарищ поэта.

В цикле стихов «Десять лет» (1929) время предстает в футуристическом образе, оно «tesá v kamen pláč jepic, zahalujících zemi halucinacemi štěstí» (высекает из камня плач насекомых-однодневок, окутывающих землю галлюцинациями счастья). Здесь уже определенно звучит противоречие между бесконечным временем (вечностью мира) и его быстротечностью (бренностью всего сущего). Надо отметить, что стихотворения этого сборника по своей форме кардинально отличаются от других произведений Горы. Только здесь мы встречаем резкие, «рубленные» фразы, «тяжелый» синтаксис, фонетические диссонансы. Своеобразие поэтической формы очевидно свидетельствует об особом, этапном значении цикла стихов «Десять лет», на что указывает и само название. Десятилетие творчества во многих отношениях стало переломной вехой в жизни поэта И. Горы. Поэтому время играет роль «злого комедианта» в «театре мира», где каждый человек не более чем зритель.

Постепенно время для Горы становится неуловимым и непознаваемым чудом. Объективное, историческое время трансформируется в субъективное:

Prchává chvíle vsehómíra,
jež můj jsi zář a můj jsi led,

jež umíráš jak všechno zmirá
 v řezavém listopadu let.
 Vše bylo v tobě, všim jsem byl,
 vždy jenom tebou, chvíle chvil,
 stokrát jsem zemřel a vždy znova
 v tvém loži jsem se proudivl
 závratnou mocí tvého slova,
 sestoupila z nebes chvíle chvil.

Мимолетное мгновение вселенной,
 ты моя страсть и погибель,
 ты умираешь, как все умирает
 в рыжем листопаде лет.
 Ты было всем, я был всем,
 подобно тебе, мгновение мгновений,
 я сто раз умирал и всегда снова
 в твоём ложе воскресал.
 И внемя безумной силе твоих молитв,
 сошло с небес мгновение мгновений.

(«Мимолетное мгновение»

из сборника «Две минуты тишины»³)

В сборнике «Твой голос» присутствуют два вида времени: а) время реальное, непрерывное, течение которого остановить невозможно, что можно условно определить как время объективное; б) время, ход которого задан автором. Время во втором значении – время души, где все прожитое, в отличие от реального времени, не умирает, а продолжает жить и обладает жизненной полнотой и красотой. Мир души, живущий в метафизическом субъективном времени, противостоит миру реальному в реальном времени. Объективное время выражают глаголы агрессивного, разрушительного действия (разрушать, стирать, атаковать, ломать, пожирать, проглатывать и др.). Субъективное время охарактеризовано глаголами со значением размеренного, спокойного действия (литься, протекать, пересыпаться, кружиться). Отличительная черта субъективного времени, в сравнении с объективным, – его обратимость. Субъективное время обратимо в том смысле, что прошлое, настоящее и будущее сложно переплетаются в человеческом сознании. В субъективном времени события прошлого и настоящего накладываются друг на друга.

У Горы мы найдем широкий диапазон указаний на субъективные свойства времени. Оно персонифицируется, обретает субъективные свойства лирического героя, становится средством передачи настроений автора – «Krok i čas jde mlčením dál» (Шаги и время идут в молчании дальше); «a příčinnivý čas nad rovinami bloudí» (усердное время заблудилось в долине); «usmívaíící se čas obléká se na neděli» (смеющееся время по воскресеньям наряжается); «Tančící chvíle v šatu našich písní» (мы поем, а время танцует). Оно завершает определенный этап, период жизни – «zazvučel čas žní» (зазвучало время жатвы); «z oblaku čas sněží» (с небес идет время снегом), где указание на зимнее время года символизирует, что характерно для поэтической традиции, старость, закат человеческой жизни. Оно, наконец, – воплощенная мечта: «čas mladosti» и «sladký čas».

Объективное время, напротив, выступает как необратимая внешняя сила и ассоциируется с образом поезда – «vlak za vlakem se žene nad nama a letí s nami do tmy, do ciziny» (поезд за поездом несутся над нами и летят на чужбину и в тьму, увлекая нас за собой); «V koutě čekámu jak pavouk sam. A vlaky jedou jinak než chceš. A nad vlaky, nad poli hejna vran» (В углу зала ожидания сижу, как паук, один. Поезда идут не туда. А на станции над ними, как над картофельным полем, кружится стая ворон); «Vlak po mostech jak pozdrav města jel, v němž nikdy nic než žal jsem nenašel» (Город приветствовал меня поездом, едущим по железнодорожному мосту и везущим лишь скорбь.); «Tu rychlovlaků smích» (Здесь смех скорых поездов).

Как видно, реальное время наделено свойством преодолевать расстояние. Внешний мир, воспринимающийся через призму объективного времени, изображен как зал ожидания. Образ «времени-поезда» тесно связан с признаками цивилизации – с городом, железнодорожным мостом.

Субъективное, внутреннее время не связано у Горы с каким-либо конкретным поэтическим образом; скорее, оно наделено целым рядом признаков и условий, при которых оно может протекать. Прежде всего, таким условием является сон или воспоминание. Субъективное время может двигаться по кругу, вообще зависит от воли автора.

Обычно степень драматизма ситуаций и состояний, изображенных на страницах сборника, эмоциональная напряженность поэтического текста, напрямую зависят от того, в какой мере сталкиваются эти два вида времени. Переход из плана внутреннего времени в план внешнего и наоборот сопряжен с различной перспективой описания того или иного явления, ситуации, состояния, мысли и т. д. Надо отметить, что в условиях субъективного времени перспектива обратная, т. е. чем дальше от автора находится описываемое явление, предмет, состояние, тем в более

укрупненном масштабе оно предстает перед читателем. Субъективное время Гора противопоставляет объективному, тем самым они уравновешивают друг друга, а поэт «балансирует» между ними.

В целом же, характеризуя проблему времени в творчестве Горы, можно проследить влияние на поэта весьма популярного в 1920-е годы одного из основоположников философского течения экзистенциализма – Анри Бергсона, теории которого, по нашему мнению, нашли в сборнике Горы своеобразное художественное воплощение.

Другой, неразрывно связанной со временем, основополагающей категорией поэзии Горы, представленной в сборнике «Твой голос», выступает пространство, в центре которого находится наблюдатель (автор, лирический герой, в редких случаях – один из персонажей). Во внутреннем времени роль пространства сведена к минимуму. В воспоминаниях не нужно преодолевать путь к прошлому. Пространство более актуально для времени объективного.

Пространственные категории города – улица, площадь, рабочий квартал – широко использовались Горой в «пролетарских» сборниках («Рабочий день», «Сердце и шум мира»). В свое время они служили местом, декорацией, пейзажем, на фоне которых разворачивались социальные катаклизмы. Теперь они практически не употребляются. Сейчас для Горы улицы становятся пустыми, а город чужим: «пустая улица крадется меж домов», «песок пустыни засыпался мне в сон из чужих городов, по которым я блуждал, из бесконечной железнодорожной насыпи, что оставляет после себя дым и прах».

Другой особенностью художественного пространства в цикле стихов «Твой голос» является то, что какие-либо «движения» в пространстве совершаются не по горизонтали, а как бы по вертикали. Для поэта не важно, в какой точке земли он находится – своим сознанием он объемлет всю землю целиком. Движения мыслей, чувств направлены вверх, к небесам и звездам: «Zrak upřesný k nebesům» (Взор, устремленный к небесам) или «Stoupej šedý ptaku, odnes k vyším písen zněmlé země» (Иди, серая птица, отнеси к высотам песнь онемевшей земли). Позже Нейман в сборнике «Соната горизонтальной жизни» адресует Горе следующие строки: «Поэт, ты свой взгляд вертикальный от миража обрати к земле».

Однако для Горы было отнюдь не просто «подняться» в небо, о чем свидетельствуют строки, возвращающие читателя к теме из сборника «Рабочий день»: «Rád bych ti zpíval jako pták, ale já nejsem ptak, jsem tíha...» (Рад был бы петь тебе соловьем, но я не соловей, я бремя). И далее:

Nebesa dnů jdou. S oblaků čas sněží,
 Na neshledanou. Kde ta země leží,
 V níž na rtech se ti nerozplyne znova
 Políbku tíha, chladná vločka slova?

Проходят дней небеса, с облаков сыплет снег,
 Прощай. Где лежит та земля,
 В которой на губах не растают снова
 Поцелуи бремени и холодные хлопья слов?

Или

Oh, tího jediný nezapomíná,
 ten, jenž tě nese v tu výš

О, время, тебя никогда не забудет тот,
 Кто возносит тебя к небесам.

Автор пытается соединить два мира: мир «нижних» – землю, и мир «верхний» – небеса. Земля для него – олицетворение прошлых творческих поисков и чаяний, проходивших под знаменем пролетарской поэзии. Понимание земли как огромной мастерской, где человек-ремесленник может сотворить что угодно, – вот те характерные черты, которыми наделен образ земли у Горы. Но если раньше, называя себя бременем, поэт гордился злободневностью своей лирики, то теперь такое качество тяготит его. Автор ищет гармонии в некоем идеальном универсуме. Поэтому пространство у Горы обретает метафизический характер.

В образной системе стихотворений сборника «Твой голос» особую значимость приобрел мотив сна. Гора стремится, по его собственным словам, «vyjít ven mimo tělo, zemi» (выйти за пределы тела и земли), преодолеть силу притяжения, символизирующую внешний мир, «mít křídla» (обрести крылья). Автор пытается остановить течение реального времени – «stanout jsem chtěl dát času, zpět vodě plout» (я хотел бы остановить время, заставить реку течь вспять), что становится возможным только во сне. Вообще, сон в лирике Горы изображается как царство духа, где тот в высшей степени свободен – «Tá slova, slova snu křídla duše mě měla» (Эти слова, слова сна, крыленные моей душой). Лирический герой у Горы может только там ощущать столь необходимую для него полноту жизни.

Cítil jsem vše, co nikdy neprocítím,
bral jsem si vše, co nikdy nezachýtím,
smích bez konce, rty, jež se neunaví,
a vlny, vlny chvíl, jež odliv neodplaví.

Я чувствовал все то, чего никогда не чувствовал,
Я брал все то, что никогда не удавалось поймать,
бесконечный смех, неутомимые уста,
и волны, волны мгновений, которых отлив не унес.

(Из сборника «Твой голос»)

В поэзии Горы действительность теряет свою вещественность. Детали реальности, на которые направлено авторское внимание, спроецированы в область сна. Сон очень часто слит с воспоминанием. Поэт создает себе возможность заново прожить ушедшее время. Действительность воспринимается через призму опыта.

Сборник Й. Горы отнюдь не случайно был назван «Твой голос», ибо в нем тема поэтического творчества, тема голоса автора играет исключительную роль. Примеров этому множество. Вот некоторые из них: «Hluboko v nás, jak lod' se zlatem pluje tvůj hlas, tvůj hlas» (Глубоко внутри нас, как корабль с золотом в трюме, плывет твой голос, твой голос); «Zakletá v lese, spím a probudím svůj hlas jen hlasem tvým» (Я – эхо, заколдованное в лесу сплю, но я откликнусь, если ты меня позовешь); «Zavolej, stvoř mě, živý hlase» (Живой голос, позови! Сотвори меня вновь!).

Мотив голоса нередко сопровождается мотивом смеха как проявления голоса. «Смех» у Горы «звучит» и окрашен положительно, выражает радость жизни, которая, закономерно, отнесена в пору детства, т. е. в прошлое: «Smích dětí usnul v nás» (Детский смех давно уснул в нас.) Усмешка же – безмолвна, несет в себе негативную окраску и выражает самоиронию: «paděje v očích usmívá se» (надежда в нас усмежается); «usměv svatku, v mrak prchající» (усмешка праздника, убегающего во мрак); «básník se beze zvuku usměje» (поэт беззвучно усмехнется).

* * *

Поэтическая реальность в стихах чешских поэтов 1920–1930-х годов говорит разными голосами. Среди этого многоголосья тихо и отчетливо звучал и звучит «Твой голос» Й. Горы. Чем был этот голос для поэта? Он

был и голосом музыки, и голосом любимой женщины, но чаще внутренним голосом самого поэта, его alter ego. По признанию Горы, он всю жизнь пытался найти в стихах внутреннее равновесие с самим собой.

Поэтические темы, прозвучавшие в рассмотренном сборнике, получают дальнейшее развитие в творчестве Йозефа Горы, который в начале 1930-х годов отказывается от взгляда на поэзию как воспитателя масс и пишет стихи «для себя», пишет так называемую биографию своего художественного восприятия действительности.

Примечания

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Hora J. Tvuj hlas. Praha, 1946.*

² Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: *Halas F. Tvář. Praha, 1946.*

³ *Hora J. Kniha času a ticha. Praha, 1948.*

«Под раскаленным небом» Димитара Солева – первый македонский лирический роман

После Второй мировой войны впервые обретенная Македонией государственность (в виде самостоятельной республики в составе Югославии) предоставила возможности для быстрого развития национальной культуры. Важную роль в данном процессе сыграла и кодификация в 1945 г. македонского языка, признанного одним из государственных языков федерации и ставшего основой для развития художественной словесности. Хотя литературы югославских республик ко времени образования ФНРЮ имели не одинаковый уровень развития, в послевоенный период в них протекали более или менее схожие процессы, что объясняется единством общественно-политического строя и господствующей идеологии, а также влиянием на менее развитые литературы более развитых, в частности сербской и хорватской – на македонскую. Для македонской литературы чрезвычайно важно было вхождение в общеевропейский контекст, что открыло возможность восприятия различных эстетических тенденций в мировой литературе (как классических, так и современных) и усвоения их при посредничестве роли других югославских литератур, прежде всего – сербской.

Пришедшая к власти Коммунистическая партия Югославии еще в годы войны начала воплощать в жизнь советскую модель общественного устройства. Поэтому во второй половине 1940 – начале 1950-х годов в искусстве господствовала установка на социалистический реализм. В Македонии эта ситуация имела свою специфику, обусловленную своеобразием предыдущих этапов развития македонской литературы. Если поэзия и драма на диалектах в межвоенный период получили здесь определенное развитие, то прозаическая литературная традиция практически отсутствовала. Первый сборник рассказов на македонском языке – «Растрел» Й. Бошковского – появился в 1947 г. и был выдержан в рамках поэтики социалистического реализма. В первой македонской повести –

«Улица» С. Яневского (1950) – очевидна ориентация на «Детство» М. Горького, в первом романе – «Село за семью ясенями» того же автора (1952) – на «Поднятую целину» М. Шолохова. В то же время формируется и «фольклорное» течение, представленное прежде всего историческим романом, в частности произведениями С. Попова, сочетающими в себе упрощенно понимаемый реализм с элементами романтизма и использованием фольклорной традиции. Этот явно ученический, но необходимый этап развития македонской прозы имел свои весьма важные положительные стороны, так как способствовал интенсивному формированию и развитию литературного языка и отдельных жанров.

В связи с политическими событиями 1948–1949 гг., вызванными конфликтом СССР и Югославии и спровоцированными известными решениями Информбюро коммунистических и рабочих партий по Югославии, в стране была отвергнута так называемая «советская модель социализма». На II съезде писателей Югославии (1949) отказались от термина «социалистический реализм», хотя продолжала отстаиваться социалистическая идейность. На съезде был прочитан доклад хорватского писателя П. Шегедина «О нашей критике», вызвавший широкий общественный резонанс. Автор одним из первых в Югославии заговорил о «социалистическом гуманизме» и автономности искусства. В итоге провозглашение автономности творчества (хотя и при сохранении контроля Агитпропа до 1952 г.) не могло не сказаться на развитии литературы. Прежде всего, это выразилось в поиске писателями новых художественных средств, в движении к эстетическому плюрализму. 1950–1960-е годы вошли в историю югославских литератур как время литературных дискуссий, охвативших все республики, что было связано с преодолением «эстетического монизма» (В. Смилевский)¹, свойственного предшествующему периоду. Под «эстетическим монизмом» подразумевались социалистический реализм и сопутствующее ему влияние официальной партийной идеологии. В центре полемики находились выходившие в Белграде с 1955 г. и являвшиеся общегославскими журналы «Дело» (модернистское направление) и «Современник» (традиционно-реалистическое направление), которые активно привлекали к сотрудничеству критиков из других югославских республик, в том числе и македонцев: Д. Митрева, Т. Момировского («Современник»), Д. Солева, В. Урошевича, М. Джурчинова («Дело»). Дискуссия имела свое продолжение и развитие в республиканских журналах. В частности, в Македонии модернистскую точку зрения представлял журнал «Разгledi» (выходит с 1953 г.), а традиционно-реалистическую – журнал «Современост»

(выходит с 1951 г.). Наиболее значительными фигурами в редколлегии первого издания был Д. Солев, а второго – Д. Митрев, причем оба продолжительное время являлись главными редакторами.

В этой борьбе, а также в конвергенции различных, часто противоположных тенденций и складывалась жанровая система македонского романа, специфика которой ярко обозначилась уже в 1960-е годы. Одной из важных тенденций в становлении названной жанровой системы стало сближение литературных родов, проявившееся, в частности, в проникновении в прозу характерных черт лирики: «субъективной» перспективы и особых выразительных средств. Говоря о причинах перенесения в прозу характерных элементов лирики, приемов и методов поэтического творчества, нельзя отрицать внешнего влияния, которое особенно усилилось в Югославии с середины 1950-х годов. Данный процесс имел место во всей мировой литературе XX в., причем во второй его половине в некоторых национальных литературах он усилился. Но если для культур с богатой эпической традицией «лирическая» проза стала «альтернативой» традиционному эпосу, то для македонской культуры, где доминировала поэзия, «лирическая» проза оказалась органичной. Таким образом, второй причиной сильнейшего воздействия македонской поэзии на прозу было главенство поэзии и ее более высокий художественный уровень в данный период развития литературы, в свою очередь обусловленные спецификой национальной истории. Поэтическая традиция имела более глубокие корни, восходя, через стихи К. Рацина, к объединяющему македонскую и болгарскую литературы творческому наследию Г. Прличева, Р. Жинзифова и особенно К. Миладинова. Сокровищница фольклора, как отмечал в 1945 г. Б. Конеский² – выдающийся ученый и писатель, один из тех, кто работал над кодификацией македонского языка, – предоставляла больше возможностей именно для развития поэзии. Кроме того, преобладание поэзии над прозой проявилось в национальной литературе, по наблюдению македонского критика А. Спасова, как «признак молодости»³. Ускоренное развитие македонского романа при его включении в середине XX в. в югославский и мировой контекст, а также своеобразие национальной литературы, в которой проза органически сочеталась с лирикой, вели к возникновению в македонской литературе новой жанровой формы – лирического романа.

Особый интерес к субъективной стороне личности, характерный для прозы XX в., приводит к изменениям в диалектике романа, к иному построению взаимодействия индивидуума и окружающего мира, что сказывается и на повествовательной структуре: ослабевает роль сюже-

та, ломается последовательность изложения, роман более активно включает в себя лирические элементы. Подобная прозаическая форма получила в литературоведении различные наименования: «the lyrical novel» – лирический роман – (Р. Фридман⁴); «лирический роман» (Т. Мотылева⁵, В. Днепров⁶, Н. Рымарь⁷, Н. Лейтес⁸); «субъективированная, субъективная, лирическая, романтическая проза» (З. Карцева⁹); «центростремительный роман» (Д. Затонский¹⁰); «поетски роман» – поэтический роман (М. Бандич¹¹, П. Зорич¹², Р. Иванович¹³, М. Джурчинов¹⁴). Однако такое разнообразие определений, хотя и опирается на одну общую тенденцию, говорит в то же время о наличии разных форм ее проявления. Поэтому, несмотря на широкое распространение в отечественном, западном и югославянском литературоведении термина «лирический роман» (в применении к субъективному роману вообще), мы полагаем, что лирический роман является одним из типов выражения субъективного. Как справедливо замечает Т. Мотылева, «лиризм предполагает эмоционально-живое восприятие действительности, искреннюю взволнованность, непосредственность в отношении человека к миру»¹⁵. С такой эмоциональной приподнятостью связывается и заимствование у лирики приемов и выразительных средств, называемых В. Жирмунским «вторичными признаками стихотворной речи», используемых на уровне языка, в частности «внутреннего» ритма и ключевых (ударных) слов. Ритмическая проза, по его словам, «представляет явление, характерное для определенного поэтического стиля, повышено эмоционального, можно сказать “романтического” в широком смысле»¹⁶. В целом для лирического романа характерны: эмоциональная окрашенность, поэтическая взволнованность, субъективность повествования и концентрация стилистических¹⁷ художественных средств, присущих поэзии.

Вышеперечисленным критериям отвечают несколько македонских романов конца 1950–1960-х годов, среди которых роман Димитара Солева «Под раскаленным небом» (1957), принадлежащий к начальному периоду формирования македонской прозы, ставший первым македонским лирическим романом и первым опытом автора в этом жанре. И для молодой македонской литературы в целом, и для Д. Солева 1950–1960-е годы стали эпохой сознательного овладения европейскими формами литературного творчества и их применения на национальной почве. Годы поиска и «ученичества» не могли еще дать выдающихся произведений общегославского масштаба, но они ознаменовались произведениями, значительными как сами по себе, так и с точки зрения

истории развития македонской прозы. К ним относится и рассматриваемый роман. Ставший своеобразной «мастерской» новых для национальной литературы приемов, он в полной мере представляет жанр лирического романа и одновременно воплощает ярко выраженную индивидуальность и талант автора.

Димитар Солев (р. в 1930 г.) дебютировал в 1956 г. со сборником рассказов на тему войны и революции «Талый снег». Затем последовали романы «Под раскаленным небом» (1957), «Короткая весна Моно Самоникова» (1964), сборники рассказов «По реке и против течения» (1960), «Зима свободы» (1968). Сторонник эстетического обновления, он и в художественном творчестве пытался воплотить принципы, сформулированные им в ходе литературных дискуссий. Писатель сыграл также важную роль в выработке нового подхода к ставшей в конце 1940-х и в 1950-е годы традиционной для югославских литератур тематике Второй мировой войны¹⁸.

Д. Солев как один из теоретиков македонского модернизма в статье «Проблемы прозы» (1953) четко обозначил свои ориентиры: «Мы живем как писатели и современники в эпоху Жида, Хемингуэя и Давичо¹⁹ ... В свете подобного духовного присутствия, излучающего правду о современном человеке, перед нашим взглядом неизбежно открывается устаревшее, книжное и отсталое в нас самих»²⁰. Македонский писатель призывает, руководствуясь этим «духовным присутствием», перейти от тенденциозности и «нравоучительности» к изучению бытия современного человека. Для Д. Солева чрезвычайно важным становится экзистенциальный мотив решительного поступка и «выбора себя» в трагической ситуации. При этом реальные исторические события – война и революция – могли стать подходящим материалом для реализации художественной программы писателя. Он подчеркивал, что литература, посвященная войне, должна перенести акцент с «общественного» на «человеческое».

Новое видение тяжелых военных лет Д. Солев демонстрирует уже в первой своей книге – сборнике рассказов «Талый снег». Гнетущая атмосфера оккупации в его рассказах («Слеза», «Конец весны», «Ноябрь» и др.) рисуется через конкретные, но обобщенные до символа детали и изображение душевных движений героев. Подчеркнутое изображение антигуманной сущности войны, характерное для нового подхода к этой теме в югославских литературах, у Д. Солева с особой художественной силой воплотилось в рассказах, написанных «из детской перспективы». Но именно эта «детская перспектива» не позволяет автору поставить в центр повествования героя, способного активно противостоять злу. Та-

кой персонаж, подпольщик Бранко, появится во второй книге писателя – романе «Под раскаленным небом».

Рассказы и роман Д. Солева сближает изображение жестокости, неестественности жизни в условиях вражеской оккупации. Однако Бранко – уже не просто обреченный войной на страдания бесправный человек, а борец за поправленные права. Участие в борьбе с несправедливостью дается ему нелегко, его цена – не только опасность, которой подвергается юноша, но и тяжелые раздумья: ведь его «решительным поступком» должно стать убийство. Подробное описание нападения подпольщиков на вражеского агента, безусловно, вносит в роман элемент действия. Но напряженность создается не за счет сюжетной линии, а за счет убедительности проникновения в душевное состояние молодого человека, живущего в тревожном ожидании сурового испытания. Эмоциональное напряжение и концентрация всех внутренних сил делают Бранко особенно чутким и восприимчивым как к собственным переживаниям, так и ко всему окружающему. Это состояние души героя автор убедительно и в художественном отношении мастерски раскрывает в образах самого Бранко, его возлюбленной Веры, в картинах природы, среди которых особое место принадлежит изображению реки Вардар. Главный герой идет в бой со злом, воплощенным в образе агента-предателя, чтобы защитить Веру, свою любовь, всю проникновенно описанную автором страдающую от насилия красоту мира.

Утверждение человеческого права на счастье и в то же время мысль о необходимости защищать это право роднят Д. Солева с О. Давичо – автором «Песни». Однако роман Д. Солева, имея в идейно-художественном плане с «Песней» много общего, идет по пути субъективизации еще дальше. В романе О. Давичо действуют три «лирических» героя (Мича, Векович и Ана), к голосам которых добавляется и голос самого автора-повествователя, традиционно «всезнающего». Автор «Песни», используя ретроспективный метод, рассказывает нам о прошлом героев, об их окружении, сообщая те сведения, которые «сам находит нужными» (например, о семье Мичи, о среде, в которой он рос, повествуется из «авторской перспективы»). Д. Солев, напротив, с самого начала предоставив слово своему персонажу, на протяжении всего романа не отступает от принципа использования лирического субъекта в качестве структурирующего начала художественного произведения. Разворачивая действие в течение трех дней, писатель не может не прибегнуть к ретроспективному изображению прошлого героя. Но отбор событий, о которых читатель узнает из его воспоминаний, крайне субъективен. Так,

ничего не известно о семье Бранко, о том, как он попал в ряды подпольщиков, и т. п. Ни о каком широком социальном и историческом фоне, в отличие от романа О. Давичо, не идет и речи.

Все, что мы узнаем о прошлом рассказчика, – его детские впечатления, казалось бы, случайные, но на самом деле являющиеся «строительным материалом» для создания образа внутреннего мира героя. Если взглянуть на них формально, с точки зрения объективной действительности, то они могут показаться хаотическими; однако вычленение предметности в романе подобного типа ни в коей мере не является произвольным: все детали получают особое, «субъективированное» содержание. Например, случайное на предметном уровне воспоминание Бранко о смерти его бабушки имеет глубокий смысл. Необычайно чуткому юноше тяжело решиться на убийство, даже предателя – подручного оккупантов; поэтому герой и вспоминает о своей первой, детской встрече со смертью. В то же время этот рассказ помещается сразу же за эпизодом случайного столкновения Бранко с болгарскими солдатами. Испытанный им страх и заставляет его вспомнить давние события и свои тогдашние переживания.

С помощью субъективного членения предметного мира автор добивается того, что душа героя раскрывается перед нами с исключительной полнотой и становится исходной точкой повествования. Внешне это выражается в «скачкообразности», резкости смены отдельных «кадров», а также в их повторяемости. Например, три сцены в кафе напротив здания полиции, где подпольщики выслеживают агента, и соотносимые с ними в сознании Бранко три неудачных выстрела в тире. Эта повторяемость элементов усиливает их эмоционально-психологическое звучание, вычленяя в сюжете предметную связанность и тем самым еще больше нагружая субъективным содержанием. Эпизод в тире, сюжетно никак не связанный с нелегальной деятельностью рассказчика, становится символом испытания и по логике динамического мировосприятия субъекта составляет параллель основной линии романа – покушению на предателя. При этом подобный параллелизм выступает не как явное сравнение, а как выражение предметно-немотивированных связей между реалиями разного порядка.

Говоря о стилистике романа, мы хотели бы отметить те его особенности, которые позволяют отнести «Под раскаленным небом» не просто к субъективному, но именно к лирическому роману. Д. Солев широко применяет такое традиционно «поэтическое» средство, как ритмизация. Длинные сложные предложения делятся на простые, в каждом из которых примерно одинаковое количество слов и слогов:

«Има некакво необјасливо пријатно чувство во тоа // да си примижано свесен за врелото присуство на сонцето врз клепките // и да гледаш под нив во сопствените нозе // што чиниш чекорат одделно од тебе... // Чевлите имаат физиономии; // убеден сум во тоа // дека чевлите имаат физиономии, // и ми се чини дека, // ако ги кренам очите до човекот // што чекори во мојот полукруг тротоар, // со неговото лице // само ќе си го потврдам // впечатокот за физиономијата на неговите чевли»

«Есть какое-то необъяснимо приятное чувство в том, что, зажмурившись, ты ощущаешь на веках горячее солнце и смотришь из-под них на собственные ноги, которые, как тебе кажется, шагают отдельно от тебя... У ботинок есть физиономии; я убежден в том, что у ботинок есть физиономии, и мне кажется, что, если я подниму глаза на человека, шагающего в моем полукруге тротуара, его лицо только усилит впечатление от физиономии его ботинок»²¹.

Разделяемая логическими и не в последнюю очередь эмфатически паузами, прозаическая речь Д. Солева расчленяется на относительно соразмерные группы слов и даже предложения. Ритмизации способствует и повторяемость отдельных слов, приобретающих при этом дополнительную смысловую нагрузку:

«Само малку зеленило, парче пеплосано зеленило, влегува во тој пропнат правоаголник; тоа е гранка од багрем, само гранка без стебло во левиот горен агол, парче гранка опрашено зеленило на багрем под кого сенката не е повеќе прохладна»

«Лишь немного зелени, кусочек пепельной зелени, входит в этот растянутый прямоугольник; это ветка акации, одна ветка без ствола в левом верхнем углу, кусочек ветки пыльной зелени акации, тень под которой уже лишена прохлады»²² (здесь и далее подчеркнуто мной. – А.Е.).

Для придания тексту большей эмфатической ударности писатель использует такое интонационное средство выразительности художественной речи, как синтаксическая тавтология, т. е. употребление более широких повторов целых сложных предложений, простых предложений в составе сложного и больших обособленных групп слов, создающих эмоциональную значительность их интонирования. Часто в романе встречается и синтаксический параллелизм, когда сходны по конструкции стоящие рядом предложения (или простые предложения в составе сложного), например:

«...Сета нивна тага е лажна штом ја заливаат со ракија, штом ја гарнираат со салата, штом ја потпржуваат со разговори»

«Вся их печаль лжива, раз они заливают ее ракией, раз они гарнируют ее салатом, раз они сопровождают ее разговорами»²³.

Оригинально применен этот прием в рассказе Бранко о своем кошмарном сне: все описание представляет собой длинную, на несколько страниц, сложную синтаксическую конструкцию, разделенную на абзацы. Она состоит из отдельных сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, а те, в свою очередь, из простых, как правило, с несколькими однородными сказуемыми. Необычная концентрация глаголов создает впечатление предельной напряженности, которая усиливается сходством синтаксических построений простых предложений и соразмерностью составляемых ими тактов, равным количеством в этих предложениях словных ударений:

«... тогаш почнуваат заседи; првата ме открива веднаш зад куќите, јас скршнувам по една стрмна угорница, но штој се искачувам, таму ме пресретнува друга, трчам низ некакво високо трње, од збунетост не се присеќавам, да се сокријам во него, ној е со помодрено небо, излегувам на скалеста нерамнина, трчам несвесен дека моите чекови камено одсиваат, ме чека во една дупка трета заседа, јас почнувам да јурам во друг правец...»

«...тогда начинаются засады; первая оказывается сразу за домами, я несусь по крутому склону, но, как только поднимаюсь, там меня встречает другая, я бегу через какие-то высокие колючки, от смятения не догадываясь спрятаться в них, ночь, посиневшее небо, попадаю на каменистое неровное место, бегу, не осознавая, что камни гудят от моих шагов, в какой-то дыре меня караулит третья засада, я начинаю мчаться в другом направлении...»²⁴.

Часто в тексте романа можно встретить инверсию, особенно размещение прилагательного или причастия (иногда и однородных определений) после определяемого существительного: «*Можеби (не сум сигурен, но си дозволувам да претположам) и затоа сум го потиснал својот став, претходен, замислен, необорлив...*»

«*Может быть (я не уверен, но позволяю себе предположить), и поэтому я подавил в себе свой страх, заведомый, надуманный, непреодолимый...*»²⁵. Применяются в произведении и эмоционально-риторические, эмфатические интонации, особенно интонация вопроса:

«*Кога некој ќе разбере дека моите седумнаесет години не се непоматена безгрижност, што треба да биде принудена својата прелажност да ја крие со тоа што ќе трпи туѓи немири?*»

«Когда же кто-нибудь поймет, что мои семнадцать лет - не незамутненная беззаботность, принужденная свою мимолетность скрывать за терпением чужих беспокойств?»²⁶.

Таким образом, особая, «поэтическая» внутренняя организованность, проявляющаяся в романе Д. Солева «Под раскаленным небом» на всех уровнях, от субъективной организации предметно-событийного мира до построения каждого конкретного предложения, вместе с ярко выраженной эмоциональной приподнятостью повествования позволяют определить данное произведение как роман лирический. Впервые примененные Д. Солевым новаторские способы изображения – субъективное членение, монологичность, эмоционально-риторические интонации, ритмизация – вошли в арсенал литературы и использовались македонскими авторами субъективной прозы в широком смысле данного понятия (С. Яневский, С. Ивановский, Г. Абаджиев, С. Дракул, Б. Иванов и др.). В 1960-е годы многие произведения, например, Т. Георгиевского «Стены» (1962), П. Ширилова «Плачут обо мне эти горы» (1965), В. Урошевича «Вкус персиков» (1965), Ж. Чинго «Серебряные снега» (1966) и «Большая вода» (1971), Б. Варошлии «Последний полет перелетной птицы» (1968), были написаны в традиции лирической прозы.

Примечания

¹ См.: Смилевски В. Аспекти на македонската литература. Скопје, 1993.

² Конески Б. Проблеми на македонската литература // Нов ден. 1945. № 1.

³ Спасов А. За македонската литература. Скопје, 1969. С. 55.

⁴ Freedman R. The lyrical novel. Studies in Hermann Hesse, André Gide, and Virginia Woolf. Princeton, 1963.

⁵ Мотылева Т. Иностранная литература и современность. Статьи. М., 1961; Она же. Зарубежный роман сегодня. М., 1966.

⁶ Днепров В. Черты романа XX века. М.–Л., 1965; Она же. Иден времени и формы времени. Л., 1980.

⁷ Рымарь Н. Современный западный роман: Проблемы эпической и лирической формы. Воронеж, 1978;

Она же. Введение в теорию романа. Воронеж, 1989; Она же. Поэтика романа. Куйбышев, 1990.

⁸ Лейтес Н. Роман как художественная система. Пермь, 1985.

⁹ Карцева З. «Манера повествования» в современном болгарском романе // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1969. № 5.

¹⁰ Затонский Д. Проблемы теории и истории современного западноевропейского романа. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Киев, 1967; Она же. Искусство романа и XX век. М., 1973.

¹¹ Бандић М. Време романа (1950–1955). Београд, 1958.

¹² Зорић П. Личности и кретања у послератној српској критици // Књижевна критика. Београд, 1966.

¹³ Ивановиќ Р. Современот роман. Скопје, 1977; *Idem*. Македонски писатели и дела. Скопје, 1984.

¹⁴ Гурчинов М. Критички сведоштва (1953 - 1973). Скопје, 1976; *Idem*. Послератни српски роман и развој романа у савременој македонској книжевности (узajамне везе, утицаји, коинциденције)

- // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1979. Свеска 2; *Idem*. Современна македонска книжевност. Скопје, 1983; *Idem*. Проникнувања. Прилог на југословенското книжевно заедништво. Скопје, 1986; *Durčinov M.* Nova makedonska književnost. Београд, 1988.
- ¹⁵ *Мотылева Т.* Зарубежный роман... С. 340.
- ¹⁶ *Жирмунский В.* О ритмической прозе // Русская литература. 1966. № 4. С. 114.
- ¹⁷ Термин «стиль» мы употребляем в узком смысле, понимая под ним композиционно-речевую структуру произведения, манеру письма автора.
- ¹⁸ В начале 1950-х годов появляются книги, в которых при отражении темы войны намечаются иные, в сравнении с произведениями, написанными в духе социалистического реализма, аспекты и художественные решения. Одним из искавших новые пути в освещении революционной борьбы был сербский писатель Оскар Давичо, роман которого «Песня» (1952) оказал сильнейшее влияние на творчество македонских авторов, писавших на ту же тему: Д. Солева («Под раскаленным небом», 1957), В. Малеского («То, что было небом», 1958), С. Яневского («Две Марии», 1956, «И боль, и гнев», 1964). В своем произведении О. Давичо отстаивает не только право «нового человека» на личные переживания, но и право писателя, работающего над военной темой, на использование достижений модернистской прозы. Элементы лирики в прозе, внутренние монологи (как, собственно, и само название) позволили Г.Я. Ильиной отнести роман «Песня» к «лирико-философским» произведениям (См.: История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. М., 1995. Т. 1. С. 345.). Для молодой македонской литературы «Песня», с одной стороны, явилась ярким примером нового подхода к военной теме, с другой – обозначила резкую смену эстетических позиций.
- ¹⁹ См. прим. 18.
- ²⁰ *Солев Д.* Проблемите на прозата // *Солев Д.* Quo vadis scriptor. Скопје, 1971. С. 12.
- ²¹ *Idem*. Под усветеност. Скопје, 1979. С. 6. Перевод здесь и далее автора статьи.
- ²² *Ibid.* С. 5.
- ²³ *Ibid.* С. 70.
- ²⁴ *Ibid.* С. 55.
- ²⁵ *Ibid.* С. 70.
- ²⁶ *Ibid.* С. 27.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ЭТНОЛИНГВИСТИКА

К проблеме посессивного перфекта в болгарском языке

Основное значение категории посессивности – определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету, т.е. относительная номинация.

Способы выражения категории посессивности (так же, как и значение данной категории), изучены довольно хорошо, причем не только на материале славянских, но и германских, романских, тюркских языков. Об этом свидетельствует то, что в последние десятилетия появилось много работ, в том числе сопоставительного характера, посвященных категории посессивности. Было сделано много интересных наблюдений как на уровне ее содержания, так и формального выражения в различных языках. Например, О.Н. Селиверстова исследует различные аспекты данной категории на материале английского языка [Селиверстова 1983]; Р.М. Бирюкович – на материале тюркских языков [Бирюкович 1980]; Е.М. Вольф, Л.И. Лухт, J. Paşaliu, A.M. Spanoghe и др. – на материале романских языков [Вольф 1977, 1978; Лухт 1977; Paşaliu 1972; Spanoghe 1995].

В работах ряда исследователей (И.И. Мещанинов, С.Д. Кацнельсон, А.А. Холодович) намечены пути изучения посессивного типа предложения как одного из основных в языковой типологии и показаны его связи с другими грамматическими структурными типами [Мещанинов 1945; Кацнельсон 1986; Холодович 1979]. Проблемой посессивности в разных языках мира занималась также и группа «Унитип» (универсальная типология) при Кельнском университете под руководством профессора Х. Зайлера, опубликовавшего вместе со своими сотрудниками ряд исследований в этой области [Seiler 1983].

В славяно-балканском языкознании круг вопросов, связанных с функционированием категории посессивности, освещают в своих работах А.В. Бондарко (1996), А.В. Головачева (1981), Вяч.Вс. Иванов (1986), К. Писаркова (1974), К.Г. Чинчлей (1984, 1987, 1996), R. Zimek (1960) и др. Работа по изучению данной категории проводилась также в секторе типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН [Категор-

рия 1989]. Некоторые аспекты данной проблемы затрагивает в своих работах Ю.С. Маслов (1949, 1984).

Прежде чем говорить о способах выражения категории посессивности (в частности, о посессивном перфекте), необходимо уточнить само содержание понятия посессивности, толкования которого у различных исследователей не совпадают. Среди существующих представлений можно выделить две основные тенденции: тенденцию расширения семантики посессивных отношений, с одной стороны, и стремление ограничить сферу посессивных значений – с другой. Некоторые исследователи, например Х. Зайлер, считают, что посессором может являться лишь одушевленный субъект, индивидуум [Seiler 1983], а объектом обладания индивидуума могут быть и предметы, находящиеся в его собственности, и части его тела, и продукты его интеллектуального труда, а также индивидуумы, связанные с ним отношениями родства.

В данной работе отражена иная точка зрения, принятая в настоящее время большинством исследователей. Согласно этой точке зрения в понятие категории посессивности включаются отношения как субъектной (посессор = лицо), так и предметной (вещественной) принадлежности [Категория 1989; Головачева 1981]. Посессивные отношения могут выражаться в языке при помощи разнообразных средств.

Основываясь на имеющихся данных, для выражения категории посессивности в болгарском языке можно выделить следующие способы:

1. Лексико-грамматический (посессивность выражается при помощи притяжательных и возвратно-притяжательных прилагательных): *негов брат «его брат», брат(ът) му* (краткая форма прит. прил. «него»), *свое дете, детето си* (краткая форма возвр.-прит. прил. «свой»), *моя(та) шапка, шапката ми* (краткая форма прит. прил. «мой») и т. д.

2. Словообразовательный (посессивность выражается при помощи суффиксов и префиксов): *братов, майчин* («мамин / материн»), *Кольов, царев, дядовски, безкрак* «безногий», *бездушен* (отрицательная принадлежность) и т. п.

3. Морфологический (в большинстве славянских языков посессивность выражается при помощи форм родительного и дательного падежей, напр. *собака соседа* (рус.); в болгарском языке падежные формы сохранились только у местоимений и редко употребляются, поэтому падежные отношения выражаются при помощи предлогов): *кучето на съсед(а)*.

4. Синтаксический (среди словосочетаний, выражающих значение посессивности, можно выделить следующие наиболее распространенные типы конструкций: именные, т. е. конструкции с именами существительными и

прилагательными; местоименные, т. е. конструкции с местоимениями; предложные, т. е. конструкции с различными предлогами; глагольные, т. е. конструкции, в состав которых входят глаголы и глагольные формы): *заплатите на учените* «зарплаты ученых»; *бреговете на Дунав* «берега Дуная»; *крак от животно* «нога животного»; *крило от самолет* «крыло самолета»; *дърво без корени* «дерево без корней»; *човек с бели мустаци* «человек с белыми усами»; *момичето с черна коса и сини очи* «девушка с черными волосами и синими глазами»; *драма в пет действия* «драма в пяти действиях»; *високи на ръст баскетболисти* «баскетболисты высокого роста»; *дълбок по съдържание роман* «глубокий по содержанию, т. е. имеющий глубокое содержание, роман»; *чаша вино* «бокал вина»; *пакетче* («упаковка, пачка») *масло*; *всеки има право* «каждый имеет право»; *ние имаме собствено мнение* «у нас есть/мы имеем собственное мнение»; *никой няма гаранции* «никто не имеет/ни у кого нет гарантий»; *всички са в черни смокинги* «все в черных смокингах»; *...ми растат крила* «у меня растут крылья»; *сърцето ме боли* «у меня болит сердце»; *вече имаме набелязани кандидати* «мы уже имеем намеченных кандидатов/у нас уже намечены кандидаты»; *ще му откъснат главата* «ему оторвут голову» и др.

Синтаксические конструкции, выражающие посессивность, весьма многочисленны, но особо интересен синтаксический способ, который называют посессивным перфектом. В болгарском языке посессивный перфект изучен мало; существует лишь несколько работ, в которых говорится о данной конструкции и анализируются именно болгарские примеры [Маслов 1949, 1984; Георгиев 1957; Пенчев 1968; Категория 1989]. Эта конструкция представляет собой сочетание глагола «иметь» с именем объекта в В. п. и причастием прошедшего времени совершенного вида. Общее значение причастных посессивных конструкций – состояние в настоящем, являющееся результатом действия, совершившегося в прошлом. Посессивность означает принадлежность этого состояния (результата действия) субъекту действия, действие представляется как принадлежащее субъекту, находящееся в его владении.

В большинстве «иметь»-языков развились аналитические глагольные формы (так называемые перфектные формы) с глаголом «иметь», выступающим в качестве вспомогательного глагола: *J'ai fait* (фр.); *I have done* (англ.); *Ich habe gelesen* (нем.) и пр. Но наряду с этим в западноевропейских языках существуют каузативные причастные обороты типа *I have it done* «У меня это сделано»; *She had a dress made* «Ей сшили платье»; *They had their photo taken* «Они сфотографировались» (англ.). В этих конструкциях глагол «иметь», хотя и не является полнозначным глаголом, все

же не может рассматриваться и как чисто вспомогательный, каковым он оказывается в аналитических перфектных формах: *I have done it; She had made a dress* (англ.). В каузативных конструкциях глагол «иметь» выражает значение обладания объектом; причастие обозначает состояние объекта в данный момент; это состояние представляет результат предшествующего действия, субъект которого может не совпадать с подлежащим глагола «иметь» (*She had a dress made* (англ.) – букв. «Она имеет сшитое платье» – не означает, что именно она сама сшила платье). От аналитических глагольных форм рассматриваемые обороты с предикативными причастиями отличаются и формальными признаками – в английском языке важен порядок слов: предикативное причастие стоит в конце предложения после объекта, а причастие в составе сложной глагольной формы следует за вспомогательным глаголом. Сравните: *I have it done* и *I have done it* (англ.).

Посессивный перфект развился и в славянских языках, не имеющих аналитических перфектных форм с глаголом «иметь». Например, в чешском и словацком языках встречается конструкция, состоящая из глагола «иметь», винительного падежа объекта и согласованного с ним в роде, числе и падеже пассивного причастия прошедшего времени совершенного вида: *Já mám nakázano, abych tu čekal* «Мне велено, чтобы я ждал здесь»; *Mám tady napsáno, že...* «У меня тут написано, что...» (чеш.); *Mám peniaze odložené* «У меня (я имею) отложены деньги»; *Máš to tú napísané* «У тебя это тут написано» (слвц.). В словацком языке эта конструкция уже считается литературной, в чешском она широко употребляется в разговорной речи. Подобную причастную посессивную конструкцию можно встретить и в польском языке: *Mam to posprzątano* «У меня это убрано»; *Włosy miał już dobrze przyprószone siwizną* «У него были (он имел) уже сильно припорошенные сединой волосы».

Посессивный перфект также есть в болгарском и македонском языках. Он представляет собой сочетание глагола «имам» с пассивным причастием прошедшего времени на *-н/-т* и именем объекта обладания в общем падеже (или – в случае личного местоимения – в винительном падеже). Первое описание этой конструкции как специфической македонской особенности было дано Г. Поповой [Попова 1931], далее последовали статьи других авторов о конструкции с глаголом «имам» и причастием на *-н/-т* в болгарском и македонском литературных языках и болгарских и македонских говорах [Теодоров-Балан 1957; Георгиев 1957; Пенчев 1968; Бояджиев 1968; Конески 1966; Усикова 1973; Fici 2001]. Большинство исследователей считают, что это сочетание имеет значение перфекта, т. е. обозначает совершенное действие в прошлом, результат которого актуален для на-

стоящего времени. Но относительно грамматического статуса сочетания «имам + прош. пас. причастие» существуют различные точки зрения. Например, Й. Пенчев относит это сочетание в болгарском языке к синтаксическим конструкциям, Т. Бояджиев считает, что это аналитическая форма слова (факт морфологии), а В. Георгиев утверждает, что эта конструкция находится в состоянии перехода от синтаксического сочетания слов в аналитическую форму слова.

Данная конструкция в македонском языке оценивается большинством исследователей как глагольная форма – новый перфект, отличный от старого с глаголом «сум» и причастием на -л (*Три пати сум ја читала книгата* «Я читала книгу три раза»; *Сте ја измиле колата вчера?* «Вы вчера помыли машину?» и т. п.). В македонском языке и его диалектах причастие на *-н/-т*, сочетаясь с глаголом «имам», остается, как правило, не согласованным в роде и числе с именем объекта обладания; оно выступает в форме среднего рода единственного числа независимо от рода и числа объекта обладания: *...го имаше запазено само ликот на мајка си* «...у него (в памяти) сохранилось только лицо его матери»; *Той имаше изнесено стотици оки компири* «У него были вынесены сотни ок картофеля»; *Човекот има видено нешто* «Человек что-то увидел»; *...ти ја имаш потпишано* «...у тебя она подписана / ты ее подписал»; *Јас имам читано статии* «У меня прочитаны статьи»; *Одамна го немаше видено* «Давно его не было видно»; *...ја нема слушнато пресудата* «...я не слышал это мнение, решение»; *...имаме сторено клетва* «...у нас дана клятва / мы дали клятву»; *...некаја пастрма смрадена имаш донесено* «...ты принес (у тебя принесена) какую-то протухшую бастурму»; *Три пати ја имам прочитано книгата* «У меня прочитана книга три раза / Я прочитал книгу три раза». Возможно употребление конструкции «имам + причастие от переходного глагола» без объекта: *Имало ли родено она порано?* «Рожала ли она раньше?».

Кроме того, известны случаи согласования причастия с именем объекта: *Свиња имаш врзана со долга ортома* «У тебя свинья привязана длинной веревкой (у тебя есть привязанная длинной веревкой свинья)»; *Во тој грб имало некој дервиш закопан* «В той могиле был похоронен какой-то монах»; *Тамо има една софра ставена* «Там накрыт стол (там есть / имеется накрытый стол)»; *Имаш бележани белешки* «У тебя сделаны (написаны) заметки».

Засвидетельствованы также редкие случаи употребления в составе данной конструкции причастий от непереходных глаголов: *имам дойдено* «я пришел»; *имам одено* «я ходил»; *имам бегано* «я бегал» [примеры: Георгиев 1957; Конески 1966; Усикова 1973; Fici 2001].

Считается, что сочетание «имам + причастие на -н/-т» появилось в македонском языке сравнительно недавно, однако, в отличие от болгарского, оно все чаще употребляется в литературном языке.

В болгарском языке положение данной конструкции менее стабильно, чем в македонском. Она часто встречается в диалектах (больше всего примеров можно найти в юго-западных, так называемых македонских, диалектах), в разговорном языке, а также в официально-деловом, канцелярском, стиле литературного болгарского языка. В целом говорят об ограниченном употреблении данной конструкции в литературном болгарском языке. Исследователи приводят редкие примеры из произведений Х. Ботева, И. Вазова, Зах. Стоянова.

Однако в письменном научном и канцелярском стиле сочетание «имам + причастие на -н/-т» не избегается. В. Георгиев находит много примеров в научных работах, канцелярских записях и в устной разговорной речи. При этом в болгарском языке посессивный перфект образуется только с помощью причастий от переходных глаголов, и эти причастия в большинстве случаев согласуются с именем объекта:

Ние имаме допуснати много грешки «У нас допущено (мы допустили) много ошибок»; *Аз ги (песните) също имам записани* «У меня тоже они (песни) записаны (я записал)»; *Аз имах приготвени лекции до 1948 г.* «У меня были готовы лекции до 1948 г. (я приготовил)»; *Имам изготвен един широк план* «У меня выработан подробный план (я выработал)»; *Имаме обявен конкурс по българска история* «У нас объявлен (мы объявили) конкурс по истории Болгарии»; *Ние имаме въведена лятна учебна практика* «У нас введена летняя учебная практика (мы ввели)»; *При обявяване на войната Русия имала съсредоточена в Бесарабия една армия* «На момент объявления войны у России в Бессарабии была сосредоточена армия»; *Имаме дадено тук едно заявление* «У нас здесь подано одно заявление» [примеры: Георгиев 1957].

По мнению В. Георгиева, в подобных сочетаниях болгарского языка часто еще ощущается собственное лексическое значение глагола «имам». В сочетании со значением достигнутого результата и принадлежности этого результата субъекту действия создается характерная семантика конструкции, называемой посессивным перфектом.

В болгарской разговорной речи отмечаются редкие конструкции с несогласованным причастием, имеющим форму среднего рода единственного числа: *Тук имаме посочено елен-рогач* «Тут (у нас) прошел олень-рогач». Редки также случаи употребления глагола «имам» в сочетании с причастием без объекта: *Имаме ли написано?* «У Вас написано? (=Вы написали?)».

На основании этих фактов В. Георгиев делает вывод, что в настоящее время в разговорной болгарской речи идет процесс перехода конструкции «*има* + причастие на *-н/-т*» из свободного синтаксического сочетания в аналитическую глагольную форму слова. В этом отношении болгарский язык представляет для нас большой интерес, так как в македонском языке, к примеру, в грамматических формах перфекта стирается явно посессивное значение, вытесняясь грамматическим.

Конструкции с посессивным перфектом встречаются и в публицистических текстах, соединяющих в себе, как известно, элементы устной речи, языка художественной литературы, научного и делового стилей: *Кандидатът има изработен материал по този въпрос* «У кандидата разработан (кандидат разработал) материал по этому вопросу»; *... вече имаме набелязани кандидати* «...у нас уже намечены кандидаты (мы уже наметили)»; *Имаме приета още една програма* «У нас принята еще одна программа (мы приняли)»; *Имам публикувани 11 книги и продължавам работата си* «У меня опубликовано 11 книг, и я продолжаю свою работу»; *Имаме създадени отделни институти...* «У нас созданы отдельные институты»; *Имаме поръчани материали още през май...* «У нас заказаны (мы заказали) материалы еще в мае»; *(той) Има отпечатани две статии* «У него напечатаны две статьи».

Некоторые болгарские посессивные конструкции вне контекста могут пониматься двояко. Так, в статье Й. Пенчева приводится и комментируется следующий пример:

а) *Той има изорани две ниви.* «У него вспаханы два поля». = *Той е изорал две ниви.* «Он вспахал два поля».

б) *Той има изорани две ниви.* = *Той има две ниви, които са му изорани.* «У него есть два поля, которые вспаханы для него». [Пенчев 1968].

Можно привести подобный пример, который тоже является спорным:

а) *(той) Има отпечатани две статии.* = *Той е отпечатал две статии* (т. е. «он сам напечатал две статьи»).

б) *(той) Има отпечатани две статии.* = *Той има две статии, които са отпечатани* («у него есть две напечатанные им или кем-то статьи»).

Однако, возможно, подобная двусмысленность снимается изменением порядка слов: *той има две отпечатани статии* («Он имеет (у него) две напечатанные статьи») – *той има две статии, които са отпечатани* («у него есть две статьи, которые напечатаны (им)»). Данный вопрос заслуживает внимания, но для этого необходим анализ большего количества подобных конструкций.

В русском языке посессивное причастие прошедшего времени проникает в конструкцию «у + Р.п. + *быть* + причастие прошедшего времени»: *У него уже прочитана вся литература; У меня работа не начата; У меня деньги отложены; У нас уже было решено*. Семантическое сходство данной конструкции с западноевропейским посессивным перфектом отмечено в работах Ф.И. Буслаева, А.А. Потемни, П.С. Кузнецова, В.И. Борковского, С.П. Обнорского. Особенно распространен посессивный перфект (в его многочисленных разновидностях) в говорах, и больше всего – в западных севернорусских и среднерусских. Этому посвящены работы И.Б. Кузьминой (1971, 1972), З.М. Петровой (1968), В.А. Матвеевко (1961). Характерная особенность русского посессивного перфекта, отмечаемая исследователями, состоит в том, что субъект действия (посессор) выражен почти всегда одушевленными существительными или личными местоимениями: *Привязана у Коли с Ленинграду жонка (жена Коли); Штотки-то обои у крестной унесены (щетки крестной); У меня уже два платья сношено (мой платя); У его корову украто (его корова); У нее мужа убито (ее муж); Погибши сын у мени (мой сын); У меня уже корова подоивши (моя корова)*. [примеры Маслов 1949; Кузьмина 1971, 1972; Петрова 1968; Матвеевко 1961].

В зависимости от переходности или непереходности глагола, от которого образовано причастие, от наличия или отсутствия в предложении грамматического подлежащего, от наличия или отсутствия согласования причастия с именем объекта, исследователи русского посессивного перфекта выделяют различные структурные типы конструкций с посессивным перфектом:

1. Объектный тип (причастие образовано от переходного глагола).

1.1. Объект действия (он же объект обладания) служит грамматическим подлежащим и стоит в именительном падеже.

1.1.1. Причастие согласовано с именем объекта: *Хороший муж был: век у меня кости не биты, не ломлены; У этого мужика иконы пропиты*.

1.1.2. Причастие не согласовано с именем объекта: *Муж-то у ней убито*.

1.2. Объект действия (он же объект обладания) стоит в винительном падеже, предложение не имеет подлежащего и является безличным: *У его корову украто; У меня на железной дороге руку сломано*.

Однако не всегда можно определить, к какому типу относится та или иная конструкция, так как в некоторых случаях неясно, в форме какого падежа стоит объект действия:

У нее мужа убито (родительный или винительный?);

Армяк у меня им дано; У меня наделиши валенки; У меня два платья сношено (винительный или именительный?).

1.3. Объект действия (он же объект обладания) стоит в родительном падеже, предложение безличное: *У ней всякого варенья наварено.*

2. Безобъектный тип (причастие образовано от переходного и непереходного глагола).

2.1. Непереходный.

2.1.1. Объект обладания обозначает активного деятеля.

2.1.1.1. Является грамматическим подлежащим и стоит в именительном падеже: *Погибши сын у меня; У меня были свои приехавши.*

2.1.1.2. Стоит в родительном падеже: *У них приехано гостей.*

2.1.2. Посессор обозначает активного деятеля, предложение является безличным.

2.1.2.1. Причастие не имеет частицы *-ся*: *У меня было плакано; У пса убежено; У него ушетчи.*

2.1.2.2. Причастие имеет частицу *-ся*: *Там у хозяйки отстряпанось.*

2.2. Переходный: *У них еще не пахано; У меня стирано; Это не у меня, у сестры вышито; У деда-то наудивши.*

Следует заметить, что в безобъектных причастных конструкциях значение деятеля выступает явственнее, чем значение результата действия, находящегося во владении субъекта действия.

Итак, сочетания с посессивным перфектом существуют как в болгарском и македонском, так и в русском языке. Однако македонские посессивные конструкции входят в сферу литературного языка, употребляясь наряду с формами перфекта с глаголом «сум», а русские и болгарские конструкции более ограничены в употреблении. Русский посессивный перфект распространен в ряде диалектов; болгарский посессивный перфект – в юго-западных диалектах, в публицистическом, официально-деловом стилях литературного языка, иногда в устной речи. Причем вопрос о сферах распространения болгарского посессивного перфекта требует дополнительного изучения.

С семантической точки зрения конструкция русских говоров «у + Р.п. + *быть* + причастие прошедшего времени» является аналогом болгарской конструкции с глаголом «имам» и причастием прошедшего времени на *-н/-т*. Но болгарский посессивный перфект изучен еще недостаточно. Необходим анализ различных структурных типов посессивного перфекта и их семантических особенностей в болгарском языке, при этом подобный анализ можно произвести в сопоставлении с русским посессивным перфектом. Кроме того, заслуживает внимания частичное сопоставление посессивного

перфекта болгарского языка (в том числе его юго-западных диалектов) с посессивным перфектом македонского языка.

Литература

- Бирюкович Р.М. О категории принадлежности в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1980. № 3.
- Бояджиев Т. Аналитични форми с глагола *имам* в тракийските говори // Известия на Института за български език. София, 1968. Кн. 16.
- Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.
- Вольф Е.М. Некоторые особенности местоименных посессивных конструкций (иберо-романские языки) // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Георгиев В. Възникване на нови сложни глаголни форми със спомагателен глагол *ИМАМ* // Известия на института за български език. 1957. Кн. 7.
- Головачева А.В. Семантико-синтаксический способ выражения категории посессивности // Структура текста – 81: Тезисы симпозиума. М., 1981.
- Иванов Вяч.Вс. Типология посессивного типа спряжения и посессивного типа конструкции // Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986.
- Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
- Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.
- Конески Б. Грамматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1966.
- Кузьмина И.Б. Предикативное употребление причастий в русских говорах. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1972.
- Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Лухт Л.И. Категории бытия и обладания (французско-румынские параллели) // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Маслов Ю.С. К вопросу о происхождении посессивного перфекта // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филологических наук. Вып. 14. Л., 1949.
- Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Матвеев В.А. Некоторые особенности структуры страдательно-безличных оборотов в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. М., 1961. Вып. 2.
- Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.–Л., 1945.
- Пенчев Й. Конструкции с глагола // Славистичен сборник по случай VI Международен конгрес на славистите в Прага. София, 1968. Кн. 3.
- Петрова З.М. Посессивный перфект в псковских говорах // Псковские говоры. Псков, 1968. Т. 2.
- Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема (на примере польского языка) // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974.
- Попова Г. Употребата на минало страдательно причастие с глагола «*имам*» в българския език // Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София. София, 1931. Кн. 7.
- Селиверстова О.Н. Экзистенциальность и посессивность в языке и речи. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1983.
- Теодоров-Балан А. Особит състав с глагол «*имам*» // Известия на Института за български език. София, 1957. Кн. 5.
- Ускова Р.П. Значение и употребление причастий в македонском литературном языке // Балканское языкознание. М., 1973.

- Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Чинчлей К.Г. Категория посессивности в типологическом освещении // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 64. № 2.
- Чинчлей К.Г. Некоторые аспекты типологии категории посессивности (на материале романских, германских, балтийских и славянских языков). Дисс. канд. филол. наук. М., 1984.
- Чинчлей К.Г. Некоторые презумптивные отношения посессивности // Грамматические и лексические системы в романских и германских языках. Кишинев, 1984.
- Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
- Fici F. Macedonian perfect and it's modal strategies. Скопје, 2001.
- Paşaliu J. AVEA (AVOIR) – relation d' existence simultanée // Revue roumaine de linguistique. 1972. Vol. 18. № 3.
- Seiler H. POSSESSION as an operational dimation of language. Language Universal Ser. V. (2). Tübingen, 1983.
- Spanoghe A.M. La syntaxe de l'appartenance inaliénable en français, en espagnol et en portugais. Frankfurt a/Main, 1995.
- Zimek R. K chápaní posesivnosti // Sbornik Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk a literatura. Praga, 1960. Vol. 2.

Редкие глаголы говорения в старославянском языке*

Язык старославянских памятников, старославянский язык, будучи языком текстов о слове, изобилует глаголами со значениями речи. «Основными» глаголами говорения, т. е. формирующими ядро семантического поля речи, в старославянском языке являются глаголати и рещи. К ним примыкает часть глаголов с корнем вѣт-: повѣдѣти / повѣдати / повѣдовати, съповѣдѣти / съповѣдати / съповѣдовати, вѣщати / вѣщавати, възвѣщати / възвѣстити и некоторые другие со значением передачи информации ('говорить', 'рассказывать', 'сообщать') и вѣсѣдовати, имеющие, однако, более узкую семантику и ограничения в сочетаемости. Периферию семантического поля речи составляют, с одной стороны, глаголы говорения с наименьшим семантическим объемом, например описывающие типы речевых действий (въпрашати 'спрашивать', пьрѣти 'спорить', лъгати, льстити 'лгать' и др.), способы говорения (въпнги, кричати, нѣмовати 'говорить косноязычно' и др.), а с другой стороны, глаголы, для которых само значение говорения является периферийным, например глаголы ментального состояния (исповѣдати / исповѣдѣти 'признать / признавать', 'рассказать / рассказывать', 'дать / давать обет', 'восхвалить / восхвалять'), физических действий (бранити 'создавать физические препятствия', 'запрещать (словом)') и др.

В старославянском языке можно отметить редко встречающиеся глаголы говорения, собственно гапаксы и употребленные два-три раза. Как правило, это глаголы, которые относятся также к периферии семантического поля речи (неслучайно они встречаются редко) и могут относиться как к одной из обозначенных выше групп, так и к другой. Однако установление значения одних не представляет трудности (например, глагол оглаголати (2) 'обвинить' (2), ср. и существительное оглаголанне (2) 'обвинение' – глагол и существительное с узкой семантикой), значение же других может быть установлено либо только по

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Минпромнауки РФ №НШ – 2141.2003.6.

греческому соответствию, либо исходя из контекста и сравнительного изучения древнеславянских рукописей в целом (например, глагол *рѣчновати* (1) ἀλατῆν, 'требовать': почто много ѿ инѣхъ рѣчновѣши). Не всегда можно точно охарактеризовать подобный глагол: что это, неологизм памятника? диалектизм? а может быть, ошибка писца?

Среди таких глаголов-«загадок» рассмотрим три глагола со значением говорения (передачи информации), которые манифестируют значение 'говорить, передавать (сообщение)', т. е., по данным «Старославянского словаря» [СС], имеют общую семантику говорения, и являются гапаксами старославянского языка: *сѣказовати*, *сѣтъкъати* (*сѣтъкати*), *зѣаци*.

1. *сѣказовати* διέρχεσθαι, 'говорить, повествовать, рассказывать': многа же и о сѣднѣѣмъ дѣни *сѣказова* слова (διήλθε λόγους) Супр, 412, 27¹. Исходя из этого единственного контекста, можно сказать, что глагол *сѣказовати* относится к основным глаголам говорения старославянского языка. Однако это не так. Помимо *сѣказовати* в старославянских памятниках с этим же корнем и префиксом более 100 раз употреблен глагол *сѣказати*, а также существительные *сѣказаник* (12) и *сѣказатѣль* (1), а также причастия *несѣкажемь* (1) и *несѣказакь* (1). Одно из значений глагола *сѣказати* – 'говорить / сказать', 'сообщать / сообщить', 'делать / сделать что-либо известным'. Однако значение 'сообщать' у глагола *сѣказати* не основное и развивается из значения 'указывать'. В старославянском языке лексемы (и глаголы в частности) с корнем -каз- (соответствует греч. -δεικ-) в большинстве своем сохраняют семантику указания, пояснения, научения (наставления), см. подробнее [Ефимова 1996: 27–30]: *казати* 'указать, поучать', *наказати* 'наставить / наставлять', 'научить / учить', *оуказати* 'указать, показать', 'представить', *показати* 'показать / показывать', 'проявить / проявлять', 'наказать / наказывать'. Памятники фиксируют процесс семантического развития лексем с корнем -каз-, что подтверждает и семантический объем глагола *сѣказати*, зафиксированный в [СС]: 1) 'объяснить / объяснять', 2) 'означать', 3) 'сказать / говорить', 'сообщить / сообщить', 'сделать / сделать известным', 4) 'возвестить / возвещать', 'провозгласить / провозглашать' (здесь в качестве греческого соответствия [СС] указывает и глагол γινώριζειν – 1. 'делать известным, понятным, показывать, объяснять', 2. 'познавать, узнавать, быть знакомым', — который следовало бы либо отнести ко 2-му

¹ В статье используются принятые в палеославистике сокращения названий памятников старославянского языка, см. [СС].

значению 'делать что-л. известным', либо к 5-му — 'открыть / открывать', либо выделить в самостоятельное, что, как покажут примеры ниже, было бы точнее), 5) 'открыть / открывать', 'указать / указывать', 6) 'приказать'. Значение 'сообщать, говорить' этого глагола безусловно содержит дополнительную семантику пояснения, указания, истолкования, ср. сходный объем значений существительного **сѣказаник** 1) 'объяснение, истолкование, разъяснение', 2) 'сообщение, известие', 3) 'история, рассказ, повествование', 4) 'свидетельство, доказательство', 5) 'условие, основание, повод' и значение существительного **сѣказатѣль** 'истолкователь'.

Показательно употребление глагола **сѣказати** в контексте вместе с глаголами ментального состояния и основными глаголами говорения (глаголоти, рещи):

[о<т>че] ...азъ же та познахъ и си познаша како ты ма послаа. и сказахъ (ἐγνώρισα) имъ има твоє. и скажж (γνώρισω) да любве еяже ма еси възлюбилъ. въ нихъ бждеть. и азъ въ нихъ рекъ [с<оу>съ] изиде съ оученики своими... *Сав 111а (109а)*², *Ио. 17:25 – 18:1* ('«...а Я познал Тебя, и они узнали, что Ты послал Меня, и Я открыл им имя Твое и открою (буду объяснять), чтобы любовь, которой Ты возлюбил меня, была в них, и [чтобы Я был] в них», – сказав [это], Иисус вышел с учениками своими...' – перевод не совпадает с синодальным там, где необходима большая точность);

вндѣвше сѣказаша (ἐγνώρισαν) о гласѣ. гла<гола>нѣмь имъ о отрочатѣ семь *Сав 139б (138б), 2–3, Л. 17* ('[они], увидев, рассказали (сделали известным) о гласе, который им возвестил (сообщил, сказал) об этом Младенце');

се въ притгъчахъ гла<гола>хъ вамъ. нъ придетъ година. егда оуже въ притгъчахъ не гла<гола>ж вамъ. нъ съ дръзновеннємь о о<т>ци сѣкажж (ἀπαγγελλῶ) вамъ *Сав 28а, 11–15 (140а), Ио. 16: 25* ('вот в притчах Я говорил вам, но придет время, когда уже не буду говорить вам притчами, но открыто возвещу вам об Отце' — ср. в этом же чтении възвѣститъж *Зогр, Мар, възвѣститъж* *Ас, Сав 108а (106а), 19*) и др.

Заметим, что и в других контекстах **сѣказати** не всегда может быть отнесен к глаголам говорения, так как что-либо открыть, указать, выявить, сообщить возможно и не прибегая к словам, точнее, к речн. Именно поэтому **сѣказати** часто встречается в контекстах, где важно отметить, что

² Нумерация листов Саввиной книги дается по новому изданию (М., 1999), в скобках указывается номер листа по изданию Щелкина (СПб., 1903).

что-либо сообщается, указывается, но не важно, каким образом: прямо ли об этом *говорится*, или это выявляется постепенным развитием сюжетной линии (например, в житийном жанре), или чудесным образом дается знак свыше:

...в<о>жѣ законъ съказаетъ *Клоц 16, 26;*

...пръвое и последнее исповѣданник. танны ср<ѣдь>цю ѣкоже в<о>жнѣ повѣсти съказажтъ *Евх 92а, 11;*

...такоже великыа и истинъныа благыа нравы мѣжа. съказухомъ *Супр 520, 25;*

...скажи ми г<оспод>| конъчинѣ моѣж *Син пс 38, 5;*

...кѣто съказа вамъ бѣжати отъ градѣштааго гнѣва *Лк. 3:7 Зогр, Мар, Ас, Сав;*

...да скатъ (= скажетъ) имъ снаж своѣж *Син пс 105, 8;*

...г<оспод>| 'боже в'сѣдръжителю. сказавы ковъчегомъ образъ цр<ь>к<ъ>вны *Евх 16а, 1–2;*

...прѣдохъ паки съказатъ ѳомѣж *Супр 498, 16* и др.

Точно так же и причастия несъказемын и несъказакмын (оба — гапаксы Супрасльской рукописи, не имеющие греческих соответствий) следует скорее переводить не как 'невыразимый, не выражаемый словами' [СС] (поскольку из контекста неясно, насколько здесь актуализирована речевая семантика), а как 'необъяснимый, непостижимый, непознаваемый': кмѣже въздививѣше сѧ пѣснь похвальнѣж. того мнлосрѣдню. несъказемоуѣмоу величѣствоу отидоша *Супр 530, 29–30;* w несъказакмааго и несвѣдомааго тиннааго *Супр 344, 16.*

Возвращаясь к глаголу *съказовати*, укажем, что это вторичный имперфектив, образованный по продуктивной модели от глагола совершенного вида *съказати*, причем суффикс *-ова-* указывает на итеративность, а не на собственно несовершенный вид, так как сам глагол *съказати* двувидовой (*съкажж, съкажешн и съказаж, съказакши*).

Таким образом, *съказовати*, должно быть, имел семантические признаки, свойственные и глаголу *съказати*, и входил в группу не собственно речевых, а речемыслительных глаголов.

2. *звѣсти*, греч. нет, 'рассказывать', гапакс Супрасльской рукописи (475, 11). Собственно, представлена причастная форма (*звѣгома*, m. gen. sg.). Рассмотрим подробнее контекст, где она употреблена. Это «Слово Иоанна Златоуста о Воскресении Христовом», пересказывается Лк. 24:18–20, удивленный вопрос одного из учеников, Клеопы, не узанному им Христу: «Неужели ты единственный из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни?». Но Златоуст вкладывает в уста Клеопы

эмоциональный монолог, усиленный множеством риторических вопросов и повторов: случилось затмение, луна разве напрасно померкла, завеса церковная разорвалась, день в ночь переделся, камни на куски распались — и ты не узнал о случившемся, ты ли кдинъ живы въ neroусалниѣ не разоумѣ бывъшааго. бѣди кже не видѣлъ кси. то не слыша ли. да аште очима тоу не бѣ еда и оушима не слыша . аште и тоу не бѣ кгда са сътвориша. бывъшааго. ты ли кдинъ живешн въ neroусалниѣ и не оуѣдѣлъ кси бывъшааго. въ немь. ни ли звагома слышалъ кси. ни ли тварь та наоучила бывъшааго. ни ли стѹхиа наоучиша та измѣнены бывша... ‘...неужели ты единственный... не узнал о случившемся [в Иерусалиме]... неужели и того, о чем говорили (обсуждаемого, того, что было разглашено), ты не слышал...’. Значение причастия звагома ‘обсуждаемое, то о чем говорят’ и соответственно глагола зваци передается достаточно приблизительно, так как и внутренняя форма слова подсказывает, что речь идет о том, что «распространяется широко, что гремит, звенит (слух, новость)» [Ст6Р], ср. рус. разг. раззвонить ‘разболтать’. По своему значению глагол зваци скорее ближе глаголам слоути (4, греч. нет, встречается в Супр.) ‘слыть, быть известным’, прославити соответственно греческому διαφημιζειν ‘разгласить, прославить’: она же шедъша прославиште и по всен земли тон *Mt. 9:31 Зопр, Мар, Ас* (прославишта *Сав*). По-видимому, глагол зваци стоит в ряду лексем, которые при изменении сочетаемости и грамматических показателей (залога) может переходить из разряда лексем со значением говорения в разряд лексем со значением восприятия, ср. коррелирующие с такими глаголами имена, имеющие уже либо только значение восприятия, либо сочетающие в себе оба значения, говорения и восприятия: . прослоутик (2) φημη, ‘известность, слава’, слоутик (1) περιφουεια ‘известность, репутация’, слава (>400) ‘слава, известность, честь’, ‘мнение’, ‘хвала, благодарность’, словын περιφημος, ‘известный’, слоухъ (49) ‘слух, способность слышать’, ‘уши, слух’, ‘слух, молва’ и, конечно, многозначная лексема слово. То, что глагол зваци действительно редкий, подтверждается «Словарем старославянского языка» Чешской Академии наук, в котором отражен материал и поздних (включая XIV в.) древнеславянских памятников: зваци там тоже указывается как гапак Супр. [SJS, 12]. Однако знакомое причастие звагомын (1) фиксирует «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (хотя язык текста скорее можно назвать древнеславянским русского извода) с тем же значением ‘рассказываемый’ и опять без греческого соответствия: ни почита

възбранены <х> кни <г>. или доселѣ чемоу наоучилъса кси. невѣдомаѣ .с.са чары или лѣчы. и кови или игры твора. басни звалоуы <х>. лѣкы и шахматы *Варсонофиевская кормчая, Святительское поучение новопоставленному священнику, 3086-в, [СДРЯ, 3].* Нетрудно заметить, что значение 'рассказываемый' и здесь не совсем точно передает характеристику «басен»: ведь речь идет не о рассказах, а о рассказах, о том, что на слуху, но что возбраняется священнику слушать и передавать.

3. сѣтъкати (или сѣтъкати) (1) ἀπαγγελλειν 'возвестить, сообщить, передать'. Из всех глаголов говорения это, наверное, самый загадочный. Встречается он единожды в Супр. в «Житии Савина»: [один арианин] рече к коментариисию. кѣто ксѣтъ кгоже веджѣтѣ нашего чина воини. онѣ же рече мьнѣ г<оспод>и. воквода кдинѣ отѣ невогынѣхъ крѣститианѣхъ ксѣтъ. и потомѣ мало дошедѣше воини сташа прѣдѣ вокводѣ и сѣтъкаша коментариисиимѣ глаголюшѣ. савин ли ксѣтъ... *Супр. 146, 20–21.*

Судя по всему, мы имеем дело с переносным значением глагола, употребляющегося в материальной сфере, т. е. глагола со значением 'ткать' (ср., например, рус. *ткань повествования*, название древнерусского книжного приема *плетение словес*), родственного лат. *texo*, откуда и *текст*. Это тем более удивительно, что в старославянском языке еще сохраняется этимологическое значение глагола **tъkati* 'толкать, совать' [Черных 1993, 2]: тъкати (1) 1. διανύσσειν, λακτιζειν '(при)касаться, толкать, стучать' (ср. тъкнѣти (3), имеющий только значение '(при)коснуться, толкнуть, стукнуть') 2. εζυφαίνειν 'ткать' (ср. истъкати (3) — только 'выткать, соткать', тъканик (1) 'ткань') — и уже функционирует переносное.

Рассмотренные лексемы со значением говорения позволяют уточнить семантику некоторых глаголов, периферийных для семантического поля речи старославянского языка. Следует заметить, что они могут как описывать тип речевых действий или способ говорения, так и заключать в себе акустические и содержательные характеристики речевого поведения (например, глагол звацин, несущий эмоциональную характеристику речевой ситуации). Кроме того, закономерно, что периферийными для семантического поля речи являются лексемы других лексико-семантических групп, в первую очередь ментального состояния и чувственного восприятия, к которым относится сѣказовати, и также уже в старославянском языке представлены переносные значения глаголов, входящих в лексико-семантическую группу физических действий (сѣтъкати).

Сокращения

- Ефимова 1996 – *Ефимова В. С.* Лексика со значением речи в старославянском языке. I. Слова с корнями -вѣт-, -кесѣд-, -каз- // Славяноведение. 1996. № 1. С. 18–30.
- СДРЯ, 3 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1990. Т. 3.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- СтБР – Старобългарски речник. София, 1999. Т. 1.
- Черных 1993, 2 – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 2.
- SJS, 12 — Slovník jazyka staroslověnskeho. 12. Praha, 1966.

Аномалии глаз как признак мифологического персонажа

Тексты мифологических рассказов (быличек) предоставляют нам обширный материал, позволяющий судить о признаках, отличающих в народных представлениях «человека» от «нечеловека». По определению Т.В. Цивьян, «под не-человеком... понимается существо, внешне полностью совпадающее с человеком и отличимое от него лишь в специальных диагностических контекстах, которые, однако, выявляют их полную противоположность по существу/сути» [Цивьян 2000. С. 178]. В быличках мифологический персонаж часто является людям в антропоморфном или зооморфном облике. Антропоморфный облик характерен для тех мифологических персонажей, которые находятся на периферии демонологической системы; т. е. персонажей, которые изначально, по своей природе, были людьми, но перешли по тем или иным причинам в разряд мифологических существ. К ним можно отнести в первую очередь колдунов и покойников, для которых особенности внешнего облика (в том числе глаз) особенно актуальны и могут служить диагностическим контекстом, позволяющим противопоставить этих персонажей человеку («нечеловековатый – нечистый дух... может принимать облик человека, но в то же время он всегда чем-то отличается от людей, «нечеловековат»» [Власова 1995. С. 253]).

Одним из маркеров, позволяющих отличить человека от нечеловека (наряду с другими, такими, как, например, ноги^{**}), являются глаза. Глаза мифологического персонажа по ряду признаков (или по одному из них) отличаются от

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Минпромнауки РФ №ИИИ – 2141.2003.6.

** В известном сюжете о том, как покойник приходит к живым, его принимают за настоящего человека до тех пор, пока кто-нибудь не взглянет на его ноги: «и когда она посмотрела на ноги-то, то увидела, что они мохнатые какие-то, а не его собственные». [Вятский фольклор 1996. № 151]. Глаза и ноги параллельно характеризуют мифологический персонаж в паре *слепой — хромой* (признак «зменной природы» демона [Успенский 1982. С. 89]), а также в прилагательном *кривой*, которое может означать как «одноглазый», так и «хромой».

глаз человека или животного. Такие дифференциальные признаки выстраиваются в целостную систему, на основании которой можно составить представление о том, что признается за норму и что считается антинормой внешних признаков глаз. Высоко оценивая значение понятия нормы в традиционной народной культуре, Л.Н. Виноградова отмечает, что «для исследователей народной культуры большой интерес представляет вопрос о том, что же именно в системе ценностей традиционного общества причислялось к признакам, отличающим человека от мифологических персонажей (не-человека)» [Виноградова 2000. С. 118].

Следует отметить, что представление о норме мы можем составить только исходя из знания о том, что есть аномалия. Норма никогда не фиксируется в народных верованиях, в то время как аномалия, как правило, находится в центре внимания.

Проанализировав достаточно большой корпус как русских, так и польских текстов быличек, мы выделили ряд признаков, которые в славянской народной традиции оцениваются как антинорма и соответственно позволяют распознать мифологический персонаж в антропоморфном облике. Норма / аномалия выражается в наличии / отсутствии компонентов глаза, в строении и форме глаза (зрачка). Выделяется ряд релевантных признаков, по которым оцениваются глаза (цвет, размер, форма, количество); показательной также становится манера смотреть. Очевидно, что в число аномалий входят и физические отклонения (кривизна, косоглазие, слепота и др.). Наличие аномалии по тому или иному признаку указывает на мифологическую природу персонажа, позволяет идентифицировать его как существо иного мира.

Аномальным, несоответствующим норме является, с одной стороны, отсутствие какого-либо компонента глаза (ресниц, бровей, век): *У кого нет ресниц, тот считается чертом или, во всяком случае, подозрительным человеком, так как «у нехорошего нет ресниц* [Иваницкий 1890. С. 120]. В Симбирской губернии рассказывают, что в селе Никольском от змея родился черный сын, с копытами, с глазами без век, навькате [Власова 1995. С. 156]. "Niedobry" jest kto nie ma brwi – to już nie człowiek... lud wielkoruski posądza demony leśne o brak brwi i rzęs, dla chłopów polskich zaś brak brwi charakteryzuje gdziegdzie upiory («Нехороший» – тот, у кого нет бровей. Это уже не человек. У русских бытуют верования о лесных демонах, у которых нет бровей и ресниц, у польских крестьян отсутствие бровей в неко-

торых районах приписывается упырям) [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 607–608].

С другой стороны, как отклонение от нормы выступает наличие вышепечисленных компонентов с признаками избыточности какого-либо из них (ср. с избыточностью, как признаком демона вообще, – волосатость, громкий голос, огромный рост): *Niektóre istoty półdziemoniczne mają całe ciało uwłosione mniej lub więcej normalnie, ale szczególnie obfite brwi, albo też brwi zrosnięte nad nosem* (У некоторых полудемонических существ волосистой покров тела более-менее в норме, но особо выделяются густые брови, или брови, сросшиеся на переносице) [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 607]. *Человеку с густыми сросшимися бровями приписывают необычайное могущество: он колдун, и может высылать из своих бровей на врага какое-то демоническое существо* [Афанасьев 1996. С. 237]. *Длинные веки в народных представлениях являются признаком демонического существа... В быличке из белорусского Полесья смерть описывается как чудовищная женщина с огромными веками* [СМ. С. 90, 91]. *Вий... персонаж, чей смертоносный взгляд скрыт под огромными веками или ресницами, одно из восточнославянских названий которых связывается с тем же корнем: ср. укр. вія, війка, белорус. вейка – ‘ресница’* [СМ. С. 90]. *В западно-украинской рукописи 16 века, описывающей последние дни жизни Иуды, говорится, что веки его столь разрослись, что лишили его зрения* [СМ. С. 90].

Из последнего примера видно, что мотив огромных век, закрывающих глаза, тесно связан с мотивом слепоты персонажа. Слепота как бы является спасительной для всего окружающего, так как опущенные до земли веки предохраняют внешний мир от губительного взгляда. В Подолии сохранилась легенда об одном страшном истребителе, который взглядом своим убивал людей и обращал в пепел города и деревни. К счастью, убийственный взгляд его закрывали густые брови и близко прильнувшие к глазам веки. Только в том случае, когда хотели уничтожить неприятельское войско или зажечь неприятельский город, поднимали ему веки вилами [Афанасьев 1996. С. 237]. Идея слепоты также может выражаться в том, что персонаж изображается с закрытыми глазами. *Русалки – с подчеркнутыми признаками покойника: закрытые глаза, холодные руки, бледные или синие лица* [Виноградова 2000. С. 43–44].

Аномалии также могут проявляться в особенностях строения глаза. Особенно распространены аномалии, касающиеся строения и формы зрач-

ков: *W okolicach Rogóżna nazywają przyrocznymi takie oczy, których źrenice niezupełnie są okrągłe, a w Sierpeckiem rozpoznają urokliwych po tem, że białka ich oczu poprzecinane są na krzyż żyłkami* (В окрестностях Рогожна урочными называют такие глаза, в которых зрачки имеют не совсем округлую форму, а в окрестностях города Серпец урочливых людей распознают по тому, что белки их глаз пересекают крест-накрест жилки) [Barthel de Weydenthal 1921. S. 6].

Существует широко распространенное представление, что в зрачке можно увидеть изображение человека. Глаза мифологического персонажа отличаются от глаз обычного человека тем, что в них это изображение оказывается в перевернутом виде: *Зрачки – человечки. У ведьмы человечки кверху ногами* [СРНГ S.v. «Зрачки»]. *Пачём ведьму узнать... Кто знает, чилавечки у глазах ня будут галоўкамі, а кверху нагами* [Добровольский 1891. С. 105]. Представление об изображении человечков в зрачке является результатом наблюдения, что на поверхности глаза, как в зеркале, отражается облик собеседника. Это находит подтверждение в следующих примерах: *Если смотреть в глаза колдуну, то увидишь, что в зрачках у него люди отражаются вверх ногами* [Новичкова 1995. С. 243]. *Внешним признаком, отличающим ведьму, сибиряки считают перевернутое отражение человека или предмета в ее глазах (в зрачках)* [Виноградова 2000. С. 245]. *У колдунов, знающихся с обитателями потустороннего мира, отражение в зрачках может быть перевернуто вверх ногами, а иногда он имеет две тени* [Власова 1995. С.181]. Перевернутость, «инаковость» вообще является характерной чертой демонов. Изображение, которое отражается в глазах ведьмы, описывается как демоническое, нечистое: *кашубы считают, что у ведьмы (чаровницы) красные, дикие глаза, а в глазах вместо зрачков – козел с рогами* [Толстая 1998. С. 142].

С другой стороны, глаза мифологического персонажа также могут характеризоваться полным отсутствием изображения: *Если собеседнику удастся заглянуть в глаза чародею, то в его зрачках он не увидит отражения своего лица, они будут оставаться темными* [Новичкова 1995. С. 243].

Желая скрыть особенность строения глаз, которая выдает его истинную сущность, персонаж вынужден прятать глаза от собеседника. Это, в свою очередь, порождает представления о том, что мифологический персонаж избегает смотреть в глаза, косит, смотрит в сторону (и наоборот: манера косить, смотреть исподлобья может объясняться нежеланием показывать глаза собеседни-

ку): Колдуна-то как распознать – он в глаза не смотрит, потому как, когда человека увидит, является он в глазах колдуна в перевернутом виде [Шумов 1991. № 290]. Владимирские крестьяне полагали, что в глазах колдуна не бывает отражения, и потому он никогда не смотрит в глаза собеседнику; бабы называют глаза колдуна пустыми, без мальчиков, а тульские – что у колдунов отражение в зрачках может быть перевернуто вверх ногами [Голстая 1998. С. 142]. *Mówią także, że rzucają uroki ludzie, patrzący „z podetba”, lub „z pod ręki”* (Говорят также, что насылают уроки люди, глядящие «нсподлобья» или «из-под руки») [Barthel de Weydenthal 1921. S. 6].

Особо следует отметить верования, связанные с огненной природой глаз и зрачков мифологических персонажей: *Некоторые замечают огненные струйки в глазах колдунов* [Новичкова 1995. С. 243]. *Ведьм и колдунов узнают по особому взгляду – с огненными струйками в зрачках* [Новичкова 1995. С. 71]. *Женился [мужик] на красавице писаной, только глаза у нее были странные: черные, а в глазах словно искорки бегают. Как взглянет, так мороз по коже пойдет.* В дальнейшем выясняется, что жена была связана с «нечистым» [Новичкова 1995. С. 545].

Идея «огненности» может выражаться в сравнениях с горением (огнем, углями): *Поляки в окрестностях Ченстоховы рассказывают про горящие огнем глаза волка, которые баба принимает за церковные свечи* [Гура 1997. С. 4]. *Наиболее традиционный облик для упырей – труп с горящими глазами и огромными, часто железными зубами* [Новичкова 1995. С. 548]. *Черта-человека выдает зычный голос, горящие глаза, а также едва заметные рожки, копытца* [Власова 1995. С. 343]. *Иду: кошка черная бежит, глаза – как огни. Хотела ее схватить – никого не стало* [Шумов 1991. № 129]. *Домовой – старик в красной рубаше с «огневыми» глазами, со свечкой в руках* [Власова 1995. С. 138] *На Севере [гуменника] представляли человеком с ярко горящими глазами* [Власова 1995. С. 120]. *Распознать лешего можно по тому, что его глаза – как раскаленные угли* [Новичкова 1995. С. 302]. *Черти являлись к колдуну перед смертью в образах черных ворон или кошек с горящими как угли глазами* [Новичкова 1995. С. 176]. *Упырь представляется с глазами как раскаленные угли, зубы длинные, как у собаки* [Новичкова 1995. С. 549]. *Черт – синее, черное мохнатое существо, с крыльями и хвостом, с когтями, рожками и копытцами, глаза его горят, как угли, голос зычный, сильный, каркающий* [Власова 1995. С. 324]. *Глаза лешего зеленого цвета или горят, как угли*

[Власова 1995. С. 205]. *Овинник может быть громадным черным котом и «с глазами как угли»* [Власова 1995. С. 266].

Глаза демонов также ассоциируются со свечением, искрением (светилами – звездами, солнцем): *Маўкі – деўкі такі ўсе ў белом, лохматыя, глаза светяцца...* [Виноградова 2000. С. 364]. *У шуликунов глаза светят, зубы светят, они в ступе летают* [Черепанова 1996. № 206]. [Леший] огромный, «с глазами как звезды», ходит с ветром [Власова 1995. С. 205]. *Водяной – горбоносый старый старик, волосы до пят, всклокочены, борода до пояса, глаза так и искрятся, как звезды, то затухнут, то загораются* [Власова 1995. С. 94]. *Świecą się więc oczy wielko- i białoruskim demonem domowym (podobnie jak niemieckim koboldom), u słowian bałkańskich zapisali etnografowie podania o ognistych oczach wił, u Czechów – o takich lub podobnych oczach «dzikich ludzi», u Łuzyczan – czarownic, u Polaków – upiorów, boginek, a nawet wodników. Pospolicie też słyszymy o świecących czy ognistych oczach czarta* (Светятся глаза у русских и белорусских домашних (как и у немецких koboldов). У балканских славян этнографами были зафиксированы предания об огненных глазах ви́л, у чехов – о таких же или подобных им глазах «дивьих людей», у лужичан – чаровниц, у поляков – упырей и богинок, а также водяных. Часто также можно услышать о светящихся или огненных глазах черта) [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 610]. *Стоит мужик большой, глаза светлые [лешой]* [Новичкова 1995. С. 366]. *(Nawia) mają mieć podobno oczy «czerwone jak słońce»* (Нави должны иметь глаза «красные, как солнце») [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 609].

Глаза демонов сравниваются с кошачьими глазами: *Земляная кошка – один из сторожей заколдованных кладов. Образ земляной кошки в уральских поверьях навеян и природным явлением – мерцающие (как кошачьи глаза) сернистые огоньки, выходящие из земли* [Власова 1995. С. 152]. *Samodzielnie występujące oczy ogniste, płomienne, świecące jak u kota stanowią jedną z najwybitniejszych cech demonicznych* (Самостоятельно выступающие огненные, пламенные, светящиеся, как у кошки, глаза являются одной из самых распространенных черт демонов) [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 609].

Блеск глаз демонов напоминает блеск драгоценных камней (о кладах): *Горный может быть и обычным человеком, но с горящими глазами, напоминающими блеск подземных сокровищ, минералов* [Власова 1995. С. 119].

Клад-оборотень можно узнать по светящимся глазам: это горит золото, драгоценные камни, заключенные в нем [Новичкова 1995. С. 229].

Огненная природа глаз мифологических персонажей соотносится с представлениями об огненной сущности их самих (ср. огненный змей, огоньки на могилах и др.), их «огненность» является в какой-то мере отражением адского, демонического происхождения. В последнем примере огненность, кроме вышеуказанного значения, приобретает функциональный смысл: означает причастность персонажа к подземным сокровищам, блеск которых проявляется в его глазах.

Идея огненной природы глаз демонов также может выражаться в приписывании им красного цвета, который напрямую соотносится в одних случаях с огнем, в других – с кровью: *Белорусы считали владельцем и распорядителем клада «Деда»: он ходит с сумою по дорогам в виде нищего с красными огненными глазами и рыжей бородой, а встретив несчастного бедняка, одаривает его деньгами* [Новичкова 1995. С. 229]. *Białoruskie podania [mówią] o demonach strzegących skarbów i obdarzonych «czerwonymi ognistymi oczami»* (Белорусские легенды повествуют о демонах, охраняющих клады, наделенных «красными огненными глазами») [Moszyński 1967. T. 2. Cz. 1. S. 609]. *U Słowian... pod nazwą nãvje albo mãvje występują demoniczne dusze niechrzczeńców jako wielkie czarne ptaki, o czerwonych oczach, ostrzych szponach i zagiętym dziobie* (У словенцев под названием *nãvje* или *mãvje* выступают демонизированные души некрещеных детей, представляемые в образе больших черных птиц с красными глазами, острыми когтями и загнутым клювом) [Moszyński 1967. T. 2. Cz. 1. S. 676]. *Słowianie północni, jako to Łużyczanie, Polacy, Białorusini i Ukraińcy, bardzo często przypisują [czerwone oczy] wiedźmom i czarownikom (poza tym pospolicie ludziom złym). To samo słyszymy w Niemczech, gdzie zresztą oczy takie przyznaje się również kartom i innym demonom* (На севере славяне, а именно лужичане, поляки, белорусы и украинцы, очень часто приписывают красные глаза колдунам и ведьмам (а также вообще злым людям). То же самое мы можем наблюдать и у немцев, где подобными глазами наделяются карлики и другие демоны) [Moszyński 1967. T. 2. Cz. 1. S. 609].

Красный цвет глаз встречается в описании мифологических персонажей довольно часто. Он не является характерным признаком какой-либо определенной группы демонических существ, а указывает лишь на принадлежность существа иному миру: *У водяного глаза красные, большие, с ладонь*

величиной [Новичкова 1995. С. 92]. У поляков известны поверья, что в черной птице с красными глазами скрывается черт [Гура 1997. С. 106]. Пугали, циликуны приедут, наденут шапки красны, в роту красно, в носу красно и глаза-ти красны, в роту как огонь горит [Черепанова 1996. № 215]. У чертиста шары красные, прямо он не глядит [Шумов 1991. № 291]. *Odmiana grypy, tzw. «hiszpanka»... na terenie Pułtuskiego pojawiła się pod postacią chudej bardzo brzydkiej młodej dziewczyny, z włosami podobnymi do lnu, z czerwonymi oczyma* (Разновидность гриппа, так называемая испанка, в районе Пултуска появляется в образе худой, очень некрасивой молодой девушки с волосами, как лен, с красными глазами) [Baranowski 1981. S. 264]. *«Doświadczony» rybak białoruski nigdy nie będzie jadł ryby z czerwonymi oczami, o ile została schwytana w czasie burzy, niewątpliwie bowiem kryje się w jej postaci czart, który schronił się przed piorunami do wody* («Знающий» рыбак-белорус никогда не съест рыбы с красными глазами, если она была поймана во время грозы, так как в этом облике несомненно скрывается черт, спрятавшийся от молний в воде) [Moszyński 1967. T. 2. Cz. 1. S. 609]. *Считали, что чаровницу можно узнать по воспаленным, покрасневшим глазам, слезящимся или «бегающим», или по дикому взгляду* [Виноградова 2000. С. 245]. *Карпатская босорка... ночью становится безобразной старухой с красными, злыми глазами* [Виноградова 2000. С. 236]. *На юго-востоке Польши считали, что чаровница, как и упырь, красного цвета, у нее дикий взгляд и бегающие глаза или больные и часто слезящиеся глаза* [Толстая 1998. С. 142]. *У сербов и черногорцев [ведьму отличают] «кровавые» глаза, косые глаза, впалые глаза, густые, сросшиеся брови* [Толстая 1998. С. 142].

В одном из текстов нам встретилось изображение св. Николы с красными глазами: *...привидение было. Когда мужика моего убили, я лежу и плачу. Ребенок спит. Взглянула – старичок небольшой, в кафтане, глаза красноваты, волосы пострижены... Это Микола Милостивый приходил* [Черепанова 1996. № 422]. Этот факт не вызывает удивления, если рассматривать его в контексте народных верований, связанных с Николаем Чудотворцем (языческие параллели образа Николы подробно описаны в работе Б.А. Успенского [Успенский 1982]). Необходимо отметить, что красный цвет вообще является цветом демонов: по северорусским быличкам хорошо знаком образ лешего в красной рубаше [Левкиевская 1999, С. 53]; согласно черногорским верованиям, священник может опознать

среди входящих в храм женщин ведьму по **красным зубам** [Толстая 1998. С. 142]. *Кашубы считают... что ведьма очень любит красный цвет и потому одета во все красное: красные рукавицы, красные штаны и т. д.* [Толстая 1998. С. 142].

Наряду с красным цветом глаз у мифологических персонажей встречается **зеленый**. Иногда зеленый цвет сопровождается признаком огненности. К. Мошинский отмечает, что зеленый цвет выступает в описании глаз мифологических персонажей очень редко. *Motyw zielonych oczu spotyka się... bardzo rzadko. Na Wielkorusi przypisuje to lud demonom leśnym (w obwodzie rzyzańskim)... w pow. Muromskim obw. Włodzimierskim zielonymi oczami obdarzała ludowa fantazja także jakieś inne demony (może istoty w rodzaju rusalek)* (Мотив зеленых глаз встречается очень редко. У русских они приписываются лешим (в Рязанской области)... в Муромском районе Владимирской области зелеными глазами народная фантазия наделяет других демонов (типа русалок)) [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 609]. *У змея-человека глаза зеленые и светят, как у кошки* [Новичкова 1995. С. 199].

Совсем редко встречаются другие цвета глаз, чаще всего они распределяются по функциональному признаку: русалки иногда наделяются **голубыми глазами** (по цвету воды, в которой они живут), полевик предстает иногда с **разноцветными глазами** (ср. многоцветье полевых цветов). Особого внимания заслуживает **черный цвет** глаз, который практически не встречается в описании мифологических персонажей, зато является признаком человека, обладающего опасным взглядом.

Верования, связанные с другими цветами глаз, встречаются крайне редко. О перечислении цветов глаз в заговорах следует говорить отдельно, так как многие цвета, которые в них встречаются (желтый, белый и др.), не находят подтверждения в верованиях. В тексте заговора они появляются, по-видимому, под влиянием заговорной формулы перечисления (заговаривающий стремится перечислить как можно больше вариантов возможной опасности и защититься от них всех).

Аномальным может быть не только цвет, но и **размер** глаз мифологических персонажей. Необычными считаются, как правило, большие глаза (ср. с избыточностью, как демонической чертой). *В бане обдериха, обдериха, говорят. Это всё тоже пугали. Волосами-то завесилась, зубы-то длинные, глаза-то широкие* [Черепанова 1996. № 196]. *Водяной: глаза большие, красные* [Власова 1995. С. 97]. *Огарев живет в лесу. По ночам ходит-то*

Огарев. Света-то он не боится, а людей боится... Он страшный, у него глаза **большие** [Черепанова 1996. № 154]. Обдериха в полночь может «кошкой повидеться, глаза **широкие** [Власова 1995. С. 259]. Баба Яга сама дурная, большущая, рожка мохнатая, глаза **по яйцу**, космы распущенные, шелудивая [Новичкова 1995. С. 30]. Один торговец, поздно вернувшись в субботу домой, решил помыться. Налил в таз воды, влез на полок. А из-под полка вылез огромный страшный черный мужик с глазами с **чайные блюдца** [Новичкова 1995. С. 36]. *Na południu Słowiańszczyzny słyszeć można o wielkich oczach upiorów, demonów choroby kurzej, ukazujących się w postaci wielkiej czarnej kury etc. Polacy prawią niekiedy o oczach boginek, że są wielkie «jak talerze»* (На юге славянского мира можно услышать о больших глазах упырей, демонов куриной слепоты, показывающихся в облике большой черной курицы, и т. д. Поляки некогда говорили о глазах богинок, что они большие, «как тарелки») [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 609]. *Potomkowie zmijów, a także i odmieńcy... zwykle odznaczają się bardzo wielkimi oczami* (Потомки змеев, а также и обманыши [дети, которых подменила богинка] обычно отличаются очень большими глазами) [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 609]. *Русалка страшная, з рогамы, з **глаз-мы большымы**, волосы длинны* [Виноградова 2000. С. 371].

Часто большой размер глаз сочетается с пучеглазостью (глаза навывкате, выпученные): *по поверьям Орловины леший пучеглаз* [Власова 1995. С.204]. *Boginiarza (syna boginki i strzygonia) łatwo było poznać, bo miał **nyłupiaste oczy**, niskie czoło, obrośnięte aż do brwi gęstymi włosami* (Ребенка богинки и стригона легко было различить, так как у него были выпученные глаза, низкий лоб, заросший до самых бровей густыми волосами) [Tomiccý 1975. С. 114]. *Богинка и русалка характеризуются большой головой, **выпученными глазами**, крючковатым носом* [Виноградова 2000. С.36]. Опасными также считаются впалые, глубоко посаженные глаза: *южнославянская вештица часто изображается... с **глубоко сидящими глазами**, злобным взглядом* [Виноградова 2000. С. 238].

Особое внимание народная демонология уделяет такой аномалии, как кривизна, причем лексемой *кривой* может обозначаться как одноглазость, так и хромота мифологического персонажа. «Черти, бесы часто кривы – одноглазы, хромы, а также беспалы, беспяты. Кривой – не только ‘искривленный’, ‘отличающийся от обычного’, но и ‘обманчивый, лукавый, криводушный’ [Власова 1995. С. 112]. Б.А. Успенский отмечает, что этимоло-

гически слово *кривой* связано со значением 'левый': «поскольку леший и родственные ему представители нечистой силы связаны как с левым началом, так и с одноглазостью и хромотой, слово “кривой” как признак существа такого рода стало означать “одноглазый” и “хромой”» [Успенский 1982. С. 94; Толстая 1998 (а). С. 217]. Связь «кривизнь» и «левого» проявляется, в частности, в том, что у кривых (одноглазых) мифологических персонажей единственный глаз оказывается левым. Одноглазость становится признаком получеловека, недочеловека, свидетельствует о принадлежности к иному миру или пограничной зоне (одноглазыми также представляются всевозможные «дивьи люди», которые, по поверьям, населяют край земли) [Новичкова 1995. С. 519, 127, 128; Власова 1995. С. 194]. *Яга может быть слепой на один глаз* [Власова 1995. С.369]. *Бес может быть хром, крив (об едином глазе)* [Власова 1995. С. 55]. *Леший имеет сплющенное, ребром вперед, длинное лицо, длинную клинообразную бороду, один глаз и одну ногу пяткою вперед* [Никифоровский 1907. С. 69]. *По некоторым болгарским поверьям, змей похож на крылатого ужа, покрытого чешуей, имеет один глаз на лбу* [Виноградова 2000. С. 322]. *Оберег от вредящего курам домового – куриный бог («кикимора одноглазый») – камень с дырочкой, подвешиваемый в курятнике* [Власова 1995. С. 131]. *Białorusini prawią nam o ukrytych skarbach, że ukazują się one w postaci staruszka o jednym oku i że, gdy on biega po bagnach, jedyne jego oko świeci się jak błędny ogień* (Белорусы рассказывают о скрытых кладях, что являются они в образе одноглазого старичка, когда он бегаёт по болотам, его единственный глаз светится, как неверный огонек) [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 610]. *W Wileńskim zapisano podanie o czarcie olbrzymie, posiadającym jedno oko na środku czoła, z okolic ruskich mamy wiadomość o jednookim demonie leśnym etc.* (В окрестностях Вильно было записано предание о черте-великане, у которого был один глаз посреди лба; русские верят в существование одноглазого лешего) [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 610].

Идея кривизны-неправедности реализуется в облике одноглазого Лиха. *Лихо может быть одноглазо (то есть криво, неправедно)* [Власова 1995. С. 220]. *Неожиданность прихода лиха связывается со слепотой или одноглазостью. В сказках лихо олицетворяется бабой-великаншей с одним глазом* [Новичкова 1995. С. 340]. В некоторых случаях кривизна мифологического персонажа может получать вторичные, порой даже абсолютно «не-

правдоподобные» мотивации: *Однажды леший лишился правого глаза. Он был храбрым воином во всех сражениях. Лешак свалился на противника как снег на голову: всю несметную рать завалил дёрном, камнями, валежником. Но одна вражеская стрела попала ему в глаз, и леший выдернул ее вместе с оком* [Новичкова 1995. С. 298]. Последний пример демонстрирует идею тождества *кривого* и *левого*, о котором пишут Б.А. Успенский и С.М. Толстая [Толстая 1998 (а); Успенский 1982], так как единственный глаз одноглазого мифологического персонажа оказывается левым. Ср. также записанное на Житомирщине поверье о волке: *Як скаженний собака біжить, то зирни юму в правий бік, бо він правим гоком ни бачить, юму затулив те гоко Сус Христос, а в лівому – чорт сидить і ни затулив, то він на його (гоко ліве) бачить і як будиш з лівого боку стояти, то він може вкусити* [Гура 1997. С. 65]. Противопоставление *правого* и *левого* соотносится с широко распространенным поверьем, что за плечом у человека справа находится ангел, а слева бес (отсюда запрет плевать через правое плечо). Характерно в этом контексте представление о солнце как об одноглазом существе, причем согласно многим верованиям, солнце некогда имело два или более глаз, но было ослеплено и осталось одноглазо [Гура 1997. С. 283].

Другой аномалией по числу глаз является удвоение (*четырёхглазость*), которой наделяются в народном представлении некоторые мифологические существа (как опасные, так и персонажи-защитники). *Pies, który posiada «cztery oczy», tj. jasne lub ciemne plamy nad oczami uchodzi nieraz za obrońcę od różnych istot demonicznych, nawiedzających po nocach wsie, no i oczywiście od czarownic* («Четырёхглазая» собака, т. е. такая, у которой есть светлые или темные пятна над глазами, часто считается защитницей от демонов, посещающих деревню по ночам, и, разумеется, от чаровниц) [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1. S. 559]. *Wilkołak odróżniał się od reszty wilków. Był więc nich większy, miał... dwie pary oczu* (Волколак отличался от остальных волков, он был крупнее них и имел две пары глаз) [Baranowski 1981. S. 153]. *«Człowiek obracający się z własnej woli w wilka ma, jak chcą Białorusini, gdy przyjmie wilczą postać, posiadać czworo oczu: dwoje na czole, a dwoje na potylicy»* (Человек, который по своей воле может оборачиваться волком, по мнению белорусов, когда принимает волчий облик, имеет четыре глаза: одна пара находится на лбу, а другая – на затылке) [Moszyński 1967. Т. 2. Cz. 1.

S. 611]. Этот признак демонов заслуживает особого внимания в связи с семантикой числа два в народных верованиях [СД Т. 2. С. 21–25].

Особого внимания заслуживает такая аномалия, как косоглазие, которое, по приписываемым ему свойствам, во многом соотносится с кривизной. «Облик косоного нечистого духа (как и “кривого”) отличен от человеческого, “неполного”, принадлежит иному миру (черт часто крив: одноглазый, хромой). Косой дьявол не только необычен, уродлив, но и лжив, неправеден, неистинен, “перекошен” и внешне и внутренне» [Власова 1995. С.192]. *Powiadają na Litwie, że urokliwymi są ludzie zezowaci, w Płockiem, że ludzie, posiadający czarne i bystre tzn. przenikliwe oczy* (Рассказывают в Литве, что урочливыми являются косые люди, в районе Плоцка – что люди, у которых черные, и быстрые, «пронзительные» глаза) [Barthel de Weydenthal 1921. S. 6]. Косыми глазами часто наделяется Касьян (во многом благодаря созвучию *Касьян – косой*): *Касьяна считали одноглазым, косоглазым, от его «глаза» не отчитают ни попы, ни бабки-знахарки не отшепчут* [Новичкова 1995 С. 404]. Из-за своих косых глаз в число мифологических персонажей попадает заяц.

Иногда признаком демонического существа становится необычное, аномальное расположение глаз. *Веретильница – это гадюка без головы и хвоста, с том и глазами, расположенными под животом* [Гура 1997. С. 301]. Таким образом, рак переходит в разряд мифологических существ, так как его глаза расположены сзади.

Часто мифологические персонажи в зооморфном облике отличаются от обычного животного тем, что в их облике присутствует несоответствие – им приписываются глаза (или другие части тела) другого существа: *В окрестностях Загреба змеиный король – это огромная змея с петушиными ногами и глазами* [Гура 1997. С. 296]. *Водяной принимает облик чудовищной щуки. Иногда у такой щуки телячьи глаза* [Гура 1997. С. 753]. *Домовой: белка и белка! Но большая. Глаза светлые, как у кролика глаза* [Зиновьев 1987. С. 73, 74]. *Бытует убеждение, что у медведя человечьи глаза* [Гура 1997. С. 162].

Рассмотрев основные признаки, по которым глаза мифологического персонажа оцениваются как аномальные, мы можем методом исключения сделать выводы о том, какими признаками должны были обладать обычные глаза. Подвергаются мифологизации и становятся маркерами демонического существа, как правило, крайняя степень признака (полное отсутст-

вие / избыточность какого-либо элемента), удвоение, недостаточность (одноглазость), перекошенность (косой), несоответствие (наделение одного существа глазами, свойственными другому существу), аномальный цвет (характеризующий так или иначе внутреннюю природу персонажа). Соответственно, нормой является то, что не входит в отклонения, – усредненные, не привлекающие внимания признаки. Отсутствие у персонажей быличек аномалий глаз, однако, не является однозначным показателем принадлежности существа к «этому» миру, так как известны и другие признаки, позволяющие идентифицировать демона (например, водяного можно распознать по тому, что он оставляет после себя мокрые следы, и др.). В целом, данные мифологических рассказов подтверждают обыденные представления о глазах как о «зеркале души», так как именно глаза помогают выявить и распознать скрытую сущность персонажа.

Литература

- Афанасьев 1996 – *Афанасьев А.Н.* Мифическая связь понятий: света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи // *Он же.* Происхождение мифа. М., 1996. С. 234–252.
- Виноградова 2000 – *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
- Власова 1995 – *Власова М.* Новая абевега русских суеверий. СПб., 1995.
- Вятский фольклор 1996 – *Вятский фольклор.* Мифология / Сост. А.А. Иванова. Котельнич, 1996.
- Гура 1997 – *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Добровольский 1891 – *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1.
- Иваницкий 1890 – *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губ. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. 1890. Т. 69. Труды этнографического отдела. Т. 11. Вып. 1.
- Левкиевская 1999 – *Левкиевская Е.Е.* Демонология народная // *Славянские древности.* М., 1999. Т. 2. С. 51–56.
- Мифологические рассказы 1987 – Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. Зиновьев В.П. Новосибирск, 1987.
- Никифоровский 1907 – *Никифоровский Н.Я.* Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна, 1907 (Виленский временник. Кн. 2).
- Новичкова 1995 – *Новичкова Т.А.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.
- СД – *Славянские древности.* Этиолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995–1999. Т. 1,2.
- СМ – *Славянская мифология.* Энциклопедический словарь / Под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой. М., 1995.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров.* Л., 1965. Вып. 1.
- Толстая 1998 – *Толстая С.М.* Магические способы распознавания ведьмы // *Studia Mithologica Slavica.* Ijubliana, 1998. № 1. С. 141–152.

- Толстая 1998 (а) – Культурная семантика славянского *kriv- // Слово и культура. М., 1998. Т. 2.
- Успенский 1982 – Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Цивьян 2000 – Цивьян Т.В. Об одном классе персонажей низшей мифологии: «профессионалы» // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 177–192.
- Черепанова 1996 – Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О.А. Черепанова. СПб., 1996.
- Шумов 1991 – Былички и бывальщины (старозаветные рассказы, записанные в Прикамье) / Сост. К. Шумов. Пермь, 1991.
- Baranowski 1981 – Baranowski B. W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź, 1981.
- Barthel de Weydenthal 1921 – Barthel de Weydenthal M. Uroczne oczy. Lwów, 1921.
- Moszyński 1967 – Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. T. 2. Cz. 1.
- Tomicy 1975 – Tomicka J., Tomicki R. Drzewo życia (ludowa wizja świata i człowieka). Warszawa, 1975.

Вурдалак в народной культуре современной Греции*

Представления о покойнике, который не нашел успокоения после смерти и встает из могилы, вредит людям, домашнему скоту, пьет кровь, являются общими для всех народных культур. В новогреческой народной культуре традиционный образ «ходячего покойника» – вампира представлен несколькими мифологическими персонажами («вурдалак», «стихью», «шакал-душа»), основным из которых является вурдалак. Лексема «вурдалак» встречается с множеством диалектных вариаций: βρικόλακας, βρικούλακας, βρικόακας, βρεκόλακας, βροκόλακας, βρυκόλακας, βρουκόακας, βρουκούλακους, βρακόλακας, βιρκόλακας, βορκόλακας, βουρκόλακας, βουλκόλακας, βορβόλακας, βουρβόλακας, βουρβούλακας, βορβάλακας, βαρβούλακας, βαρβάλακας, βουρβούλ – Λακας, βόλακας, βουρδούλακας, βουρδόλακας, βορδόλακας, βορδούλακας, πρόλακας, βρικουλακάδης, βρικόλακισσα, βρικουλατσίνα, βουρβουλακίνα, βουλκόλακας, βρυόλακας, βρωκόλακοι, βουρκούλακας, βουλκούλακας, βαρβάλακας, βαρβούλακας, βυρκόλακας, βρουκουλάτς, βρικόлаτς, βρικουλάки, βρικόлаκис, βαρβάλακχας¹. Слово известно во всех трех грамматических родах, например, βρικόлаκας, βρικούлаκας, βρικόακας, βρεκόлаκας, βροκόлаκας, βρυκόлаκας и т. д. – м. р., βρικόлаκισσα, βρικόлаκίνα, βреколаκίνα, βρικουлаτσίνα, βουρβουлаκίνα и т. д. – ж. р., βρικόуλάки, βρικόлаки, βρικόлаκάки² и т. д. – ср. р. Термины мужского рода используются для обозначения персонажей мужского пола, женского – для обозначения персонажей женского пола, среднего – для обозначения детей, рожденных от вурдалаков, детей, ставших вурдалаками, или в качестве уменьшительно-ласкательной формы.

Согласно греческой филологической традиции, слово имеет несколько вариантов этимологии:

1. От «βούρκος» – «болото» и «λάκκος» – «яма»³.
2. «βορβόλακας» – от «μορμούληκη» – «страшилище, пугало»⁴.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Минпромнауки РФ №НПШ – 2141.2003.6.

3. От диал. (Крит) «βουρβούλας» – «пузыри, которые могут образовываться на краю ноздрей во время дыхания». Следовательно, «вурдалак» – большой пузырь, с телом, как мешок⁵.

4. От «*βρίκολος» < древнегреч. «βρίκελος» – «трагическая маска» + увеличительный суффикс – «акас»⁶.

Однако наиболее вероятным представляется вариант этимологии «βρικόλακας» от слав. *vrukolak* < *velku*⁷ – «волк».

Для обозначения вурдалака также используются лексемы: «λάμπασμα» (этимология слова восходит, вероятно, к «λάμπω» – «светить», так как вурдалаки имеют особые отношения с огнем), «φάντακας» (ср. «φάντασμα» – «привидение»), «ανεκαθούμενος» («сидящий с вытянутыми вперед ногами»), «σαρκωμένος» («с плотью»), «κατσίκας» (от «κασίκι» – «коза», так как вурдалаки могут появляться с козлиными ногами, рогами, покрытые шерстью), «καταχώνας» (эта лексема довольно распространена в южной Греции, особенно на островах, этимология восходит, вероятно, к *καταχώνας < καταχώνω – «погребать»), «καταχθόνιος» («подземный»), «Γούστρελος», «ντουσμάνης», «Καλαϊτιάουρας»⁸. На о. Тинос (Кикладские о-ва) вурдалаки называются именем другого мифологического персонажа – святочного демона – «καλικάντζαρου»⁹ («каликандзарь»). Это совпадение неслучайно, так как «каликандзарь» и вурдалаки как мифологические персонажи во многом сходны между собой.

В общей системе новогреческих мифологических персонажей вурдалаки занимают одно из центральных мест. Их можно было бы назвать одними из «ключевых» наряду с нереидами и «каликандзарами», которые различаются по своим основным функциям и признакам, но имеют много общих характеристик. Вурдалаки, нереиды и «каликандзарь» – наиболее известные в Греции персонажи народной демонологии, восходящие к древнегреческой мифологии. Более того, набор характеризующих их признаков является единым, однако в разных областях современной Греции эти признаки по-разному распределяются между указанными мифологическими образами. Наиболее тесные связи обнаруживаются между вурдалаками и «каликандзарами», и именно поэтому на Тиносе даже названия этих мифологических персонажей не различаются.

Нереиды, «каликандзарь» и вурдалаки имеют сходный генезис. Вурдалак по происхождению всегда является покойником, который при жизни вел себя неправильно, и после смерти его душа не может найти успокоения. Причины, по которым человек становится вурдалаком, можно условно разделить на пять основных категорий.

1. Вурдалаками становятся те, кто при жизни не соблюдал церковных ритуалов или много грешил:
 - 1.1 Те, кто согрешил несправедным отношением к церкви:
 - 1.1.1 не ходил в церковь,
 - 1.1.2 не причащался,
 - 1.1.3 был отлучен от церкви,
 - 1.1.4 воровал церковные предметы,
 - 1.1.5 облокотился на Святой алтарь.
 - 1.2 Грешники вообще:
 - 1.2.1 убийцы,
 - 1.2.2 самоубийцы,
 - 1.2.3 несправедливые, злые,
 - 1.2.4 ударившие родителей «рукой или ногой»,
 - 1.2.5 при жизни поссорившиеся и не успевшие помириться с родственниками, оставившие после себя врагов,
 - 1.2.6 незаконнорожденные дети.
 - 1.3 Некрещенные и нноверцы:
 - 1.3.1 некрещенные дети,
 - 1.3.2 мертворожденные дети (становятся вурдалаками только через 100 лет),
 - 1.3.3 вероотступники,
 - 1.3.4 исповедующие другую веру (особенно турки, цыгане).
2. Вурдалаками становятся покойники, по отношению к которым не были соблюдены (или были соблюдены неправильно) все похоронные обряды:
 - 2.1 Те, кто похоронен без соблюдения церковных обрядов:
 - 2.1.1 не отпевался и был похоронен «без попа и креста»,
 - 2.1.2 похоронен менее чем через сутки после смерти,
 - 2.1.3 остался без погребения (кроме убитых на войне).
 - 2.2 Покойник, в доме которого не соблюдались правила поведения:
 - 2.2.1 покойник, которого оставили одного¹⁰,
 - 2.2.2 покойник, через которого перепрыгнуло какое-либо животное (чаще всего кошка¹¹ или мышь),
 - 2.2.3 покойник, через могилу которого перепрыгнули человек или животное (причем, человек, даже по неосторожности переступивший через могилу, тоже становится вурдалаком).
 - 2.3 Покойники, если во время кончины они вели себя неподобающим образом:
 - 2.3.1 ругался при смерти,

- 2.3.2 которого в момент смерти обругал или пнул его враг.
- 3. Умершие не своей смертью:
 - 3.1 невинно убитые,
 - 3.2 жестоко убитые,
 - 3.3 все, кто умер «в пропасти, от ножа, ружья, пистолета, удушения, в поле, пустынном месте, у колодца или на дороге»¹².
- 4. Те, кто не успел закончить что-либо перед смертью:
 - 4.1 не успел выполнить свой долг,
 - 4.2 не успел осуществить свое заветное желание,
 - 4.3 последний в роду житель дома.
- 5. Те, кто долго не мог умереть:
 - 5.1 очень старые старухи и старики, которые долго не умирали,
 - 5.2 старухи и старики, которые при жизни заговаривались.

Кроме того, вурдалаком может стать отрубленная часть тела, чаще всего отрубленный палец¹³.

Происхождение нереид и «каликандзаров» в народной демонологии обычно неизвестно: это существа, которые постоянно обитают в определенном месте (горы, ручьи, пустынные места – для нереид и «нижний мир» – для «каликандзаров») и не имеют определенного происхождения. Если же их происхождение все же объясняется, то в этом случае нереидами и «каликандзарами» становятся опять же «заложные покойники».

- 1. Нереидами становятся покойники:
 - 1.1 невинно убитые¹⁴,
 - 1.2 умершие беременные женщины¹⁵,
 - 1.3 сестры Александра Македонского¹⁶, сбросившиеся в море со скалы или выпившие бессмертную воду / умывшиеся бессмертной водой¹⁷,
 - 1.4 дети, умершие до рождения (Нереиды забирают детей, умерших до рождения в результате выкидыша, вызванного тем, что через беременную женщину перепрыгнул человек или животное, чаще всего кошка¹⁸. Такие дети становятся нереидами),
 - 1.5 некрещеные младенцы.
- 2. «Каликандзарами» становятся:
 - 2.1 дети, родившиеся на Рождество (или на Новый год), особенно если они умерли до Крещения¹⁹, так как их зачатие произошло на Благовещение,
 - 2.2 некрещеные и те, кто был крещен неправильно (поп неправильно прочитал текст или гимн, крестный отец ошибся, читая Символ веры)²⁰,

- 2.3 умершие и похороненные без соблюдения необходимых христианских обрядов (не причастившиеся перед смертью, не погребенные и не отпетые)²¹,
- 2.4 самоубийцы²².

Покойники, превращающиеся в нереид и «каликандзаров», обладают признаками, характерными для генезиса вурдалаков. Все эти категории покойников могут превращаться как в «каликандзаров» и нереид, так и в вурдалаков.

Появления вурдалаков обычно ограничивается темным временем суток. Считается, что вурдалаки появляются каждую ночь, ровно в полночь, кроме субботы²³ или пятницы²⁴. В Ахладокампосе вурдалаки выходят по средам и пятницам²⁵, а в Мани существует разделение вурдалаков на «бросающихся», которые выходят каждый день, и «субботных», которые появляются только по субботам²⁶. Вурдалаки могут находиться в мире людей до утра, до восхода солнца, до первого пения петуха²⁷. Днем вурдалаки остаются в своих могилах. Если на вурдалака упадет солнечный свет, он может лопнуть²⁸ или не сможет войти обратно в свою могилу, пока снова не стемнеет²⁹. На о. Аморгос (Киклады) верят, что вурдалаки выходят и днем и ночью³⁰.

На о. Хиос время появления вурдалаков ограничивается третьим криком белого петуха, причем всех вурдалаков собирает их предводитель (*αρχηγός*), а затем разделяет по кладбищам и отправляет их «по домам»³¹. Процесс сбора всех мифологических персонажей с третьим криком петуха и наличие предводителя, распределяющего вурдалаков по кладбищам, схожи с описанием окончания пребывания в мире людей «каликандзаров», которые, как и вурдалаки, появляются в основном в темное время суток в период с Рождества до Крещения. «Каликандзаров» так же, как и вурдалаков, в последний день святочного периода с третьим криком петуха собирает их предводитель, рассаживает по ореховым скорлупкам и отправляет обратно в «нижний мир». «Каликандзарь», как и вурдалаки, наиболее активны ночью, поэтому считается, что в период с Рождества до Крещения нельзя выходить ночью на улицу, чтобы не стать жертвой злокозненных действий «каликандзаров».

На о. Самос считается, что вурдалаки появляются ровно в полдень³², как и нереиды, которые на полянах, в горах, у источников в это время начинают танцевать свой танец³³. Вурдалаки тоже могут появляться группами, танцевать свои особые танцы и распевать песни в сопровождении музыкальных инструментов³⁴.

По признаку места появления вурдалаки имеют сходство, с одной стороны, с нереидами, а с другой – с «каликандзарами». Вурдалаки так же, как нереиды, обитают в пустынных местах, заброшенных нежилых домах, на развалинах, в горах и ущельях³⁵. Или как «каликандзарь» заходят в деревню и проникают в дома своих родственников и друзей или в те дома, где нечисто курят ладан³⁶.

Описание внешнего облика вурдалака варьируется от региона к региону.

1. Вурдалак может появляться в образе антропоморфного персонажа, имеющего определенные характерные признаки:
 - 1.1 большой рост («в два, три, четыре раза больше обычного роста человека»³⁷);
 - 1.2 очень худой, состоящий только из костей и черной блестящей кожи³⁸;
 - 1.3 мертвец с разложившейся плотью, испачканный землей и грязью³⁹;
 - 1.4 выраженные физические недостатки:
 - 1.4.1 горбатый⁴⁰,
 - 1.4.2 с большими ногами, руками, губами⁴¹,
 - 1.4.3 с выступающими частями тела:
 - с надутым, выпирающим животом⁴² («его живот вмещает двадцать возов винограда»⁴³),
 - с выпученными глазами⁴⁴,
 - 1.4.4 с длинными острыми крючковатыми ногтями⁴⁵,
 - 1.4.5 без носа и ушей («Нос у них съедеи, на его месте есть только дырки. Ушей у них нет, на их месте тоже только дыры»⁴⁶).
2. Вурдалак может сочетать антропоморфные и зооморфные признаки:
 - 2.1 с человеческим телом и головой животного («У вурдалака тело человека, а лицо собаки, обезьяны или петуха»⁴⁷);
 - 2.2 с хвостом и рогами⁴⁸;
 - 2.3 с человеческим обликом, но передвигающийся на четырех конечностях, как животные, т. е. на руках и ногах⁴⁹.
3. Вурдалак как зооморфный персонаж может появляться:
 - 3.1 в облике диких животных, чаще всего кошек⁵⁰;
 - 3.2 превращаться в диких животных, огромных лягушек, собак, кошек, зайцев, летучих мышей⁵¹.
4. Вурдалак предстает в виде предмета или стихии:
 - 4.1 мешок, наполненный кровью⁵² или просто катящийся мешок⁵³;
 - 4.2 в виде тени⁵⁴;
 - 4.3 как огонь⁵⁵.

5. Вурдалак может появиться как невидимка – Невидимый персонаж⁵⁶:
- 5.1 присутствие его можно только почувствовать (когда он пьет кровь у живых людей);
- 5.2 увидеть его может только человек, обладающий магическими свойствами:
- 5.2.1 колдун, ведьма, «человек с легкой тенью», т. е. способный видеть нечистую силу,
- 5.2.2 человек, рожденный в субботу (опять же имеющий способность видеть нечистую силу);
- 5.3 увидеть его могут только животные.

Цветовые характеристики вурдалаков ограничиваются в основном пятью цветами: черным, белым, красным и очень редко желтым и зеленым. По частоте их употребления первое место занимает черный цвет. Вурдалаки бывают преимущественно черного цвета – покрыты черной кожей, черной шерстью, с черным лицом. Они превращаются в черных животных, ходят в черной рясе⁵⁷. Второе место занимает белый цвет: вурдалаки ходят в белых саванах⁵⁸, превращаются в белых котов, кошек, собак⁵⁹. Атрибут «красный» относится обычно не к вурдалаку в целом, а к какой-либо части его тела. У вурдалака красные глаза, красные ногти, красные длинные волосы⁶⁰. Помимо цвета крови, присущие вурдалаку признаки красного цвета могут быть связаны с цветом пламени и с представлениями о вурдалаке как об огне. В Антиссе на о. Лесбос верят, что вурдалаки бывают зеленого или желтого цвета⁶¹.

Определение «черный» используется также для описания «каликандзаров»⁶². «Каликандзарь», как и вурдалаки, считается нечистой, они воспринимаются как хтонические мифологические персонажи, для которых также характерен черный цвет. Еще одной общей цветовой характеристикой для «каликандзаров» и вурдалаков является красный цвет. «Каликандзарь» подобно вурдалакам могут иметь красные ногти и красные глаза. Оберегом и от вурдалаков, и от «каликандзаров» служит красная нить.

Цветовая характеристика «белый» часто используется в отношении nereid. Нереиды появляются в белых одеждах, превращаются в белых животных, чаще всего в кошек, зайцев и птиц⁶³.

По отношению к людям вурдалаки обычно совершают вредоносные действия. Они мучают людей, душат их, пьют кровь, проникают в дом и ломают домашнюю утварь и т. д. Вредоносные действия вурдалаков можно разделить на несколько групп.

- 1 Действия, основанные на непосредственном контакте с человеком:

- 1.1 пить кровь⁶⁴;
- 1.2 душить⁶⁵;
- 1.3 забрасывать камнями⁶⁶;
- 1.4 пугать⁶⁷;
- 1.5 появляться во сне и насылать кошмары⁶⁸;
- 1.6 охотиться за роженицами,
- 1.6.1 вызывать выкидыши у беременных женщин⁶⁹;
- 1.7 насылать болезни⁷⁰.
2. Действия, основанные на опосредованном контакте с человеком:
 - 2.1 бить, ломать домашнюю посуду и утварь⁷¹;
 - 2.2 есть, пачкать и разбрасывать муку, есть мучные изделия⁷²;
 - 2.3 пить и загрязнять воду, оливковое масло⁷³;
 - 2.4 насылать болезни на скот⁷⁴.

Действия вурдалаков не всегда имеют вредоносный характер. Вурдалаки могут помогать людям, особенно своим родственникам и друзьям, в частности, завершают незаконченные при жизни дела⁷⁵: рубят дрова, чинят башмаки, строят дом. Любимое повседневное занятие вурдалаков – починка обуви, а характерная для них любимая профессия – сапожник⁷⁶.

Некоторые из перечисленных действий, совершаемых вурдалаком, очень близки действиям «каликандзаров» и нереид. «Каликандзарь» проникают в дом через печную трубу, ломают домашнюю утварь и едят мучные изделия⁷⁷. На о. Аморгос действия вурдалаков описываются так же, как и действия «каликандзаров»: «Если у них не получается забраться в дом через дверь, они пытаются пролезть через разбитые окна, через дыры в стенах и крыше и через другие проемы. В доме они всячески вредят. Ломают мебель, утварь и вообще все, что найдут, переворачивают и разбивают пифосы с оливковым маслом, рвут одежду, выливают воду, гремят кастрюлями. Еще они хватают руками тесто и заливают его кровью, выпивают воду и масло из лампад»⁷⁸.

В Аноселице вурдалаков тоже описывают практически как «каликандзаров»: «Еще они проникают в дом, спускаясь по печной трубе. Там они всячески вредят. Они едят разную еду, мед, сладости, разный жир, масло и т. д. Пачкают муку, выливают сусло. Часто они стучат в окна или бросают через трубу камешки в огонь»⁷⁹. Любовь к муке, мучным изделиям, тесту и сладостям, приписываемая здесь вурдалакам, также характерна для «каликандзаров».

Считается, что вурдалаки имеют особое отношение к недоношенным детям, рожденным через семь месяцев. Вурдалаки принимают их в свой хоревод и заставляют петь вместе с ними⁸⁰. «Семимесячных детей»

(εφταπύγικα παδιά) любят также и «каликандзарь» (приглашают в свой хоровод, поют вместе с ними). Семимесячные дети могут становиться «каликандзарами». Эти поверья о некоторой связи недоношенных детей с «каликандзарами» служат основой для участия таких детей в обрядах типа «Μτασιλόγερο», совершаемых для отпугивания и изгнания «каликандзаров»

Как уже отмечалось, вурдалаки часто бывают связаны с обувью. Починка обуви⁸¹ не только типичная для них профессия и любимое занятие. Вурдалак, у которого остались дети, приходит, чтобы привести в порядок их обувь⁸². Элемент обуви является также одним из характерных атрибутов «каликандзаров», которые носят большие железные башмаки; этимология слова «каликандзар» некоторыми исследователями возводится к слову «башмак»⁸³. В этом, как представляется, находит выражение еще одна аналогия между «каликандзарами» и вурдалаками.

С другой стороны, такие злокозненные действия как «охотиться на рожениц», «вызывать выкидыши у беременных женщин» обычно приписываются нереидам, но могут выполняться и вурдалаками.

Обереги от вурдалаков являются общими способами для защиты от любых «нечистых» персонажей. Для этого можно применить крест (в любом виде), икону, прочесть «Отче наш» или любую другую молитву, воспользоваться связкой лука или чеснока⁸⁴. Специальными оберегами от вурдалаков так же как и от нереид, могут послужить нож с черной ручкой⁸⁵, хлеб⁸⁶. Вурдалаки, как и нереиды, не могут пройти через соленую (морскую) воду⁸⁷. Этим также можно воспользоваться для защиты. Чтобы уберечься от вурдалаков, за дверью кладут рыболовную сеть, завязанную красной ниткой⁸⁸. Красная нить может служить и оберегом от «каликандзаров».

Представления о вурдалаках занимают одно из центральных мест в греческой народной демонологии. Эти мифологические персонажи имеют большое функциональное поле, превосходящее рамки представлений о персонаже – вампире, выходящем по ночам из могилы и пьющем кровь у людей и животных. Можно сказать, что в греческой народной культуре функция вурдалака «пить кровь» занимает далеко не первое место. Вурдалак предстает в образе «ходячего покойника», который может как вредить, так и помогать людям.

Представления о вурдалаках часто переплетаются с представлениями о нереидах и «каликандзарах», причем в неравной степени – наиболее тесная связь обнаруживается между вурдалаками и «каликандзарами», так что в некоторых областях Греции могут даже взаимозаменяться названия. Нема-

ло весьма существенных аналогий обнаруживается в генезисе, внешнем облике и функциях этих мифологических персонажей.

Нами были рассмотрены только характерные признаки нереид и «каликандзаров», приписываемые также и вурдалакам, т. е. влияние, оказанное нереидами и «каликандзарами» на образ вурдалака в греческой народной демонологии, однако существует и обратное влияние или взаимосвязь этих трех мифологических персонажей, изучив которую можно было бы говорить о существовании некой единой группы мифологических персонажей, в которую входят нереиды, вурдалаки и «каликандзарь».

Примечания

¹ Μουζάκης Σ.Α. Οι Βρικόλακες, Δοξασίες, Προλήψεις και Παραδόσεις σε Καταγραφές από τους Αρχαίους – Βυζαντινούς και Μεταβυζαντινούς Χρόνους. Αθήνα, 1989. Σελ. 157–158.

² Ibid. Σελ. 14.

³ Точка зрения представлена: Λέων Αλλάτιος, μοναχός Μάρκος, Χριστόφορος Αγγέλου. См.: Μουζάκης Σ.Α. Op. cit. Σελ. 158–159.

⁴ Точка зрения представлена: Αδαμάντιος Κοραΐς, Ν.Γ. Πολίτης. См.: Μουζάκης Σ.Α. Op. cit. Σελ. 159.

⁵ Точка зрения представлена: Στυλιανός Δεινάκης, Στίλιων Κυριακίδης, Σίμος Μενάρδος. См.: Μουζάκης Σ.Α. Op. cit. Σελ. 159.

⁶ Μείζον Ελληνικό Λεξικό. Αθήνα, 1997. См. также: Μουζάκης Σ.Α. Op. cit. Σελ. 159.

⁷ Μείζον Ελληνικό Λεξικό. Αθήνα, 1997.

⁸ Μουζάκης Σ.Α. Op. cit. Σελ. 158.

⁹ Πολίτης Ν.Γ. Παραδόσεις, Τόμος Α'. Σελ. 615 και 1335; Ρωμαιοί Κ.Α. Μικρά μελετήματα. Θεσσαλονίκη, 1995. Οι Καλικάντζαροι σελ. 284.

¹⁰ Κάσσης Κ. Στοιχεία Λαογραφικής παράδοσης της Μέσα Μάνης. Αρεόπολη, 1997.

¹¹ Ibidem.

¹² Γιαννόπουλος Β.Δ. Το χωριό μου Κορφιάτισσα ή Κούστι. Αθήνα, 1994. Σελ. 51.

¹³ Μαντζουράνης Κ. Κυνοριακά παραδόσεις // Λαογραφία. Τόμος Δ' (1914). Σελ. 473; Βιον Σ. Χιακά παραδόσεις // Λαογραφία. Τόμος Θ' (1926). Σελ. 228.

¹⁴ Κωστάκης Θ. Θεότητες και δαιμονικά Τσκαωνίας // Λαογραφία. Τόμος Λ Γ' (1985). Σελ. 72.

¹⁵ Οικονομίδου Δ.Β. Αι περί Νεράιδων δοξασίαι και παραδόσεις του ελληνικού λαού // Επιστημονική Επετηρίς Φιλοσοφικής Σχολής, Περίοδος Δευτέρα. Τόμος ΚΔ'. (1975). Σελ. 342.

¹⁶ Представления о нереидах часто переплетаются с представлениями о горгонах – водных мифологических персонажах (русалках), живущих в море. Обычно считается, что это они – сестры Александра Македонского.

¹⁷ Οικονομίδου Δ.Β. Op.cit. Σελ. 342.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Μολίνος Σ.Α. Οι Καλικάντζαροι. Αθήνα, 1996. Σελ. 52. См. также: Πολίτης Ν.Γ. Op. cit.

²⁰ Μολίνος Σ.Α.. Op. cit. Σελ. 52.

²¹ Ibidem.

- ²² Ibidem.
- ²³ Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 15.
- ²⁴ Φλωράκης Α.Ε. Τήνος Λαϊκός πολιτισμός, Αθήνα, 1971. Σελ. 214.
- ²⁵ Αναγνωστόπουλος Ι.Δ. Λαγραφικά του Αχλαδοκάμπου. Αθήνα, 1985. Σελ. 109.
- ²⁶ Собственные записи автора. Полевые исследования в Мани проводились в марте 2000 г. и феврале 2001 г.
- ²⁷ Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 15.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ Ibid. Σελ. 16.
- ³⁰ Πολίτης Ν.Γ. *Op. cit.*; Τόμος Α'. Σελ. 574.
- ³¹ Μαντζουράνης Κ. *Op. cit.* Σελ. 474.
- ³² Δημητρίου Ν. Λαογραφικά της Σάμου. Τόμος Α'. Αθήνα, 1982. Σελ. 533.
- ³³ Οικονομίδου Δ.Β. *Op. cit.* Σελ. 344.
- ³⁴ Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 18.
- ³⁵ Αναγνωστόπουλος Ι.Δ. *Op. cit.* Σελ. 110.
- ³⁶ Διαλεκτός Ν. Νεοράδες – Καλλικάντζαροι – Βρικολακες στις Λεσβιακές παραδόσεις, Αθήνα, 1979. Σελ. 60.
- ³⁷ Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 17, 19.
- ³⁸ Ibid. Σελ. 17, 19, 20.
- ³⁹ Ibid. Σελ. 20.
- ⁴⁰ Ibid. Σελ. 17.
- ⁴¹ Ibidem.
- ⁴² Διαλεκτός Ν. *Op. cit.* Σελ. 58.
- ⁴³ Πολίτης Ν.Γ. *Op. cit.*; Τόμος Α'. Σελ. 582.
- ⁴⁴ Κάσσης Κ. *Op. cit.* Σελ. 58; Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 19.
- ⁴⁵ Φλωράκης Α.Ε. *Op. cit.* Σελ. 435; Λουκόπουλος Δ. Αιτωλικαί παραδόσεις // Λαογραφία. Τόμος Δ' (1914). Σελ. 450; Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 20.
- ⁴⁶ Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 19.
- ⁴⁷ Ibidem.
- ⁴⁸ Ibidem.
- ⁴⁹ Πολίτης Ν.Γ. *Op. cit.*; Τόμος Α'. Σελ. 601.
- ⁵⁰ Μπούτουρας Α. Προλήψεις του Ελληνικού λαού και ερμηνεία αυτών. Αθήνα, 1931. Σελ. 121; Συγκολλίτου Σ. Ο νεκρός εις την Ανασελίτσα // Λαογραφία. Τόμος ΙΑ' (1934–1935). Σελ. 407.
- ⁵¹ Πολίτης Ν.Γ. *Op. cit.*; Τόμος Α'. Σελ. 577, 578.
- ⁵² Σαραντή-Σταμούλη Ε. Προλήψεις Θράκης // Λαογραφία. Τόμος Ι Γ'. (1951). Σελ. 216.
- ⁵³ Πολίτης Ν.Γ. *Op. cit.*; Τόμος Α'. Σελ. 577, 604; Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 18.
- ⁵⁴ Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 17, 20.
- ⁵⁵ Ibid.; Πολίτης Ν.Γ. *Op. cit.*; Τόμος Α'. Σελ. 581.
- ⁵⁶ Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 17.
- ⁵⁷ Ibid. Σελ. 17–20.
- ⁵⁸ Ibid. Σελ. 18.
- ⁵⁹ Πολίτης Ν.Γ. *Op. cit.*; Τόμος Α'. Σελ. 578.
- ⁶⁰ Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 18–20.
- ⁶¹ Ibid. Σελ. 19, 20.
- ⁶² Μολίνος Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 57.
- ⁶³ Οικονομίδου Δ.Β. *Op. cit.* Σελ. 342.
- ⁶⁴ Διαλεκτός Ν. *Op. cit.* Σελ. 59.
- ⁶⁵ Βήκας Β. Έθιμα παρά τους βλαχοφρόνους // Λαογραφία. Τόμος ΣΤ'. (1917). Σελ. 187.
- ⁶⁶ Διαλεκτός Ν. *Op. cit.* Σελ. 61; Μουζάκης Σ.Α. *Op. cit.* Σελ. 25.
- ⁶⁷ Διαλεκτός Ν. *Op. cit.* Σελ. 61.
- ⁶⁸ Μπούτουρας Α. *Op. cit.* Σελ. 122.
- ⁶⁹ Διαλεκτός Ν. *Op. cit.* Σελ. 60.
- ⁷⁰ Ibidem.
- ⁷¹ Βήκας Β. *Op. cit.* Σελ. 187.
- ⁷² Μαντζουράνης Κ. *Op. cit.* Σελ. 472.

- ⁷³ *Διαλεκτός Ν. Ορ. cit. Σελ. 59.*
- ⁷⁴ *Βάου Ζαφείρης. Μαγείες – Γηγάματα. Λαϊκή θεραπευτική στη Μήλο. (1982). Σελ. 33.*
- ⁷⁵ *Διαλεκτός Ν. Ορ. cit. Σελ. 61; Κάσσης Κ. Ορ. cit. Σελ. 187. Ср.: Песнь о мертвом брате (Το τραγούδι του νεκρού αδελφού) // Πολίτης Ν.Γ. Εκλογαί από τα τραγούδια του ελληνικού λαού. Αθήνα, 1932.*
- ⁷⁶ *Μουζάκης Σ.Α. Ορ. cit. Σελ. 23, 30.*
- ⁷⁷ *Μολίνος Σ.Α.. Ορ. cit. Σελ. 59–66.*
- ⁷⁸ *Διαλεκτός Ν. Ορ. cit. Σελ. 60.*
- ⁷⁹ *Συγκολίτου Σ. Ορ. cit. Σελ. 407–408.*
- ⁸⁰ *Μουζάκης Σ.Α. Ορ. cit. Σελ. 25.*
- ⁸¹ *Δενάκης Σ. Το έθιμον των λέξεων βρικόλακας και βόρδονας // Λαογραφία. Τόμος Ζ΄. (1923). Σελ. 283.*
- ⁸² *Διαλεκτός Ν. Ορ. cit. Σελ. 61.*
- ⁸³ По мнению *Ν.Γ. Πολίτης* 'а слово «καλικάντζαρος» восходит к «καλός» («хороший») и «ταγγίον» («высокая обувь, которую носили византийские аристократы»). См.: *Μολίνος Σ.Α.. Ορ. cit. Σελ. 45.*
- ⁸⁴ *Μουζάκης Σ.Α. Ορ. cit. Σελ. Σελ. 31.*
- ⁸⁵ *Ibidem.*
- ⁸⁶ *Διαλεκτός Ν. Ορ. cit. Σελ. 62.*
- ⁸⁷ *Ρήγας Γ. Σκάθου Λαϊκός Πολιτισμός. Τεύχος Β΄. Θεσσαλονίκη, 1962. Σελ. 241.*
- ⁸⁸ *Μουζάκης Σ.Α. Ορ. cit. Σελ. 31.*

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВУРДАЛАКОВ, ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ ИХ С НЕРЕИДАМИ И КАЛИКАНДЗАРАМИ

Χαρακτηριστικά μυθολογических персонажей	Нереиды	Καλικαντζαροι
Όνομα		Вурдалаки называются «Καλικαντζαροι ¹ »
Γενεσις	Вурдалаками становятся люди, заколдованные Нереидами (Νεραϊδομαγεμειοι) ² , Невинно убитые после смерти становятся Нереидами ³	Младенцы, умершие некрещеными ⁴ . Дети, родившиеся на Святки, которых не окрестили до праздника Крещения ⁵ .
Όρος εμφάνισης	Вурдалаки появляются ровно в полдень ⁶	Уходят, когда три раза пропоет белый петух. Тогда предводитель их собирает, распределяет по могилам и посылает на кладбище ⁷
Όρος εμφάνισης	Ходят по горам и ущельям, пустынным местам, живут в разрушенных заброшенных домах, или в башнях ⁸	Заходят в деревню и ходят по домам своих родственников ⁹

Внешний облик	<p>Появляются они обычно танцую и распевая особые песни с музыкальным сопровождением¹⁰.</p> <p>Превращаются в черных и белых собак, котов, зайцев, волков, летучих мышей¹¹.</p>	<p>Это горбуны с большими ногами и длинными руками, как у медведя, и с черными ладонями. У них длинные когти¹², крючковатые, как серпы. Они дикие, как звери¹³. Ужасного вида, с большими губами, с худой мордой и надутыми глазами¹⁴.</p> <p>У них громадное тело с выпирающим животом¹⁵.</p> <p>Также они ходят стадами¹⁶.</p> <p>У них красные когти и длинные красные волосы¹⁷.</p> <p>У вурдалаков тело, как у человека, но лицо, как у собаки, обезьяны или петуха. Другие говорят, что они похожи на демонов, то есть у них большой пушистый хвост, на лбу закрученные рога и т.д.¹⁸.</p> <p>Ходит на четырех ногах¹⁹.</p>
Функции	<p>Охотятся на рожениц²⁰.</p> <p>У беременных вызывают выкидыши²¹.</p>	<p>Идет в дом и ест муку²².</p> <p>Входит через дымоходы в дома²³ и ложатся в очагах, им нравится есть тесто²⁴.</p> <p>Наиболее распространенный род занятий для вурдалака – сапожник²⁵.</p> <p>Если у них не получается забраться в дом через дверь, они пытаются пролезть через дыры и через другие проемы²⁶.</p> <p>В доме они всячески вредят. Ломают мебель, утварь и вообще все, что найдут, переворачивают и разбивают глиняные бочки с оливковым маслом, рвут одежду, выливают воду, гремят кастрюлями²⁷.</p> <p>Едят в доме разную еду, мед, сладости, разный жир, масло и т.д., пачкают муку²⁸.</p> <p>Семимесячных детей принимают в свой хоровод и заставляют их петь вместе с ними²⁹.</p>
Опознание	<p>Обычно их узнают люди, рожденные в субботу... или «люди с легкой тенью»³⁰.</p>	

Обереги	Нож с черной ручкой ³¹ . Под подушку клали кусочек хлеба ³² . Вурдалак не может пройти через соленую воду ³³ .	За дверью кладут рыболовную сеть, завязанную красной ниткой ³⁴ .
---------	---	---

¹ Ν. Πολίτης, Παραδόσεις, Α', Σελ. 615 και 1335. Κ.Α. Ρωμαίος, Μικρά μελετήματα, Θεσσαλονίκη 1995. Οι Καλικάντζαροι σελ. 284.

² Σ. Μουζάκης, Οι βρικόλακες, Αθήνα, 1989. Σελ. 11.

³ Θ. Κωστιάκης, Θεότητες και δαιμονικά Τοκωνίας, «Λαογραφία» τόμος ΔΓ' (1985). Σελ. 72.

⁴ Ε. Σαραντή-Σταμούλη, Προλήψεις Θράκης, «Λαογραφία» τόμος ΙΔ' (1952). Σελ. 186.

⁵ Σ. Μουζάκης, Ορ. Cit. Σελ. 12

⁶ Ν. Δημητρίου, Λαογραφικά της Σάμου, τόμος Α' Αθήνα 1982. Σελ. 553

⁷ Σ. Βίου, Χικαί παραδόσεις, «Λαογραφία» τόμος Θ' (1926). Σελ. 228. Κ.Γ. Μαντζουράνης, Κυνουριακαί παραδόσεις, «Λαογραφία» τόμος Δ' (1914). Σελ. 474

⁸ Σ. Μουζάκης, Οι βρικόλακες, Αθήνα, 1989. Σελ. 17

⁹ Σ. Μουζάκης, Οι βρικόλακες, Αθήνα, 1989. Σελ. 17

¹⁰ Σ. Μουζάκης, Οι βρικόλακες, Αθήνα, 1989. Σελ. 18

¹¹ Σ. Μουζάκης, Οι βρικόλακες, Αθήνα, 1989. Σελ. 19, см. также Ν. Πολίτης, Παραδόσεις, Α', Σελ. 577.

¹² Α. Φλωράκης, Τήνος, Λαϊκός πολιτισμός, Αθήνα, 1971. Σελ. 243 και 435.

¹³ Ν. Διαλεκτός, Νεράιδες – Καλικάντζαροι – Βρικόλακες στις Λεσβιακές παραδόσεις, Αθήνα, 1979. Σελ. 57.

¹⁴ Κ. Κάσσης, Λαογραφία της Μέση Μάνης, Τ. Β', Αθήνα 1981. Σελ. 186.

¹⁵ Ν. Διαλεκτός, Ορ. Cit. Σελ. 58.

¹⁶ Σ. Βίου, Ορ. Cit. Σελ. 228.

¹⁷ Δ. Λουκόπουλος, Αιτωλικαί παραδόσεις, «Λαογραφία», Τόμος Θ' (1926). Σελ. 450.

¹⁸ Σ. Μουζάκης, Ορ. Cit. Σελ. 19.

¹⁹ Ν. Πολίτης, Ορ. Cit. Σελ. 577.

²⁰ Α. Παπαμπαχίλ, Επετηρίς Λαογρ. Αρχείου, τόμος ΙΖ' (1964) Αθήναι, 1965. Σελ. 222 και Ν. Πολίτης, Ορ. Cit. Σελ. 583.

²¹ Ν. Πολίτης, Ορ. Cit. Σελ. 586.

²² Κ.Γ. Μαντζουράνης Ορ. Cit. Σελ. 472.

²³ Σ. Συγκολλίτου, Ο νεκρός εις την Ανασελίτσα, «Λαογραφία», Τόμος ΙΑ' (1934-1935) Θεσσαλονίκη, Σελ. 407.

²⁴ Β. Βήκας, Έθιμα παρά τοις βλαχοφώνοις, «Λαογραφία» Δ' (1914). Σελ. 187.

²⁵ Σ. Μουζάκης, Ορ. Cit. Σελ. 23, 30.

²⁶ Ν. Διαλεκτός, Ορ. Cit. Σελ. 60.

²⁷ Ν. Διαλεκτός, Ορ. Cit. Σελ. 60.

²⁸ Σ. Συγκολλίτου, Ορ. Cit. Σελ. 408.

²⁹ Σ. Μουζάκης, Ορ. Cit. Σελ. 25.

³⁰ Σ. Μουζάκης, Ορ. Cit. Σελ. 30 και Ν. Πολίτης, Ορ. Cit. Σελ. 558, 575.

³¹ Σ. Μουζάκης, Ορ. Cit. Σελ. 31.

³² Ν. Διαλεκτός, Ορ. Cit. Σελ. 62.

³³ Γ. Ρήγας, Σκάθου Λαϊκός Πολιτισμός, Τεύχος Β', Θεσσαλονίκη (1962). Σελ. 241.

³⁴ Σ. Μουζάκης, Ορ. Cit. Σελ. 31.

Содержание

От редколлегии	3
----------------------	---

История

<i>К.А. Кочегаров.</i> Российские публикации источников по истории русско-польских отношений последней четверти XVII в.	6
<i>А.А. Румянцева.</i> Положение сербской женщины в 1860-е годы (по свидетельству П.А. Ровинского)	27
<i>А.И. Мишина.</i> Проблема объединения Черногории и Сербии накануне Первой мировой войны	38
<i>Ю.В. Лобачева.</i> Югославянское движение в Южной Америке в 1914–1917 годах (по донесениям российского дипломата Е.Ф. Штейна)	49
<i>А.А. Силкин.</i> Борьба партий и группировок в Народной скупщине Югославии. 1919–1929 годы (К вопросу о характере сербского парламентаризма)	66
<i>Е.А. Волкова.</i> Триест и словенское население Юлийской Крайны в 1918–1941 годах	79
<i>Н.С. Пилько.</i> Национальные организации немцев в Словении в 30-е годы XX века	87
<i>С.В. Галушко.</i> Русская женская школа в Югославии (1920–1930-е годы)	93
<i>С.А. Карасев.</i> Балканы в военно-политических планах США 1941–1943 годов	106
<i>В.В. Волобуев.</i> Кризис 1956 года и зарождение политической оппозиции в Польше	122
<i>В.В. Волобуев.</i> Основные течения политической оппозиции в Польше в 1956–1968 годах	145

<i>А.В. Балакирева.</i> От генерального секретаря Якеша до президента Гавела: смена внешнеполитических приоритетов ЧССР (январь–декабрь 1989 года)	178
<i>Я.В. Шимов.</i> «Оппозиционный договор» между Чешской социал-демократической партией и Гражданской демократической партией и его роль в новейшей политической истории Чехии (1998–2002 годы)	192

Литературоведение

<i>И.Н. Прокофьева.</i> Баллада «Миорица» в истории румынской литературы XIX–XX веков (предварительные замечания)	206
<i>И.В. Ястребов.</i> Сборник стихов Йозефа Горы «Твой голос» (К вопросу об идейно-эстетических исканиях поэта)	216
<i>А.Е. Евстратова.</i> «Под раскаленным небом» Димитара Солева – первый македонский лирический роман	229

Языкознание, этнолингвистика

<i>Н.В. Серпикова.</i> К проблеме посессивного перфекта в болгарском языке	241
<i>О.В. Трефилова.</i> Редкие глаголы говорения в старославянском языке	252
<i>М.В. Ясинская.</i> Аномалии глаз как признак мифологического персонажа	259
<i>К.А. Климова.</i> Вурдалак в народной культуре современной Греции	274

Научное издание

**Проблемы славяноведения
в трудах молодых ученых**

Выпуск первый

Компьютерная верстка — С.А. Карасев

Обложка — С.А. Карасев

Сборник подготовлен к печати в редакционно-издательском
отделе Института славяноведения РАН

ИД №01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 14.10.2003. Печ. л. 18,3. Тираж 300 экз.
Заказ № 129 Цена договорная

Типография ИПТК «Логос» ВОС
129164 Москва, Маломосковская ул. д. 8

